

Макс Макс

ТВАРУ
ГОСПОДНУ

Представим себе, что в 50-60-е годы в нашем мире появилась магия, и вся дальнейшая история пошла не так, как мы знаем.

Глава 1

Некто Никто (Октябрь, 1974)

1

Кайданов задерживался. Это не могло не раздражать, но в данном случае ничего не меняло. Хотя, точность никогда не входила в число его добродетелей, достоинства, и недостатки Кайданова отношения к делу не имели.

Впрочем, как посмотреть.

Смотреть, действительно, можно было по-разному. Если бы Кайданов не был таким, каким он был, не суетился, не спешил, забывая между делом о времени, все могло бы сложиться иначе. Но таким уж человеком он был, кандидат физико-математических наук Герман Кайданов. Он и работать спешил, и жить, существуя в состоянии постоянного, едва ли не полового возбуждения. Впрочем, на жизнь и на «эти глупости» ему как раз времени и не хватало. Человек, что называется, горел на работе, понимая, однако, под этим словом все, чем занимался. А занимался он, в последнее время, очень опасными вещами. Крайне опасными в полном смысле слова «крайний».

«А может, ну его?» — подумал человек, растворившийся в тени у дома напротив. — «Горел, сгорел. Одним больше, одним меньше, какая для матери-природы разница?»

Но он лукавил, разумеется. Не было бы ему до Кайданова дела, не стоял бы сейчас здесь, как киношный шпик, а сидел дома, у телевизора и смотрел какой-нибудь фильм. «Адъютант его превосходительства», например. Или вот книжку еще можно было почитать, или водки выпить. Да, мало ли интересных дел найдется, если хорошо подумать?

«А чего думать? — дверь парадного напротив внезапно распахнулась, и на вечернюю улицу вывалился размахивающий руками Кайданов, что-то горячо рассказывающий молоденькой темноволосой девушке в светлом плаще. — Поздно думать, трясти надо».

«Вот ведь образец гомо сапиенса, — покачал мысленно головой человек, рассматривая тех, кого нежданно-негаданно взялся спасать и защищать. — Вот ведь, моральный урод, какой! Рядом с ним такое чудо, а он ей о седьмой серии своего дурацкого эксперимента рассказывает!»

«Так, ты, друг, для нее, что ли стараешься? — Спросил он себя, неожиданно сообразив, из-за чего, собственно, вылез из норки. — Ну-ну!»

Ему стало вдруг тоскливо и противно. Все, как всегда, сторонний наблюдатель Некто, который никто и звать которого никак.

Между тем, Герман и Лиса, увлеченные разговором — впрочем, говорил, кажется, один только Кайданов — отошли уже от дома, в котором жила их общая подруга, и двинулись в сторону Первомайской. Кайданов, надо думать, предполагал посадить Лису на автобус и отправиться домой — он жил неподалеку — чтобы, как велел молодым коммунистам на каком-то там, первом, что ли, съезде Комсомола, товарищ Ульянов, учиться, учиться, и учиться.

«Однако не выйдет, — с грустью подумал человек в тени, наблюдая, как оживает припаркованный в конце улицы старенький „Москвич“. — Это ты неправильно придумал,

гражданин Кайданов. Некоторым вещам, если и стоит учиться, то тихонечко. Тихо, совсем ти...»

Он не успел додумать мысль, вспыхнули фары — «Даже так!» — и машина тронулась, набирая скорость и стремительно нагоняя уходящих по улице людей.

«Кажется, я успел в последний момент», — мысль мелькнула, не задержавшись, а машина была уже рядом.

«Ах, ты ж! — его охватил мгновенный гнев, когда он понял, что они собираются сделать. — Суки!»

Трянуло, как изредка случалось, когда эмоции брали верх над разумом, и все закончилось, едва успев начаться. «Москвич» резко затормозил, прижавшись к тротуару и не доехав до обернувшихся на скрип тормозов Кайданова и Лисы буквально несколько метров. Погасли фары, распахнулась дверца, но выйти водитель уже не смог, безвольно опустившись обратно на сидение.

«Все, — устало усмехнулся человек, быстро выходя из тени. — Завод кончился. Несколько рефлексивных движений, и конец».

Ослепленный светом фар Кайданов попытался рассмотреть людей в машине, но, видимо, не смог и, отстранив, Лису, шагнул к «Москвичу».

«Ну что ж, любопытство не порок, неправда ли?»

2

— Не надо! — властный оклик остановил Кайданова, когда он был уже рядом с машиной. — Вы им ничем не поможете.

Герман повернул голову и увидел быстро подходившего к ним по как-то сразу опустевшей улице мужчину. Что-то в облике незнакомца Кайданову сразу же не понравилось, но понять, что это было, он смог только тогда, когда мужчина подошел вплотную, небрежным жестом захлопнув по пути дверцу машины.

— Идемте, — сказал мужчина, облика которого Герман рассмотреть никак не мог, несмотря на то, что тот стоял совсем рядом, и находились они в пятне света, падавшем сверху, от уличного фонаря. — Ну же!

Мужчина взял Кайданова под локоть и, с силой развернув, повел обратно к не успевшей еще придти в себя девушке.

— А что, собственно...? — спросил Кайданов, пытаясь остановиться и все время, оглядываясь через плечо.

— Ничего! — отрезал незнакомец. — Машина, и в ней два трупа. Неужто, никогда трупов не видели, Герман Николаевич?

— Что? Какие трупы? Что вы несете?! — Герман наконец вырвал руку и остановился, пытаясь рассмотреть незнакомца, и с ужасом понимая, что сделать этого не может. Он даже роста мужчины определить с уверенностью не мог. Человек этот, казалось, то был выше Кайданова, то ниже. Определенно Герман знал только одно, это — мужчина, однако не смог бы даже сказать, во что этот человек был одет.

— Вы кто? — спросил он требовательно. Впрочем, его требовательность являлась результатом растерянности.

— Никто, — в ответе мужчины прозвучала усмешка и, возможно (во всяком случае, так тогда показалось Кайданову) грусть. — Я, Герман Николаевич, никто, и это, вы уж поверьте, большое преимущество. А вот вы и Алиса Дмитриевна кто-то. У вас есть имена и адреса, и это плохо.

— Почему? — спросила Лиса. Голос ее сейчас резко изменился, неожиданно став низким и чуть хрипловатым, отчего у Кайданова ни с того ни с сего мороз по коже побежал.

— Вот, Герман Николаевич, — сказал странный незнакомец, и Кайданову снова почудилась усмешка, прозвучавшая в голосе этого непонятного человека. — Учитесь! Девушка о главном спросила. Не то, что вы!

— О главном? — Кайданов отступил на шаг и прищурился, пытаясь все-таки пробиться сквозь морок. Даже воздух завибрировал, и Лиса испуганно охнула и отступила в сторону, так он старался. Но все впустую. Морок не пропадал.

— О главном, — кивнул мужчина. — У нас мало времени, поэтому коротко. Конспективно, так сказать. Не тешьте себя иллюзиями, Герман Николаевич, это не физика и не парапсихология. Это магия, хотя, думается, вы об этом уже начали догадываться и сами, а вот Алиса Дмитриева, давно уже знает, только вам сказать стесняется. Ведь так?

— Это не ваше дело! — огрызнулась девушка.

— Правильно, — спокойно кивнул мужчина. — Не мое. Это дело компетентных органов, которым вас, собственно, и сдала небезызвестная вам Алина Заславская.

— Что? — такова поворота Кайданов не ожидал совершенно. Лиса, кажется, тоже.

— Ну что вы, как дитя малое! — уже откровенно усмехнулся незнакомец. — Вы же советский человек, товарищ Кайданов, должны понимать. Девушка стала свидетелем подозрительных антинаучных экспериментов и поделилась своими сомнениями с капитаном госбезопасности Гаврилюком, который за ней ухаживает. По-моему, вполне логично.

— Витька работает в КГБ? — быстро спросила Алиса.

— А вы думали он инженер-строитель? Ну не рассказывать же всем подряд, что он чекист?

— Постойте! — сказал Кайданов, беря себя в руки, но все еще нервно оглядываясь на замерший в нескольких метрах от них «Москвич». — Какое дело КГБ до моих исследований?

— Видите ли, Герман Николаевич, — мужчина сделал такое движение, как будто хотел вытащить из кармана сигареты, но передумал и остановил себя на полпути. — Даже если бы это была парапсихология, и то бы заинтересовались, а магия... Вы все-таки должны понимать. Впрочем, мы зря тратим время. В КГБ этими вопросами занимается отдел «И». Они ведут вас уже третий месяц. Сегодня должна была наступить развязка. Вас, Герман Николаевич, должен был сбить этот автомобиль, — мужчина кивнул на «Москвич» и снова повернул лицо, которое невозможно было рассмотреть, к Кайданову. — Вообще-то они ошиблись, и это, скорее, хорошо, чем плохо. Недоценили они вас, товарищ Кайданов, оно и к лучшему, но вот вас, Алиса Дмитриевна, они оценили вполне, и я не знаю, кому надо было бы больше сочувствовать, покойному гражданину Кайданову, или вам, не случись меня рядом.

— Вы серьезно? — Кайданов, как оказалось, взял себя в руки только отчасти. Он был ошеломлен, его физически трясло, и справлялся он с неожиданно рухнувшими на него обстоятельствами с трудом, если справлялся вообще. — Что вы такое...

— Угломнитесь, Кайданов, — жестко остановил его незнакомец. — Левона Аркадьевича помните?

— Левона? — удивленно раскрыл глаза Кайданов. — А вы знаете, где он? Я его уже сколько разыскиваю!

— Левона больше нет, — тихо сказал мужчина. — И, как он умер, я вам рассказывать не

стану. Это долгая история, а времени у нас в обрез. Скажу только, что умер он плохо. Люди так умирать не должны. Вот, держите, — он протянул Кайданову, неизвестно как и когда появившуюся в его руке толстую пачку денег. — Домой не заходите, уезжайте куда-нибудь подальше, но не к родственникам и не к близким знакомым. Перекантуйтесь как-нибудь хотя бы с неделю, а там, глядишь, что-нибудь и придумается.

— Что придумается? — спросил опешивший и, как будто лишившийся вдруг сил, Кайданов. — О чем вы?

— А мне что делать? — вот Лиса самообладания, кажется, не потеряла, но явно обиделась на Кайданова, который, за своими проблемами, совершенно о ней забыл.

— А вы пойдете со мной, — сказал незнакомец, совершенно не удивившийся ее вопросу. — Недалеко, но я не хотел бы, чтобы Герман Николаевич слышал наш разговор.

— Почему это? — встрепенулся задетый его словами Кайданов.

— Потому что вы, Герман Николаевич, человек талантливый, спору нет, но ненадежный. Помолчите! — человек поднял руку, останавливая готового начать препираться Кайданова. — Вам надо исчезнуть. А вопросы... Что ж. Вы уже видели «звездное небо»?

— «Звездное небо»? — недоверчиво переспросил Кайданов. — Какое...? Ах, вы это имеете в виду! Вы знаете, где это? Как получается?

— Как получается, — повторил за ним незнакомец. — Да, уж... получается. Впрочем, не важно. Действительно получается, и это главное.

— Так, вы тоже видели? — оживился угасший было Кайданов. — Видели? Можете сказать, где это? Откуда мы смотрим?

— Значит, видели, — незнакомец вопрос Кайданова проигнорировал. — Тогда...

— Вы не ответили на мой вопрос!

— А я не обязан отвечать на ваши вопросы, — небрежно бросил незнакомец. — Я и так делаю больше, чем надо. Но вернемся к «звездному небу». Выпейте водки, Герман, или вина, тут главное расслабиться, и смотрите на звезды. Ни в коем случае не отвечайте на вопросы, просто лежите и смотрите.

— На какие вопросы?

— Ни на какие! — раздраженно бросил незнакомец. — Если вдруг вас пригласят поговорить, молчите. Вам главное пробиться к «светлому небу». Выберите кусок черного и представьте, что выворачиваете его на изнанку, как кусок ткани. С вашей стороны ткань черная, а с обратной — белая. Поняли принцип?

— Ну... — не очень уверенно ответил Кайданов.

— Это не трудно, — успокоил его незнакомец. — У всех, получается, получится и у вас.

— А зачем?

— Затем, что вы увидите «светлое небо». Солнца там нет, но небо светлое. Туда вам, собственно, и надо. Вы поняли, Кайданов? Или надо повторять для особенно одаренных кандидатов наук?

— А что там? — упрямо спросил Кайданов, явно задетый за живое злой иронией незнакомца.

— Там Город, — тихо сказал незнакомец, произнеся слово «город» так, что сразу становилось ясно — писать его следует с заглавной буквы. — Пойдете по главной улице...

— То есть, как пойду?!

— Вы или заткнетесь, Кайданов, или мы с Алисой Дмитриевной уходим, а вы... Вы уж сами как-нибудь.

— Помолчи, Герман, — попросила Лиса таким тоном, какого Кайданов от нее в жизни не слышал. — Продолжайте, пожалуйста,... э...?

— Некто, — сказал незнакомец. — Раз, никто вам не подходит, зовите меня Некто.

— Продолжайте, пожалуйста, товарищ Некто, — попросила она.

— Пойдете по главной улице, — как ни в чем, ни бывало, продолжил незнакомец. — Она так и называется «Главная». Дойдете до торговой площади. Она называется «Торжище», но рынок не работает, впрочем, вам он без надобности. Справа откроется переулок, вернее крутая лестница вверх, туда и идите. Примерно на середине подъема увидите маленькую кофейню. Ее содержит человек по имени Гург. Спросите его о старике Якове. Яков ответит на все ваши вопросы. Это все. Вы меня поняли?

— Да, — Кайданов явно не был уверен, что все понял правильно, он вообще ни в чем сейчас не был уверен. — Но...

— Без «Но», Кайданов! — жестко остановил его незнакомец. — Последнее. Смотреть в «звездное небо» можно только там, где вы чувствуете себя в полной безопасности. И второе, последнее, специально для вас. В Городе никаких имен, адресов и прочей фактологии не озвучивать. Полное инкогнито. Пойдемте, Алиса!

Незнакомец легко и стремительно переместился к Лисе, подхватил ее под руку и увлек за собой. Все это произошло так неожиданно и быстро, что Кайданов не сразу даже понял, что происходит, а когда понял, было уже поздно. Он рванулся за незнакомцем, но догнать его и идущую рядом с ним девушку не смог. Они все время оказывались впереди, хотя Герман едва не бежал. В голове теснились тысячи вопросов, которые он должен был, но не успел задать таинственному незнакомцу. Впереди мелькали спины уходящих людей, но сколько Герман не напрягал силы, он не мог к ним даже приблизиться. А потом, Лиса и незнакомец миновали пятно света от уличного фонаря, вступили в тень и исчезли вовсе. Пораженный Кайданов остановился на ходу как будто его осадили. Он видел освещенную фонарями и светом из окон домов улицу из конца в конец, но ни загадочного мужчины, ни Лисы там уже не было. Вообще, как ни странно, на улице было тихо и пустынно. Ни души. Никто, Некто, никого. Кайданов оглянулся на оставшийся позади него «Москвич», но возвращаться не стал. Он вдруг с ужасом понял, что это не сон, а реальность, и, вернись он назад, в машине он найдет, как и сказал Некто, два трупа.

Кайданов опустил взгляд и посмотрел на все еще зажатую в руке пачку денег. В тусклом розоватом свете, пролившемся из окна над головой, он рассмотрел денежные знаки. Это были четвертные, и было их много, так много, что у него закружилась голова.

3

Девушка оказалась просто чудо. Все схватывала на лету и испуга не выказывала, хотя и боялась, конечно. И вопросов лишних не задавала, даже если они у нее были. И еще глаза...

«Как это называется? — спросил он себя. — Узкий разрез глаз? Господи, если ты есть, и это описание такого чуда?»

Высокие скулы, огромные, но узкого разреза зеленые глаза, полные четко очерченные губы... Красавица!

«И ты ее отпустишь?» — спросил он себя.

«А что я должен делать?»

«Ты еще пожалеешь!» — это было ясно и без того, чтобы «произносить вслух». Естественно, пожалеет.

«Да-да, пожалею. Пожалею и заплачу».

— Иди, — сказал он ей. — Иди. И постарайся уцелеть!

Она что-то почувствовала — «ведьма!» — и обернулась, но опоздала, он был уже за ее спиной. А потом Некто спрятался в тени ближайшего дома и, растворившись в ней так, как умел, вероятно, один только он, долго смотрел Лисе вслед.

4

Очнулся Кайданов только в поезде. Проводница начала разносить стаканы с чаем. Кто-то из попутчиков окликнул его, и Герман как будто проснулся от тяжелого полного пугающих видений сна, с удивлением обнаружив себя, лежащим на не застеленной верхней полке, в купе уносящегося в неизвестность поезда. Судя по всему, до этого момента он пребывал в полуобморочном состоянии. Во всяком случае, более или менее отчетливо прошедший день вспоминался только до того момента, как он услышал за спиной шум мотора приближающегося к ним с Лисой автомобиля, почти сразу сменившийся противным, дерущим за душу визгом тормозов. Все остальное тонуло в тумане. Помнился только властный голос незнакомца, возникшего из ниоткуда и в никуда затем исчезнувшего.

«Некто по имени Никто», — Кайданов напряг память, но, как оказалось, напрасно. Ни того, как он ушел с улицы Тургенева, ни того, как ехал в автобусе к вокзалу — ведь не пешком же он шел? — Герман вспомнить не смог. Припомнилось только размытое невнятное пятно дома Ипатьева, который он, вероятно, увидел из окна автобуса, и все. Зато слова страшного («Да, да, — признался себе Кайданов. — Страшного!») человека, сказанные на пустой («А почему, собственно, пустой, ведь не поздно еще было?») вечерней улице, звучали в его ушах так, как если бы, он услышал их только пять минут назад.

«Ужас! — подумал он, спускаясь с полки. — Мы попали в руки афериста!»

И в ту же секунду, вероятно, потому что ему пришлось расплачиваться за чай и постельное белье, Кайданов вспомнил о пачке денег, ощутимо оттягивавшей внутренний карман пиджака.

«Если там действительно деньги, значит...» — не додумав этой достаточно простой мысли, Герман сунул руку в карман и на ощупь вытянул из пачки одну купюру, но сдачи с двадцати пяти рублей у проводницы, естественно, не оказалось, и Герману пришлось выгребать из карманов брюк мелочь.

«Настоящие...» — Кайданов вышел в коридор, прошел к туалету, но там была очередь, а в тамбуре курили. Так что, не солоно хлебавши, то есть, не реализовав мгновенно возникшее у него острое желание рассмотреть всю эту гору денег, он вернулся в купе и присоединился к двум едущим в командировку средних лет теткам и отпускному подполковнику-артиллеристу, еще не старому, но уже почти совершенно седому. Попутчики уже разложили на столе снесь и принялись за поздний ужин, впрочем, как тут же подумал Кайданов, начинать путешествие без того, чтобы сначала перекусить, в России не принято.

— А вы, я вижу без вещей, — добродушно сказал подполковник, оборачиваясь, и обе женщины, устроившиеся на полке напротив, дружно посмотрели на Кайданова. — Да вы присоединяйтесь, товарищ, у меня на двоих хватит.

— Спасибо, — выдавил из себя улыбку Кайданов, присаживаясь рядом с военным. — Я не голоден.

Как ни странно, он действительно совершенно не испытывал чувства голода, хотя даже не помнил, когда в последний раз ел.

«Возможно, утром, — подумал он рассеянно. — Или я все-таки обедал в институте?»

Под любопытствующими взглядами попутчиков, Кайданов взял со стола упаковку с

двумя сахарными кубиками и, разорвав бумагу, опустил их в чай, который был, на его вкус, конечно же, жидковат, но зато оказался обжигающе горячим.

— Случилось чего? — сочувственно спросил военный.

— Случилось? — переспросил Кайданов, мучительно соображая, что соврать. Он ведь и, в самом деле, ехал в поезде без вещей и выглядел, надо полагать, не лучшим образом.

— Да, случилось, — сказал он наконец. — Тетка из Москвы позвонила...

Сказав это, Герман вдруг испугался, что не помнит точно на каком поезде и куда он едет.

«А что если это не московский поезд?»

— Дедушка умирает, — обреченно закончил он, надеясь, что с поездом не ошибся.

— Так ты, значит, так и подхватился? — Переходя на «ты», спросил военный.

— Она мне на работу позвонила, — пожал плечами Кайданов. — Мы поздно работаем. Ну я у ребят денег одолжил и напрямиком на вокзал.

— Ну и молодец! — хлопнул его по плечу подполковник. — Присоединяйся! Меня, между прочим, Борисом зовут.

— Герман, — протянул руку Кайданов.

Аппетита у него на самом деле не было совершенно, но Борис и женщины — экономист Варвара Гавриловна и инженер-конструктор Елена Евгеньевна — настаивали, и отказываться стало совсем уж неудобно. Так что следующие полчаса прошли в неспешном пустом разговоре с попутчиками, сопровождавшем трапезу, само собой, не ограничившуюся котлетами и пирожками с капустой, крутыми яйцами и прочей домашней снедью.

— Выпьем, — предложил подполковник, доставая из чемодана бутылку водки, и вот от этого предложения Кайданов не отказался бы даже из вежливости.

Ему было плохо. Это он только сейчас вдруг осознал, как ему плохо. В голове стоял туман, мысли путались, и водка представлялась замечательным средством, как от этого невнятного нездоровья, так и от тяжести на сердце, которую Герман чувствовал едва ли не впервые в жизни, и с непривычки, просто не знал, куда себя деть.

— С удовольствием.

5

Засиделись за полночь. Поезд ритмично стучал на стыках. За окном проносилась тьма, а в купе было тепло и уютно, и водка, которую Кайданов, вообще-то, не любил, уходила легко и незаметно, согревая тело и освобождая сердце от непривычной тяжести. Однако, после очередного возвращения из тамбура, куда они с Борисом выходили покурить «на сквознячок», они застали женщин уже в постелях. Свет был выключен, светились только синие ночные лампочки в изголовьях полок. Намек был, что называется, понятен без пояснений: пора спать. Они переглянулись, Борис пожал плечами, как бы показывая, что делать нечего, и, быстро допив оставшуюся в бутылке водку — там как раз и оставалось по четверти стакана на человека — стали устраиваться на ночь.

Кайданов встал на полку подполковника и, придерживая себя локтями, упертыми в верхнюю, стал застилать постель. Это и вообще-то — в раскачивающемся на ходу поезде — мероприятие непростое, но в данном случае процесс осложнялся еще и очевидным нарушением координации. Выпил-то Герман много, да и не закусывал почти. «На нерве» и за компанию пилось легко, однако сейчас, балансируя на ходившей ходуном полке, чувствовал он себя не очень уверенно, думая только об одном, как бы побыстрее застелить эту чертову постель и, забравшись в нее, наконец уснуть. Все-таки — с горем пополам — он

с этой задачей справился, не упав и ничего себе не разбив, что уже являлось немалым достижением, и исполнил в конце концов свое «заветное» желание: растянулся на покачивающейся в такт движению поезда полке и натянул на себя пахнущее какой-то химией казенное одеяло.

Внизу еще возился устраивающийся на ночь Борис, но Герман на это внимания не обращал, неожиданным образом отрешившись, отъединившись от окружающего его мира, и оказавшись, вероятно, впервые за те считанные часы, что прошли со встречи на улице Тургенева, наедине с самим собой. Как ни странно, он не заснул сразу, как случалось обычно в сильном подпитии. Однако и бодрствованием, в полном смысле этого слова, состояние Кайданова назвать сейчас было нельзя. Голова стала «легкая», необязательные мысли вяло ворочались в ней, не в силах привлечь его рассеянного внимания, и жесткая вагонная полка медленно кружилась — под ним и вместе с ним — или это кружился над Германом смутно различимый в размытом, как гуашь, мраке потолок купе? Кайданов лежал, убаюканный ритмом движения, фальшивым теплом, гулявшим в крови, и усталостью, которая, впрочем, не гнула, но властно прижимала его тело к жесткой полке. Лежал и смотрел прямо перед собой, зависнув в зыбком нигде между явью и сном.

В этом состоянии, может быть, даже легче, чем во сне, могли происходить и происходили совершенно невероятные вещи. И вот уже смутно различимый потолок, по которому гуляли невнятные блики неведомых огней, стремительно и плавно превратился в бездонное и бескрайнее звездное небо. Он как-то сразу, но не резко, раздвинулся, охватив все пространство вокруг Кайданова, исполнился глубокой бархатистой тьмы, подразумевавшей бесконечность, и мечущиеся отсветы пролетающих за вагонным окном неведомых огней превратились в неподвижные светила, различающиеся между собой, как и положено настоящим звездам, относительными размерами, цветностью и яркостью свечения. Их было много, но рисунок созвездий был Кайданову незнаком, хотя Герман полагал, что хорошо знает звездное небо северного полушария. Мог он, пусть и не безошибочно, представить себе — по картам, разумеется, — и ночное небо южных широт. Однако дело было в другом. Сейчас, в отличие от нескольких других случаев, когда Кайданов смотрел на «звездное небо», он был ошеломлен не тем, что видит «чужой» космос — или, быть может, свой собственный, но под необычным и непривычным углом — а грозной и тревожной красотой, неожиданно открывшейся перед ним. Потрясенный и восхищенный, переводил он взгляд с одной крупной звезды (сияющего льдистой голубизной кристалла) на другую — алую, пульсирующую, как маленькое гневное сердце. С одного созвездия, вызвавшего в памяти мгновенный образ молота и наковальни, к другому, похожему на схематическое изображение вставшего на хвост дельфина.

— Привет! — сказала ему крупная голубая, почти сапфирово-синяя звезда. — Ты кто?

— Я? — Кайданов растерялся, не услышав, а, скорее «почувствовав» этот вопрос. И вдруг отчетливо вспомнил предостережение, сделанное странным незнакомцем, то ли спасшим Германа от какого-то ужаса, то ли, напротив, погубившим, вырвав из привычной жизни и выбросив — одним лишь своим внезапным появлением — в никуда.

— Ты, — подтвердила звезда. — Ты ведь тут уже бывал?

«Ни в коем случае не отвечайте на вопросы, просто лежите и смотрите», — сказал Некто.

— Почему ты молчишь?

«Потому что, — Кайданов с трудом отвел взгляд от разговорчивого светила и заставил

себя смотреть в бесконечное пространство между звезд. — Как он сказал? „Выберите кусок черного неба и представьте, что выворачиваете его на изнанку“. На изнанку? А как это, на изнанку?»

Кайданов попытался представить, что перед ним не разверзшаяся в бесконечность бездна межзвездного пространства, а черная ткань или бумага, обратная сторона которой теоретически должна быть светлой. Но как можно вывернуть эту «ткань» наизнанку? Как это сделать? Это ведь даже не лента Мёбиуса, а какая-то бутылка Клейна[1] получается, и здесь следует...

Внезапно тьма обернулась светом, но не ярким, режущим глаза, а приглушенным, и Кайданов увидел перед собой небо осени, серое, пасмурное, но, с другой стороны... Это небо — и ведь он доподлинно знал, что видит перед собой именно небо — было совершенно пустынным. Ни солнца, ни туч или облаков, ни птиц. В нем не было ровным счетом ничего, за что мог уцепиться взгляд.

«Пустыня», — почему-то сразу же подумал Герман.

И в то мгновение, когда слово «пустыня» мелькнуло в голове, Кайданов почувствовал тепло, и сразу же понял, что все с ним и вокруг него изменилось самым драматическим образом. До этого момента он ничего, собственно, не чувствовал и даже не обращал на это свое «бесчувствие» никакого внимания. Вся его человеческая активность ограничивалась одной лишь способностью видеть и еще, быть может, «ощущать» обращенную к нему речь звезд, чем бы эти звезды на самом деле ни были. Однако сейчас Герман неожиданно обнаружил, что ощущения — все ощущения сразу! — вернулись к нему, и тотчас, словно повинувшись некоему беззвучному приказу, опустил глаза. Оказалось, что стоит он на занесенной песком земле перед широко распахнутыми городскими воротами. То есть это он так подумал, что это городские ворота, потому что никогда прежде ничего подобного не видел, разве что на иллюстрациях к Вальтеру Скотту и другим подобным книгам.

«Квентин Дорвард... Хозяйка Блосхольма... Или это был Хаггард[2], а не Скотт?»

Вправо и влево уходили высокие зубчатые стены, сложенные из крупных блоков желтовато-серого грубо обработанного камня, а прямо перед Кайдановым поднималась круглая башня, в которую, собственно, и были врезаны ворота с широко распахнутыми створками. За воротами лежало затянутое густой тенью пространство тоннеля, ведущего сквозь толщу массивной башни, но там, в конце темного прохода, угадывался дневной свет.

«Однако!» — Кайданов покачал головой и обернулся назад. Насколько хватало глаз, перед ним тянулись бесконечные пустынные пространства: желтый песок, серые камни, невысокие барханы и далекий, едва различимый взглядом темный силуэт какого-то замка или чего-то подобного на горизонте.

«Н-да», — Кайданов в задумчивости потер лицо ладонью и замер, удивленно уставившись на собственную руку. Темно синий рукав, того, во что почему-то оказался одет Кайданов, был расшит серебряной нитью и украшен по краю широкой малиновой тесьмой. Из-под рукава выглядывали белоснежные кружева манжет, скрепленных золотыми запонками с огромными бриллиантами, но вот рука в рукаве была, несомненно, его собственная, хотя в следующую секунду Кайданов в этом уже усомнился. У него никогда не было таких ухоженных — что называется, холеных — рук, с гладкой матовой, чуть тронутой загаром, кожей, длинными покрытыми лаком ногтями, и такого перстня на указательном пальце у него тоже не было. Кайданов отродясь не носил никаких колец или перстней, а такого — тяжелого, золотого, украшенного зелеными и красными камнями — он никогда

даже не видел.

Герман опустил взгляд еще ниже и обнаружил, что одет он в какой-то длиннополый сюртук — или как эта штука называется? — из темно-синего сукна, расшитого серебром, белую, всю в кружевах, рубашку и мешковатые синие же штаны, заправленные в высокие черные сапоги. Слева, на широком, украшенном чеканными серебряными бляшками поясе висела длинная шпага или рапира, но в холодном оружии, в отличие от тактических ракет, Кайданов тоже не разобрался. Он лишь отметил, что рукоять и полусфера («Как ее там?»), которая, по-видимому, должна была защищать руку, державшую оружие, богато украшены чернью.

«Что за...? — но у него даже подходящих слов не оказалось. — Что происходит?!»

Пойдете по главной улице...

«Пойти?»

Герман пожал плечами и неуверенно шагнул к воротам. Выходило, что незнакомец знал, что говорил, и, значит, ему, Кайданову, оставалось лишь последовать совету этого, черт знает, откуда взявшегося на его голову, таинственного Некто и отправиться на поиски старика Якова, кем бы этот Яков на поверку не оказался.

6

Если разобраться, полученные Кайдановым объяснения могли оказаться или исчерпывающими, или, напротив, совершенно недостаточными. Сразу за воротами начиналась довольно прямая улица, уводившая куда-то в глубину города, но была ли она той самой, о которой говорил Некто Никто, или нет, сказать было трудно. Улица была не особенно широкой, во всяком случае, на взгляд Германа она была узковата, чтобы называться «главной», а дома, ее образующие, никак не могли сойти за выдающиеся образцы архитектуры. Табличек с названием здесь не оказалось тоже, что было, вероятно, естественным для средневекового города — а город был, очевидным образом, средневековый — так что Кайданову оставалось только надеяться, что он не ошибся и все делает правильно.

Он шел по пустынной мощеной булыжником улице, полого поднимавшейся куда-то вверх, слышал стук своих подкованных сапог о камни мостовой, и рассматривал двух и трехэтажные дома, стоявшие слева и справа от него. По первому впечатлению, большинство из них были необитаемы, но при том отнюдь не выглядели заброшенными, и на руины похожи не были тоже. Потом улица сделала неожиданный поворот, и Кайданов увидел первого живого человека. Прямо в дверях высокого и узкого — два крошечных окна по фасаду — дома сидел в деревянном кресле молодой мужчина в белой рубахе до пят, какие носят арабы — Кайданов никак не мог вспомнить, как она называется, бурнус или галабия? — и курил трубку. На араба мужчина похож не был, он был рыжим и сероглазым, и к тому же держал в руке бокал с вином, а вот про то, что мусульмане вино не употребляют, Герман знал совершенно точно. Конечно, все знакомые Кайданову татары пили водку, то есть ее пили, в основном, мужчины, женщины, как и большинство других знакомых Кайданову женщин, предпочитали вино. Но, с другой стороны, эти татары точно так же, как и Венька Розенблат, ели и свинину, которая ни татарам, ни евреям вроде как тоже не полагалась. Однако еще с другой стороны, татары не арабы, а советские граждане и белых рубах до пят не носят.

— Здравствуйте, — сказал Кайданов, останавливаясь перед курильщиком. — Вы не подскажете, это «Главная» улица?

— Так, — коротко ответил мужчина и, утвердительно кивнув, с любопытством посмотрел на Кайданова.

— А Торжище?

— Там, — рыжий «араб» показал рукой, с зажатой в ней трубкой, вперед и вверх.

— Спасибо, — поблагодарил Герман и, неуверенно повернувшись, пошел дальше.

— Не за что, — сказал ему в спину человек, и тут до Кайданова дошло, что короткий их разговор происходил на двух разных языках: он, Кайданов, говорил по-русски, а рыжий — по-немецки, которого Герман отродясь не знал, но сейчас, вот буквально секунду назад не затруднился понять.

«Странно это... — он оглянулся. Мужчина неподвижно сидел в своем похожем на трон кресле, поставленном прямо в проеме двери, и на Германа уже не смотрел. — Очень, странно».

Кайданову никак не удавалось понять, что это за место, хотя, справедливости ради, следовало признать, что он не очень-то и пытался. Каким-то образом, если все увиденное здесь и вызывало у него удивление, то чувство это было очень слабым, притом, что умом Герман прекрасно понимал, что должен был бы сильно удивляться тому, что с ним происходит, как и тому, что он к этому настолько равнодушен.

Пройдя по улице еще метров двести, и не встретив по пути ни одной живой души, он неожиданно вышел на открытое место. По-видимому, это и была та самая рыночная площадь — «Торжище», о которой говорил Некто, однако, как тот и предупреждал, ни людей, ни торговли здесь не наблюдалось. Только закрытые лавки в высоких домах с остроконечными крышами, да пустые каменные столы, расставленные на больших гранитных плитах, которыми площадь была вымощена. Впрочем, нескольких людей Кайданов здесь все-таки увидел. На противоположной стороне площади, прямо на одном из каменных столов сидели несколько пестро и необычно одетых мужчин и женщин и что-то живо обсуждали, прикладываясь между делом к бутылкам темного стекла с длинными горлышками. На Германа ряженные никакого внимания не обратили, но и ему неудобно было стоять и глазеть на занятых разговором людей, а подходить ближе не было причины. Он только подумал мимолетно, что люди эти похожи на актеров массовки из нескольких разных фильмов про старые времена, вышедших из павильонов киностудии на перекур. Общее впечатление было такое, что одеты они были по моде разных эпох и разных народов. Однако мысль эта возникла и исчезла, почти его не встревожив. А в следующее мгновение Кайданов увидел справа от себя — между чуть раздвинувшими свои плечи домами — уходящую куда-то вверх узкую крутую лестницу, и, мысленно пожав плечами, направился напрямик туда, чтобы разыскать наконец этого старика Якова, который, если верить Некто Никто, и должен был ответить на все его вопросы.

Кофейню Гурга Кайданов нашел без труда. Примерно на середине подъема — отсюда Герман уже мог видеть далеко наверху конец лестницы — стены домов, сжимавшие с двух сторон крутые стертые ступени, немного раздвинулись, образовав нечто вроде крохотной площади. И слева, под вывеской «У Гурга», действительно, нашлась широко открытая дверь, а за ней и сама кофейня — погруженное в полумрак неизвестных размеров помещение с деревянными столами и трехногими табуретками вокруг них. Кайданов остановился, пытаясь рассмотреть, есть ли там люди — а о том, что это именно кофейня легко было догадаться по запаху свежесваренного кофе — и тут же обнаружил, что он на лестнице уже не один. Шаги за спиной прозвучали так неожиданно, что он даже вздрогнул и резко

обернулся назад. Буквально несколькими ступеньками ниже застыла внимательно, но без удивления рассматривавшая его девушка. Однако в следующую секунду Кайданов уже не был уверен, что это именно девушка. Существо, стоявшее перед ним, с равным успехом могло оказаться и мальчиком-подростком, но первое впечатление все-таки было таким, что это высокая, худенькая, стриженная и одетая под мальчика девушка. Узкие кожаные штаны, заправленные в короткие сапоги, длиннополый кафтан — «или эта штука называется камзол?» — который не позволял рассмотреть, есть ли у нее — или все-таки у него? — грудь, и так ли узки его бедра, как должно быть, если это все-таки парень, непокрытая голова с коротко стриженными черными волосами, и огромные карие глаза, внимательно и спокойно изучающие Кайданова.

«Нет, все-таки девушка...»

— Привет, — сказал Кайданов, чтобы что-нибудь сказать.

— Привет, — ответила девушка. Голос у нее оказался высоким, напоминающим звучание какого-то струнного инструмента. — Ты идешь в кофейню?

— Да, — кивнул он. — Вот захотелось, знаешь ли, выпить кофе.

— Ты... — она запнулась, но быстро нашлась и, как ни в чем, ни бывало, закончила фразу, назвав Кайданову свое имя. — Меня зовут Рапоза Пратеада.

— Гер... — автоматически начал отвечать он.

— Без имен, — резко сказала девушка и Кайданов вдруг сообразил, что зовут ее на совершенно незнакомом ему португальском языке Чернобуркой.

«Чернобурка... — оторопело сообразил он. — То есть, черно-бурая лиса... Лиса? Алиса?!»

— Да, — сказал он растерянно, пытаясь увидеть в этом то ли мальнике, то ли девочке хорошо знакомую ему Лису. — Извини, меня зовут... Фарадей.

— Фарадей? — девушка чуть приподняла брови. — Красивое имя, только почему на крыше?

— Потому что я люблю свежий воздух, — усмехнулся Кайданов, с облегчением понимая, что раз она здесь, значит, с ней все в порядке, во всяком случае, она на свободе.

— Пойдем, Фарадей, — ответно улыбнулась Лиса, возможно, подумав о том же самом, но уже имея в виду его самого.

Она поднялась на площадку, и они вместе вошли в кофейню Гурга. После дневного света, здесь было почти темно. Однако Кайданов все-таки рассмотрел двух людей, сидевших за столиком в углу. Кроме этих двоих в зале заведения никого больше не было, и Кайданов, подойдя чуть ближе, кашлянул, привлекая к себе внимание, и когда головы тихо разговаривающих людей повернулись к вновь прибывшим, вежливо поздоровался.

— Добрый день, господа, — сказал он, мимолетно удивившись тому, как легко сорвалось с его языка это непривычное, чужое слово, «господа». — Извините, что помешали вашей беседе, но мне сказали, что здесь я могу найти старика Якова.

— Иаков наверху, — сказал один из мужчин, сделав неопределенный жест рукой. — Музицирует.

Глаза Кайданова немного привыкли к полутьме и он смог наконец рассмотреть собеседника. Это был неопределенного возраста огромный мужик с темным изрезанным морщинами лицом и длинными светлыми волосами, в кожаном жилете, надетом прямо на голое тело и позволявшем видеть мощную мускулистую грудь и богатырские плечи и руки.

— Простите? — переспросил Кайданов. — Что вы сказали?

— Идите вверх по лестнице, — под стать фигуре был и голос человека, низкий и хриплый. — Он играет в соборе на верхней площади. На органе.

— Спасибо, — сказал сбитый с толку Кайданов, и они с Лисой поспешили вернуться на лестницу.

— Ты в порядке? — все-таки спросил он, когда они снова начали подниматься вверх по крутой с выщербленными ступенями лестнице.

— Да, — сразу ответила она, но в подробности посвящать его не стала. — А ты?

— Я тоже, — сказал Кайданов, но тут же понял, что совершенно не помнит, где он находился до того, как пришел сюда. Смутно вспоминался лишь бег по ночному городу, вокзал, где с огромной переплатой он купил билет на ночной поезд до Москвы и... черная дыра беспомощности.

«Наверное, сейчас я еду в поезде», — решил он.

— Ты...? — начал было Кайданов.

— Не надо, Фарадей! — остановила его Лиса. — Он же сказал, без подробностей.

— Ладно, прости, я просто...

«Я просто хотел поговорить с кем-то, кого я знаю», — понял Кайданов и вынужден был признать, что в словах таинственного Некто Никто имелась сермяжная правда о нем самом, Германе Кайданове. Теперь он и сам видел, насколько несерьезным, пустым человеком оказался на поверку, и ему вдруг стало стыдно и грустно.

«И она это тоже знает, — понял он. — И всегда знала, просто в той жизни это было приемлемо, а в этой нет».

Лестница вывела их на другую, просторную и безлюдную, площадь, на противоположной стороне которой стоял высокий, устремленный ввысь готический собор. Широкая мраморная лестница, сужаясь, вела к паперти — «Ведь, это называется папертью?» — к широко открытым, из резного темного дерева, дверям, под огромным круглым витражом из цветного стекла. К удивлению Кайданова на витраже была изображена шестиконечная звезда — «Магендовид?»[3] — но долго на этой мысли он не задержался, как уже случалось с ним в этом странном месте не раз, когда он встречался с необычными или незнакомыми ему вещами. Из распахнутых настежь дверей, из тьмы, заполнявшей внутреннее пространство храма, лилась на площадь величественная музыка, заставившая Кайданова замереть и забыть обо всем, о чем он только что думал. Кто-то играл там, внутри собора, на органе. Прежде Герману приходилось слышать органную музыку только в кино, и она никогда не производила на него никакого особого впечатления, как и классическая музыка вообще. Однако сейчас мощная и запредельно прекрасная в своей изощренной сложности мелодия буквально захватила все его существо, заставив переживать такие чувства, каких он, кажется, и не ожидал в себе найти. Сколько длилось это чудо? Как долго стояли они с Лисой посередине площади перед открытыми дверями храма? Кайданов этого не знал. В мире, где они оказались, не было солнца и, соответственно, не было теней, и узнать, сколько прошло времени, не имея на руке часов, было невозможно. Они пришли в себя — да и то не сразу — только после того, как музыка отзвучала, и наступила тишина. Еще какое-то время Кайданов чувствовал себя так, как будто только что вынырнул со дна океана и не вовсе понимает, где находится и что теперь должен делать, но одновременно он ощущал огромной силы чувство сожаления, утраты и разочарования тем, что волшебство растаяло, и теперь ему предстоит жить без этой музыки. Он посмотрел на Лису, но и она, похоже, тоже с трудом возвращалась в себя, и, возможно, впервые ему удалось увидеть так

много чувств на ее лице, хотя это и не было ее настоящим лицом.

— Пойдем? — спросил Герман, с трудом проталкивая звуки голоса сквозь вдруг пересохшее горло.

— Да, наверное, — ее голос звучал неуверенно и как-то напряженно.

Но никуда идти не пришлось. В тишине, упавшей на площадь, раздались гулкие шаги человека, выходящего из глубины собора, и они замерли в ожидании. Прошла, возможно, целая минута, прежде чем человек вышел из тьмы на свет. Это был высокий, чуть сутулый старик, одетый в длиннополый коричневый фрак и узкие бордовые штаны, заканчивавшиеся чуть ниже колен. На ногах у него были коричневые туфли на высоких каблуках, украшенные золотыми пряжками, и высокие белые носки. Под фраком была надета белая рубашка с кружевным жабо. Такие же пышные, но, как заметил теперь Кайданов, пожелтевшие от времени кружева опускались из рукавов, скрывая кисти рук почти до самых пальцев, узловатых и длинных.

— Вы Яков? — спросил Кайданов, с некоторой оторопью рассматривая узкое темное лицо, изрезанное глубокими морщинами и обрамленное длинными седыми волосами.

— Здравствуйте, молодые люди, — голос у старика оказался чистый и звучный, напомнивший Герману звук валторны, слышанный им как-то еще в студенческие годы, но поразило другое — глаза Якова. Они были ясными и светлыми, почти прозрачными, и, казалось, светились на темном, похожем на кору старого дерева лице.

— Ой, извините, — сказала Лиса. — Здравствуйте, уважаемый... — она запнулась, не зная, как продолжить начатую фразу.

— Иаков, — подсказал старик.

— Здравствуйте, Яков, — поздоровался Кайданов.

— Иаков, — поправил его старик, подчеркнув голосом это непривычное «иа» в начале своего имени.

— Да, конечно, — смутился Кайданов. — Иаков.

— А вы кто такие? — старик без стеснения рассматривал Кайданова и Лису, но создавалось впечатление, что он все про них давно знает.

— Меня зовут Фарадей, — представился Кайданов.

— И вы носите шпагу, — кивнул старик. — А вы, молодой человек?

— Я Рапоза, — сказала Лиса. — И я девушка.

— И носите меч, — усмехнулся Иаков, а Кайданов удивленно оглянулся на Лису и обнаружил, что эту-то деталь он каким-то образом пропустил. Лиса действительно была опоясана мечом.

— Это что-то значит? — спросила она.

— Возможно, — неопределенно ответил старик. — Под «светлыми небесами» многие простые вещи оказываются многозначительными, и наоборот. Зачем вы пришли?

— Один человек, — Кайданов вдруг понял, как глупо звучит его объяснение, но делать было нечего, ведь так все на самом деле и обстояло. — Один человек сказал нам, что вы можете ответить на наши вопросы.

— Кто? — коротко спросил старик.

— Он сказал, что его зовут Никто.

— Пойдемте, — старик плавно взмахнул рукой, приглашая следовать за собой, и, повернувшись, медленно пошел обратно в плотный до вещественности сумрак собора.

Переглянувшись, Герман и Лиса быстро поднялись на паперть и вошли вслед за

стариком под гупкие своды. На самом деле, здесь оказалось совсем не так темно, как казалось, глядя снаружи, но, тем не менее, им потребовалось какое-то время, чтобы глаза привыкли к полутьме. Они лишь смутно видели спину Иакова, уводившего их в глубину огромного зала, и лишь постепенно стали различать детали. К тому моменту, когда старик неожиданно остановился перед глухой каменной стеной, Кайданов уже увидел и вполне оценил роскошь внутреннего убранства собора. Он плохо разбирался во всех этих вещах, и поэтому не смог бы с уверенностью сказать, какой религии и какой эпохе принадлежал этот храм, но он был великолепен. Впрочем, додумать эту мысль он не успел.

— Сюда, — сказал старик и сделал такое движение рукой, как будто рисовал на стене прямоугольник. И в следующее мгновение Кайданов увидел в стене дверь, которой — он был в этом абсолютно уверен — еще секунду назад здесь не было.

Старик положил руку на бронзовую ручку и потянул на себя. С легким скрипом узкая и низкая дверь темного дерева отворилась, и Кайданов увидел за ней маленькую комнату с тремя креслами, расставленными друг против друга вокруг низкого восьмигранного столика.

— Входите, пожалуйста, — пригласил старик.

Кайданов оглянулся на Лису, пожал плечами и прошел мимо Иакова в комнату. За ним вошла Лиса, а за ней, закрывая за собой дверь, и старик.

— Садитесь, — он взмахнул рукой и в камине вспыхнул огонь, а в двух серебряных подсвечниках, стоявших на столике между кресел, загорелись свечи. — Прошу вас.

— Спасибо, — Лиса села первой, а после нее опустились в кресла и Кайданов со стариком.

— Итак?

— Что это за место? — спросил Кайданов.

— Это моя комната, — с усмешкой ответил Иаков, подчеркнув интонацией слово «моя». — Здесь мы можем говорить, не опасаясь, что нас подслушают. Впрочем, я думаю, вы хотели спросить не об этом, не так ли?

— Да, — вместо Кайданова сказала Лиса. — Фарадей имел в виду это место, этот город, все это, — сделала она охватывающий все вокруг жест.

— Не знаю, — покачал головой старик. — И никто не знает. Мы говорим «светлые небеса», но смысл этих слов лишь в том, что все мы видели другое небо, черное. Но там есть звезды, а здесь... Здесь нет солнца, молодые люди, но есть свет. Здесь никогда не бывает ночи, и сезонных изменений погоды здесь нет тоже. Тут, в городе, всегда тепло и светло, а в пустыне жарко, вот и все разнообразие. Город мы называем просто «Городом», а пустыню — «Пеклом».

— Но кто-то же должен был построить этот город! — возразила Лиса.

— Естественно, — согласился с ней старик. — Мы сами его и строим, милая девушка. Вот этот собор, например, создал я, а кофейню, в которой вы, наверняка, уже побывали, — Гург. Но, правда и то, что Город, как город, существовал всегда. Во всяком случае, даже самые старые его обитатели, пришли уже на готовое.

— Значит, — осторожно сказал Кайданов. — Раньше здесь кто-то уже жил?

— И да, и нет, — усмехнулся Иаков. — Да, потому что это самая правдоподобная версия, и за неимением других — кроме, быть может, божественного промысла — приходится довольствоваться ею. Но, с другой стороны, нет, потому что здесь нельзя жить, и никто в городе не живет. Сюда только приходят, чтобы рано или поздно из него уйти.

— Почему? — спросила Лиса.

— Возможно, — старик смотрел сейчас на нее серьезно и строго. — Возможно, потому что это иллюзорный мир, донна Рапоза.

— Ничего себе иллюзия! — удивленно воскликнул Кайданов, похлопав ладонью по старому лакированному дереву подлокотника.

— Если бы вы, молодой человек, смогли заглянуть в бредовые видения шизофреников, вы удивились бы материальности и, так сказать, «реальности» мира, в котором эти бедолаги существуют.

— Так мы что, по вашему, все с ума посходили? — в Кайданове закипало возмущение, он ожидал совсем другого разговора.

— Не думаю, — снова покачал головой Иаков. — Вероятно, это просто часть нашего Дара, я имею в виду, способность сюда приходить.

— Некто Никто сказал, что это магия, вы тоже так считаете? — Лиса вытянула перед собой руку и в ней неожиданно возник граненый стакан с чем-то, напоминающим вино. Она вздрогнула, сама, вероятно, испугавшись того, что сделала, но быстро взяла себя в руки и поднесла стакан к носу.

— Пахнет скипидаром, — удивленно сказала она.

— Всею на свете приходится учиться, — пожал плечами старик. — Этому тоже. Хотите, вина?

— Вина?

— Могу предложить еще водку, — усмехнулся Иаков. — Коньяк, но коньяк, честно говоря, выходит у меня средненький. Не наградил бог талантом. Впрочем, кофе и вино тоже так себе, а вот чай — вполне приличный. Хотите? Настоящий цейлонский!

— Давайте, — улыбнулась Лиса, осторожно поставив свой стакан на пол.

— Вам тоже? — повернулся к Кайданову Иаков.

— Да, спасибо, — Кайданов чувствовал себя скверно. Разговор, чем дальше, тем больше, ему не нравился, однако и уйти он не мог, хорошо понимая, что больше ему идти некуда и не к кому.

— Так что там с магией? — почти зло спросил он вслух.

— С магией? — старик извлек из воздуха две большие фарфоровые чашки, над которыми поднимался парок, и протянул их Лисе и Кайданову. — С сахаром, по две ложки на чашку.

— Спасибо, — сказала Лиса, принимая чай. — Но вы, кажется, начали говорить о магии.

— Да, — кивнул старик. — Фарадей, вы умеете передвигать вещи без помощи рук?

— Да, — неуверенно признал Кайданов, вспомнив вдруг, как с полгода назад, как-то вечером передвинул взглядом парковую скамейку у Городского пруда. — Да, умею, но это никакая не магия!

— А что тогда? — старик был само спокойствие, хотя не мог не видеть, что Кайданов на грани срыва.

— Все можно как-то объяснить, — с вызовом ответил Кайданов.

— Вы так думаете? — вежливо спросил Иаков и сам же ответил на свой вопрос: — Впрочем, вас так учили. Да и почитать в ваших Палестинах, наверное, особенно нечего.

— Ну я бы так не сказал, — обиделся за родину Кайданов. — Я читал Райта, Хэнзела, Сюдре, Прагта.[4] Вам достаточно? Если нет, так у нас и свои исследователи, слава богу, есть, не хуже ваших! Вы слышали о Бехтерева?[5] А статью Зинченко и Леонтьева читали?[6] А я, между прочим, читал и отчеты Турлыгина и Перова.[7]

— И как вам все эти Нинели Калугины и Розы Кулешовы?[8] Внушают осторожный оптимизм, как Александру Романовичу?[9]

— Что? — опешил Кайданов, который никак не ожидал, что старик Иаков настолько хорошо знаком с советской действительностью.

— Скажите, Фарадей, — мягко улыбнулся старик. — Только честно, чем вы двигали ту скамейку?

— Откуда вы...? — удивленно вскинулся Кайданов.

— Не важно, — отмахнулся Иаков. — Вопрос принципиальный. Вы же, кажется немного разбираетесь в физике, господин Фарадей. Откуда взялось столько энергии, и как она, по-вашему, была передана скамейке?

— Не знаю, господин Иаков, — Кайданов уже взял себя в руки и смог даже саркастически улыбнуться. — И древние люди не знали, что земля круглая. Ну и что? На то и существует наука, чтобы искать ответы на поставленные природой вопросы.

— Разумно, — кивнул старик. — Беда, однако, в том, господин Фарадей, что вы и такие, как вы, хотите применить научный метод к чему-то такому, что априори объектом науки являться не может.

— Почему бы? — скептически прищурился Кайданов, почувствовавший, что наконец-то оказался на твердой почве. О науке он мог говорить долго и много, и часто говорил.

— Потому что то, о чем мы сейчас с вами говорим, самим фактом своего существования опровергает непреложные законы природы, сформулированные столь любезной вам наукой, — спокойно объяснил Иаков. — И которые, в свою очередь, являются для нее, этой вашей науки, исходной точкой, базисом, аксиоматической основой.

— Что вы имеете в виду? — но, на самом деле, Кайданов уже понял, о чем говорит старик, и с неудовольствием констатировал, что, скорее, согласен с этим, чем наоборот.

— Закон сохранения массы и энергии, причинно-следственные связи, Ну и много еще чего по мелочам, — почти весело сказал Иаков. — Подождите! — поднял он руку. — Бог с вами и вашей скамейкой! Вот, донна Рапоза, насколько я знаю, может останавливать время, локально, разумеется, и ненадолго, но...

— Что?! — Кайданов резко обернулся к Лисе и с ужасом посмотрел ей в глаза. — Ты...?!

Но она могла уже ничего ему не отвечать. По тому безумию, которое плескалось сейчас в этих чужих, незнакомых ему глазах, Кайданов понял, что старик Иаков говорит правду.

«Господи! — взмолился он. — Господи! Если это правда, ведь это же...!»

Но думать сейчас о том, что означала эта правда, он не мог. Его охватил страх, самый настоящий животный страх, как если бы внезапно разверзся под его ногами Ад. И, вероятно, старик это понял. Лицо его стало строгим и даже, кажется, угрюмым.

— Добро пожаловать в Ад, — сказал он своим глубоким звучным голосом. — Но только это не конец, Фарадей, это начало, а вот каким будет продолжение зависит уже от вас самого.

7

Ребята ушли. И то сказать, задержались они здесь непозволительно долго. Однако у него самого было еще немного времени, и он сел за стол в кофейне Гурга и закурил сигару.

— Кофе будешь? — спросил из-за стойки Гург.

— С удовольствием, — в голове зазвучала новая мелодия, которую не хотелось отпускать. Это была совершенно новая музыка, и звали ее Лиса. — Ты же знаешь, как я

люблю твой кофе.

— Да, — улыбнулся Гург. — Знаю. Я непревзойденный мастер кофейной иллюзии, впрочем, та бочка с коньяком все еще не опустела...

— Тогда, пусть будет кофе с коньяком, — в свою очередь улыбнулся Некто, которого здесь звали Иаковом.

Он сидел за столом, глядел в затягивающий кофейню полумрак, но видел только Лису и слышал ее Музыка. Если бы он записывал все те мелодии, которые переполняли его душу, то та Музыка, что звучала в нем сейчас, превратилась бы в симфонию, которой, возможно, позавидовал бы сам Моцарт, но Некто свою музыку только исполнял, и только здесь, под «светлыми небесами».

— Что слышно? — спросил он Гурга, который, подойдя к столу, выставил перед ним большую чашку с божественно пахнущим кофе и серебряный стаканчик с коньяком.

— Американцы близки к созданию детектора, — Гург сел напротив и тоже закурил. Здесь он курил трубку, а там... Но Некто не хотел об этом думать, в его душе звучала Музыка.

— Подтвердилось участие англичан? — спросил он.

— Да, — кивнул Гург. — Англичане и израильтяне в деле. Возможно, так же японцы. Они работают сразу во всех направлениях, но успешно идет только тема детектора. Впрочем, Патриот всего не знает, и потом, он сильно ослабел в последнее время. Мои люди ищут кого-нибудь еще, но пока все впустую.

— В СССР тоже застряли с моделированием, — тихо сказал Некто. — Как ни пытаются, ничего не выходит. Впрочем, что с них взять, с материалистов? Они ищут то, чего нет.

— А ты случайно не русский, Иаков? — вдруг спросил, понизив свой голос почти до шепота, Гург.

— Тебе это надо? — Некто не обиделся на бестактный вопрос, он спросил именно то, что спросил.

— Не знаю, — с заметной тоской в голосе ответил Гург. — Просто хотелось бы, чтобы кто-то из своих закрыл мне глаза.

— Так плохо? — Некто смотрел на Гурга сочувственно, он знал о нем многое, о чем не догадывался и сам Гург.

— Не знаю, — пожал плечами тот. — Кому дано это знать, Иаков? Разве что богу... Но есть у меня нехорошее чувство, что скоро все кончится.

— Ты в СССР? — прямо спросил Некто.

— В Чехословакии, — Гург смотрел ему в глаза. — Придешь?

— Шепни мне адрес, предложил Некто. — Только тихонечко, на ухо. Я приду тебя навестить.

— Честно?

— Я всегда держу свое слово.

Гург чуть приподнялся, нагнулся, нависнув своим огромным телом над столешницей, и, приблизив толстые губы к поросшему седой щетиной уху старика, чуть слышно прошептал несколько коротких слов.

8

Лиса ушла, но Кайданову торопиться было некуда. Если честно, ему просто некуда было идти, но, главное, незачем. Пока она была рядом, ему вполне удавалось держать себя в руках, но, как только Алиса ушла, все, что Герман тщательно прятал от нее, а значит, и от себя

тоже, разом обрело свободу. И если попытаться сформулировать то, что он сейчас чувствовал, то самым подходящим определением для этого было бы слово «обреченность».

Это был конец. Ни о каком начале — чтобы там ни плел старый дурак Иаков — не могло быть и речи, потому что не с чего было начинать. Сегодня рухнуло все, чем Кайданов жил, что составляло стержень и смысл его существования, даже если сам он прежде об этом не задумывался. Кто же думает о сердце, пока оно исправно качает кровь? Абсурд! Но сейчас, бродя по городу, который на поверку оказался просто огромным, встречая множество странных людей, с которыми не мог и не хотел говорить, Кайданов смог наконец осознать весь ужас того, что открылось ему в разговоре со стариком, и оценить, глядя, как бы со стороны, истинные размеры произошедшей с ним катастрофы. В одночасье он потерял все: родину, дом, даже собственное имя, превратившись из гражданина, ученого, члена общества в бесправного изгоя, объявленного к тому же вне закона. Конечно, он не был первым, на чью долю выпали такие испытания. Но дела Кайданова, личные его дела обстояли даже хуже, чем у многих и многих несчастных, хотя бы, потому что он не мог — даже если бы захотел — предать, скажем, свою родину и стать новым «власовцем». С той стороны границы, как он теперь знал, дела обстояли не лучше, а возможно, даже и хуже. Ведь там он был еще и чужим. Оставалась, правда, одна маленькая лазейка в той стене, что выросла вдруг между ним и другими — обычными — людьми. Он мог закрыть глаза на жестокую правду того кошмарного мира, в котором неожиданно для самого себя оказался, на всю подлость того, что, оказывается, творилось вокруг него уже не первый год, и найти способ предложить свои услуги «родной коммунистической партии». Все-таки Кайданов, как ни крути, был кандидатом наук, мог бы и пригодиться. Вот только даже думать о таком, было противно. Это было, как сдать немцам и, спасая свою шкуру, пойти служить расстрельщиком в зондеркоманду. Однако, если не это, то, что ему, собственно, оставалось? Уйти в тайгу? Куда-нибудь в глухие места, которых достаточно еще оставалось и на Русском севере и за Уралом, и прятаться там, надеясь, что на его заимку не наткнутся сдуру какие-нибудь геологи, которые отправляются в путь за туманом, а не за длинным рублем? И это жизнь?! Но если не это, тогда что? Жалкое прозябанье в подполье, которого, впрочем, как сказал старик, на самом деле не существовало, и которое еще только предстояло создать, потому что даже с его, Германа, новыми талантами, в одиночку на нелегальном положении долго не продержаться, ни здесь, ни там. Нигде.

Все это действительно было ужасно. Впрочем, «ужасно» — не то слово, но лучшего у Кайданова просто не нашлось. То, что с ним случилось, являлось настоящей человеческой трагедией, из тех, о которых раньше он только читал или слышал, а теперь вот сам стал ее участником. Да, нет, куда там! Не участником, а главным действующим лицом. Но, если всего этого было мало, то теперь, когда бессмысленная ярость, бушевавшая в его сметенной душе, несколько перекипела, выяснилось, что самым тяжелым для Кайданова оказалось все-таки не то, что он превратился в бегущую мишень, а то, что с сегодняшнего дня он навсегда был отлучен от науки. Когда это наконец окончательно дошло до него, у Кайданова просто ноги подкосились. У него не оказалось сил даже заплакать, а стоило бы, наверное. Потому что, так уж сложилось, что наука являлась главным в его жизни, и, если со всем остальным — даже с потерей Лисы — можно было, если не смириться, то все-таки как-то жить, то без единственного по-настоящему любимого дела жизнь Кайданова просто теряла смысл и содержание. Она лишалась ценности, вот в чем дело. Зачем жить, если твое существование сводится лишь к нормальному функционированию биологической системы под условным

названием «Герман Кайданов»?

Трудно сказать, чем бы все это закончилось, останься Кайданов еще хотя бы на минуту в городе под «светлыми небесами», но неожиданно пустынная улица, по которой он брел без смысла и цели, вздрогнула и поплыла перед глазами. Воздух стал густым и вязким, как патока, и дышать им стало невозможно, а дома и камни начали стремительно терять материальность, выцветать и превращаться в сизый бесформенный туман. Метаморфоза произошла настолько внезапно и имела настолько драматические последствия, что в душе Германа вспыхнула неконтролируемая паника, мгновенно вытеснившая все другие чувства. И в этот момент до Кайданова донесся чей-то голос, но что говорил человек, скрытый от него туманом, разобрать было невозможно.

9

— Ну ты и спать, мужик, — весело сказал Борис, когда Кайданов наконец очнулся и, еще не вполне понимая, где он, и что с ним происходит, сел на полке, вернее попытался сесть, потому что тут же больно приложился макушкой о низкий потолок. — Просыпайся, Герман, труба зовет!

— Который час? — очумело, оглядывая освещенное солнцем купе, спросил Кайданов.

— Почти девять, — хмыкнул с интересом рассматривающий его подполковник. — Одевайся, давай, пока бабцы наши на моцион подались.

Еще не вполне «проснувшись», но, уже вспомнив, где он и почему, Кайданов тяжело вздохнул и, достав из багажной сетки кое-как сложенные ночью брюки и рубашку, стал одеваться, хотя, видит бог, лежа на верхней полке, делать это было очень неудобно. Тем не менее, еще через минуту, он был готов и слез вниз.

— Пить надо умеючи, — подмигнул ему подполковник. — Но особенно важно опохмеляться вовремя и правильно. Держи! — и он протянул Кайданову стакан с налитой в него на четверть водкой. — Ну!

— Спасибо, — вымученно улыбнулся Кайданов, взял стакан и залпом выпил противную, с сивушным запахом водку.

— Закуси! — Борис протянул ему пирожок с капустой, и в этот момент их глаза встретились. У подполковника были карие глаза на выкате, но дело было не в их цвете или форме. Дело было в том, что сейчас на Кайданова смотрели глаза больного зверя, сильного, опасного, но несчастного, раненого, едва ли не умирающего.

Секунду они так и стояли друг против друга — Кайданов с пустым стаканом в руке и протягивающий ему мятый пирожок подполковник — стояли и смотрели друг другу в глаза. Потом Борис отвел взгляд и тихо — почти шепотом — сказал:

— Не делай этого больше, парень, и не таких, как ты, во сне брали.

Глава 2

Рапоза Пратеада (сентябрь, 1999)

1

Август проснулся, едва взошло солнце. Просыпаться в темноте он не любил и давно уже взял себе за правило вставать с первыми лучами восходящего над долиной солнца. Так и поступал, даже если накануне отправился в постель за полночь и не один. Август взглянул мимолетно на продолжающую тихо спать Веронику. Она была прекрасна в своей юной наготе, но принадлежала прошедшей ночи, и в планах наступающего дня ей места не было. Он накрыл спящую девушку шелковой простыней цвета небесной голубизны, и встал с кровати, поставленной в беседке прямо посередине южного парка. Трава под ступнями еще

хранила прохладу ночи и была чуть влажной от скудной росы, но благоухающий ароматами цветов и плодов апельсиновых деревьев воздух уже прогрелся. День обещал быть жарким, и Августа это радовало. Он любил тепло и легко переносил жару. Не одеваясь, он быстро и бесшумно пробежал между деревьями, миновал поляну, на которой играли маленькие лисята, и оказался на берегу обширного озера, вернее, пруда, образованного двумя плотинами на неширокой речке, протекавшей через его владения. Не останавливаясь, Август оттолкнулся от земли, взлетел и, задержав себя в воздухе, медленно поплыл над водной гладью. Теплый ветерок овеивал тело, внизу сверкала отраженным светом прозрачная, как хрусталь, вода, а на востоке, над высокими деревьями Охотничьего леса вставало солнце, напомнившее Августу — своим цветом и величавой медлительностью — одну старую мелодию, к которой он не возвращался уже много лет. Тень сожаления промелькнула в душе, но он не дал ей задержаться, прервав полет, и нырнув с высоты нескольких метров прямо в манящую прохладой глубину. Глядя сверху, покрытое золотым песком дно казалось близким, но, на самом деле, глубина здесь была внушительная, достигая восьми метров в самом центре чаши пруда. Пройдя насквозь толщу воды, Август коснулся руками дна, зачерпнул и тут же выпустил из рук песок, устилавший дно, развернулся и, не медля, устремился вверх, навстречу сияющему в солнечных лучах небу. Набранная скорость была так велика, что он пулей вылетел из воды, поднявшись в высоком прыжке метра на два, как раз достаточно, чтобы перевернуться и вновь упасть вниз, в нежные и прохладные объятия воды.

Примерно через полчаса, вполне насладившись водной стихией, Август выбрался на берег и, вызвав камердинера, устроился в кресле на солнышке, с удовольствием ощущая, как под ласковыми его лучами высыхают кожа и волосы. Утро было чудесным, и все вокруг радовало зрение и слух, но сердце было беспокойно, и он знал почему. Тревога коснулась Августа еще накануне в полдень, и он искренне удивился, полагая, что такая малость, как очередной ходок, перед которым он, разумеется, даже не откроет дверей, не должна была его беспокоить. Однако волнение не утихло, а, напротив, нарастало по мере того, как настырный этот человек приближался к воротам замка, и, следовательно, Августу давно пора было задуматься над причинами такого отношения к этому вполне заурядному событию.

«Надо бы на него взглянуть, — решил он, вынимая из воздуха уже раскуренную трубку. — Возможно, все дело в том, кто пожаловал ко мне на этот раз».

Появился, сопровождаемый двумя слугами, камердинер. И не успели они втроем завершить не столь уж сложную процедуру облачения его светлости князя Августа в легкий по случаю жары дневной туалет, как на берег озера едва ли не опрометью прибежал его личный куафёр, сопровождаемый непременно малчиком-подмастерьем, и поспешно начал выкладывать из объемистого кожаного несессера на деревянный раскладной столик свои многочисленные принадлежности.

— Прикажете подавать завтрак, ваша светлость? — с вежливым поклоном осведомился мажордом, подошедший сразу же вслед за парикмахером.

— Да, Нестор, благодарю вас, — благосклонно улыбнулся Август. — Я буду завтракать на западной галерее.

Все-таки он сдержал мгновенное желание тут же броситься на стену, чтобы проверить свое предположение. Он был терпелив и сначала позволил куаферу побрить себя и привести в порядок свои длинные золотистые волосы, затем, неторопливо вернулся в замок, в котором не был со вчерашнего вечера, поднялся на западную галерею, уселся за накрытый стол, и

только тогда позволил себе отправить прочь толпившихся за о спиной слуг. Осмотрев стол, Август сам наполнил бокал красным вином, пододвинул ближе серебряную вазочку с засахаренными фруктами и достал еще одну зажженную трубку, как если бы устраивался в ложе перед спектаклем, который желал смотреть, не отвлекаясь на пустяки.

«Ну что ж, — сказал он себе, нарочито оттягивая мгновение, которого не могло дожждаться растревоженное сердце. — Посмотрим».

Он поднял взгляд. Перед ним лежала цветущая долина, переходившая, затем, в предгорья Западного хребта, и наконец горные массивы самого хребта, увенчанные остроконечными пиками, сверкавшими на солнце белизной вечных снегов.

«Красиво», — кивнул он мысленно и одним мановением руки стер раскинувшийся перед ним ландшафт, открыв окно в постылую реальность.

Теперь Август увидел совсем другой пейзаж. Сразу за стенами замка начиналась мертвая пустыня. Ровная серая с мертвой желтизной равнина простиралась во все стороны насколько хватало глаз, и лишь далеко-далеко на западе глаза Августа были способны различить стены Города, но никаких деталей, разумеется, рассмотреть отсюда не мог даже он. При виде Города что-то дрогнуло в душе, но в следующее мгновение Август перевел взгляд на того, кто вторые сутки упорно шел к нему через дышащие смертельным зноем пески, и ему стало не до Города и не до его обитателей.

«Это несправедливо! — понимал ли он в эту секунду, к кому обращает свои слова? Скорее всего, нет. — Я этого не заслужил».

У него едва хватило воли, чтобы оторвать взгляд от бредущего через Пекло путника и взмахом руки, вернуть на место утраченный было чудный вид на Западный хребет. С минуту Август сидел неподвижно, закрыв глаза и не обращая внимания на продолжавшую дымить трубку. Затем медленно поднял веки, взглянул на стол, неуверенно поднял бокал, отпил немного вина, пыхнул несколько раз трубкой и наконец позвонил в колокольчик, вызывая слуг.

— Я буду в Северной башне, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Проследите, чтобы меня никто не беспокоил. Часа в три по полудни, к воротам придет гонец. Впустите его, накормите и напоите, дайте отдохнуть, и, когда он будет готов к разговору, дайте мне знать и накройте ужин на двоих.

После этого, так и не притронувшись к еде, Август встал из-за накрытого стола и быстрым шагом направился в кабинет, находившийся на самой вершине восьмигранной Северной башни.

2

После мертвого жара пустыни, не позволявшего — хоть головой о камни бейся — создать даже стакана воды, круглый мраморный бассейн, наполненный сладкой прохладной водой, источавшей тонкий аромат цветущих лилий, мог показаться раем на земле. Лиса окунулась в воду с головой, медленно всплыла и в два плавных, ленивых взмаха, достигла края бассейна. Там на серебряном блюде живописным натюрмортом были разложены спелые желтые груши, источающие дивный аромат, едва не лопающиеся от переполняющего их сока персики, и совершенно невероятные вишни, такого размера, цвета и вкуса, какой можно встретить, только в Причерноморье или Средней Азии.

«Бахчисарайский фонтан, прямо-таки, — усмехнулась она мысленно, опуская в рот очередную вишню. — Вот подлец!»

Вылезать из воды не хотелось совершенно, но время — деньги, как говорят на Западе, а

в ее случае, время — это, зачастую, кровь, так что тянуть с разговором, раз уж ей первой и пока единственной выпала такая удача, было бы глупо. Лиса все-таки съела еще одну вишню, но после этого решительно вылезла из воды и стала оглядываться в поисках своей одежды.

— Эй! — крикнула она так ничего нигде и не обнаружив. — Эй, кто-нибудь?

— Что желает, ваша милость? — служанка появилась за спиной Лисы настолько бесшумно, что Лиса ее не услышала до тех пор, пока та не заговорила.

— Да, — кивнула Лиса. — Мне нужна моя одежда и, после этого, я буду готова встретиться с господином князем.

— Как будет угодно, вашей милости, — снова поклонилась женщина и, выпрямившись, громко хлопнула в ладоши.

Ее хлопок еще не успел отзвучать в гулком купольном зале с бассейном, как в противоположной стене открылись двустворчатые двери, и из них по направлению к Лисе потянулась довольно длинная процессия молодых женщин, каждая из которых несла на вытянутых руках один какой-нибудь элемент одежды.

«Целая „делегация“», — раздраженно подумала Лиса, рассматривая женщин в длинных платьях, идущих к ней плавным церемониальным шагом. Впрочем, раздражение ее возросло многократно, когда она рассмотрела, что именно несли эти служанки, похожие на баронесс.

— Я сказала, — громко произнесла Лиса, поворачиваясь к той служанке, которая пришла первой и осталась стоять за ее спиной. — Я сказала, что мне нужна моя одежда!

— Никак невозможно, — коротко ответила служанка и снова поклонилась.

— Вы будете ужинать с его светлостью, и ваш облик должен соответствовать порядкам, принятым в его доме, — объяснила она сухо через секунду, так и не разогнув при этом спины.

«Сукин сын!»

— Я не умею это носить, — сказала Лиса, рассматривая какие-то шелковые панталоны, которые, судя по всему, должны были доставать ей до колен.

— Это не сложно, ваша милость. «Извращенец!»

3

— Я князь Август, — он был высок и великолепно сложен, и лицо у него было под стать фигуре и роскошному одеянию. Такие лица хорошо смотрятся на золотых монетах, хоть в анфас, хоть в профиль.

— Я князь Август, — сказал он звучным баритоном. — С кем имею честь?

— Рапоза Пратеада, — представилась она, стараясь не думать о том, как выглядит в искристом атласном платье с глубоким декольте и прочих «аристократических» штучках и тряпочках. — Благодарю вас, князь, что согласились меня принять.

— Не за что, — усмехнулся он красивыми точно очерченными губами, в то время как его серые глаза оставались убийственно спокойными.

«Равнодушный ублюдок», — подумала она, уже понимая, что, по-видимому, все зря. Людям с такими глазами глубоко наплевать на все, что непосредственно их не касается, а не касается их почти все.

— Прошу вас, донна Пратеада, — он сделал приглашающий жест в сторону стола и первым шагнул к стулу с высокой спинкой, поставленному у ближайшего к нему конца. Так что Лисе, волей не волей, пришлось пройти довольно большое расстояние, прежде чем она достигла второго такого же стула приготовленного с другой стороны стола, очевидно, именно для нее.

Слуга в синей с золотом ливрее помог ей сесть, а другой подошел сбоку с хрустальным графином, наполненным рубиново-красной жидкостью:

— Немного вина, ваша милость?

— Да, спасибо, — кивнула она.

— Не обращайтесь на них внимания, донна Пратеада, — с улыбкой сказал Август, принимая из рук слуги бокал с вином. — Люди выполняют свою работу, только и всего.

— Я понимаю, — она пригубила вино, которое оказалось выше всяческих похвал и, не выдержав чопорного начала разговора, съязвила: — У вас замечательное вино, князь. Это с ваших виноградников?

— В какой-то мере, — он был совершенно невозмутим. — Что слышно в Городе?

— Смотря, что вас интересует, — вот это уже был разговор. — Бывали там?

— Бывал, — как ни в чем, ни бывало, ответил Август. — Но давно.

— А как давно? Я потому спрашиваю, — объяснила Лиса. — Что не знаю, о чем именно вам рассказывать.

— Лет пятнадцать, я думаю, — спокойно ответил Август, как бы размышляя вслух. — Или что-то в этом роде. Вы уже бывали там в то время?

— Да, — кивнула она. — Я давно в Городе.

— Так, что нового? Или все по-старому?

— И да, и нет, — осторожно ответила Лиса. — В целом, все по-прежнему, только люди еще больше боятся друг друга. Впрочем, кое-кто, по-видимому, хорошо знает, кто есть кто. Этим легче.

— Ну это не новость, — усмехнулся Август. — В Городе, как в Городе, личины, а не люди, маски вместо души, и ложь на каждом шагу.

«А ты, оказывается, философ!»

— Появились новые лица, исчезли старые, — сказала она вслух. — Я думаю, за пятнадцать лет персонажи обновились процентов на семьдесят, впрочем, точных данных у меня, разумеется, нет.

— Люди смертны, — пожал широкими плечами Август. — Бессмертны только боги. Кто из известных людей оставил этот мир?

— Трудно сказать, — теперь пожала плечами Лиса. — Я ведь не знаю, кто вам знаком.

— Нерон? — спросил Август, сделав вид, что не заметил ее дешевой уловки.

— Насколько я знаю, — сказала Лиса. — Нерон был убит в 1993 году в Квебеке.

— Агасфер? — по-видимому, земные даты были известны Августу не хуже, чем ей, как, впрочем, и географические названия.

— Вероятно, умер. Он не приходит уже лет пять, или шесть.

— Конфуций? Аарон? Калигула?

«Его задело, поняла она. — Он их действительно знал».

— Конфуций не приходит уже лет десять, — сказала она. — Но о его судьбе ничего определенного неизвестно. Говорят, он сменил личину. Это возможно?

— Иногда, — коротко ответил Август, но объяснять ничего не стал.

«И бог с тобой», — решила Лиса.

— Аарона убили в восемьдесят девятом, — сказала она.

— Аарона? — удивленно поднял брови Август. — Кто?

— Израильтяне, кто же еще, — горько усмехнулась Лиса, вспоминая так и оставшегося для нее безымянным Аарона. — В декабре восемьдесят девятого, в Тель-Авиве.

— Город отстроили? — Август снова был совершенно спокоен.

— Говорят он не сопротивлялся, — осторожно сказала Лиса, которая знала, что называется, из первых рук, как погиб Аарон.

Туарег, который в восемьдесят первом учил ее драться, оказался не случайным свидетелем драмы, разыгравшейся на улице Шенкин в северном Тель Авиве поздним вечером восемнадцатого декабря 1989 года. Аарон назначил ему встречу в кафе, но опоздал, что случалось с ним редко, если случалось вообще. Туарег поужинал и допивал уже вторую чашку кофе, когда на улице появился Аарон. Он шел медленно, как будто просто прогуливался, а не шел на заранее условленную встречу, на которую к тому же уже сильно опаздывал. Где-то на полпути к кафе, в котором сидел Туарег, к Аарону подошел какой-то человек и разнес «королю Израиля» голову, стреляя практически в упор из какого-то крупнокалиберного пистолета. При этом один из сильнейших колдунов мира подпустил убийцу на расстояние вытянутой руки, никак на быстрое — а какое бы быстрое оно ни было! — движение, поднимающего оружие киллера, не отреагировал и защитить себя, кажется, просто не пытался.

— Говорят он не сопротивлялся, — сказала Лиса. — Никто не знает, что там произошло на самом деле, но он убит. Калигула тоже убит. Американцы вычислили его базу в Бразилии, и уложили туда семь крылатых ракет. Он как раз был в Городе, когда это случилось и продержался достаточно, чтобы успеть обо всем рассказать.

— Печально, — но по виду Августа трудно было понять, насколько опечалили его эти известия. — А что с Иаковом?

— Вероятно, умер, — тихо ответила Лиса, для которой Иаков был не просто знакомым человеком.

— Значит, никого из Первых[10] осталось?

— Да, — кивнула Лиса. — И поэтому я пришла к вам.

Но Август ее прямое обращение просто проигнорировал.

— Что происходит на Земле? — спросил он. К еде князь так и не притронулся, как, впрочем, и Лиса. Лишь покуривал трубку и пил вино.

— В каком смысле?

— В прямом. Что в это время происходило на Земле?

— Вы, что...? — но она даже не смогла сформулировать свою мысль до конца, потому что такого не могло быть.

«Он, что, хочет сказать, что не был на Земле пятнадцать лет?»

— Не хотите, не отвечайте, — любезно предложил Август и сделал глоток вина.

«Великие слова».

— Вам про какие страны рассказывать? — обреченно спросила Лиса.

— Не знаю даже, — пожал он плечами. — Европа уже объединилась?

— Да, в девяносто шестом году.

— Вся? — пыхнул трубкой Август.

— Вся, кроме Англии, — Лиса вдруг почувствовала, что у нее пересохло горло, и выпила несколько глотков вина, а потом достала себе дрянную болгарскую сигарету «Шипка» — единственный сорт, который удавался ей без «брака» — и тоже закурила.

— А Англия? — спросил Август, рассматривая ее сигарету с видимым интересом.

— Англия еще в девяностом объединилась с США.

— Забавно, — усмехнулся Август. — Возвращение блудной матери, или я чего-то не

понимаю?

— Да уж, — усмехнулась Лиса, вспоминая заголовки газет того времени.

«Это вы, товарищ князь, еще мягко выразились. У нас грубее писали».

— Август, — она ожидала, что он как-нибудь, но отреагирует на то, как она к нему обратилась, однако князь только усмехнулся. На самом деле, поняла она вдруг, ему все равно. — Август, мы в тупике. В сущности, — она замолчала, собираясь с силами, потому что одно дело знать и совсем другое — сказать об этом вслух. — Еще немного, и можно будет считать геноцид свершившимся фактом.

— А может, оно и к лучшему? — тихо ответил Август. — Знаете, как говорят? Нет человека, нет проблемы.

— И вам никого не жаль?

— А людей, какими и мы когда-то были, вам не жаль? И ведь среди них наши с вами родные и близкие.

— Я знаю эту теорию, — покачала она головой. — Но разве нет другого пути?

— О чем вы, донна Рапоза? — холодно улыбнулся Август. — Вы что на самом деле верите в мирное сосуществование волков и ягнят?

— Почему бы и нет? — она знала, что говорит глупости, но, если их не говорить, придется сказать себе: «иди, и застрелись!»

— Потому что против нас действует фактор численности и времени, — ровным голосом объяснил Август. — При нашей численности нам просто не хватит времени, чтобы убедить самих себя и людей, что мы можем сосуществовать. Что происходит на Земле? Есть какие-то изменения в модус операнди?[11] Или все по-прежнему?

— Все по-прежнему, — вынуждена была признаться Лиса. — Нас нет и никогда не было. Этот вопрос просто не обсуждается. Причем везде, во всех странах мира. Газеты, радио, телевидение... Нигде ничего. Правда, иногда, что-то прорывается в Интернет, но...

— Что такое Интернет? — с интересом спросил Август.

— Глобальная сеть, — попробовала объяснить Лиса. — Все компьютеры объединены в сеть и...

— Ах, да, — кивнул он успокаиваясь. — Припоминаю. Сколько вас?

«Вас?!»

— Кто это может знать? — развела она руками. — Когда-то Иаков полагал, что где-то сотая доля процента. Я слышала и другие цифры, но, в любом случае, не более миллиона, и мы ведь не знаем сколько и где погибает наших каждый божий день. Такой статистики нет.

— Единого подполья тоже нет?

— Нет, конечно. Первые пытались когда-то, но их уже нет. Нет лидера, нет идеи, нет надежды.

— Значит, конец, — кивнул он, и Лисе показалось, что какое-то чувство все-таки промелькнуло в этих красивых равнодушных глазах.

— Вы так спокойно говорите об этом... Вы нам не поможете? — спросила она прямо.

— Нет, — покачал головой Август. — Я вам, Рапоза, не помощник. Мне жаль, но вы зря шли через «Пекло».

— Это последнее слово? — Лиса знала, что слово последнее, но спросить-то она могла? Ведь, надежда умирает последней, не так ли?

— Последнее, — понимающе кивнул он. — Что-то еще?

— Да, — неожиданно для самой себя сказала она, еще не вполне понимая, что

произошло с ней буквально мгновение назад. — Это личное...

— Если я смогу вам помочь... — холодно улыбнулся Август.

— Я ищу одного человека, — сказала Лиса. — Быть может, вы...?

— Если только речь идет о достаточно давнем времени, — пожал плечами Август. — Я вам, кажется, уже говорил, что давным-давно перестал появляться в Городе.

— Да, — тихо сказала Лиса. — Это старая история. Прошло без малого двадцать пять лет.

— Тогда, возможно, — Август поощрительно ей улыбнулся и поднес к губам бокал с красным вином. — Как его звали?

— Некто, — Лиса внимательно смотрела на Августа, ожидая его реакции.

— Некто, — повторил за ней Август. — Некто Никто.

— Так вы его знали? — в душе снова пробудилась уже, казалось, навсегда утраченная надежда. — Знали?

— Я много кого знал, — Август замолчал и продолжил говорить только тогда, когда выпил не менее половины содержимого бокала. — А вы, донна Рапоза, откуда знаете Некто?

— В семьдесят четвертом, в Свердловске, он спас меня и еще одного человека, — Лиса по-прежнему внимательно смотрела на Августа, но создавалось впечатление, что рассказывает она не ему, а себе, вспоминая эпизод, который не забывала никогда. — Была ночь, вернее вечер, но уже стемнело, и зажглись уличные фонари. Мы вышли из дома, где на квартире подруги проводили эксперименты, пытаясь понять, что такое наш Дар. У нее была большая квартира, родители уехали, и мы могли там свободно экспериментировать. Мы были наивные тогда, Август, боже мой, какие мы были наивные! Думали найти физическое объяснение этим новым феноменам. Научный подход, и все такое. Вы должны понимать, как все это было глупо, но тогда многие так думали. Мы верили, что все это можно как-то объяснить.

— А что, — спросил Август, раскуривая трубку. — Теперь вы думаете иначе?

— Разумеется, — чуть улыбнулась Лиса. — В рамках принятой картины мира магии места нет.

— Я вас понял, — кивнул Август, попыхивая трубкой. — Продолжайте, пожалуйста.

— Мы вышли из дома на темную улицу...

Она рассказывала медленно, не торопясь, как бы смакуя не столько слова, которые произносила, сколько свои воспоминания о том давнем уже событии. Август слушал ее, курил трубку, по временам прикладываясь к бокалу. Впрочем, выпитое вино никакого видимого эффекта на него, не оказывало.

— Мы встречались с ним еще несколько раз, но не здесь, а там. Только на Земле, и никогда в Городе. А потом он исчез, и больше мы никогда не встречались, — тихим голосом сказала Лиса. — Правда, он передавал мне несколько раз приветы, но...

— Зачем он вам? — спросил Август. — Полагаете, он был одним из Первых?

— Я в этом не сомневаюсь, — серьезно ответила Лиса. — Он многое знал, много больше, чем все, кого я встретила потом, и там и здесь. И умел... Вы помните, я рассказывала, те двое в машине умерли мгновенно, а ведь никаких видимых проявлений магии не было. Судя по всему, он просто захотел, и они умерли.

— Звучит довольно таки зловеще, — усмехнулся Август.

— Не в наше время, — покачала головой Лиса. — Не в наше время, но дело, если на чистоту, не в том, какой он маг, а в том, что я его люблю.

«Ну вот я это и сказала вслух».

— Любите? — Август посмотрел на Лису и покачал головой. — Побойтесь бога, уважаемая! Вы же сами только что сказали, что никогда его не видели и ничего о нем не знаете. Как же вы можете его любить?!

— Могу, — она смотрела прямо в глаза Августу. — И дело не в том, что я видела или не видела. Я слышала его душу.

— Души нет, — сухо возразил Август и его глаза стали еще холоднее, если, конечно, это возможно.

— Есть, — твердо сказала Лиса. — Есть! И в его душе звучала музыка божественной красоты!

— Час от часу не легче, — покачал головой Август. — Так вы меломан? Вам понравилась музыка?

— Я его люблю, — прекратила обсуждение раздраженная равнодушным сарказмом собеседника Лиса. — И я хочу его найти. Вы можете мне помочь?

— Поздно, — сказал Август, и внезапно Лиса поняла, что происходит нечто, совершенно невероятное. Она услышала в его голосе печаль, и увидела ее в серых, еще мгновение назад таких равнодушных глазах. — Поздно. Его уже нет.

— Тогда, что такое ты? — с ужасом ощущая разверзшуюся под ногами бездну, спросила она.

— Я? — Август отложил трубку и встал из-за стола. — Я... — он прошелся по комнате, как бы размышляя над вопросом, но на Лису сейчас не смотрел, как будто не желая, чтобы она увидела его глаза. — Я тень тени, Лиса. Всего лишь отголосок одной из его мелодий.

— Где ты? — это были не слова, это был крик души. — Где?!

Лиса вскочила на ноги и шагнула к Августу, даже не зная, для чего это делает.

— Где?!

— Уже нигде, — тихо ответил он, оборачиваясь к Лисе. — Я же тебе это уже сказал Лиса.

— Не выходит, — она стояла перед ним и смотрела прямо в глаза.

— Почему? — его глаза были снова спокойны, но Лиса знала теперь, что это ничего не значит. Его спокойствие являлось иллюзорным, как и вся эта роскошь, окружающая князя Августа.

— Потому что ты здесь, — объяснила она. — Гург умер, и его здесь больше нет. Нерон погиб и больше не приходит в Город. Сулла, Ферзь, Аарон, Добрыня, Конунг... никто из них не может здесь появиться, а ты здесь.

— А что если я только здесь? — Август говорил ровным голосом, но от его напряжения воздух в комнате остыл и поблек, лишившись жизни.

— Так не бывает! — протестующе подняла перед собой руки Лиса. — Так не бывает!

— Много ты знаешь! — усмехнулся он в ответ.

— Много, — возразила Лиса. — Меня учил сам старик Иаков!

— Недоучки! — почти зло сказал он. — Вы прекратили приходить к нему уже через несколько месяцев...

— Ты хочешь сказать, что...? — Лиса поднесла руку ко рту. — О, господи, как же я...

— Кайданов жив? — неожиданно спросил Август.

— Не знаю, — приходя в себя, ответила Лиса, все так же глядя на него. — Фарадей исчез семь лет назад. Правда, примерно в то же время появился некто Уриэль[12]...

— Что с ним не так? — прищурился Август, вероятно, уловивший в ее тоне нечто особое.

— Ну если Кайданов это Уриэль, — нехотя ответила Лиса. — То он очень сильно изменился.

— К добру или ко злу?

— В Европе его называют Ангелом Смерти. Этим все сказано.

— Тебе не нравится то, что он делает? — спросил Август.

— Мне не нравится, как он это делает. Люди его ненавидят, его именем пугают детей. В конце концов их поймают, даже маги не могут меряться силами со всей мощью государства.

— Но ты же сама сказала, что это агония, — тихо сказал Август. — Люди победили, геноцид свершился, чего же ты хочешь от того, кто решил уйти, громко хлопнув дверью?

— Не знаю, — покачала она головой. — Где ты?

— Нигде, — твердо ответил он. — А теперь иди! Ты слишком долго находишься под «светлыми небесами». Так нельзя.

— Мне можно, — возразила Лиса. — С той стороны надежные люди.

— Никому нельзя доверять, — показалось ей, или в его голосе действительно прозвучала грусть?

— Если никому не доверять, как жить? — спросила она.

— Вот я и не живу, — сказал он. — Иди!

— Август, ты даже не скажешь мне своего имени?

— Мое имя? — грустно усмехнулся Август. — Некто, Лиса, всегда, и присно, и вовеки веков. Некто Никто.

— Я найду тебя, Никто, — сказала она твердо, повернулась и пошла прочь.

4

Двое суток по пустыне, где жара, не ослабевая и не усиливаясь, тяжелая и монотонная, как вечность, терзала ее иллюзорное тело с той же жестокостью, с которой мучила бы, окажись Лиса на самом деле где-нибудь в Гоби или Сахаре. Два дня пути. Однако дорога назад показалась ей гораздо короче, хотя все как будто должно было обстоять наоборот. Но в замок на краю мира ее вела безумная и, как говорили многие, бессмысленная надежда, а обратно она возвращалась с болью в сердце, но с настоящей надеждой в душе. Возможно, все дело было в обрывке мелодии, которую она ухватила почти случайно, потому что здесь, под «светлыми небесами», ее чутье почти не работало. Музыка была прекрасна, но главное Лиса узнала ее и несла теперь в сердце вместе с болью, которая тоже, как ни странно, помогала ей терпеливо преодолевать несчетные километры пути.

На исходе вторых суток — во всяком случае, развившееся за годы и годы чувство личного времени утверждало, что все обстоит именно так — она вновь вошла в вечно распахнутые настежь ворота города. В принципе, ей следовало сразу же вернуться. Она и так уже пробыла на этой стороне почти полную неделю, но Лиса решила задержаться и «понюхать», чем пахнет воздух. Она прошла по главной улице до Торжища и, свернув налево, углубилась в переулки «Вавилона». Здесь было довольно оживленно, во всяком случае, до того, как Лиса вошла в харчевню Клары, ей повстречалось человек десять совершенно незнакомых или едва знакомых людей, бредущих без цели или с хорошо скрытой целью — по одиночке или парами — в самых разных направлениях.

— Привет, Рапоза! — сказал Гектор, сидевший за столом у самого входа, чтобы было удобно рассматривать проходящих мимо людей. — Как поживаешь?

— Спасибо, Гектор, — через силу улыбнулась Лиса. — Твоими молитвами и заступничеством девы Марии, моя жизнь прекрасна и удивительна.

Она кивнула еще кому-то из знакомых, находившихся тут же, в ярко освещенном многочисленными свечами просторном зале, и, пройдя в глубину, опустилась в свое персональное кресло, которое, как и личный ее столик, никто не занимал уже много лет подряд.

— Здравствуй, красавица, — пропела, подходя, дородная и вечно веселая фрау Клара. — Говорят, ты долго гуляла в пустыне?

— Я? — удивленно подняла брови Лиса. — Бог с тобой, Кларочка, что мне делать в мертвых песках?

— Мне-то что, — пожала роскошными плечами Клара и поставила перед Лисой традиционную высокую рюмку с портвейном. — Но так люди говорят. Кофе?

— Кофе, — кивнула Лиса, смакуя вино. — Но сначала луковый суп.

— Это мы мигом организуем, — снова улыбнулась Клара и отправилась наколдовывать заказ.

Лиса обвела зал взглядом из-под ресниц и заметила сидящего в двух столах от нее Джека-Наблюдателя. «Лимонадный Джо»[13] пил виски и искоса поглядывал на нее, но больше ничем своего желания пообщаться не выказывал.

— Привет, Джек! — улыбнулась ему Лиса, открыто поворачиваясь к худому тощему парню, одетому по моде Дикого Запада середины девятнадцатого века. — Давно не виделись! Как жизнь?

— Замечательно! — улыбнулся в ответ Наблюдатель. — К тебе можно?

— Ты же знаешь, — усмехнулась Лиса. — Я тебе всегда рада.

Джек встал и, прихватив свой стакан, перешел за ее столик.

— Угости девушку сигаретой, Наблюдатель, — снова улыбнулась ему Лиса. — Какие новости?

— В Амстердаме «Ангелы ночи» сожгли ратушу и новый концертный зал, — с кислым выражением лица сказал Наблюдатель, протягивая ей пачку сигарет. — В Мюнхене разгромлена ячейка «Свидетелей Судного Дня». Впрочем, это старые новости, ты это все наверняка уже знаешь.

— Знаю, не знаю, — Лиса равнодушно пожала плечами и, достав из пачки сигарету, прикурила от свечи. — Какая тебе разница, Наблюдатель? Ты давай рассказывай, а я тебя буду слушать.

— Я тебя очень люблю слушать, — сказала она после короткой паузы, выпустив из легких дым первой затяжки.

— Вот все вы так, — кисло улыбнулся Наблюдатель. — Как слушать, пожалуйста, а поделиться информацией, так никогда.

— Почему никогда, — усмехнулась в ответ Лиса. — Уж сколько я тебе всего понарасказывала, так ты со мной век не расплатишься. Но коли у тебя плохое настроение, то бог с тобой. Я слышала, что где-то в Канаде снова появился Фарадей.

— Ерунда, — махнул рукой Наблюдатель. — Это тебе, Рапоза, кто-то дезу скормил. Я точно знаю, Фарадея завалили в Минске семь лет назад. Мне верный человек говорил, там полквартала в руинах лежали, а ты мне про Канаду! Нету Фарадея!

— Ну не знаю, — пожала плечами Лиса. — Мне так сказали. Там ведь, в Минске, труп его никто не видел.

— Это из наших никто не видел, а КГБ, говорят, оттуда двадцать контейнеров вывезли, и что, спрашивается, было в тех контейнерах? Щебенка?

— Ладно, проехали, — Лиса допила свой традиционный портвейн, и как раз вовремя, потому что фрау Клара поставила перед ней горшок с луковым супом и тарелку с нарезанным крупными ломтями свежим пшеничным хлебом. — Что еще?

— У русских появился кто-то очень сильный в Москве. Говорят, чувствует эманацию метров за двести-триста. Бродит по городу и вычисляет.

— Много провалов?

— Не знаю, знал бы, сказал.

— А у тебя, выходит, есть знакомые в Москве? — Лиса увидела, как мимо двери харчевни медленно прошел Твин, и, зачерпнув ложкой суп, снова посмотрела на Наблюдателя.

— Некорректный вопрос, — усмехнулся тот. — Без комментариев.

— Ну без, так без, — суп был, как всегда, вкусный и обжигающе горячий. — А про Иакова ничего не слышно?

— Говорят, он умер, — Наблюдатель залпом допил виски и встал. — Он ведь старый был, вот и умер. Извини, но мне надо идти.

— Какие извинения, Наблюдатель, — улыбнулась довольная до крайности Лиса. — Ты же знаешь, я тебя люблю и всегда рада видеть.

— До встречи! — Джек-Наблюдатель поставил пустой стакан на стол и пошел к выходу.

5

Твина она нашла в заброшенной части «Восточного города». Он сидел на полуразрушенной глинобитной стене и курил трубку.

— Извини, — сказала Лиса, подходя, — Раньше не могла.

— Извиняю, — Твин посмотрел на нее внимательно. — Полгорода знает, что ты ходила в замок.

— Он меня не впустил, — пожалала она плечами. — Но попробовать стоило, ведь так?

— Ну-ну, — задумчиво сказал Твин. — Попытка не пытка, не так ли, Лаврентий Павлович?

— Кто у вас там такой сильный объявился? — спросила она.

— Ты кого имеешь в виду? Толкунова или Ловца?

— Вообще-то, по-видимому, Ловца, но раз уж начал с Толкунова, давай сначала про него.

— Опасный человек, — сказал, помолчав, Твин. — Главное, непредсказуемый, потому что никто его толком не знает. На рожон не лезет, публичности никакой, но в четверг уже введен в Политбюро, а ведь он, заметь, штатский!

— Действительно штатский, я точно знаю. — Твин выпустил из трубки клуб дыма и осмотрелся по сторонам, как бы проверяя, нет ли поблизости свидетелей их разговора. — Провинциальный комсомольский босс, в заговоре не участвовал, генералам не родня, но переворот пережил и даже в гору пошел.

— Ставров готовит себе преемника?

— Все может быть, но это, как ты понимаешь, не мой уровень.

— Ладно. Спасибо за политинформацию. Кто такой Ловец?

— Девочка одна, — сразу же ответил Твин. — Я ее не видел, но слышал, что обнаружили ее еще ребенком и специально растили где-то в Сибири или Казахстане, точно

не знаю. Лет ей, я полагаю, от семнадцати до двадцати, натуральная блондинка, высокая. Чувствует метров за триста. Это все.

— Но искал ты меня не поэтому.

— Естественно.

— Тогда, излагай.

— Первое. Стало известно, что Рапоза Пратеада это Алиса Дмитриевна Четверикова уроженка Челябинской области, в разработке с 1974 года, с того же времени в бегах. Последний раз под своим именем появилась в октябре 1974 года в Свердловске. Связи: Фарадей, он же Кайданов Герман Николаевич, предположительно, убит при попытке прорыва в Минске шестнадцатого июня 1992 года; Жук, он же Карпинский Евгений Самойлович, в розыске, Тоска — Томилина Полина Сергеевна, убита при задержании в Перми, шестого января 1989 года; Лопарь — Синицын Иван Петрович, убит в Советске при попытке прорыва через границу пятнадцатого марта 1992 года; и еще одиннадцать кличек без расшифровки псевдонимов. Самый интересный из них — Иаков, по данным Интерпола, умер, предположительно, в девяносто третьем или девяносто четвертом году на территории СССР.

— Спасибо.

— Не за что. И второе. Обратите внимание на майора Северцева Константина Борисовича из Ворошиловградского областного управления. Похоже, он тоже «скрытник», но полной уверенности у меня нет.

— «Скрытник»? — сразу же насторожилась Лиса. — Он бывает здесь?

Но ответить Твин не успел. В створе улицы появилась бегущая женщина в длинном бальном платье, подол которого она держала обеими руками, задрав выше колен. Уже проскочив улицу, она сразу же вернулась назад и понеслась к беседующим Твину и Лисе.

— Извини, Твин, — сказала Лиса. — Минута!

И она побежала навстречу женщине.

— Что?

— Все, — выдохнула запыхавшаяся женщина, падая ей на грудь. — Все, Рапоза.

— Что? — настойчиво повторила Лиса.

— Две пули в грудь, — Санта говорила с трудом. — Нога сломана. Вокруг бой.

— Где?

— Байрес, центр.

— Сколько вас?

— Трое, но не уйдет никто. Все горит!

— Господи, Санта! — Лиса не знала, что сказать. Там в далеком Буэнос-Айресе умирали люди — ее люди! — и она ничем не могла им помочь.

— Все, — тихо сказала Санта. — Еще максимум пять минут, и все. Живая я им не дам. Муж с детьми в Европе. У девочки явные способности... Запоминай...

Она растаяла в руках Лисы, едва успев назвать адрес и телефон. Была, и не стало, но в последнее мгновение перед тем, как стать воспоминанием, Санта «показала» Лисе горящий Буэнос-Айрес, мечущихся по улице людей, и себя сому, лежащую в луже крови на асфальте. Мгновенное отображение, как несколько вырванных из контекста кадров кинохроники, которую никогда не покажут по телевидению. Впрочем, это действительно была съемка, которую вели спецслужбы с полицейского вертолета, зависшего над объятый пламенем и безумием улицей, электронная запись, которую последним, скорее всего, уже неосознанным

усилием считал с носителя умирающий мозг Валерии де Кункейро. Горящие дома и автомобили, перевернутый автобус, молодая черноволосая женщина с неестественно подвернутой ногой, агонизирующая на асфальте проезжей части, и боец спецназа, направляющий ей в лицо ствол штурмовой винтовки. Все.

Опустошенная, не имеющая сил даже на то, чтобы плакать, Лиса медленно вернулась к Твину, терпеливо ожидавшему ее на прежнем месте.

— В Байресе разгромлена группа Санты, — сказала она тихо.

— Мне очень жаль, — так же тихо ответил Твин, генерал-майор Лагутин из второго главного управления КГБ СССР, «скрытник», продержавшийся гораздо дольше всех остальных, двадцать два года.

6

Лиса проснулась рывком — сразу, вдруг, как привыкла это делать за четверть века непрерывного пребывания под прессом опасности. Вообще, двадцать пять лет подполья были жестокой школой, но она все еще была жива, и это кое-что значило.

— Сколько? — спросила она, открывая глаза во тьму, и зная наперед, что находится в подвале не одна.

— Почти семь дней, — ответила откуда-то из угла Дама Пик, и Лиса «увидела», как женщина выбирается из-под одеяла и протирает со сна глаза. — Будешь вставать, или еще полежишь?

«Как вампиры, — подумала Лиса со злой усмешкой, обводя взглядом заставленный старой мебелью и картонными коробками с ненужными вещами подвал. — Как проклятые вампиры, в подземелье, в гробу... Только свой гроб каждый из нас носит в себе».

Она подняла перед собой вялые, онемевшие руки и стала сгибать их в локтях, одновременно проворачивая в запястьях. Сгибы локтей — особенно левый — ныли от многочисленных инъекций, но это было меньшее зло, чем обезвоживание или истощение организма.

— Что наверху? — спросила Лиса, просовывая чуть согревшиеся руки под одеяло и снимая с себя памперс.

— Ночь, — Дама Пик была уже рядом. — Тебе помочь?

— Не надо, — Лиса отбросила в сторону полный памперс и, откинув тяжелое ватное одеяло, села на кровати, спустив ноги на цементный пол. Ноги тоже были вялые, но и это было всего лишь временное неудобство, а вот холодный, как лед, цемент был неприятностью, чреватой осложнениями. Она нагнулась и, нашла глазами шлепанцы на толстой резиновой подошве, и с наслаждением вдела в них свои сразу замершие ступни.

— Кто наверху?

— Бык и Алекс, — сразу же ответила Дама Пик, подавая ей джинсы и свитер.

— Спят? — сил, чтобы «дотянуться» до них самой, у нее сейчас не было.

— Да, наверное. Час тридцать ночи.

— В округе тихо? — первым делом она всунулась в свитер, и только после этого начала натягивать штаны. Прямо так, без трусов. На голое тело.

— Не волнуйся, — успокоила ее Дама Пик. — Если бы что-то было не так, мы бы тебя сразу же разбудили. Пойдем наверх, у меня там супчик гороховый на копченых ребрышках, пальчики оближешь!

— Великолепно, — улыbnулась Лиса, зная, что Дама Пик видит в темноте не хуже нее. — Суп, чай, картошка с мясом...

— Ведьма! — хихикнула Дама Пик.

— И коньяка я тоже выпью, — закончила свою мысль Лиса. — Но сначала разбуди Алекса. Он мне нужен прямо сейчас. Я буду ждать вас на кухне.

— Как скажешь, — Дама Пик пожала плечами и направилась к лестнице. — Ты начальник, я дурак. Я начальник, ты дурак.

На самом деле она ничему не удивлялась и ничем не возмущалась. С Лисой она работала уже восемь лет и к стилю своего командира и подруги успела привыкнуть.

Лиса постояла секунду, глядя в спину Даме Пик, и медленно пошла следом, чувствуя, как возвращается жизнь в окостеневшее тело.

— Какие у тебя документы? — спросила она, когда на лестнице остались лишь ноги подруги, да и те только до икр.

— Анна Ковалева, — ответила сверху Дама Пик. — Сорок четыре, инвалид детства второй группы.

— Понятно, — Лиса поднялась по лестнице и, оказавшись в просторном погруженном во мрак помещении, хлопнула за собой люк в подвал. На улице, судя по шуму за слепыми, черными окнами, шел дождь, небо было обложено тучами, и сюда, на кухню, не проникало ни единого лучика света.

Лиса подошла к стенному шкафу, открыла дверцу и достала оттуда бутылку коньяка. Рассмотреть этикетку она, естественно, не смогла, даже ее глаза на такое в полной темноте были не способны, но, судя по запаху, коньяк был дагестанский. Захватив по дороге стакан, она вернулась к столу, открыла бутылку и налила себе «на треть». Потом, подтянула ближе пачку сигарет и зажигалку, которые углядела еще раньше, медленно, с удовольствием закурила и, только после этого, отпила немного из стакана. Запах ее не обманул, коньяк и, в самом деле, оказался дагестанским и пился на редкость легко. И, хотя уже с первого глотка у нее немного поплыла голова, за те пять-шесть минут, которые потребовались Даме Пик, чтобы разбудить и привести к ней Алекса, Лиса успела выпить всю порцию.

— Привет, Алекс, — сказала она вошедшему на кухню парню, который, если бы Дама Пик не придерживала его за плечо, наверняка, уже на что-нибудь налетел, потому что ночным зрением не обладал.

— Здравствуй, — сказал он неуверенно, пытаясь на слух определить, где она сидит. — С возвращением! А свет включать совсем нельзя?

— Можно, — сказала Лиса, прислушиваясь к округе. — Включи, Пика, если не трудно.

— Раз плюнуть, — щелкнул выключатель, находившийся метрах в полутора от Дамы Пик, и Лиса прикрыла веки, по памяти вынув из пространства бутылку и наливая себе еще. — Будете?

— Я пас, — сразу же сказал Алекс. — Я от алкоголя сумасшедший становлюсь.

— А я нет, — усмехнулась Дама Пик, подходя к столу. — Сейчас, вот только суп на огонь поставлю и присоединюсь.

Лиса открыла глаза и посмотрела на Алекса, который все еще промаргивался, потихоньку продвигаясь к столу.

— У меня к тебе пара поручений, Алекс.

— Ну это я уже понял, — он все-таки смог наконец полностью открыть глаза. — Чего бы ты меня будила среди ночи? Слушаю тебя и, как всегда, повинуюсь.

— Значит так, — Лиса сделала еще один глоток и посмотрела на тлеющую в пальцах сигарету. — Первое, мне нужны чистые документы Евросоюза. Бланки у нас есть,

следовательно, как ты, вероятно, догадываешься, мне нужна биография.

— До какой степени «чистая»? — по деловому спросил Алекс, уже, вероятно, проигрывая в уме, как и где, будет искать данные для легенды.

— Максимально, — Лиса все-таки затянулась и посмотрела на Даму Пик, готовившую для нее то ли очень поздний ужин, то ли слишком ранний завтрак.

— Параметры?

— Я, — она сделала еще один глоток и на секунду заколебалась в правильности принятого решения.

— Ладно, — сказала она после паузы. — Со мной так, двадцать пять — тридцать лет, немецкий или испанский языки, можно и французский, но как крайний случай.

— Хорошо, — кивнул Алекс. — Рисовать будешь сама?

— Да.

— Тогда, часикам к семи утра будет тебе биография, — он потянулся через стол, вытащил из пачки сигарету и тоже закурил, добыв искру, что называется, «щелчком пальцев». — Что-то еще?

— Надо просмотреть данные на больных, находящихся в кататоническом или коматозном[14] состоянии, — сказала Лиса. — Или что-то в этом роде. Каталепсия, например.

— Нота, я не врач...

— Разберешься.

— В чем?

— Нас интересуют больные, долгое время находящиеся без сознания или почти без него.

— Все?! — в голосе Алекса зазвучал неподдельный ужас.

— Нет, — успокоила его Лиса. — Только некоторые. Мы ищем мужчину, предположительно, в возрасте от сорока пяти до пятидесяти пяти лет. Лежит он где-то года с девяностого, может быть, с девяносто первого, скорее всего, в ФРГ или в Израиле. Еврей или немец, может быть, половинка, эмигрировал из СССР с первой Андроновской волной то есть, в 1984 или 1985 году.

— Почему не в США или ЮАР? — спросил заинтересованный задачей Алекс.

— Нет, он не в Америке, — покачала головой Лиса. — А вот про ЮАР это ть правильно, Алекс, сказал. Значит, еще и Африка, но сначала все же Израиль и западная Германия.

— Ладно, — пожал плечами Алекс. — Сделаю. Израиль маленький, с него и начну. Сколько даешь времени?

— До завтрашнего вечера.

— Ты в своем уме? Я же потом сам в спячку впаду!

— Не страшно, — усмехнулась Лиса, допивая коньяк. — Мы тебя понесем на руках.

— Постой! — Алекс подозрительно смотрел на Лису, как бы не веря своим ушам. — Куда это вы меня понесете, и кто это мы?

— Мы, это я, Дама Пик и Черт, а понесем мы тебя в Европу.

— Постой! — он даже руки поднял от возмущения. — Это значит еще три биографии?

— А я тебе разве не сказала?

— Нет!

— Ну извини, — сказала она весело. — Старая я, Алекс, и память у меня плохая.

— Что б ты знала, — медленно и со значением сказал в ответ Алекс. — Черт кроме русского ни одного языка не знает. Он их не может выучить.

— Да? — Лиса задумалась, пытаясь сообразить, что можно в этом случае сделать. Черт был ей необходим, но без языка его даже за эмигранта не выдашь. Границу закрыли в восемьдесят девятом, сразу после переворота, и больше не открывали, а за десять лет любой дурак хоть чему-нибудь да научится. Тем более, он молодой...

— Эх, — сказала она вслух. — Не хотелось мне с Махно связываться, но, видно, судьба. Найди его, Алекс, и попроси о встрече. Место назначает он, но время — ночь и не позже, чем через три дня.

7

Было уже три часа ночи, когда она наконец добралась до ванной. Бык жил богато. Дом у него был великолепный, и, хотя назывался по-старому дачей, это уже был, скорее, загородный особняк, чем те развалюхи, которые сотнями тысяч наплодились за последние двадцать лет на дачных участках вокруг больших и малых городов. Однако Лев Сергеевич Конопенников, один из первых в СССР кооператоров, мог на законных основаниях позволить себе много больше, чем простой советский труженик. Мог он себе позволить и двухэтажный дом в лесу, и ванную комнату, вполне буржуйскую, с джакузи и прочими излишествами тоже, потому что никогда не зарывался, платил со своих миллионов партийные и профсоюзные взносы, жертвовал на благотворительность, и не забывал отстегивать крышовавшим его — каждый, разумеется, по-своему — Конторе и бандитам.

Сейчас Бык спал. И спать ему предстояло до завтрашнего позднего вечера, когда Черт заберет их отсюда на машине и увезет в далекое никуда. Вот тогда и Бык сможет проснуться. Проснется, найдет записочку от «любимой женщины», и поймет, что они ушли. Дело тут было не в недоверии. Бык стал членом организации много лет назад и ни разу не дал повода в себе усомниться. Другое дело предосторожность. Чем меньше будут знать «посторонние», тем лучше для них самих, ну и для Лисы с ее группой тоже.

Она разделась и посмотрела на себя в огромное зеркало — от пола до потолка — служившее ванной комнате одной из стен. Ну что ж, ничего особенно плохого она в своем отражении не нашла. Впрочем, ничего хорошего тоже. Ей было сейчас сорок шесть, а не двадцать, и все эти долгие годы она провела в подполье, а в подполье, как говорил какой-то политический диссидент — то ли Сахаров, то ли Григоренко — можно встретить только крыс. Вот такой крысой она и стала, жестокой, коварной, живучей.

Перед Лисой в отраженном пространстве ванной комнаты стояла не старая еще женщина, во всяком случае, отчетливых следов увядания заметно не было. Разве что морщинки под глазами и в углах губ, да чуть-чуть на шее. Но вот было бы желанным, могло ли быть желанным это сухое, поджарое тело «состарившейся» на беговых дорожках спринтерши? Вопрос. Сама она его себе никогда не задавала, потому что никогда раньше он не был для нее актуальным. Судьба сводила ее с разными мужчинами и разводила, иногда, после одной единственной встречи. Никого из них она не любила, хотя некоторые были ей лично симпатичны. Кайданов был первый, в кого, как ей тогда казалось, она влюбилась, а Некто был вторым и единственным, по поводу которого она теперь не сомневалась, что любит. Герман то ли жив, то ли нет, но, в любом случае, он — прошлое. А Некто, казалось, действительно стал тенью, однако теперь у нее появилась надежда, и в ярком свете этой невероятной надежды увиденное Лисой в зеркале, ей решительно не понравилось. И ведь сейчас у нее был серьезный повод. Не просто так — из самодурства или любви к искусству

— а для того, чтобы изменить внешность, которая дважды засвечена в Европах, а теперь, оказывается, известна и здесь, дома, собирается она совершить это безумие. И не ради своей безнадежной любви, а ради того, чтобы вернуть в мир одного из самых сильных из известных ей магов, предстоит всколыхнуть паутину.

«Да, уж, — усмехнулась она, все еще разглядывая свое мускулистое тело. — Побегают паучки!»

Они же не могут знать, что здесь произошло, да и где точно произошло, узнать им будет затруднительно. И мысль, первая мысль, которая появится у них при таком мощном вмешательстве в ткань мироздания, будет вполне ожидаемой: а что если кто-то наколдовывает сейчас смертный приговор сразу всем членам Политбюро? Лиса знала, этот ужас преследует не только советских бонз. В США то же самое. Вот только возможности такой, к сожалению, у подполья не было, и нет.

«Ладно, — сказала она себе. — Достаточно! Решила, значит, будем делать ляльку гладкую, и нечего зубы себе заговаривать. Все равно ведь морда твоя, донна Рапоза, им известна, так почему бы и нет?»

8

— Нота! — крик едва пробивался через ватные пласты, заложившие уши. — Нота!

«Кто такая Нота?» — но даже думать было больно, не то, чтобы еще что-то делать, слушать, там, или говорить.

— Нота! Ты там, чего творишь, сука, траханная?

«Господи! Люди, да оставьте же меня в покое. Дайте, умереть, что ли. Я ведь не железная...»

Боль уходила и приходила, разнообразная, как фантазии маньяка. Она выворачивала кости, рвала сухожилия, прижигала паяльной лампой нервные окончания...

— Нота, твою мать! Отзовись или я выломаю эту гребаную дверь!

«Отзовись, Нота! А то эта тварь будет продолжать орать над моим ухом!»

От воплей этой тетki, звавшей свою Ноту, у Лисы начинала пухнуть голова, острые когти боли вонзались в мозг и начинали в нем ковыряться.

«Господи!»

С оглушительным грохотом, какой, наверное, должна производить лопнувшая снизу доверху плотина — какой-нибудь Днепрогэс или другая ГЭС, Братская, например, — рядом с Лисой распахнулась дверь и ударила ее в плечо. Но удара Лиса почти не почувствовала. Это была такая крошечная боль по сравнению с морем огня, в которое бросил ее грохот, что даже говорить было не о чем. Надо было не говорить, а кричать, но кричать она не могла, сведенное судорогой горло не способно было породить ни единого звука, оно и воздух-то пропускало с трудом.

— Нота! Господи! Родная!

«Замолчи, тетка! Замолкни! У меня...» — но додумать мысль она не смогла, на нее снизошло наконец блаженное беспамятство, поглотившее и боль, и ее саму.

Глава 3

Дорога в тысячу ли начинается с одного шага (26–27 сентября 1999)

1

— Живая? — Дама Пик смотрела на не с видимым осуждением.

— Живая, — в комнате было светло, и это Лисе очень не понравилось. — Сколько?

— Без четверти двенадцать, — устало ответила Дама Пик. — Почти.

— А день? — это прозвучало почти испугано.

— Да, не бойсь, — отмахнулась Пика. — До вечера еще полно времени. Из графика не выбиваемся. Но ты учти, я на такую трансформацию не пойду.

— Ну и не ходи, — согласилась Лиса. — И я, наверное, зря сделала. Никому это не надо.

— Ты о чем?

— Да, так, — ей было тоскливо сейчас и хотелось плакать, но она не могла себе этого позволить. В самом деле, зачем? Ведь, даже если он жив, и она его найдет, нужна ли ему будет эта, чужая — какой бы ни стала она теперь красавицей — женщина? Он не захотел быть с ней тогда, когда она была настоящей. Ушел, оставил, и никогда не искал, так ради чего она все это затеяла? Для дела или для себя?

— Кушать хочется, — сказала она жалобно и сама удивилась, что способна так говорить. Так она уже давным-давно не говорила.

— Еще бы не хотелось, — хмыкнула Дама Пик. — Тебя же, милая, наизнанку вывернуло. Все подчистую!

— Я что?

— Все! — хохотнула Пика. — Я такого стриптиза даже представить не могла! Из всех дырок, как в Петродворце!

— Я... — ей стало мучительно стыдно. — Я все уберу!

— Ну ты, Нота, или больная на голову, или меня плохо знаешь. Все путем, командир. Я там прибрала, и тебя заодно вымыла, а то амбре, знаешь ли. Лежи пока, сейчас кушать принесу.

Дама Пик встала и, не оглядываясь, быстро вышла из спальни. Лиса осмотрелась. Это была одна из комнат верхнего этажа, в которой она, кажется, никогда раньше не бывала, что не мудрено. Так уж сложилось, что в доме Быка она хорошо знала только подвал, кухню, да еще ванную, в которой обычно принимала душ, а сегодня... Лиса приподняла руку и посмотрела на нее взглядом естествоиспытателя. Так должен был, наверное, смотреть академик Павлов на своих подопытных собак.

Кожа у нее теперь была матово-белая, гладкая, и даже на взгляд, нежная и шелковистая, пальцы длинные, тонкие с перламутровыми ухоженными ноготками. Лиса провела взглядом от трогательно узкого запястья вверх по предплечью и выше, скосила глаза вниз... Красивая рука, вполне зрелая полная грудь с задранными вверх розовыми сосками...

«Оно того стоило?»

Возможно, что и стоило. Ее лицо в СССР теперь не будет знать только ленивый. Правда, на старых фотографиях она была совсем молоденькая, но у КГБ и милиции есть специальные программы, состарят девочку, «подретушируют» на фотошопе, и вперед. Интересно, что ей повесят? Убийство инкассатора или намеренное распространение СПИДА? Политика партии в этом вопросе не меняется уже тридцать лет. Никакого упоминания о магах и волшебниках, одна суровая правда жизни, от которой хочется выть. Однако теперь пусть поищут. По такому случаю можно будет сменить все псевдо до единого, отправив Ноту, Бьянку и Чудо в отставку, впрочем, не сразу, а по мере появления новых тварей преисподней.

Мысль о преисподней напомнила ей, о Кайданове, и о том, что пока все не кончится, с донной Рапозой ей расставаться не с руки.

«А когда все кончится? — хороший вопрос, но ответ на него у нее уже был

заготовлен. — Я обещала Махно, и установила крайнюю дату. Полгода. Вот тогда мы с ней и простимся, если будет кому и с кем».

Лиса откинула одеяло и, преодолевая слабость, слезла с кровати. Ноги — ее новые длинные и ровные ноги — едва держали, но, как Лиса знала, слабость вскоре должна была пройти, если только она себе ничего не испортила. Трансформации такой глубины были изучены слабо, да и тех, кто был на них способен, судя по всему, в мире было немного. Однако в Городе на эту тему ходило множество зловещих слухов, часть из которых, наверняка, была дезой спецслужб, но, с другой стороны, как говорится, дыма без огня не бывает. А она выполнила полное обращение впервые в жизни.

Лиса огляделась в поисках зеркала, но его в комнате, к сожалению, не оказалось.

«Жаль, — вздохнула она. — Хотелось бы взглянуть, что там вышло».

Сейчас, стоя на медленно обретающих жизнь «чужих» ногах, Лиса мучительно пыталась вспомнить, какой образ держала в воображении, когда творила свою безумную волшбу. Однако ничего определенного на этот счет в памяти не сохранилось. Все стерла чудовищная боль.

«Красота требует жертв?» — спросила она себя, с содроганием вспоминая тот ужас, который пришел к ней вместе с трансформацией, и, не раздумывая, резко — на одном выдохе нанесла несколько ударов, направленных в тех мнимых троих, которые вдруг атаковали ее сразу с трех направлений. Выброс адреналина запустил сердце в бег, кровь ударила в голову, и, выходя из контакта с «третьим», которого — если бы он был с ней одного роста — она лишила «стомпинг киком»[15] яиц, Лиса потеряла баланс и начала заваливаться на спину, но все-таки вывернулась и упала на руки.

— Обана! — обалдело произнес за ее спиной Алекс.

— Стучаться надо, — сказала она зло, поднимаясь на ноги. — Отвернись!

Она шагнула к постели, схватила с нее одеяло и поспешно завернулась в него, как в плащ.

— Ну? — спросила она, поворачиваясь к двери, в которой спиной к ней стоял Алекс. — Какие новости в эфире? Кстати, ты можешь повернуться.

— Ты в этом вполне уверена? — напряженным голосом спросил Алекс, шея и уши которого полыхали сейчас большевистским кумачом.

— Вполне.

— Ну тогда... Ой!

— Что еще? — раздраженно спросила Лиса, глядя на лупающего глазами Алекса.

— Я... — сказал Алекс и замолчал.

— Ты, — напомнила ему Лиса через несколько секунд.

— Да, — выдохнул, опомнившись Алекс. — Я того. Пика сказала, что ты очнулась, вот я и хотел...

Он снова остановился, впившись взглядом в ее лицо.

«Интересно, что у меня такое с лицом?»

— Я сейчас! — вдруг выкрикнул Алекс и опрометью выскочил из комнаты.

Лиса проводила его взглядом и почти с такой же скоростью бросилась в ванную. Влетев туда, она включила свет и уставилась в зеркало.

«Н-да!» — из зазеркалья на нее смотрела встревоженная девушка лет двадцати пяти, из тех, кого Лиса всю жизнь на дух не переносила. С лицом у девушки все было нормально: правильные черты, голубые глаза, пухлые губки. Вот только все это было красивенькое, а не

красивое, если вы понимаете, о чем идет речь. Усредненное, стандартное, вполне подходящее для дешевых журналов для мужчин, но лишённое обаяния, которое почти всегда есть отражение внутреннего содержания. К тому же мочалка была еще и крашеная. Лиса распахнула одеяло и убедилась, что не ошиблась, если эта дамочка и была блондинкой, то только химической.

«Н-да, — скептически повторила она, рассматривая свое тело. — Впрочем, оно и не плохо».

Действительно, при том, что, судя по всему, ее боевые навыки и тренированные мышцы остались при ней, лишь спрятавшись от чужих глаз под гладкой кожей и умеренной жировой прослойкой, новая личина была много лучше любой другой. Хотя бы потому, что никто в здравом уме и твердой памяти не заподозрит в этой крашеной бляди смертельно опасную Ноту, разыскиваемую всеми спецслужбами Варшавского Договора.

От размышлений о собственном облике ее отвлек стук в дверь.

— Нота? — спросил из-за двери Алекс. — Ты здесь?

— Здесь, — ответила она, запахивая одеяло, и стараясь не думать о том, что с этой глупой физиономией ей теперь предстоит жить и, возможно, с нею же — умереть. — Заходи, я прикрылась.

— Я это, — сказал Алекс, осторожно приоткрывая дверь. — Вот...

И он протянул ей отпечатанную на принтере картинку.

— Ты только не обижайся.

— А чего мне...? — Лиса взяла из его рук лист, взглянула и замолчала, не завершив начатой фразы.

Ну что сказать? Дело было не в том, что это была картинка, скачанная с какого-нибудь буржуйского порнографического сайта, и не в том, что изображение голой девушки, сидящей верхом на лошади, могло шокировать Лису. Дело было в другом. По заросшему ромашками горному склону, на пегой лошадке ехала сама Лиса. То есть, не она сама, разумеется, а кто-то, как две капли воды на нее, какой она теперь стала, похожий. Только моложе лет на десять.

— Кто это? — спросила она, сверившись с отражением в зеркале.

— Доминика Граф, — ответил от двери Алекс.

— И?

— Я выбрал тебе ее биографию, — пожал плечами Алекс. — Она из Мюнхена, сирота последний родственник — дядя по материнской линии — умер два года назад, а она умерла шесть лет назад от передозировки наркотика. Ну я записи в полицейском управлении и больнице подправил, так что она вроде бы жива. Я там еще в базы данных аэропортов изменения внес, так что получается, что Доминика уезжала в Бразилию и жила там пять лет. И все остальное тоже, налоговое управление, социальная служба, водительская лицензия, регистрация при переходе на единый паспорт, номер, серия...

— А это что? — встряхнула Лиса картинкой.

— Она снялась в нескольких фотосессиях, — виновато сказал Алекс. — Лет семь назад, но я думаю, сейчас ее уже никто не помнит.

— Когда ты ее нашел?

— А черт его знает, — пожал плечами Алекс. — Утром.

— Утром?

— Ну не помню я, — огрызнулся Алекс. — Я одновременно в пяти разных сетях

сидел... Постой! Точно! — он хлопнул себя по лбу и рассмеялся. — Я же тебя, ну, то есть ее зарегистрировал в аэропорту Франкфурта. Она вылетела девятичасовым рейсом, так что нашел я ее, скорее всего, как и обещал, часов в семь!

— В семь, — повторила за ним Лиса. — А в девять она вылетела из Франкфурта... Куда?

— В Хельсинки.

— Зачем? — спросила Лиса, стараясь, чтобы голос не выдал охватившего ее волнения.

— Извини, — виновато улыбнулся Алекс. — Голова дырявая. Я когда из «полета» возвращаюсь, всегда не совсем в себе.

Он покачал головой, достал из воздуха дымящуюся сигарету и затянулся.

— Ну! — поторопила его Лиса, которую снедало нетерпение.

— Так, — сказал Алекс, выпустив дым. — Значит, так. Махно назначил встречу послезавтра, ночью, в Пушкинском парке, это в Пушкине, под Питером...

— Я знаю, где это, — прервала его Лиса. — Дальше.

— Ну я и подумал, что там же финская граница недалеко...

— Ты начал говорить о Махно, — снова прервала его Лиса.

— Ах, да, Махно, — снова улыбнулся Алекс. — Вий, это его оператор,[16] сказал, что будет немецкий. Он у Махно в последнее время, вроде, легче всего идет. Вот я и побежал, искать нам немецкие биографии.

— Пика по-немецки средне говорит, — напомнила ему Лиса, думая, впрочем, о другом.

— А она у нас будет беглой чешкой, по-чешски-то она трепится дай бог всякому.

— Хорошо, — кивнула Лиса. — Замечательно. Сделай мне тоже, — кивнула она на сигарету в его руке.

— Крепкие, — предупредил Алекс, вытаскивая из ниоткуда новую зажженную сигарету. — Пожалуйста.

— Спасибо, — она взяла сигарету и сразу же затянулась, предполагая, впрочем, что на «голодный» желудок и на фоне общей слабости ничего хорошего из этого не выйдет. — Что Махно хочет взамен?

— Ничего, — усмехнулся в ответ Алекс, который, хотя и работал с ней уже пять лет, ничему в этом деле так и не научился. — Так всякие глупости, танцевать с тобой хочет.

«Я обещала Махно, и установила крайнюю дату. Полгода, — вспомнила она вдруг. — Так когда же я успела ему это пообещать?»

— Приглашает на танец, — уточнила Лиса.

— Да, — заулыбался Алекс. — Точно. Ты же его знаешь! Опять носится с идеей грохнуть кого-нибудь из Политбюро.

«Ох, какой же ты еще ребенок, — с тоской подумала она, глядя на толстенького, с круглым брюшком и розовыми щечками лысеющего юношу. — Но, может быть, оно и к лучшему! А долги надо возвращать».

— Хорошо, — сказала она вслух. — Передай, я согласна, но не раньше, чем через полгода. Что со вторым делом?

— С Израилем облом, — развел руками Алекс. — У них все базы данных на иврите. Ничего не прочесть, так что я пока в Германии ищу, но там этих больниц... Вот сейчас отдохну и снова «полечу».

— А что ты мне забыл рассказать про Израиль? — спросила она, почувствовав что-то, ненароком мелькнувшее в розовом тумане его сознания.

— Да, ерунда, — махнул рукой Алекс. — Там мелькнул один текст на русском, но это не тот, кто тебе нужен.

— Алекс, — тихо сказала Лиса, зная, что от такого ее голоса у многих сердце в пятки уходит. — Это я буду решать, кто мне нужен. Излагай!

— Да нечего излагать, — огрызнулся испуганный парень. — Письмо. Запрос в МВД СССР. Больница Ихиллов разыскивает родственников одного больного эмигранта, но он под твоё описание не подходит.

— Почему?

— Ему пятьдесят восемь, и он не кататоник, — объяснил Алекс.

— А кто?

— У него какая-то болезнь, я не понял, если честно. Называется «Лобный синдром».

— Сколько лет?

— Я же сказал, пятьдесят восемь.

— Сколько лет он болеет? — стараясь держать себя в руках и не раздражаться по пустякам, объяснила Лиса.

— Десять.

— А эмигрировал когда?

— Со второй волной, в восемьдесят седьмом. Я же тебе сказал, не наш клиент.

— Не наш, — повторила она за ним.

«Не наш?»

— Ну! — как бы подтверждая ее мысли, пожал плечами Алекс.

— В чем выражается болезнь? — все-таки спросила Лиса.

— Не знаю, — развел толстенькими ручками Алекс. — Я же не врач, Нота, а у них все этими их рыболовными крючками записано.

— Так иди и узнай, — приказала она. — И про него все узнай.

— Иди, — повторила Лиса и закрыла глаза.

2

День прошел, как не было. Просто из одной ночи она нечувствительно, не задерживаясь под солнцем, которое, на самом деле, из-за туч так и не появилось, перешла в следующую. В девять с копейками, приехал на своей старой «Ниве» Черт. Покрутился по дому, бесцельно и, казалось, бессмысленно, заглядывая во все дырки, сожрал все, что еще оставалось не съеденным в холодильнике, «понюхал» воздух своим длинным еврейским носом, и в конце концов заявил голосом, в котором не звучало ровным счетом ни одной человеческой ноты, что можно ехать. Но сразу выехать не получилось. Сначала, Пика подгримировала себя и Лису, заодно «сваяв» ей и Алексу по вполне приличному парикю, Лисе — рыжий, а оператору — сивый. Затем прибрались в доме и запечатали вход в подвал, так что без очень специального оборудования или классного «нюхача» сразу и не найдешь, даже если знаешь, что искать. Еще потом, Лиса написала все еще безмятежно спящему Быку нежное письмецо в стиле тех записочек, которые могли оставить и оставляли Леве Конопенникову его многочисленные бляди, но, включив в него, как бы между делом, пару слов, которые объяснят проснувшемуся поутру кооператору, что они ушли надолго. Все это время, Черт бродил по дому, впрочем, никому особенно не мешая, а Алекс сидел с отрешенным видом в кресле напротив выключенного телевизора, гуляя, черт знает, в каких электронных сетях. Во всяком случае, находиться эти сети могли где угодно, Алекс легко доставал даже до Америки и Австралии.

— Куда поедет? — равнодушно спросил Черт, когда все расселись в салоне машины.

— В Питер, — коротко объяснила Лиса.

— У тебя скоро масло потечет, — сказала Дама Пик.

— Знаю, — Черт завел мотор и тронул машину с места. — Но до Ленинграда продержится, а там я другую угоню.

— Я подремлю? — спросил Алекс.

— Мне без разницы, — от интонаций Черта можно было на стенку полезть, но лучшего боевого мага в европейской части СССР по данным Лисы теперь не было.

— Я тоже отключусь, пожалуй, — сказала она, как бы размышляя вслух. — Как считаешь?

— Гуляй, — ответил он. — Два часа я тебе гарантирую. Встретишь Багиру, передай ей, что «все по-прежнему».

— Ладушки, — сразу же согласилась Лиса. — Пика ты меня за руку поддержи, хорошо?

— А может быть, хватит? — но Дама Пик все-таки взяла ее за руку.

— Я ненадолго, — ответила Лиса и закрыла глаза.

Звездное небо, светлое небо... Дорога была проторена много лет назад и давно уже являлась всего лишь рутинной. Главное знать, когда и где, остальное — голая техника.

Почти у самых ворот она встретила знакомую девочку, которая, насколько могла понять Лиса, приходила сюда из какого-то сибирского укывища. Вполне возможно, это был один из тех лагерей, которые создавала она сама, но девочка была хоть и молоденькая совсем, но грамотная, и язык держала за зубами.

— Привет, — сказала Лиса, подходя.

— Здравствуйте, донна Рапоза, — девочка явно обрадовалась встрече и, зная правила, сразу же приступила к делу. — Извините, пожалуйста, но вы здесь ведь всех знаете, а я...

— Без предисловий, — Лиса помнила, что Черт дал ей всего два часа, а дел было много. — Чем я тебе могу помочь?

— Я ищу одного человека.

«О, господи! — подумала с тоской Лиса. — И ты, бедная, кого-то ищешь! Все мы, как тени в чистилище, кого-то ищем, вот только найти не можем».

— Кого? — спросила она, на всякий случай, улыбнувшись, чтобы ободрить явно стеснявшуюся своей дерзости Читку.

— Фарадея, — тихо сказала девочка, которая, вероятно, знала, какой услышит ответ, но все-таки на что-то надеялась, спрашивая о Кайданове, вероятно, каждого, до кого могла добраться.

— Фарадей погиб много лет назад, — ответила Лиса.

— Извините, — девочка как-то неуверенно улыбнулась и сделала движение, чтобы уйти прочь.

— Постой!

«Я делаю глупость», — сказала она себе, но остановиться уже не могла.

— Зачем тебе Фарадей, ты же еще в пеленки писала, когда его...? — но закончить фразу так, как следовало, не смогла.

— Он...

— Не хочешь, не говори.

Это была железная формула, ее бы следовало высечь в камне и поставить над входом в Город.

— Он мой отец.

«Вот даже как! Впрочем, почему бы и нет? Двадцать пять лет...»

— Мать жива?

— Нет, — покачала головой девочка. — Она была в колонне Чары.

В девяносто четвертом, Чара — Ольга Кузьмина — собрала всех оставшихся в живых после большой зачистки магов северного Казахстана и попыталась прорваться в Китай. Трудно сказать, на что она рассчитывала, но, скорее всего, ни на что. Это был жест отчаяния, но правда и то, что Ольга обладала необходимыми для такого дела харизмой и железной волей. Собрать вместе полторы сотни запуганных, полусумасшедших людей — индивидуалистов и эгоистов от природы — и повести за собой, мог не каждый. Она смогла... Твин говорил, что крови там было пролито столько, что даже ему было страшно. Два полка ВДВ, бригада спецназа КГБ, почти полная дивизия НОАК. Это сколько же трупов?

«Господи! — подумала Лиса, глядя на несчастную Читу. — Господи! Когда же это кончится?»

— Были слухи, — сказала она вслух, осторожно подбирая слова. — Были слухи, что Фарадей сменил личину.

— А разве можно сменить личину? — удивленно спросила Чита.

«Хороший вопрос!»

— Не знаю, — покачала головой Лиса. — Говорят, можно, но я не знаю.

— Спасибо, — девочка смотрела серьезно и строго, как взрослая. — Я вам обязана, донна Рапоза.

Она поклонилась и пошла прочь, свернув в первую попавшуюся на пути улицу, а Лиса проводив ее взглядом, пошла своей дорогой. Время уходило, а до Моста путь был не близкий.

3

Вероятность того, что Монгол находится сейчас в Городе, была невелика, но Лисе сказочно повезло, он оказался на месте, то есть, именно там, где она и предполагала его найти. Компания, как всегда, расположилась около Моста — настоящего каменного моста, отдаленно напоминавшего Карлов мост в Праге, но повисшего над сухим речным руслом. Почему они собирались именно в этом психоделическом месте, оставалось только гадать. Однако, когда миновал очередной узкий и петляющий, как кишка в животе, переулок, Лиса вышла к бывшей реке, то сразу же увидела компанию молодых людей, одетых в восточные халаты и арабские галабии — впрочем, была среди них и одна девушка в индийские сари — которые, рассевшись на огромном цветастом ковре вокруг блюда с пловом, внимали речам старца с длинной седой бородой, одетого, в отличие от них, в строгий черный костюм, но все-таки с тибетейкой на лишенной волос голове. Это и был Монгол собственной персоной. Являлся ли он настоящим монголом, или, как и большинство его учеников, лишь носил личину восточного человека, Лиса не знала. Зато она знала, что если в реальной жизни Монгол и не был одним из Первых — такие вещи обычно утаить было сложно — то уж, во всяком случае, он был умным и порядочным мужиком, и одним из немногих старожилых, которые начали приходить сюда еще в начале шестидесятых.

— Ассалам алейкум, добрые люди! — сказала она, подходя к достархану.

— Здравствуй, Рапоза! — улыбнулся Монгол. — Мы всегда рады гостям. Садись, отведай нашего плова.

— Спасибо, Монгол, — вежливо поклонилась Лиса. — Но у меня очень мало времени. Будет ли невежливо с моей стороны, если я попрошу тебя о кратком разговоре тет-а-тет?

— Это спешно?

— К сожалению, да.

Монгол прикрыл глаза и на секунду задумался.

— Хорошо, — сказал он, вновь открывая глаза. — Поговорим.

— Продолжайте трапезу, — сказал он своим ученикам, вопросительно смотревшим на него, и встал. — Пойдем, Рапоза.

Они медленно дошли до Моста и вступили на каменные плиты.

— Слушаю тебя, — сказал он, когда они удалились уже на порядочное расстояние от компании, продолжавшей неторопливо переговариваясь, уплетать плов.

— У меня два персональных вопроса, — сказала Лиса и тут же подняла руку, останавливая готового возразить Монгола. — Не о живых. И два общих.

— Слушаю тебя, — повторил Монгол.

— Ты знал Иакова? — спросила Лиса.

— Да, — кивнул ей в ответ Монгол.

— Когда он здесь появился?

— Не помню.

— Спасибо, — сказала Лиса. — Ты знал человека, который называл себя Некто Никто?

— Я с ним встречался.

— Когда?

— Давно.

— Больше ничего не скажешь?

— Скажу. Некто сделал очень много для нашего выживания, но сам он всегда оставался в стороне.

— Можно ли сменить личину? — спросила Лиса.

— Можно, — так же коротко ответил Монгол.

— Как?

— Нужны талант или обстоятельства, или то и другое вместе.

— Спасибо.

— Это все?

— Нет. Последний вопрос. Что произошло в восемьдесят девятом?

Почему она его об этом спросила? Лиса этого не знала, потому что собиралась задать совершенно другой вопрос, но неожиданно подумала об этом, хотя не смогла бы сейчас вразумительно объяснить, что именно имеет в виду.

Монгол повернулся к Лисе и внимательно на нее посмотрел:

— Ты очень умная женщина Рапоза, — сказал он медленно. — Очень. Удивительно, но ты первая, кто меня об этом спросил. Я расскажу тебе, но учти, на самом деле, в восемьдесят девятом все закончилось, а начиналось все это гораздо раньше. Ты умеешь делать табак?

— Только «Шипку».

— Никогда не думал, что ты болгарка, — улыбнулся Монгол, который, наверняка, успел за долгие годы, проведенные в Городе, узнать много интересного про то, какие странные чудеса могут здесь происходить.

— Я тоже, — усмехнулась Лиса. — А вино у меня получается только французское, вероятно, потому, что я родом из Гаскони.

— Сделай мне, пожалуйста, одну, — кивнул Монгол.

Лиса пожалала плечами и вытащила из воздуха две дымящиеся сигареты, Монголу и себе.

— Так, — он сделал глубокую затяжку, потом медленно выпустил изо рта сизый дым и наконец посмотрел на Лису. — Сначала факты, как я их вижу, потом интерпретация, как я понимаю эти факты. Если захочешь, можешь поучаствовать.

— Спасибо, — сказала Лиса. — Так что же случилось, и когда?

— Ты знаешь историю Израиля? — неожиданно спросил Монгол.

— А это...? Впрочем, тебе виднее. Как все. В общем плане.

— Есть такая книга «Октябрьские игры», ее написал Генри Киссенджер, это...

— Я знаю, кто это, — остановила Монгола Лиса.

— Он описывает дипломатические усилия, предпринятые американцами и русскими в 1973 году, чтобы предотвратить новую войну между арабами и евреями.

— А должна была быть война?

— По всем прогнозам, да, — кивнул Монгол. — Считается, что это один из немногих случаев, когда русским и американцам удалось что-то сделать вместе. Мы, естественно, не в счет, но о нас и книг не пишут.

— Да, уж, — согласилась Лиса. — О нас не пишут.

— И не напишут. Но вернемся к твоему вопросу. Через десять лет после событий, описанных Киссенджером, все происходило с точностью до наоборот. В восемьдесят третьем, воевать хотели все, и израильтяне, и арабы. И что сделали Великие Державы? США практически оплатили постройку ста истребителей-бомбардировщиков «Лави», на тот момент лучших боевых самолетов этого класса, и продали Израилю другую военную технику на пять миллиардов долларов. Немцы подарили две подводные лодки. А СССР в это время гнал в порты Египта и Сирии пароходы с оружием в таком количестве, что России — с ее небольшим торговым флотом — не хватало бортов. Мне рассказывали, что были задействованы даже рефрижераторы, снятые с рыбных промыслов.

«О чем он? — удивленно думала Лиса, слушая медленную „вдумчивую“ речь Монгола. — Какое все это имеет отношение к восемьдесят девятому году?»

— Война началась на Пасху восемьдесят четвертого года, — продолжал между тем Монгол. — Арабы атаковали, казалось, застав наконец израильтян врасплох. Однако, как выяснилось уже на следующий день, евреи к войне были готовы. В первый день, они изящно подыграли арабам, втянув их в битву, а потом контратаковали.

— Я помню, — на всякий случай предупредила Лиса.

— Молодец, — усмехнулся в ответ Монгол. — Про коды ты тоже знаешь?

— Про какие коды? — растерялась она.

— Ну не знаю, как все это называется на самом деле, только евреи, как, оказалось, знали коды, частоты, или что там у них, русских систем ПВО, защищавших египетские и сирийские войска. Через двое суток, израильские танки были уже в восьмидесяти километрах от Каира и в шестидесяти — от Дамаска, Рабат Амон горел... В общем, многим казалось, что повторяется шестьдесят седьмой год. Однако война на этом не закончилась. Арабы были уже совсем не те, что двадцатью годами раньше, они выдержали удар, перегруппировались, подтянули резервы и снова перешли в наступление.

«Интересно, — думала она с тоской, слушая медленный голос Монгола. — Сам он когда-нибудь служил в армии? Хоть в какой-нибудь? И в какой кстати?»

О Монголе она знала только то, что можно было узнать, находясь в Городе. Все, что

относилось к земной жизни этого человека, всегда было скрыто под плотным покровом тайны, из под которого, насколько знала Лиса, никогда за все эти годы не просочилось ни капли внятной информации.

— Ты была тогда здесь? — неожиданно спросил монгол, отбрасывая окурок.

— Не помню точно, — пожала плечами Лиса. — Может быть, и была, а что?

На самом деле, она великолепно помнила те дни, вернее вспомнила их сейчас. Пасхальные праздники у евреев наступают раньше, чем у православных, и вся эта предпасхальная неделя 1984 года запомнилась ей гоном. Ее вычислили в Кракове и гнали потом до самого Бухареста, но так и не поймали. В Бухаресте Лисе буквально чудом удалось оторваться и вернуться через Констанцу в СССР. Паром прибыл в Одессу, как раз в день Пасхи.

«А православная Пасха в тот год совпала с католической, — вспомнила Лиса. — По-моему, это случается крайне редко».

— Не помню точно, — сказала она вслух и вопросительно взглянула на Монгола. — Может быть, и была, а что?

— Ну не помнишь, так не помнишь, — усмехнулся Монгол, только вот усмешка у него была невеселая. — Впрочем, здесь и не видно было ничего. Все совершалось там, на Земле. Но только после этой войны, Рапоза, сюда перестало приходить очень много людей. Ничего определенного, — он поднял руку, останавливая встрепенувшуюся было Лису. — Но факт. Однако мы договорились, что сначала факты, потом интерпретация. По официальной версии, пятнадцатого апреля Египет и Ирак ввели в бой большие резервы, о которых израильская разведка ничего не знала. Евреи были неприятно удивлены и начали отступать, однако на следующий день, шестнадцатого, Израиль сыграл ва-банк, применив ракеты с новыми и совершенно секретными субъядерными боеголовками. Результаты были ужасны. Рухнула Асуанская плотина, и вода из озера Насера пошла вдоль русла реки, как рубанок по доске, сметая все на своем пути. То же самое случилось с плотинами на Евфрате.[17] Вспыхнули нефтяные поля в Кувейте, Ираке, Саудовской Аравии и Эмиратах... Двадцатого под нажимом СССР и США военные действия в регионе прекратились. Еще через месяц начались переговоры на Родосе, а в августе был заключен мир.

— И что это значит? — спросила Лиса, уже сообразившая к чему клонит Монгол, и зачем он взялся рассказывать ей старые новости.

— Давай подумаем, — как ни в чем, ни бывало, предложил Монгол. — Прошло уже пятнадцать лет, но данных о таких мощных боеприпасах, которые была бы способна доставить к цели ракета средней дальности типа израильского «Иерихона», так и не появилось. Информации об израильских ракетах полно, даже об их атомном оружии написаны целые книги, а об этом ничего, как и о том, откуда взялись все эти резервы у арабов. И заметь, Рапоза, ни арабы, ни евреи этот вопрос не муссируют. Все молчат.

— Ты полагаешь, что сначала арабы, а потом и евреи нарушили Соглашение? — прямо спросила Лиса.

— Я не думаю, — покачал головой Монгол. — Я знаю. До интерпретаций мы еще не добрались, пока я все еще излагаю факты, только от общеизвестных мы перешли к малоизвестным.

— Ты можешь мне сказать, что ты знаешь? — Лиса понимала, что, возможно, просит слишком много, но если Монгол взялся ее «просвещать», то, может быть, он будет откровенен чуть больше, чем обычно?

— Могу, — Монгол посмотрел на свои пустые руки и снова поднял взгляд на Лису. — Сделай мне еще одну сигарету, Рапоза, а я могу угостить тебя чаем. Хочешь?

— Нет, — улыбнулась она, протягивая Монголу еще одну «шипку». — Но за предложение спасибо. Итак?

— Несколько моих знакомых, — осторожно сформулировал свой ответ Монгол. — Находились тогда в этом районе. «Откат» был таким сильным, что его можно было почувствовать за много километров от фронта. Там волховало очень много магов, Рапоза, и многие из них погибли. Я полагаю, что египтяне и сирийцы выпустили своих ручных магов. Израиль колебался часов пять или шесть, но в конце концов ответил тем же. Однако к этому моменту в деле были уже все маги Арабского Востока, и евреи начали уступать...

Монгол замолчал, и некоторое время стоял, не произнося ни единого слова. Стоял и смотрел в глаза Лисе.

— А потом в игру вмешался кто-то из Первых, и я практически уверен, что это был Аарон.

— Ерунда, — поморщилась Лиса. — Не обижайся, Монгол, но тебя кто-то обманул. Никто из Первых никогда не был «ручным». Ни у одного правительства не хватило бы сил, чтобы заставить таких магов служить им цепными псами. Они потому и Первые, что превосходили всех нас своей мощью. Да и людьми они, по-моему, были уже только по происхождению.

— Ты ошибаешься, — улыбнулся в ответ Монгол. — Сумасшедшими, «не от мира сего» чаще всего оказываются, как раз относительно слабые маги. Чем сильнее волшебник, тем легче ему справляться с безумием, которое мы все носим в себе. А по поводу Аарона, я и не утверждаю, что он работал на израильское правительство. Вполне возможно, он полагал, что спасает свой народ. Ты же знаешь, несмотря ни на что, у многих из нас, впитанные с молоком матери, национальные и религиозные сантименты оказываются сильнее наших личных проблем. Аарон... Ну скажем так, Аарон был трепетно привязан к своим корням.

Ну что ж, в том, что говорил сейчас Монгол было много правды. Любой, кто приходил сюда достаточно часто, рано или поздно встречал в Городе тех, для кого принадлежность к своей религии или нации была важнее сохранения инкогнито, за которое руками, ногами, и только что не зубами, держались остальные. За двадцать пять лет, Лиса перевидала здесь, в Городе, множество этих несчастных: ультра религиозные евреи, мусульманские шейхи, сикхи, православные священники, китайские коммунисты, католические монахи... Их было очень много, и все они очень быстро погибали, потому что вычислить их было слишком просто.

«Фанатики...»

Однако Аарон все-таки был другим. Лиса его хорошо помнила и могла сказать совершенно определенно, в Аароне не было ничего, что могло бы подсказать ищущим глазам противника, кто он, и откуда. Даже имя его никому и ничего не могло подсказать, потому что такое псевдо мог выбрать и протестант, и даже католик.

— Но своим вмешательством он должен был себя выдать, — сказала Лиса.

— Совершенно с тобой согласен, — кивнул Монгол. — И это очень интересный факт. Он ведь, судя по всему, из Израиля не уехал, и, тем не менее, до 1989 года его никто не трогал. Пять лет...

— Значит, он действовал по собственной инициативе, но тем не менее...

— Тем не менее, — повторил за ней Монгол. — Тем не менее. Но давай, Рапоза,

вернемся к фактам, а то я вижу, ты спешишь.

Он понимающе улыбнулся.

— Нет, — поспешила сказать Лиса, которую рассказ Монгола заинтересовал не на шутку, даже притом, что она все еще не понимала, какое отношение все это имело к 1989 году, и что, на самом деле, ищет она в этом богом забытом году.

— Ну-ну, — снова улыбнулся Монгол. — Итак, факты. Факты... Как ты думаешь, кто больше всех выиграл от той войны?

— Израиль, — не задумываясь, ответила Лиса.

— Бесспорно, — согласился Монгол. — Однако едва ли не больше от этой войны выиграл СССР. Ты разбираешься в русских делах?

«Некорректный вопрос».

— Ну... — усмехнулась Лиса. — Муж пересказывает мне вечерами статьи из газет, которые читает по утрам.

— Понятно, — совершенно спокойно кивнул Монгол. — Это облегчает мою задачу. К 1984 году СССР вплотную столкнулся с непреодолимыми экономическими трудностями. Специалисты называют это «системным кризисом социализма». Новый Генеральный Секретарь — Андронов, если не знаешь, сменил Брежнева в 1981[18] — предпринимал огромные усилия, чтобы справиться с кризисом, но дело шло плохо. И вдруг наступает апрель 1984 года, и цены на нефть поднимаются почти в десять раз. На нефтяные деньги Андронов произвел модернизацию страны, и СССР, которому специалисты типа Бжезинского предрекали скорый конец, устоял и, как ты знаешь, неплохо существует до сих пор.

— Черт!

— Я вижу, ты поняла.

— Монгол...

— Ты хочешь спросить, почему об этом не трубят на всех углах?

— Да, что-то вроде того, — призналась Лиса.

— Ну, во-первых, по горячим следам это не было так уж очевидно. В конце концов, от цен на нефть выиграли и другие страны, Алжир и Иран, например, или та же Норвегия. Во-вторых, надо было прожить следующие пять лет, чтобы увидеть развитие некоторых процессов в перспективе, да и тогда, разобраться в этом было не так уж просто. Ведь у каждого события имелась вполне логичная причина. Посмотри на вещи глазами современника. Что такого необычного тогда произошло? СССР формально действовал в интересах арабов, буквально, шантажируя Израиль новой войной и военной интервенцией. Европа хотела мира любой ценой, задыхаясь от роста цен на энергоносители, и желая как можно скорее открыть Суэцкий канал. США... И у них ведь были свои заботы, которые для них, что естественно, были куда важнее, чем вопли израильтян о справедливости. В результате, Израиль отступил от Канала, вернув Египту чуть ли не половину Синайского полуострова, да еще почти четверть оставшейся в его руках территории должен был отдать, чтобы создать там независимое палестинское государство. И на международный статус храмовой горы в Иерусалиме пришлось согласиться, и Голаны вернуть... В арабских странах до сих пор поют осанну своим советским друзьям, обратившим поражение в победу. Но на Родосские договоры, можно посмотреть и по-другому. За следующие три года, Израиль был признан практически всеми арабскими странами. Большой дружбы не вышло, но холодный мир лучше горячей войны, не так ли? Голаны по тому же договору были сданы Сирией

Израилю в аренду на девяносто девять лет, палестинский вопрос разрешился, территория, в любом случае, расширилась... А в восемьдесят пятом, в рамках программы идеологической Перестройки и «возвращения к ленинским принципам», если ты знаешь, Рапоза, о чем я говорю, СССР выпустил почти триста тысяч евреев, и еще около двухсот пятидесяти — в 1988 году. Правда, вместе с ними, немцами, греками и турками, коммунисты вытолкнули из страны практически всех своих диссидентов, но в результате, все оказались в выигрыше. Гласность, второй НЭП... Растроганный Запад, заинтересованный к тому же в русской нефти и газе, простил советам и смерть академика Малинина, и польский блицкриг.

— Ты хочешь сказать, — осторожно сформулировала свою мысль Лиса. — Что русские решали свои проблемы, но при этом не забыли расплатиться с теми, кто помог им их решить?

— Очень похоже, не правда ли? — Монгол выбросил в сухое русло второй окурок и провел ладонью по лицу. — Вот только Аарон... В этой истории, Рапоза, явно чего-то не хватает. Аарон ведь был американцем, а не русским. Как Андронов смог заключить с ним договор?

— А если существовал посредник?

— Да, я тоже об этом думал, — согласился Монгол. — Но так и не решил, кто бы это мог быть, ведь все концы были обрублены в восемьдесят девятом. В восемьдесят восьмом, американцы съели Северную Корею, и в СССР поняли намек правильно и вернулись к статус кво: не использовать магов в военно-политических конфликтах. В феврале восемьдесят девятого в СССР произошел переворот, а вскоре погиб Аарон, которого израильтяне не трогали целых пять лет, хотя, наверняка, вычислили еще в восемьдесят четвертом. Не могли не вычислить! Ты же понимаешь. Но он был единственный Первый, кто тогда погиб, следовательно, или посредника не тронули (почему?), или он умер к тому времени сам.

— Это все, — неожиданно резко закончил Монгол и, отвернувшись от Лисы, пошел обратно, к своему достархану.

Пройдя несколько шагов, он обернулся медленно — всем корпусом — посмотрел на так и оставшуюся стоять на месте Лису усталыми стариковскими глазами и тихо сказал:

— Я не знаю, что ты задумала, Рапоза, но постарайся уцелеть. Я буду за тебя молиться, но бог редко вмешивается в дела смертных, даже если наделил их таким Даром, как нас. Промысел его непостижим, так что надеяться можно только на себя. Прощай.

4

— Сколько? — спросила она, возвращаясь в себя. В салоне несущегося сквозь ночь автомобиля было темно, но зато тепло и уютно.

— Два часа семнадцать минут, — сразу же откликнулась Дама Пик, убирая свои пальцы с ее руки. — Ты вовремя, Нота. Километрах в двадцати — милицейский пост. Может быть, и ничего, а может быть, что-то.

— Термос у тебя далеко?

— Хочешь пить?

— Да.

— Сейчас налью, — Пика завозилась, доставая из рюкзака, стоявшего у нее в ногах, термос, а Лиса попыталась «увидеть» дорогу впереди, но перед ее внутренним взором клубился лишь сизый туман, пробиваемый по временам проблесками приглушенного света, похожими на отсветы далекой грозы.

— Алекс! — позвала она, но Алекс не откликнулся и даже не пошевелился.

— Черт, толкни его, пожалуйста, он мне срочно нужен.

Ничего не ответив, и не поворачивая головы, Черт быстро и резко ткнул Алекса локтем в ребра и продолжал, как ни в чем, ни бывало, гнать машину сквозь набирающий силу дождь. Алекс испуганно охнул, подхватился, и стал ошарашено озираться по сторонам, пытаясь понять, что случилось.

— Алекс!

— Да... Что? — Алекс повернулся на ее голос, и Лиса увидела его бледное испуганное лицо. — Где мы?

— Успокойся, Алекс, — сказала она мягко. — Все в порядке. Мы в машине, едем в Питер.

— А? Да! — Алекс хлопнул себя по лбу и облегченно выдохнул воздух. — Ну вы звери просто. Разве можно так, я там такой фильм смотрел...

— Порнуха? — подал свой равнодушный голос Черт.

— Нет, но тоже про любовь.

— Угмонитесь! — потребовала Лиса, продолжавшая раз за разом штурмовать вставший на пути ее «взгляда» туман. — Впереди заслон. Пика «видит» милицию, а я не вижу ничего.

— Твою мать, — сказал Черт, но эмоций в его голосе по-прежнему не было никаких. — Я тоже вижу только ментов. Трое, один автомат.

— Алекс!

— Сейчас, — встревожено откликнулся Алекс и на минуту замолк, уйдя в никуда.

— Ты как, Черт, в форме? — спросила Лиса, готовясь к бою. По всему выходило, что они вляпались. Если это действительно заслон, то даже свернуть они теперь не могли.

— Я всегда в форме, — Черт оторвал левую руку от руля и почесал шею под воротником рубашки. — Справа километрах в восьми что-то летит. Вертолет, я думаю. Для самолета скорость маловата.

— Там аппаратура слежения, — сказал Алекс, оживая, — Спутниковая связь и какой-то хитрый агрегат со встроенным компьютером.

— Так, — Лиса, когда дело доходило до жареного, умела соображать быстро и по существу. — Едем. Тормозят — встаем, и спокойненько так выходим. Предъявляем документы, поем народные песни. Алекс спит и смотрит сны. Мне нужны все данные по этой их машине. Все, что вытянешь. Ты меня понял?

— Уже, — сразу же согласился Алекс, если чему и научившийся в подполье, это дисциплине, как он ее, впрочем, понимал, но Лису он слушался беспрекословно, твердо зная, что его судьба и жизнь напрямую связаны с ее жизнью и судьбой.

— Пика, ты берешь на себя ментов, они ничего не должны понять и ничего существенного запомнить, — продолжала, между тем, Лиса.

— Сделаем.

— Я беру остальных, — она усмехнулась мысленно тому, что с такой уверенностью говорит об этих насквозь гипотетических остальных, которых пока даже «не видела».

— Черт, ты просто водила, смотри, запоминай, но ни во что не вмешивайся. Ты по жизни болван, и тебе все похую. Ты меня понял?

— Как скажешь, — голос Черта скреб по нервам, как железо по стеклу. — Мне и так и так, все похую. Так жить, лучше уж вовсе не жить.

— Три километра, — сказал он после секундной паузы. — Пост ГАИ, в лесопосадке

слева палатка и несколько человек.

Сейчас и Лиса уже «видела» и палатку и семерых вооруженных людей в ней и в кустарнике у дороги, и трех милиционеров на полотне дороги — они проверяли документы у водителя новой «Волги» — и еще троих в фонаре поста, но не только. Ощущение было такое, как будто толпы муравьев одновременно побежали по спине и животу, рукам и ногам.

«Что за дьявол?»

Впереди вспыхнули тормозные огни Газика, ехавшего метрах в восьмистах перед ними, и Черт начал плавно притормаживать, имитируя поведение нормального ночного водителя.

— Второй вертолет слева, — сказал он на случай, если вертолеты чувствует только он один.

— Спасибо, вижу, — Лиса уже была уверена, что это настоящий заслон, вот только на кого он выставлен, она пока не знала. Вполне возможно, это была просто рутина, но нельзя было исключать и возможности того, что ее кто-то сдал, и что «охотники» ищут именно их, Лису и ее людей.

— Внимание, — Черт не удосужился даже обозначить восклицания. Он просто сказал, «внимание», и начал тормозить, реагируя на властную отмашку гаишника.

Лиса бросила быстрый взгляд на «спящего» Алекса, на пьющую прямо из бутылки пиво Пика, почувствовала выходящего на боевой взвод Черта, и окончательно вошла в «кураж», который до этой секунды удерживала где-то на краю сознания.

— Ваши документы, пожалуйста...

Но она уже не слушала. Открыв дверцу, Лиса вышла под дождь и «поплыла» по большому кругу, ловя в выброшенную в небо «сеть» проявления чужих сознаний. Милиционеры ее не интересовали, хотя в памяти одного из них и мелькнул фоторобот с узнаваемым лицом уже не существующей материально Алисы Дмитриевны Четвериковой. Менты были не ее заботой, и Лиса без сожаления выбросила их из своего «невода», как выбрасывают рыбаки сорную рыбу. Гораздо интереснее были вооруженные люди, прятавшиеся в зарослях справа и слева от дороги. Все они прошли специальную подготовку и были на редкость хорошо «зомбированы», так что ни Пика, ни Черт их бы не вяли, но Лиса была этим мужикам не по зубам. Если, не дай бог, что-то сорвется и ее вмешательство все-таки обнаружится, считай, она не только пальчики оставила, но и расписалась под протоколом опознания.

Она уже завершала круг, когда поняла, что тот человек, который сидел в палатке, спрятанной в лесопосадке, это единственная среди спецназовцев женщина, и что чувство дурноты, с которым вот уже вторую минуту боролась Лиса, и стада «муравьев», ползавших теперь не только по ее коже, но и по внутренним поверхностям желудка и легких, напрямую связаны с тем, что делает эта драная сука своей «рацией». Бешенство, охватившее Лису, было настолько беспощадным, что она чуть не прибила капитана Аллу Борисовну Приходько на месте, но, в любом случае, вспышка «святого безумия» помогла ей перебороть накотивший был приступ слабости, стоило ей только коснуться «горячего» ящика, над которым колдовала Приходько.

— Все в порядке, — сказал за спиной гаишник. — Можете ехать дальше. Обратите внимание, у вас левый габаритный перегорел.

— Спасибо, — ответил Черт. — Утром поменяю.

Времени оставалось в обрез, и Лиса, больше не церемонясь, попросту «взломала» капитану башку, потроша ее по живому, хотя и знала, что месяцев через пять это

«изнасилование» аукнется Алле Борисовне в лучшем случае острым психозом, а в худшем... О худшем лучше было не думать, тем более что дамочка сама выбрала свой путь, а через пять месяцев ни одна сволочь уже не разберется, кто и когда «взломал» эту сучку.

Лиса вернулась в салон «Нивы», захлопнула дверь, и откинулась на спинку сидения, чувствуя, как медленно спадает напряжение, и организм возвращается к нормальному функционированию. Черт тронул машину, рядом тяжело выдохнула воздух Дама Пик, и Лиса почувствовала свою мокрую, прилипшую к телу одежду, дождевую воду, струйками стекавшую с ее крашенных волос, и холод, терзающий выстуженное на ветру тело.

— Пика, — попросила она слабым еще, не своим голосом. — Дай мне что-нибудь выпить.

5

Полстакана коньяка и кружка горячего чая способны совершить чудо. Лиса согрелась и восстановилась настолько, что сама смогла высушить мокрую одежду, правда после этого пришлось на пару минут опустить стекла, потому что салон «Нивы» превратился в парную, наполнившись влажным горячим туманом.

— Если общество не возражает, — просительно сказала Лиса. — Я бы и сигарету выкурила.

— Кури, — Черт протянул ей через плечо пачку «Родоп» и, дождавшись пока Лиса вернет ему сигареты, закурил сам. — Что скажешь?

— Мы попали на испытания, — Лиса затаилась, ощущая приятное тепло во всем теле, и смакуя табачный дым. — Вообще-то могли крепко вляпаться. Это был спецназ ГРУ, прикрывавший людей из Военно-Технического бюро.

— Не КГБ? — удивленно спросила Дама Пик, тоже закуривая.

— Нет, — покачала головой Лиса. — Определенно, военные. Там была одна капитан...

— Мне нужна бумага и карандаш — вдруг сказал Алекс, который до этого мгновения вел себя так тихо, что о его существовании все забыли. — Быстро!

В его голосе — редкий случай — прозвучали приказные ноты.

— Ну!

Пика резко нагнулась, разыскивая что-то в своем рюкзаке, но Черт ее опередил. Достав из кармана своей кожаной куртки толстый блокнот, он протянув его Алексу: — Держи. Ручка внутри. Чистые страницы в конце.

— Мне тоже, — Лиса, начавшая перед пробуждением Алекса рассказывать о капитане Приходько, вспомнила теперь из-за чего на самом деле погубила женщину.

— Что у тебя там? — требовательно спросила она Даму Пик и, не дав той даже ответить, буквально вырвала из рук мятую тетрадку в клетку и карандаш. — Всем молчать!

Она положила тонкую ученическую тетрадку на поднятое колено, раскрыла, и стала быстро записывать характеристики прибора, которые считала из головы инженера. Если честно, это была для нее совершеннейшая китайская грамота, удержать которую в голове надолго не представлялось возможным. Поэтому Лиса очень спешила, копируя изъятые из чужой памяти совершенно непонятные ей схемы, формулы, включавшие отдаленно знакомые символы и греческие буквы, и длинные столбцы бессмысленных чисел. Попутно, она записывала на полях, какие-то фамилии и имена, иногда со званиями, а иногда и без, и описывала приметы этих людей, если таковые ей запомнились. Было там и несколько адресов и телефонов, но имеют ли они отношение к делу, Лиса не знала, однако, лихорадочно заполняя страницу за страницей своим корявым детским почерком, она уже

знала со всей определенностью, что сегодня на ночном шоссе случилось чудо, и ей в руки попало неожиданное богатство, истинную ценность которого она не могла сейчас даже оценить.

— Все, — сказал Алекс, разгибаясь (он писал, согнувшись, подсвечивая себе маленьким фонариком). — Я вырву эти странички?

— Рви, — разрешил Черт.

— Давай сюда, — сказала Лиса и протянула руку.

Алекс вырвал странички из блокнота, аккуратно сложил, и, предварительно вернув блокнот Черту, передал через плечо Лисе.

— Ты наши физиономии подправил? — спросила она, вкладывая маленькие листки с нарисованными на них электронными схемами в тетрадку.

— Могла бы и не спрашивать, — обиделся Алекс. — Все путем! Как Пика мне вас «показала», так и подправил. Черт — блондин, образцовый русский пахарь, я пьяный мужик лет под пятьдесят, а вы обе затраханые жизнью доярки.

— Не обижайся, — попросила, сбавив обороты, Лиса, убирая сложенную вдвое тетрадку в карман. — Я еще не отошла просто. Я там, одну женщину искалечила, между делом...

— Мне начинать плакать? — спросил Черт.

— Не надо, — усмехнулась Лиса. — Сделанного не воротишь, а девушка должна была думать, во что впуталась. Силком в Военно-Техническое бюро только наших волокут.

«Мне нужен Фарадей, — поняла она вдруг. — Не зря же он третий день в голове мелькает».

«Если он, конечно, жив», — добавила она через минуту и, обдумав эту мысль, решила, что так оно и есть: очевидно, Кайданов был жив. Оставалось всего ничего — его найти.

Глава 4

Петербург! Я еще не хочу умирать (28–29 сентября 1999)

1

«Петербург...» — за окном шел дождь. Уже не проливной, как ночью, а мелкий, обычный.

«Бесконечный, вечный...» — заштрихованная ниточками медленно плывущих к земле капель, старая петербургская улица казалась чужой и суровой.

«Почему я не удивляюсь?» — Лиса достала из пачки, лежавшей на подоконнике, очередную сигарету и закурила.

Внизу, разбрызгивая воду из луж, проезжали редкие автомобили, да пробирались вдоль домов, как будто опасались артобстрела, одинокие прохожие.

«Чужая территория, — подумала она с тоской. — Территория войны».

В Ленинграде, сколько Лиса помнила себя в этом городе, всегда шел дождь. Дождь, сырость, тоска.

Ее смущало лишь то, что в голове крутилась совсем не подходящая к случаю старая песенка Аллы Борисовны:

«Я вернулась в мой город, знакомый до слез...»

Казалось, песенка крутилась в голове просто так, но возможно, все это было неспроста. Иди, знай, может быть, это душа вещует? Или Алла Борисовна Приходько навеяла?

«Просто так только мухи рождаются, — сказала себе Лиса. — Как там дальше у Осипа Эмильевича?[19] У меня еще есть адреса?»

В дверь постучали. Тихо, но не робко, скорее интеллигентно.

— Да, Мария Игнатьевна! — громко сказала Лиса. — Входите, пожалуйста!

Дверь, покрытая белой облупившейся краской, скрипнула, отворяясь, и в проеме появилась маленькая аккуратная старушка с седой кичкой на голове.

— Извините, Наташенька, что беспокою, — Мария Игнатьевна явно была смущена тем, что нарушает ее покой. — Но я подумала, вы, возможно, проголодались с дороги, а у меня вот, как раз, грибной суп...

— Спасибо, милая Мария Игнатьевна! — улыбнулась Лиса. — Спасибо, родненькая. И ничего вы меня не беспокоите, и суп ваш пахнет восхитительно — я его даже здесь унюхала — но я не хочу сейчас. Честное слов! Вы ведь не обидитесь на меня?

— Ну что вы, Наташенька! — все было бы ничего, вот только глаза у старушки были такие, что выть хотелось. Выть и убивать!

«И такие есть, — с тоской подумала Лиса, изо всех сил улыбаясь старушке. — И сколько их таких?»

Они добрались до Питера ранним утром, поколесили по городу, «отрабатывая» возможную слежку, но все было тихо, и Черт наконец вывез их на Петроградскую сторону и медленно поехал, сворачивая с одной улицы в другую. Первой нашла приют Пика, прихватившая заодно и Алекса, который в таких делах был абсолютно беспомощен, а еще минут через пять настала очередь Лисы. Черт как раз притормозил, чтобы дать Лисе «взять» тощую высокую старуху в доисторическом плаще, вышедшую под дождик, по-видимому, чтобы выгулять собаку, когда в голове у Лисы — а значит и у Черта — раздался холодный и властный «голос».

— Если надумали воевать, то вам лучше убраться с моей улицы, — «сказал» некто, остающийся невидимым и непознанным.

— Не извольте беспокоиться, — внятно, как ребенку, ответила Лиса, «высматривая», между тем, того, кто рискнул вступить с ней в контакт. — Я просто путешествую.

Черт — умный бес! — молчал, как будто ничего и не слышал.

— Бежишь? — «спросил» голос, и Лиса почувствовала интонацию и сразу же увидела маленькую чуть полноватую старушку, притаившуюся за окном четвертого этажа.

«Бедная, — мимолетно подумала Лиса. — Столько лет таиться, чтобы так проколоться. Еще спасибо, что это я, а не кто-нибудь другой».

— Бегу, — подпустив слезу, ответила она.

— Антоновну не трогай, — невнятно, по-видимому, от усталости «сказала» старушка. — Вон перед тобой парадная, четвертый этаж, номер сорок семь. Поднимайся, приучу.

— Спасибо, — «поклонилась» Лиса и, подхватив сумку, вышла из машины.

— Спасибо вам, товарищ, — сказала она громко, обращаясь к Черту, и вопросительно на него взглянула.

— Бывай, — равнодушно ответил Черт и чуть прикрыл глаза. Он все слышал, оставшись, тем не менее, вне игры.

Старушка была «скрытница», но от себя ведь не уйдешь: услышала Лису (значит, потенциально была незаурядной колдуньей) и купилась, не смогла сдержать желания «поговорить».

— Тебя, как мама в детстве называла? — спросила вдруг Мария Игнатьевна.

— Натой, — на автомате ответила Лиса, и мозаика сложилась.

«Ната!»

— Кто у вас? — спросила она вслух, подходя к Марии Игнатьевне, и обнимая ее за плечи.

— Сын с невесткой, — тихо ответила старушка и заплакала.

— Живы? — спросила Лиса, поглаживая женщину по голове и плечам.

— Не знаю, — сквозь слезы ответила та. — Ничего не знаю... Пятнадцать лет прошло, и ни слуху, ни духу, ничего...

2

Можно было бы и догадаться, не такая, в принципе, и дура, но все случилось, как и должно было случиться, то есть как всегда. Впрочем, Лиса не заблуждалась и не питала иллюзий. Она давным-давно знала, что никакой логики в том, как «вещует» душа, нет, и быть не может. Здесь ничего нельзя было поверить алгеброй, даже если затем, все становилось очевидным настолько, что приходилось стыдиться за свою тупость. Обратным взглядом посмотреть, все ясно. Однако когда каша только заваривается, логику отрубает напрочь, хоть головой об стену бейся, ничего не ясно.

Она открыла зонт и медленно, с удовольствием вдыхая сырой прохладный воздух, пошла по улице Воскова к Маркина и уже по ней в сторону Кронверкского проспекта. Оставалось решить, как связаться с Натой, а в том, что Наташа жива, Лиса почему-то совершенно не сомневалась. А раз не было сомнений, то так оно и было, в этом она тоже убеждалась не раз и не два. Вот если бы и с двумя другими нужными ей людьми дело обстояло так же просто, жизнь обернулась бы легкой прогулкой, а не поиском в лабиринте, полном змей и крыс.

В конце концов, все, как это часто случалось с ней и раньше, решил случай. На углу Маркина и Кронверкского стояла будка телефона-автомата, и Лиса, не раздумывая, направилась к ней.

«Если трубка срезана или телефон не работает...» — подумала она, но автомат оказался исправным и номер телефона всплыл в памяти, как если бы и не прошло столько лет.

— Здравствуйте, — сказала она в трубку, услышав незнакомый сиплый голос, который с одинаковой вероятностью мог принадлежать и мужчине и женщине. — Будьте любезны, Наташу!

— Я вас слушаю.

— Наташа?

— Да.

«Наташа?!»

Теперь надо было срочно что-то соображать.

— Извините, пожалуйста, — сказала Лиса. — Вы меня не знаете, но меня просила передать вам привет ваша однокурсница, Катя Милютинина.

Линия была «чиста», но это говорило только о том, что сейчас Нату не прослушивают. Однако всегда существовала опасность, что поисковый компьютер отслеживает определенные сочетания слов.

— Милютинина? — спросил чужой голос. — Это девичья фамилия или...

— Ой! — сказала Лиса. — А я не знаю. Наверное, по мужу.

— Милютину не помню, — с сожалением сказала Наташа, если, конечно, это была она.

— А она меня просила передать вам посылочку, — «растерянно» сказала Лиса. — Мед наш, башкирский, и письмо...

— Ну приходите, — вяло согласилась Наташа.

— А это удобно?

— Адрес знаете, или сказать?

— Знаю.

Она знала адрес, помнила квартиру на Варшавской улице, как будто была там только вчера, но они уже говорили о другом.

— Вот и славно, — сказала Наташа. — Часиков в семь сможете? Чаю попьем с вашим медом...

— Конечно, — «обрадовалась» Лиса. — В семь! Я сейчас по магазинам пробегусь, а к семи буду у вас.

— До встречи.

Короткие гудки.

«Господи! Этот голос...»

3

В три часа, опоздав всего минут на двадцать, Лиса подошла к кооперативному кафе на углу Пестеля и Литейного. Как ни странно, дождь прекратился, и кое-где сквозь просветы в тучах пробивался солнечный свет. Она «понюхала» воздух, но, несмотря на относительную близость Шпалерной и массу спешащего по своим делам народа на проспекте, здесь было «тихо». Пика и Алекс уже были внутри, сидели за столиком в глубине зала и с аппетитом ели жареную свинину в кляре. Лиса, которая не так давно перекусила в попавшейся по пути домовой кухне, заказала себе только кофе с пирожным, а еще через пять минут появился и Черт. Он подсел к ним за столик, с интересом посмотрел каждому в тарелку, но, к удивлению Лисы, есть ничего не стал, ограничившись одним только кофе.

— Оставь, — сказал он Алексу своим равнодушным ко всему голосом и закурил. — У блондинки запущенная гонорея. Намыкаешься потом.

— А у второй что? — как ни в чем, ни бывало, поинтересовался Алекс, рассматривавший двух девушек за столиком у окна.

— У второй, — тем же монотонным голосом ответил Черт, сидевший к девушкам спиной. — Два аборта, а так вполне.

— Зинаида Владимировна, — повернулся Алекс к Даме Пик. — Сделай мне телку, будь другом!

— Совсем обалдел?! — вскинулась Пика, у которой, судя по всему, было сейчас отвратительное настроение. — Я тебе кто?

— Друг, — с наивным простодушием, которое стоило ровно две копейки, ответил Алекс. — Я ведь тебя, как друга прошу.

— И поэтому я должна тебе девок в постель подкладывать?

Лиса покачала мысленно головой, прекрасно понимая, что на этот раз Алексу ничего не обломится, и чуть «тронула» брюнетку, которую держала краем глаза. Сознание у той оказалось путанное, но податливое, тем более что, как поняла Лиса, накануне случился облом, пьяный в дупель приятель заснул прямо на ней, так и не сделав того, чего она от него ожидала.

«Твою мать», — мысленно выругалась Лиса, ощущая себя грязной с головы до ног.

Но дело было сделано, а парня было жаль. Алекс сидел на казарменном положении уже третий месяц, и ему просто необходимо было выпустить пар, особенно, имея в виду предстоящий европейский вояж.

— Иди, — сказала она своему оператору. — Клей! Но в шесть утра изволь быть у паровоза на Финляндском. Ты меня понял?

— Есть, — радостно отрапортовал Алекс. — В шесть на Финляндском. Спасибо.

Он встал из-за стола и пошел «знакомиться», а Лиса проводила его взглядом из-под ресниц и повернулась к Даме Пик:

— Ты тоже свободна.

— Как скажешь, — усмехнулась Пика.

— Так и скажу.

— Ну и ладно, — Дама Пик отодвинула вазочку с растаявшим мороженым и обтерла губы салфеткой. — Пойду, тогда, погуляю, а вечером в Кировский схожу.

— Что дают? — Лису этот вопрос совершенно не интересовал, но Пика была не только ее помощницей, но и подругой.

— «Сильфиду».

— Это балет или опера?

— Балет, — Пика снова усмехнулась и положила ладонь на руку Лисы. — Не бери в голову. Я просто вспомнила молодость. Схожу вот в театр, подцеплю какого-нибудь балетомана, и утром буду, как огурчик.

— Ну смотри, — сказала Лиса.

— Слово, — улыбнулась Дама Пик. — Расплатишься?

— Естественно.

— Тогда, бывай, — Дама Пик кивнула и пошла к выходу.

— Подхватишь меня в девять у моего дома, — сказала Лиса Черту и помахала рукой, привлекая внимание официантки. — А пока, гуляй!

4

«Приехали», — Лиса вышла из метро «Маяковская» и не торопясь, пошла к Владимирскому проспекту.

Она не была на Невском, наверное, лет пять или шесть, но и до того, как окончательно покинула Ленинград, бывала здесь только по «делам», не имея ни времени, ни желания на пешие прогулки. Поэтому сравнивать нынешний Невский по-настоящему она могла только с тем, что сохранила память о конце восьмидесятых, или начале семидесятых. Другой город, другая страна, ну и проспект тоже, разумеется, изменился. На нем появилось очень много примет нового времени: кооперативные и даже частные магазины и кафе, рестораны, о которых в восьмидесятые нельзя было и мечтать. А уж магазин электроники с логотипами всех этих «грундиков» и «соки», расположившийся на противоположной стороне проспекта, как раз там, где начинался перекинутый над проезжей частью кумачовый транспарант «Слава КПСС», показался бы тогда и вовсе бредом сумасшедшего.

«Впрочем, нет, — осадилась она себя. — В восемьдесят седьмом, пожалуй, уже нет. Вот в семьдесят пятом — это да».

Она дошла до Владимирского, дождалась зеленого и перешла на противоположную сторону. Невский 47/2.

«Ну вот я и дома».

Смешно, но так оно и было. Лишившись своего постоянного места на Земле, «дома» она чувствовала себя именно в таких местах, как «Сайгон». Вокзал, аэропорт, «Сайгон», да еще, быть может, «Рим», в котором она тоже не была страшную прорву лет.

Лиса вошла в кафе и осмотрелась. Интерьер практически не изменился, разве что повисла на стене выполненная Шемякиным мемориальная доска, на которой быстрый взгляд сразу выхватил несколько знакомых фамилий. Живые и мертвые, знаменитые и давным-

давно забытые, диссиденты-эмигранты и советские, все они были здесь вместе, как когда-то тогда: Целков и Кит, Бродский, Вензель и Ширали, Карамян, Рейн...

«Господи! Только фамилий стукачей и гебешных лейтенантов не хватает, да про фарцу забыли».

Впрочем, кое-кто из тех, кто фарцевал тогда у интуристовских гостиниц, теперь превратились в советских кооператоров и предпринимателей. Еще и в КПСС, небось, вступили, получив индульгенцию на всю оставшуюся жизнь. Лиса пожалала мысленно плечами и, не задерживаясь, чтобы не привлекать к себе внимания, прошла в глубину зала. Ее, такую, какой она стала теперь, естественно никто не ждал, так что Наташу она должна была найти сама, и нашла, вот только радости ей это не доставило. Лиса взглянула мимоходом в высокое окно, увидела свое отражение — рыжий парик, вычерненные до полной неузнаваемости глаза и пунцовые губы, которые должны были отбить всякое желание запоминать другие приметы — и сразу же почувствовала знакомую ауру. Она обернулась, но женщину, сидевшую за столиком в дальнем конце зала, узнала не сразу.

— Здравствуй, Ната — сказала она, подходя. — Спасибо, что пришла.

— Привет! — женщина говорила сиплым отдышленным голосом, левая сторона серого землистого цвета лица была неподвижна, от чего при разговоре рот, и без того не симметричный, кривился еще больше. — Рада тебя видеть. Честно.

— Останемся здесь? — спросила Лиса, стараясь не показать, насколько потрясена увиденным. — Или пойдем куда-нибудь?

— Пойдем, — Ната встала, подцепила прислоненную к стене палочку и, скособочившись, вышла из-за стола. — Я, как видишь, ходок теперь не ахти какой, но тут недалеко распивочная есть, там и посидим.

Ходила она, и в самом деле, с трудом, но даже медленным шагом они дошли до распивочной, помещавшейся в темноватом подвале внутри одного из близлежащих дворов, всего минут за десять. Лиса хотела помочь Нате спуститься по крутым ступеням вниз, но та отказалась и сошла в подвал довольно уверенно, по-видимому, делая это отнюдь не в первый раз. Здесь ее, как оказалось, действительно знали. Хозяин, стоявший за стойкой, приветливо с ней поздоровался и сразу же налил полстакана коньяка.

— А девочка что пить будет, — спросил он, обращаясь, однако, не к Лисе, а по-прежнему к одной лишь Нате.

— То же самое, — сказала Лиса и, получив от кавказского человека граненый стакан, пошла за Наташей в глубину сводчатого зала, где по времени суток кроме них оказались сейчас лишь трое алкоголиков, сидевших у самого входа.

— Живая, значит, — тихо сказа Ната, усевшись за стол. — А то тут слух прошел...

Прослушки в подвале не было, и, значит, говорить можно было почти свободно.

— Какой слух? — спросила Лиса, закуривая.

— Слух, что Кастора в Брянске завалили.

— Нет, ерунда, — отмахнулась Лиса. — Я в Брянске никогда не была, да и Кастор уже лет восемь, как в отставке.

— Жаль, — сказала Ната, закуривая беломорину.

— Чего тебе жаль, Ната, — прямо спросила Лиса. — Что Кастор не удел, или что меня в Брянске не кончили?

— Кастора жаль, — Ната посмотрела ей в глаза. — Ты, действительно, думаешь, что я могла тебе дурного пожелать?

— Нет, — покачала головой Лиса. — Не думаю.

— И правильно. Когда слух дошел, я неделю белугой выла.

— Ната...

— Не надо, — Наташа выпустила изо рта дым и приложилась к стакану.

— Не надо об этом, — сказала она отдышавшись. — Было, и быльем поросло. Может и к лучшему. Живая, а это по нынешним временам дорого стоит.

— Что произошло? — прямо спросила Лиса, решив, что игнорировать факты недостойно.

— Энгельс, — тихо ответила Ната. — Ты ведь знаешь?

— Да, — кивнула Лиса.

По официальной версии, в апреле 1991 года, на авиабазе в Энгельсе,[20] произошел крупный теракт, совершенный проникшими на территорию СССР из Афганистана исламскими фундаменталистами. В правительственном сообщении, которому, естественно, никто не поверил, говорилось о пятидесяти семи погибших, включая двадцать девять боевиков Талибана и Воинов Исламского Возрождения — полу-мифической радикальной организации, чаще именуемой Татарской Народно-Освободительной Армией. По этому случаю, власти довольно жестко вычистили мусульманские общины Саратовской и соседних областей и ввели военное положение в северном Казахстане, хотя какое отношение ко всему этому имел Казахстан, объяснять не стали. А вот, что произошло в Энгельсе, на самом деле, знали немногие. Однако до Лисы доходили слухи, которые она полагала соответствующими действительности, что за акцией стояла боевая группа Тамила, в которой, по самым смелым предположениям, не могло быть больше десяти человек. Ну и, само собой, Лиса ни на минуту не сомневалась, что число жертв произошедшего должно было измеряться трех — а не двухзначными числами.

— Как ты уцелела?

— Случайно, — пожала плечами Ната. — Мальчик один на себе вынес. Мы двое всего и выжили...

— Ната, — совсем тихо сказала Лиса. — Я могу попробовать...

— Даже и не знаю, — Наташа смерила ее оценивающим взглядом и залпом допила коньяк. — А зачем?

— Но... — начала было Лиса и остановилась. Возражать было глупо. Наташа не кокетничала, она говорила то, что думает.

— Не горячись, — усмехнулась Ната. — В тебе слишком много эмоций, а ведь не девочка уже.

— Теперь, вот снова девочка, — улыбнулась Лиса. — Ната, я уезжаю. Возможно надолго, да и в любом случае, ты же знаешь по лезвию ходим. Но если уцелею, я приду к тебе, и предложу снова.

— Договорились, — кивнула Ната. — Но сейчас-то ты зачем пришла?

— Мне надо попасть в Цитадель, — Лиса понимала на какой скользкий путь встала, но с другой стороны, Нате она, скорее, доверяла, чем нет, а Рапозу все теперь и так знают.

— Тебя не пустят, — Ната помахала рукой, и буквально через несколько секунд хозяин заведения поставил перед ней вторые полстакана.

Когда он отошел, Лиса снова закурила и, выдохнув дым, попросила:

— А ты шепни кому-нибудь за меня, а?

— И ты назовешь мне свой псевдо? — удивленно взглянула на нее Ната.

Они прожили вместе почти три года, но Ната так и не узнала, кто она на самом деле. Таковы были правила игры, и, в большинстве случаев, их придерживались все подпольщики.

— Я Рапоза.

— Ты?! — Наташа чуть не закричала, потому что, наверняка, была ошеломлена. Она ведь всегда держала Лису за маленькую, любила ее, опекала, заботилась... Потому и отреагировала так остро на разрыв, хотя, правды ради, Лиса ее тогда позвала с собой, но Ната оказалась не готова оставить фронт.

— Ты?!

— Это что-то меняет? — спросила Лиса.

— Это много чего меняет, — задумчиво глядя на подругу, ответила Ната.

— Так, шепнешь?

— Катя, — так Лису никто не называл с тех пор, как в восемьдесят девятом она уехала из Питера. — Я ведь не удел уже. Прибилась к «бухгалтерам» из ЦИИД,[21] и...

— Значит, не можешь...

— Я попробую, — Наташа сделала глоток коньяка, поперхнулась и закашлялась, разбрызгивая вокруг себя слюну, летящую из не закрывающегося до конца рта.

— Я попробую, — сказала она, откашлявшись. — Позвони мне утром, хорошо?

— Позвоню не я, — ответила Лиса, подумав. — Он или она скажет тебе, что ищет Бориса Павловича. Если — да, скажи, таких здесь нет, если — нет, скажи, что ошиблись номером. Если они согласятся, я смогу придти к Цитадели завтра в полдень.

5

Лиса вышла из дома ровно в девять, чтобы обратно уже не возвращаться. Погода была холодная, но дождь, прекратившийся около полудня, так и не вернулся, хотя небо по-прежнему было обложено тяжелыми грозowymi тучами. Она прошла несколько шагов вдоль улицы, наблюдая, как тает перед лицом вырывающийся изо рта пар. Душа была беспокойна, но к предстоящей встрече это отношения не имело. На самом деле, само возвращение в Питер оказалось для Лисы куда более эмоционально значимым, чем она могла себе представить прежде. Все-таки с этим городом у нее было связано гораздо больше, чем со многими другими городами, куда забрасывала ее кочевая жизнь профессионального подпольщика. Возможно, все дело было в том, что Ленинград стал первым ее более или менее длительным пристанищем, после того, как однажды октябрьским вечером 1974 года, она из подающей надежды аспирантки филологического факультета Свердловского университета, превратилась в скрывающегося от властей нелегала. Но еще важнее было то, что именно здесь, в Питере, в который ее снова привели путаные тропы подполья, Лиса впервые после многих лет тяжелой безысходной тоски, которую несла в себе, узнала, что такое счастье. И неважно, что в конечном итоге выяснилось, что это не совсем то, что ей нужно на самом деле, потому что Ната не могла и не смогла заменить ей того, кого Лиса, вопреки логике и здравому смыслу, любила все эти годы. Нет, неважно. Оглядываясь назад, она все равно была уверена, что это были по-настоящему счастливые годы. И вспоминались они, как золотое солнечное сияние на фоне пасмурного петербургского пейзажа. Поэтому и встреча с Натой — такой Натой, какой та стала теперь — оказалось для Лисы гораздо большим испытанием, чем можно было заранее предположить.

Черт появился, как всегда, вовремя, притормозил около тротуара и, перегнувшись через пассажирское кресло, галантно распахнул перед Лисой дверь. Он не обманул, и на этот раз вместо старенькой «Нивы» у него оказалась черная «Волга» с госномерами.

— Искать не будут? — на всякий случай спросила Лиса, забрасывая дорожную сумку на заднее сидение и усаживаясь рядом с ним.

— Нет, — коротко ответил он, трогая, и добавил после некоторой паузы: — До утра точно не будут, а утром пересядем в «Газон».

С полчаса он крутил по городу, бесцельно, но строго по правилам сворачивая с улицы на улицу, потом выехал на кольцевую, и только в десять с копейками, окончательно убедившись, что их не ведут, взял курс на Пушкин. Разговаривать не хотелось, а Черт и всегда был немногословен, так что ехали молча, слушали музыку и курили, обмениваясь лишь междометиями и короткими репликами, к предстоящему делу никакого отношения не имеющими.

В начале двенадцатого они остановились на плохо освещенной улице неподалеку от парка, выпили по чашке крепкого горячего кофе из термоса, предусмотрительно прихваченного обстоятельным в вопросах обеспечения Чертом, Лиса добавила еще полстакана коньяка — для куража, и, выкурив напоследок еще по одной — последней — сигарете, вышли в ночь. В парке было темно, сыро и пустынно. Фонари горели только возле дворцового комплекса и на главных аллеях, вся остальная территория была погружена во мрак, лишь кое где разбавленный жидким светом одиноких ламп. Остановившись на минуту, Лиса «понюхала» воздух и почти сразу обнаружила две группы людей: одну метрах в трехстах от них, сразу за слабо освещенной широкой аллеей, и вторую — двигавшуюся по этой самой аллее им с Чертом наперерез. Махно, как предполагала Лиса, вряд ли стал бы выходить на свет, а на группу захвата или патруль идущие по аллее люди похожи не были, так что, скорее всего, это была попросту местная шпана, ищущая приключений на свою и чужую голову. Для Лисы они никакой опасности не представляли, тем более, что она была не одна, однако лишние свидетели им сейчас были не нужны. Черт, который, несмотря на свою силу, а, может быть, как раз благодаря ей, был человеком крайне осмотрительным, если не сказать, осторожным, придерживался того же мнения, поэтому они постояли еще минут пять под деревьями, пока молодняк — а это был, как оказалось, именно молодняк — не пройдет своей дорогой, и только после этого пересекли аллею.

Пройдя еще немного в глубину парка, они вышли на небольшую поляну, где их уже ждали. Махно и его телохранитель стояли под деревьями на противоположной стороне поляны, а еще двое, прикрывавшие встречу, прятались среди деревьев слева и справа от них, но Лиса их прекрасно чувствовала.

— Привет, Махно, — сказала она, поправляя капюшон куртки.

— Здравствуй, Нота, — улыбнулся Махно. — На дворе ночь, а ты в темных очках, с сантиметром шпукатурки на физиономии, в парике и капюшоне. С чего бы это?

— Пластику сделала, — пожалла плечами Лиса, надеясь, что разницы в росте и пропорциях, Махно не почувствует. — Ты моего фейса еще нигде не видел?

— Как же, как же, видели сегодня по ЦТ, — Махно, как всегда, пытался скрыть нервное напряжение за пустой болтовней, но в данном случае, Лисе было даже интересно. Сама она себя еще по телевизору никогда не видела.

— Ну и как я там? Фотогенична?

— Не сказал бы, — развел руками Махно. — Зато узнаваема. Я, как глянул, так сразу и узнал. Другие тоже не ошибутся.

Последние слова он сказал уже совершенно серьезно.

— Кто тебя сдал, знаешь? — вопрос был некорректный, но таков уж был Махно.

— Нет, — Лиса еще раз «понюхала» воздух. Все было спокойно. — Что мне шьют?

— Похищения, убийства, пытки, — чувствовалось, что «веселое» настроение покинуло Махно окончательно и бесповоротно. — Рецидивистка, дважды судимая, побег из колонии... Всесоюзный розыск.

— Ладно, — Лису список ее мнимых преступлений не впечатлил. В конце концов за двадцать пять лет подполья, она успела всякого натворить. — Приступим?

— Как скажешь, — кивнул, сразу успокоившийся Махно. — Ставим немецкий, ты помнишь?

— Помню.

— Ему? — кивнул Махно на молчаливо стоявшего рядом Черта, которого «в лицо» не знал.

— Мне, — коротко ответил Черт.

— Ну иди ко мне сынку, — Махно кивнул на место перед собой. — Становись на колени и опусти голову, как будто сосешь.

— А это обязательно? — спросил, подходя к Махно Черт.

— Нет, — усмехнулся тот. — Если у тебя есть табуретка, я могу на нее встать, тогда и тебе колени мочить не придется.

— Понял, — Черт без дальнейших возражений опустился на колени и склонил голову.

— Вот и славно, — Махно положил руки ему на голову и закрыл глаза. — Все, все молчат. Работаю.

Порыв пронизывающего ветра ударил в лицо и грудь, но ни один листочек не шелохнулся на замерших в осеннем оцепенении деревьях. Лиса отшатнулась, отступив на шаг, и крепко сжала челюсти, сдерживая рвущийся из горла крик. Еще мгновение, и новый удар, от которого басовито загудели нервы, натянутые, как стальные струны, удерживающие в бурю тяжелый подвесной мост. Это было похоже на то, как если бы она стояла, прижавшись всем телом к стене церкви, внутри которой поет невероятный по численности и мощи мужской хор. Но это было только начало, потому что после третьего удара «завизжал» воздух, став сразу каким-то пресным, никаким, таким, что им не хотелось дышать.

«Перебудим всю округу...» — мысль прошла краем сознания, так же как далекий сухой гром едва ли потревожил слух.

Сквозь дрожащий воздух в красных и фиолетовых вспышках видимых только Лисе разрядов, перед ней застыли коленопреклоненный Черт и нависший над ним Махно, как будто специально копирующие рембрантовское «Возвращение блудного сына». Рядом с ними раскачивался, сидя на земле и схватившись руками за голову, охранник Махно, а где-то среди деревьев «резонанс» корежил других его людей. Но Лиса стояла, сама удивляясь той частью сознания, которая все еще была способна осмысливать происходящее, что не упала, не потеряла сознания, не сошла с ума. Раньше она никогда не видела, как «доноры» отдают свое знание, вкладывая его целиком в чужую память, и даже не слышала ни разу о том, какой мощи волшебство потребно для такого дела.

Пятый удар. Она отступила еще на шаг, дыша уже не воздухом, а ледяным огнем, сжигавшим легкие.

«Господи!» — охранник Махно, как подкошенный, упал на бок и замер на белой земле в позе эмбриона.

«Господи!» — кровь кипела в жилах и перед глазами встал багровый туман, а «хор» покинул каменные стены церкви, и мощь басов сотрясала теперь небо и землю, и Лису

вместе с ними.

«Господи!!!»

Все-таки господь услышал, наверное, ее немой вопль, и все вдруг вернулось на круги своя. Ночь, темная поляна в глубине Екатерининского парка, Махно и Черт.

Лиса моргнула и обвела удивленным взглядом поляну. Вся она была покрыта белым инеем: и пожухлая уже осенняя трава, и кусты и стволы деревьев. Застонал, заворочался и начал наконец подниматься с земли, очумело потряхивая головой, охранник Махно, зашевелились среди темных деревьев еще двое, и сам Махно снял вдруг руки с головы Черта и неуверенно отступил назад. Его ощутимо пошатывало, но он улыбался.

— Sie sagen deutsch? — спросил он насмешливо.

— Ja, es ist ein wenig, — равнодушно ответил Черт, вставая с колен. — Also, dich, Махно, das Tier, und nicht der Mensch. Die Minute![22] — И он опрометью бросился в кусты.

— Wessen es er?[23] — спросила Лиса, автоматически переходя на немецкий.

— Zu schreiben ist losgerannt,[24] — вяло ответил Махно. — Вообще-то обычно они пишут в штаны, но твой парень, Нота, просто кремень. Кого-то он мне напоминает, только вспомнить никак не могу.

— Дежавю, — пожалала плечами Лиса, охраняя инкогнито Черта. — Он из новеньких. Слушай, а где ты такой немецкий взял?

— Где взял, там уже нет, — Махно рассеянно огляделся вокруг и задумчиво пожевал нижнюю губу. — Вообще-то пора сматываться. Расшевелил я эфир малеха, неровен час, какая сука учует. Ты помнишь?

— Помню, — кивнула она. — Через полгода.

— Найдешь меня, — улыбнулся Махно и уже собрался уходить, но Лиса его задержала.

— А почему ты не уходишь в Цитадель? — спросила она.

— А ты почему? — вопросом на вопрос ответил он.

— Я с боевкой завязала еще десять лет назад.

— И молодец, — серьезно кивнул Махно. — У тебя есть дело, у меня есть дело, зачем нам эти глупости?

— Но ты ведь регулярно...

— Они должны знать, — жестко сказал Махно. — Я электростанции не атакую, и военные базы тоже. Но они должны знать, что за кровь платят кровью.

— Возможно, ты прав, — задумчиво кивнула Лиса. — Кого ты наметил?

— Толкунова.

— Почему не Голикова или Рудя? — спросила она, удивившись совпадению, ведь и Твин обратил ее внимание именно на этого — нового — члена Политбюро.

— Понравился он мне, — ухмыльнулся Махно, явно уходя от ответа, и зашагал прочь.

6

— Куда теперь? — спросил Черт, выехав на Московский проспект.

— Есть идеи? — Лиса сунула руку в карман куртки и обнаружила там только пустую пачку. Сигареты закончились. — У тебя покурить не найдется?

— Посмотри в бардачке, — свою пустую пачку он выкинул еще в Пушкине, когда они вернулись к машине. — Я думал у тебя все спланировано.

Если находишься рядом с Чертом достаточно долго, тембр его голоса и полное отсутствие интонаций перестают раздражать. Наверное, человек способен привыкнуть ко всему, и к этому тоже.

— Нет, — ответила она со вздохом. — Ничего я на ночь не планировала. Решила, живыми уйдем, и, слава богу. Тогда, и думать станем.

Она открыла бардачок и действительно нашла там початую пачку «ВТ».

— Твой?

— Нет, конечно, — дорога была почти пуста, и, поймав «зеленую волну», Черт гнал «Волгу» куда-то в центр.

«Ну что ж, — подумала она, доставая из пачки сигарету и прикуривая от зажигалки. — Пусть хоть иногда кто-то решает за меня».

— Я свою хату до утра застолбил, — как ни в чем, ни бывало, сказал Черт. — Там и отдохнем. Есть хочешь?

— Да, надо бы, наверное, — она и сама не знала, хочет ли есть, хотя и понимала умом, что подкрепиться все-таки следует. Сколько она протянет на одном кофеине? — А есть где купить?

— Сейчас, — сказал он. — На площади Труда купим и поедем кушать домой.

Он так и сказал, «домой».

«А как бы сказала я?»

Трудно сказать откуда одессит Черт знал все эти подробности. Лисе, например, было совершенно неизвестно, что на площади Труда работает круглосуточная пирожковая, ассортимент которой в половине третьего ночи не мог не удивлять, как, впрочем, и количество покупателей. Более того, пироги, пирожки и булочки, горками выложенные на большие деревянные подносы, оказались свежими, а некоторые — даже горячими, поскольку при магазине имелась своя пекаренка, а запах в торговом зале стоял такой, что у Лисы, на самом деле, потекли слюни.

Они набрали пирожков с мясом, капустой и яблоками, взяли две полулитровые бутылки «Вод Лагидзе», и вернулись в машину.

— Уже близко, — предупредил Лису Черт, но она все равно начала есть сразу же, как только машина тронулась.

— Тогда, и мне дай, — попросил Черт. — С мясом.

Пока Лиса передавала ему пирожок, «Волга» с ветерком пролетела по совершенно пустому мосту Лейтенанта Шмидта, и понеслась вдоль 6-й линии. Мелькнул справа Андреевский рынок, машина свернула на Большой, проехала немного по нему и почти сразу ушла с проспекта на 5-ю линию.

— Здесь, — Черт снизил скорость, прижимая «Волгу» к тротуару, остановился и заглушил мотор. — Пошли.

Лиса подхватила свою сумку, вышла из машины и пошла за высоким, худым и чуть сутуловатым Чертом в черный зев неосвещенной подворотни. Пройдя чуть ли не с десятков шагов, они вышли под жидкий свет единственной маломощной лампочки и оказались в маленьком дворе-колодце.

— Сюда, — Черт уверенно свернул направо, открыл разохшуюся дверь черной лестницы и зашагал по крутым ступенькам вверх, сквозь густую, как патока, пропитанную запахом мочи и кошек, тьму. На третьем этаже, он потянул за ручку оббитой рваным дерматином двери — замок щелкнул когда они были еще этажом ниже — и, распахнув ее, жестом пригласил Лису войти.

— Первая дверь слева, — сказал он, входя вслед за ней и закрывая за собой входную дверь.

— Две старушки, — объяснил он, отвечая на ее вопросительный взгляд. — Обе спят, — Черт вошел в комнату и включил свет. — Я их раненко уложил и «зарядил» спать до девяти утра.

Комната была маленькая, неухоженная, захламленная и пропитанная запахом старости, но в ней имелись стол, широкий диван, кресло и несколько стульев.

— Чай сделать можно? — спросила Лиса, бросив сумку у дверей и направляясь к столу.

— Можно, — Черт поставил на стол бутылки и большой бумажный пакет с пирожками. — Устраивайся пока, — и исчез в темном коридоре.

Лиса достала ворованные сигареты и закурила. Спать совершенно не хотелось, что впрочем, неудивительно. Вправляя Черту мозги, Махно «выдохнул» так много «живи», а она при этом стояла так близко к источнику, что у нее сейчас только что кровь не кипела.

Словечко «живь» придумал Петр Кириллович, и, хотя большинство, магов не только никогда не слышало его имени, но даже не подозревало о существовании, словечко прижилось. Во всяком случае, в СССР и странах Варшавского договора, выброс энергии — или чего-то на энергию подозрительно смахивающего — происходящий во время волшбы давно уже называют «живью». Любой акт магии забирает силу колдуна, и «творящую» силу, и обычные физические силы. Зато маг, оказавшийся поблизости, что-то такое получает, и как бы ни корежило его во время самого акта — особенно если это была такая мощная волшба, как сегодня — позже человек начинал ощущать удивительный и необъяснимый прилив сил. Живь. Живая сила. Животворная...

«Чем не закон сохранения энергии?»

Лиса поискала пепельницу, но ничего подходящего не нашла и свернула себе кулек из старой газеты.

«Генерал-полковник Гагарин встретился...» — но продолжение фразы оказалось уже внутри фунтика.

«Наука, — подумала Лиса, стряхивая в кулек пепел. — Может быть, Кайданов был все-таки не так неправ, как говорил старик Иаков?»

И в самом деле, с магией разобраться было совсем не просто, как и предупреждал Иаков, но и оставить все, как есть, было невозможно. Такова уж природа человеческая. И магические феномены получали имена, большей частью взятые из сказок, фантастических романов и той самой науки, которой не дано было поверить «гармонию» волшебства сухой «алгеброй» научного метода. И теории «народные» возникали, как без этого! Множество теорий, но серьезно занималось всем этим крайне мало людей, просто потому что большинству для этого не хватало сил, времени, или ума, а возможно, и того, и другого, и третьего. А вот Петр Кириллович был как раз подвижником знания и, основав еще двадцать лет назад Центр Информации и Документации, тем и занимался, что каталогизировал имена (мертвых), факты (насколько это было возможно) и феномены, которые становились ему известны, классифицировал, давал определения, искал объяснения. Питерская группа «бухгалтеров» была совсем маленькая, наглухо законспирированная даже от остального подполья, «тихая». Но по специально созданным каналам к Петру Кирилловичу стекалась информация со всего мира, и весь мир — давно уже — пользовался, не подозревая, естественно, кому этим обязан, его терминами, схемами и наставлениями.

— Чай, — Черт появился практически бесшумно, а его ауру Лиса хоть и почувствовала загодя, но случилось это ровно за секунду до того, как он открыл дверь.

— Слушай, Гера, — спросила она, когда он поставил на стол две большие кружки с

крепко заваренным чаем. — А совсем «скрыться» ты можешь?

— Могу. Вот сахар, — он обернулся к ней и вдруг подмигнул. — Но быстро теряю силы.

— Извини.

— О чем ты?

— Ну такие вопросы задавать вообще-то не принято.

— Тебе можно.

— Спасибо.

— Не за что, — Черт сел за стол и принялся за еду. Ел он быстро, но аккуратно, и точно так же, как голос его был лишен интонаций, так и это очень человеческое действие было совершенно лишено каких-либо человеческих черт. Так есть мог бы японский робот, но люди должны были это делать как-то иначе.

«Интересно, а как у них это с Багирой? — неожиданно подумала Лиса и едва не покраснела. — Ах, ты ж!»

Живь играла в ее помолодевшем теле, гнала по жилам кровь, раскручивала воображение.

«Смотаться по быстрому в Город?» — мысль, подсказанная не на шутку разыгравшейся физиологией, показалась не лишённой интереса. Связь между реальным телом и «ролью», по классификации Петра Кирилловича, была не прямая, но она существовала. Наевшись в городе «от пуза» человек мог не ощущать голода в реальном мире по десять-двенадцать часов. С «этим делом», однако, все обстояло не так однозначно. Могло и расхотеться, но могло случиться и наоборот. Вот только выбирать было не из чего. Здесь в Питере вариантов у Лисы не было, а завтра, вернее, уже сегодня предстоял трудный день, который должен был завершиться переходом границы. Так что, если и можно было лелеять какие-то надежды на «личную жизнь», их стоило отложить на три-пять дней, пока они не обоснуются в Европе.

«Твою мать!» — она покосилась на Черта, который уже подмел все под чистую и теперь с видом каменного истукана с острова Пасхи попыхивал сигареткой.

— Какие планы? — спросила Лиса.

— Никаких, — не оборачиваясь, ответил Черт, доставая из кармана свой толстый блокнот. — Ты свободна. Хочешь, спи, хочешь в Город сходи. А я в немецком попрактикуюсь. В шесть толкну.

7

Однако ничего не вышло. Все, как всегда. Когда не хочешь и не надо, мужики, как мухи на мед слетаются. Бери, не хочу. А вот, когда действительно приспичило, и «девушка готова употребленной быть», как писала Ната в своих девчоночьих стихах, никого под рукой не оказалось. То есть, не то что бы совсем никого, в Городе сегодня ночью было необычайнолюдно, но никого из тех, с кем Лиса хотела бы остаться тет-а-тет, на глаза ей не попалось. Один сплошной облом.

Она поболтала с несколькими людьми, осторожно обменялась «впечатлениями» с несколькими другими, выслушала вежливые соболезнования по поводу «раскрытия псевдонимов», так как в вечерних новостях, не только в СССР, но и в ЕС, не только показали фейс «каторжницы и убивицы» Алисы Четвериковой, но и назвали ее «клички», среди которых (трех) одна была настоящая — Рапоза. Впрочем, нет худа без добра, один из рассказчиков случайно обмолвился о времени, когда он смотрел новости, и Лиса, уже имевшая на его счет некоторые подозрения, легко вычислила, что Савойский живет во Франции. Это была не обязательная информация, но в их жизни пригодиться могло все, что

угодно.

Время истекало. Еще немного, и Лисе надо было возвращаться, но неожиданно, проходя мимо таверны пана Гайды, она увидела немолодого господина, сидящего за столиком и пьющего пиво из высокого бокала. Господин этот всегда напоминал ей писателя Булгакова с какой-то фотографии тридцатых годов, но чем именно Лиса сказать, пожалуй, затруднилась бы. Поколебавшись — впрочем, самую малость — она вошла в таверну и, «лучезарно» улыбнувшись, без спроса села за столик напротив Баха.

— Здравствуй, Бах! — сказала она громко и добавила тише: — Новости смотрел?

— Да, — кивнул Бах.

— Узнал?

— А должен был? — натурально удивился Бах, имевший репутацию человека себе на уме, никогда и ни при каких обстоятельствах не вступающего в отношения, могущие повредить его инкогнито. В результате, за много лет, что он торчал в Городе, он познакомился с массой народа, но сам так и остался для большинства из них «вещью в себе». Однако Лиса «случайно» эту «роль» знала, вот только знанием своим ни с кем, до сих пор, не делилась, включая сюда и самого Баха.

— Думаю, что да.

— Вы в этом абсолютно уверены, дона Рапоза? — Бах был невозмутим.

— Назвать вам ваш адрес? — улыбнулась она.

— Третью букву, пожалуйста, — предложил он, аккуратно прикладываясь к бокалу.

— В каком алфавите? — по-деловому спросила Лиса.

— Разумеется, в латинском.

— В первом слове или во втором?

— В первом.

— Ар — Петр Кириллович, насколько было известно Лисе, проживал в Ленинграде на улице Маршала Говорова, так что, естественно, «ар», если, конечно, он никуда не переехал.

— И давно вы знаете?

— Давно.

— Забавно, — он улыбнулся, хотя шутка была не из приятных, и Лиса это понимала и даже стыдилась того, что делает, но ее несло, а сердцу надо доверять. — Чем могу?

— В каком году вы заступили на должность? — спросила Лиса.

— Чуть меньше чем за полгода до нашего знакомства, — подумав немного, ответил Бах. «Значит, только в восемьдесят третьем...»

— А до вас, кто был?

— Это так важно? — нахмурился он.

— Да, — кивнула она. — Это очень важно.

— Иаков, — снова помолчав, ответил Бах. — Он создал и передал мне.

Теперь оставался самый важный вопрос. Вопрос на миллион долларов, как говорят янки.

— Вы его видели? — спросила она.

— Разумеется, — удивился Бах. — А как бы мы сговорились?

— Я имею в виду, там, — уточнила Лиса.

— Естественно, — кивнул Бах.

«Черт! Пустышка!» — но раз начала, надо было завершать, только бы Черт раньше времени не разбудил.

— Он действительно умер в девяносто втором?

— Не знаю, — покачал головой Бах. — В последний раз я видел его там, в восемьдесят восьмом, а здесь он со мной говорить не хотел.

«Восемьдесят восьмой... — удивленно отметила Лиса. — А потом наступил восемьдесят девятый».

— Больше ничего о нем сообщить мне не сможете? — она была почти уверена, что ответ будет отрицательный, и не ошиблась.

«Не корректный вопрос».

— Некорректный вопрос, донна Рапоза, — сказал Бах с вежливой интонацией. — Без комментариев.

— Я и не настаиваю, — пожала она плечами. — А Некто Никто вам встречать не приходилось?

— Нет, — покачал Бах головой. — Я даже не слышал такого псевдо.

8

В восемь утра, подхватив у памятника Крузеншгерну, который назначен был на этот день паровозом Ленина, явно неплохо отдохнувших Даму Пик и Алекса, они на загодя приготовленном Чертом «газоне» выехали из города и начали неспешно выдвигаться к точке перехода. В девять вечера, накрутив по Ленинградской области и Карелии едва ли не с тысячу километров, «Газон» миновал, не останавливаясь, Сортавалу, и по лесным дорогам начал смещаться в сторону границы, где на участке в/ч[25] 2121 Лиса и задумала ее пересечь. Дальше предполагалось что-нибудь сымпровизировать, достать машину, и, превратившись в группу «дурных на всю голову» немецких туристов, двигаться через Лахти и Вантаа в Хельсинки, чтобы уже оттуда вылететь самолетом в ФРГ.

В десять с копейками, они бросили машину на глухой лесной вырубке и дальше пошли пешком через какие-то совершеннейшие буераки, а затем и по болоту. Шел дождь, то, усиливаясь, то, ослабевая, но, не прекращаясь ни на минуту, и стало совсем темно, но ни Лисе, ни Черту, ни Даме Пик это не мешало. Алекс же, который в этих обстоятельствах был совершенно бесполезен, потому что беспомощен, шел «на прицепе», ведомый неутомимым и безжалостным Чертом, уже вошедшим в боевой транс.

Миновав болото, они к полуночи вышли к двойному забору и контрольно-следовой полосе. Вокруг, насколько хватало чутья Лисы, не было ни одной живой души, ни по эту, ни по ту сторону границы. Тишина, нарушаемая лишь шумом дождя и скрипами деревьев в лесу, холод и мрак.

— Так, — сказала Лиса, останавливаясь. — Мы на месте. Собрались! Алекс, проснись сукин сын! Ты держишь электронный забор и всю их связь. Пика, ты открываешь коридор, я веду Алекса и прикрываю всю группу мороком, а ты, Черт, наш авангард. Если, что, гаши всех!

Глава 5

Тварь (29 сентября — 1 октября 1999)

1

Ночью в баре Густава Блока нежданно-негаданно появилась Нора. Чел ее увидел, узнал, хотя прошло уже много лет, как она сюда не приходила, и послал к ней Михеля. Тот доиграл, не торопясь, партию, сбросил карты, и пошел к стойке бара. На Нору он внимания не обращал и наткнулся, разумеется, совершенно «случайно», когда возвращался за карточный стол со стаканом виски в одной руке и подносом с бутербродами — в другой.

— Вау! — сказал Михель, явно обрадовавшись встрече. — Нора, сладкая моя! Сто лет, сто зим!

— Привет, Михель, — Чел обратил внимание, что Нора держится несколько напряженно, что впрочем, ни о чем не говорило. Как он слышал, в Энгельсе, ей то ли ноги оторвало по самое «не могу», то ли еще как искалечило, но факт тот, что, как ни крути, девушка уже давно была не девушка, а бабушка-инвалид. — Как жизнь?

— Твоими молитвами, милая, — заулыбался Михель. — Солнце, океан, золотой песок. Ну ты понимаешь.

— А то! — усмехнулась Нора. — И как они тебе?

— Кто? — Михель был, конечно, профи, но иногда удивительно тупил в таких вот быстрых диалогах с подколами.

— Не знаю, — развела руками Нора, если и ставшая с их последней встречи на вид чуть старше, то все равно выглядевшая сногшибательно. — Кто у тебя там, креолки или метиски?

— Ах, это! — заулыбался Михель, уже полторы недели прятанный в старом, еще при Гитлере построенном, канализационном коллекторе Мюнхена. — И те, и другие. Приходилось пробовать?

— Не, — плавно протянула Нора, упорно изображавшая в Городе лесбиянку, что, впрочем, могло соответствовать истине, а могло, конечно, и не соответствовать. — Я люблю белое на белом.

— Ты, что расистка, что ли? — без злобы спросил Михель, который на своем еще не слишком длинном веку успел побывать и буддистом, и коммунистом, и анархистом, но вот нацистом не был ни разу.

— Нет, Михель, — снова усмехнулась Нора. — Я эстетка. Ты Карла не видел?

Упоминание о Карле сразу испортило Михелю настроение, но Нора, судя по всему, ничего об этом еще не знала.

— Карл, — холодно произнес Михель. — Ушел к бундесам. Сдал всех кого знал и пошел служить в «гестапо».

— Мне очень жаль, — сказала Нора сдавленным голосом. — Очень. Я просто давн здесь не была.

— Проехали, — пожал плечами Михель.

— А Рысь? — уже гораздо осторожнее спросила Нора.

— Убили в девяносто седьмом, в Клайпеде.

— Черт! — значит, и об этом, что, впрочем, не мудрено, она не знала тоже.

— Да, — кивнул Михель. — Мне ее тоже жаль, она была хорошая девушка.

— Вильма? — было очевидно, Нора перебирает тех, кто заправлял в Цитадели в ее время. Во всяком случае тех, кого она, по-видимому, знала лично.

В ответ Михель только головой покачал.

— Дэн?

— Он редко теперь заходит, — объяснил он.

А она только взглянула Михелю в глаза, но ничего не спросила. По-видимому, и сама обо всем догадалась.

— Ирма?

— Не знаю, — снова пожал плечами Михель. — Люди разное говорят, но она больше не приходит. У тебя дело какое-то?

— Дело, — кивнула Нора.

— Тогда пошли за наш стол, — предложил он ей. — Там все свои.

— А пустят?

— Тебя пустят, — улыбнулся Михель. — Пошли!

Они вместе подошли к столику, и Михель, поставив поднос и, быстро взглянув Челу в глаза, кивнул на Нору:

— Знакомьтесь, ребята, это Нора. Лишнего сказать не могу, но она из наших, только...

Он замялся, подыскивая подходящее слово, но Нора и сама умела говорить.

— Я на пенсии, — закончила она за него. — По состоянию здоровья.

«Спросить ее? — с неожиданной для самого себя тоской подумал Чел. — Только что это изменит?»

— Садись, Нора, — сказал он вслух. — Я Чел. Если ты помнишь Моцарта, то я кто-то вроде него.

Ну что ж, он сказал достаточно, чтобы женщина поняла, с кем имеет дело. Она и поняла.

— Это хорошо, — улыбнулась Нора. — Если ты, конечно, не врешь.

И она вопросительно взглянула на Михеля, единственного, кого, как она полагала, здесь знает.

— Все верно, — кивнул тот.

— Здесь можно говорить? — Нора обвела взглядом сидевших за столом людей.

— Можно, — кивнул Чел. — Но не все.

— Ладно, — она достала из воздуха незажженную сигарету и прикурила от свечи. — Меня просили выяснить, возможно ли встретиться с кем-нибудь из командиров Цитадели.

— Так у нас вроде не военный режим, — удивленно протянул Михель.

— Человек хочет избежать политических дискуссий, — объяснила Нора. — Человеку надо откровенно, — она подчеркнула это слово голосом. — Поговорить о деле.

— Откровенно, — повторил за ней Чел. — И человек этот, — он вдруг понял о ком они говорят и даже испугался такому совпадению. — И человек этот не уверен, что его примут с распростертыми объятиями?

— Ты прав, Чел, — кивнула Нора. — Там старая история, ты еще маленький был, когда все это случилось, но слухи, я думаю, живы до сих пор.

— Кто? — спросила Птица, до этого, как и все остальные, хранившая молчание.

— Цапля, — спокойно, не драматизируя понапрасну, ответила Нора.

— Ноги ее в цитадели не будет! — гаркнул Михель, выразивший, судя по всему, общее мнение собравшихся.

«И они правы, — признал Чел. — Кто не с нами, тот против нас».

— Цапля выбрала свою дорогу, — сказал он вслух. — Я уважаю ее выбор, но мне не о чем с ней говорить.

— Где ты был, герой, — сказала Нора, глядя на Михеля, но Челу показалось, и, вероятно, не зря, что говорит она сейчас именно с ним. — Когда Цапля с Десятником и Камиллом грохнула весь штаб ГСВГ[26] в Вюнсдорфе? А? В пеленки писал?

«А где был тогда я? — спросил себя Чел. — Тоже писал в пеленки?»

— Ну мало ли что?! — окрысился Михель. — У Петена, между прочим, тоже заслуги перед Францией имелись, и не малые!

— Так, ты, сученок, Цаплю в коллаборационизме обвиняешь? — подняла брови

Нора. — Я тебе, мальчик, вот что скажу. Домохозяек жечь куда как проще, чем одного Вальдхайма[27] завалить!

— Ты хочешь сказать, что Цапля имела отношение к Брюсселю? — Птица от удивления забыла даже, насколько она крутая. — Ты это хочешь сказать?

— Ну, учитывая, что физиономия Цапли уже красуется на всех углах, большой тайны из этого делать смысла нет, — пожалала плечами Нора. — В семьдесят девятом, мы были там вместе.

— Снимаю шляпу, — сказала Птица, откидываясь на спинку стула.

— Это что-то меняет? — равнодушно спросил Витовт.

— Ничего это не меняет! — заявил Михель. — Карл вон тоже...

— Цапля никого никому не сдавала, — осадила его Нора.

— Согласен, — кивнул Годзилла. — Она всего лишь дезертировала, впрочем, как и многие другие.

— А ты чего бы хотел? — вкрадчиво спросила Нора, стряхивая пепел с сигареты. — Чтобы все собрались в колонны Und vorwDrts mit den Liedern?[28] Айне колонне марширен, цвайте колонне марширен...

— Ты знаешь, сколько народу в Городе? — спросил Витовт. — Если бы все собрались...

— Мы никогда не соберемся вместе, — тихо и печально ответила Нора. — Это фантазии, парень, опасные, беспочвенные фантазии.

— Кто бы говорил!

— Я, — чувствовалось, что Нора находится на пределе выдержки. — Я! Я, которая... Впрочем, неважно. Я тоже сначала не хотела с ней говорить, и она, я думаю, не от хорошей жизни ко мне пришла. Но у нее есть дело, и я за нее прошу.

— Ты это ты, — начала было Птица, но Чел ее перебил, он уже все решил, хотя и не был уверен, что поступает правильно.

— Пусть приходит, — сказал он и посмотрел Норе в глаза. — Передай ей, что ворота ей откроют. И шепни мне, пожалуйста, ее псевдо.

— Спасибо, — Нора ответила ему твердым взглядом, в котором не было благодарности, но зато появилось уважение. — Кто-нибудь сможет поговорить с нею в двенадцать по Гринвичу?

— У нее форс-мажор?

— Я не знаю подробностей, — покачала головой Нора. — Но думаю, что да.

— Хорошо, — согласился Чел. — В двенадцать по Гринвичу в Цитадели. Пусть спросит меня или Людвигу. Один из нас будет с ней говорить. Спасибо, Нора, приходи к нам еще. Приходи просто так. Придешь?

— Приду, — кивнула Нора, вставая из-за стола. — Спасибо.

Она нагнулась к его уху и быстро, но отчетливо произнесла имя.

— Рапоза, — сказала она, выпрямилась, и пошла прочь.

«Рапоза, — повторил мысленно Чел. — Рапоза, мать твою так!»

2

— Проснулся? — спросила Викки, когда он открыл глаза. — Как было?

— Никак, — ответил он, нехотя, и сел в постели. Как ни странно, чувствовал он себя не просто не отдохнувшим, что было бы, в принципе, естественно, но напрочь разбитым. Разобраным на части, как любит выражаться Поль. И вот это было совсем неожиданно.

— Покатай меня на коленках! — шепотом попросила Викки и придвинулась ближе. Она

была красивая, Викки Шин, и чертовски соблазнительная, и она уже давно, почти два года, была его женщиной.

«За все надо платить, — сказал он себе обреченно. — За привязанность тоже. Кто сказал?»

— Иди ко мне, — он легко, как ребенка, поднял женщину и перенес ее на себя. — Если тебе нравится лежать на камнях, то так тому и быть.

— Ха! — только и успела сказать Викки, но продолжить он ей не дал, закрыв рот поцелуем.

«Сент-Экзюпери, — неожиданно вспомнил он. — Бог ты мой! Это же было в Маленьком Принце!»

А между тем, руки его привычно действовали, как если бы были наделены собственным отдельным разумом.

«Вот именно, — подумал он, лаская кончиками пальцев ее затылок, и проводя другой рукой вдоль позвоночника. — В этом-то и суть. Из моего лексикона напрочь исчезли слова, обозначающие чувства. Разум, интеллект, а где же, помилуй мя боже, душа?»

Душа... Если, конечно, ее не придумали попы, то его душа давно уже выгорел дотла, уничтоженная ненавистью и отчаянием. О, да! На этих кострах можно было жечь не только книги.

«Но что, тогда, осталось?» — кожа у Викки была шелковистая, нежная, скрывающая под собой упругую податливую на ласки плоть, и сейчас, всего лишь секунды спустя, после того, как он коснулся губами ее губ, трудно было уже сказать, что происходит между ними на самом деле: для нее он старается или для себя?

«Я чудовище», — сказал он себе, но не почувствовал ни раскаяния, ни обиды. Такие слова давно уже ничего для него не значили. По-видимому, человек, сознательно назвавшийся Тварью, заслуживал самого пристального внимания психиатров, которым, впрочем, дорога к нему была заказана. Другое дело, что он все это прекрасно понимал и сам, знал, что с ним происходит, но не имел сил остановиться и что-либо изменить. Это, как летишь под уклон и знаешь, что впереди обрыв и полет в один конец, но падение имеет и свою собственную ценность. Оно завораживает, увлекает, и тебе уже просто все равно, что там, в конце.

3

Два года вместе, много это или мало? Если говорить о какой-то форме семейной жизни, наверное, немного. А если о любви?

«А что, кто-нибудь говорит о любви?»

Кайданов вышел из душевой кабинки, быстро вытерся, взглянул озабоченно в зеркало, и решил, что сегодня может еще не бриться. Как ни странно, ему это даже шло, во всяком случае, так утверждала Викки и журналы для мужчин. Он пожал плечами и, как был, то есть в чем мать родила, вышел из ванной и пошел в спальню одеваться. Викки чем-то гремела на кухне, но вряд ли готовила, во-первых, потому что делать этого не умела и не любила, а во-вторых, потому что ни он, ни она все равно никогда не завтракали. Однако одежду она ему все-таки приготовила, проявив обычную для нее заботливость.

Как ни посмотри, времени, чтобы узнать друг друга, вполне должно было хватить, однако Кайданов не был уверен, что знает Викки достаточно хорошо, а прочесть ее мысли, хотя это было бы весьма любопытно, он просто не мог. И не кантовский моральный императив был тому виной, а тот простой факт, что Викки «не сканировалась». Абсолютное

мертвое пятно, причем в прямом, а не в переносном смысле. Ее и детекторы-то в обычном случае с трудом брали, но если она хотела, то становилась и вовсе невидимой для любых средств инструментальной разведки, включая фото- и видеокамеры, ну, а колдуны, не исключая Кайданова, ее присутствия не ощущали вообще.

«Человек-невидимка, — он надел трусы и стал натягивать джинсы. — Фантом... А она, она меня любит?»

Очень может быть, что и нет. Ведь вот только что стонала так, что стены, и те должны были покраснеть, а потом — без перехода и видимого напряжения — встает и идет заниматься совершенно другими делами, как если бы ничего существенного и не случилось. Такое может быть? Физиология позволяет? В принципе, да. Может. Позволяет. Но он даже не знал, если по совести, для чего она занимается с ним сексом. Потому что хочет этого сама, или потому что считает это правильным. Но правильных вещей в мире, как известно, пруд пруди: зубы, например, чистить, или чиновников убивать. Однако секс это все-таки что-то другое, не правда ли? Даже Кайданову иногда хотелось знать, что кто-то его любит по-настоящему, а не имитирует страсть. Но о Викки ничего определенного, кроме того, что они вместе уже почти два года, он сказать не мог.

Темно-синие джинсы, светло-синяя в белую полоску рубашка, серые носки и туфли, коротко стриженные темно-русые волосы, волевое «нордическое» лицо, чуть смягченное легкой небритостью... Кайданов своей внешностью остался вполне доволен, такого мужчину ни в чем предосудительном заподозрить было невозможно. Его выдавали только глаза.

«Но глаза можно прикрыть очками...»

Он поправил на носу очки в тонкой серебряной оправе и, сделав усилие, заставил свои глаза приспособиться к тем трем диоптриям, которые сам себе назначил. Покрытые светозащитной пленкой стекла на свету сразу же потемнели и его «мертвый» взгляд стал совершенно незаметен.

— Какие новости? — спросил он, входя на кухню и кивая на включенный телевизор.

— Они грохнули Скорцени, — сказала Викки, оборачиваясь к нему. — Но это ночная новость. Кофе?

— Спасибо, с удовольствием, — ему совершенно не было жаль этого мудака. — Мне следует всплакнуть?

— Не знаю, — Викки налила кофе в чашку и поставила ее перед Кайдановым. — Но он был одним из нас.

— Еще он был одним из тех животных, которых почему-то называют людьми, — Кайданов закурил сигарету и отхлебнул горячего горького кофе из чашки. — И, соответственно, относился к животному миру планеты Земля... Что там произошло?

— БКА[29] разгромило штаб-квартиру НДП1 в Мекленбурге, — Викки тоже закурила и села напротив. — Скорцени был там и устроил образцово-показательный Армагеддон, вернее попробовал устроить. Но за спиной полицейских, по-видимому, находились люди из БФВ1... В новостях этого не сказали, но я так думаю.

— И среди них был кто-нибудь из ссучившихся, типа Карла, — закончил за нее Кайданов.

— Похоже на то, — кивнула она. — Погибло всего трое полицейских, а теперь по всем программам показывают лицо Скорцени и предлагают «всем, знавшим этого человека, срочно обратиться в БФВ1 или ЛФБ1», кому что удобнее.

— Тенденция, однако, — Кайданов и сам не знал, зачем он это сказал, потому что, если

и существовала во всем этом какая-то тенденция, то она была известна всем и каждому, и уже не первый год. Правительства делали вид, что борются с фашистами, коммунистами, диссидентами, исламистами и прочими возмутителями спокойствия, а народ делал вид, что верит всему этому бреду, и голосовал за все более и более жестких политиков, надеясь, что когда-нибудь все это кончится.

«И что тогда? — зло усмехнулся Кайданов. — Наивные. Вот тогда за вас всех возьмутся уже по-настоящему, потому что сейчас это еще детский лепет. Три четверти средств и сил уходят на нас. И на вас просто не остается сил».

— Пойдешь в офис? — спросила Викки.

— Да, — кивнул он и взглянул на часы. Было без четверти восемь. — Ты тоже приходи, Ви. Мне нужно будет отлучиться полпервого,[30] посидишь рядом.

— Хорошо, — улыбнулась Викки. — я подойду к двенадцати. Вот Лиза раззавидуется! Решит, что мы опять трахаемся в офисе.

4

«Переход» — дело несложное. Главное твердо знать, чего именно ты хочешь, и уметь «концентрироваться, расслабляясь». Последнее — вопрос навыка и только отчасти таланта, но и того, и другого Лисе было не занимать. Впрочем, на этот раз, ей нужно было попасть не к тем воротам, которые в свое время «назначил» им с Кайдановым таинственный Некто Никто, а совсем в другое место. И это, разумеется, несколько усложняло дело, поскольку в Цитадель Лиса не ходила уже, бог знает, сколько лет, да и в те времена, когда она туда все-таки заходила, Рапоза появлялась там нечасто, потому что полностью своей в Цитадели никогда не была.

Едва ли не с начала семидесятых место это, облюбовали те, кого в Городе называли или отморозками, или маргиналами. Выбор термина целиком зависел от политических взглядов говорившего, и его культурного уровня. Но много ли значат слова, когда речь идет о самой сути человеческого существования? Все в Городе прекрасно понимали такие вещи и без слов. Ведь любой, кто пробыл здесь достаточно долго, чтобы успеть разобраться, кто есть кто под «светлыми небесами», знал, что в Цитадели обитают отчаявшиеся души — смертники, чей темперамент, тем не менее, не позволяет им просто спрятаться в какую-нибудь щель от снедающего страха перед беспощадным будущим и тихо сходить там с ума. Однако люди остаются людьми, даже если сами себя таковыми уже не считают, и обитатели Цитадели не были в этом смысле исключением. Они никогда и ни при каких обстоятельствах не были готовы признать себя проигравшими и тешили свои искореженные ужасом души несбыточными мечтами, создав пестрый спектр вполне эсхатологических[31] идеологий. Их было великое множество этих доктрин, теорий и прочих в разной степени разработанных «теоретических платформ». Но главными, доминирующими являлись две, практически определявшие *modus operandi*[32] всех представленных в Цитадели групп. Одни из этих людей, прежде всего, хотели разрушить «Великое молчание», заставив обывателей взглянуть суровой правде в глаза и открыто признать, против кого они уже столько лет ведут беспощадную войну. Другие, напротив, мыслили исключительно «политическими» категориями. Они полагали, что хаос, вызванный непрекращающимися атаками на власть и порядок, разрушит нынешнюю политическую стабильность, вызвав волну спонтанных и неконтролируемых военных конфликтов, которые в конце концов перерастут в войну всех против всех. В этом случае, людям скоро станет просто не до магов, и те смогут наконец выловить в мутной воде рухнувшей человеческой цивилизации пару-другую «жирных рыб»

для себя самих. Естественно, не обошлось и без влияния тех самых человеческих идеологий — от коммунизма до фашизма — которые маргиналами за свои никогда не признавались и, более того, с гневом отвергались. Однако правда и то, что у всех этих течений был, в конечном счете, один и тот же знаменатель, или, возможно, лучше сказать, что общим для всех них был вывод, к которому каждый, впрочем, приходил своим собственным путем. «Чем хуже, тем лучше» — был их лозунг, и на знаменах, какого бы цвета они ни были — красного, черного или коричневого — было написано кровью одно единственное слово. И слово это было — «Террор».

«Тебе их что, совсем не жалко?» — спросила себя Лиса и с удивлением не нашла в своем сердце ни жалости, ни сочувствия, которые жили в нем еще совсем недавно. Зато в нем неожиданно обнаружилось понимание, и это Лису не на шутку встревожило, ведь она — так ей, во всяком случае, казалось — все про этих людей поняла еще много лет назад, и поэтому, даже являясь членом боевки, своей в Цитадели никогда не чувствовала, тем более теперь.

Она докурила сигарету и, выбросив окурочек в приоткрытое окно, закрыла глаза.

— Не будите меня сколько сможете, — сказала она вслух и заставила себя увидеть «звездное небо».

— Привет! — сказала ей желтоватая медленно пульсирующая звезда.

— Пошел в жопу! — Грубо ответила Лиса, хорошо зная, что трепаться в «прямом эфире», почти со стопроцентной вероятностью означало себя раскрыть. Свободно оперировать под «звездным небом» могли лишь такие маги, как Алекс, но ей, как бы сильна она ни была в других областях, не стоило даже пытаться.

Лиса «уцепила» кусок черного ничто между двумя звездными скоплениями и почти бессознательно вывернула его наизнанку, на ходу ориентируя себя на Цитадель. Однако, не имея достаточной практики, она, разумеется, промахнулась, оказавшись у основания стены где-то между условно «западными» и, соответственно, «северными» воротами.

«Твою мать», — подумала она в раздражении и, не теряя времени, зашагала на север.

Впрочем, ворота вскоре обнаружились, стоило ей пройти метров триста и заглянуть за поворот. Северные ворота были зажаты между двух довольно высоких круглых башен, увенчанных остроконечными черепичными крышами, нахлобученными на их верхушки, как шляпы средневековых алхимиков. За распахнутыми настежь воротами лежала небольшая совершенно пустая площадь, от которой, собственно, и начинался крутой подъем к Цитадели, стоявшей, как и положено крепости, на обрывистом холме, возвышавшимся над жавшимися к его подошве приземистыми домами.

Подъем занял у Лисы минут пятнадцать, и, не встретив на своем пути ни единой живой души, она достигла наконец тяжелых, оббитых сталью и на этот раз наглухо запертых ворот.

— Эй, на борту! — крикнула она громко, подойдя к надвратной башне почти вплотную.

— Кого еще черт принес? — ответили из-за стены.

— Я Рапоза, — громко сказала Лиса, предполагая, что засевший за воротами сукин сын знал это и сам.

Скрипнула маленькая дверца, врезанная в ворота, и оттуда кто-то молодой и наглый провopil, хотя спокойно мог бы говорить и тише, ведь расстояние было невелико:

— Ну входи, раз пришла!

Лиса протиснулась в калитку и вопросительно взглянула на молодого паренька, одетого, как испанский конквистадор. Почти, как конквистадор, но бес ведь в деталях, не

так ли?

— Туда, — он кивнул на квадратную башню донжона.

— Спасибо, — Лиса прошла через гулкий пустой двор, поднялась по лестнице и, толкнув дверь, вошла в обширное помещение, обшитое деревянными панелями и заставленное разнообразной и разномастной мебелью. Здесь, сидя за круглым обеденным столом, ее ожидала целая комиссия в лице двух молодых мужчин и сурового вида девушки в кожаном пиджаке и джинсах.

«Ну вот и тройка в сборе», — вздохнула про себя Лиса, но в делах она предпочитала следовать принципу, «котлеты отдельно, и мухи отдельно», а потому решила, что три — это, пожалуй, даже лучше, чем два, и, тем более, чем один.

— Добрый день, — сказала она, подходя к столу и усаживаясь на свободный стул. — Спасибо, что согласились на встречу.

— Ты Рапоза? — спросила девушка. Лицо у нее было смуглое, волосы черные, а глаза неожиданно светлые — голубые.

— Да, я Рапоза, — ответила Лиса и сделала себе «шипку».

Присутствующие с интересом посмотрели на сигарету, а один из парней — почему-то китаец в черной бандане — пошевелил носом, приняв хиваясь к дыму.

— Я Мавр, — представился он. — Это травка?

— Почти, — усмехнулась Лиса. — Хочешь попробовать?

— Давай, — кивнул парень и протянул руку за сигаретой.

— Мне тоже, — попросил второй, худой жилистый парень с «закрытым» лицом. — Я Чел, это я пригласил тебя в Цитадель.

— Знаю, — Лиса сделала еще две сигареты и обернулась к девушке. — Тебе тоже?

— Кури эту дрянь сама, — буркнула девица и демонстративно достала из воздуха какую-то буржуйскую сигаретку, длинную и тонкую, темно-коричневого цвета и с золотым ободком.

«А девочка-то, пожалуй, из наших, — решила Лиса. — Болгарка или венгерка, но, скорее всего, откуда-нибудь из Югославии».

— Ну нет, так нет, — пожала плечами Лиса. — У меня, собственно, один вопрос ко всем присутствующим, но перед тем, как его задать, я хотела бы спросить, кто такая Рапоза, все знают? А Цапля?

— Тебе рассказать, что я о тебе думаю? — спросила девушка.

— Не надо, — покачала головой Лиса. — Я это и сама знаю. Мне важно другое, хорошее или плохое, но вы про меня знаете, не так ли?

— Допустим, — согласился Мавр.

— Сомнения в том, что я это я, имеются?

— Я тебя видел раньше, — сказал Мавр и взглянул вопросительно на Чела, но тот ничего вслух не сказал, только молча кивнул.

— Тогда, к делу, — сказала Лиса. — Мне нужен контакт к Уриэлю.

— Зачем? — быстро спросила девушка, так и не назвавшая своего псевдо.

— Некорректный вопрос, — усмехнулась Лиса. — Мне, — она подчеркнула это слово. — Нужен. Контакт. Остальное за кадром.

— Откуда ты знаешь про Уриэля? — спросил Мавр.

— Без комментариев, — Лиса «сделала» стакан с вином и подняла его в воздух. — Кто-нибудь хочет? Это хорошее вино.

— Спасибо, — сказал Чел. — Извини, мы тебя ничем не угостили. Может быть, хочешь кофе или виски?

— Ерунда, — Лиса улыбнулась и сделала глоток из стакана. — Так как начет Ангела Смерти?

— Вообще-то, он в Европе, — сказал Чел.

— А я где? — с интересом спросила Лиса.

— Не знаю, — пожал плечами Чел. — Но по ТВ сказали, что в СССР.

— Мне нужен контакт, — повторила Лиса. — Это очень важно. Для всех.

— Ну не знаю, — сказал Мавр. — Ты ведь не из наших, а в Европе знаешь, как сейчас?

— Наслышана, — кивнула Лиса. — Но и я ведь в бегах. Я тоже рискую, но дело важное.

— Ты на самом деле участвовала в заварухе в Брюсселе? — неожиданно спросил Чел.

— Тебе это так важно?

— Интересно.

— Участвовала, — кивнула Лиса. — Так как?

— Не знаю, — пожал плечами Чел. — Я с ним не знаком.

— А здесь он не бывает?

— No comments,[33] — улыбнулся Чел. — Мы попробуем с ним связаться, но ничего определенного обещать не могу.

— Спасибо и за это, — Лиса встала, ощущая такой удивительный подъем, какого не помнила за все последние годы. — Когда можно придти за ответом?

Чел переглянулся с Мавром и, размышляя, стал массировать себе переносицу, как будто ее натерли отсутствующие на его лице очки.

— Приходи ровно через неделю, — сказал он наконец и тоже встал. — Только лучше ночью.

— Хорошо, — сразу же согласилась Лиса, которой не терпелось уйти, чтобы не выдать ненароком охватившие ее эмоции. — Через неделю. Только вы уж постарайтесь, это очень важно.

5

— Нет, — сказал он Мавру и покачал головой. — Я не буду связывать ее с Уриэлем, и тебе в это ввязываться не надо. Нет у нее к нему такого дела, чтобы рисковать понапрасну.

— Как скажешь, — кивнул Мавр и взглянул на Альфу. — А ты чего из себя дурочку строишь?

— Ненавижу, — коротко ответила Альфа и пошла к выходу. — Мне домой пора.

— Мне тоже, — сказал Чел и пошел вслед за Альфой. — Ты остаешься?

— Да, я в ночную работаю, — Мавр почесал голову и сотворил себе чашку кофе. — А может быть, зря мы так?

— Как? — спросил от двери Чел и обернулся.

— Так, — Мавр неопределенно покрутил рукой в воздухе. — Все же это Рапоза, а не кто-нибудь.

— Именно, — твердо сказал Чел, не столько обращаясь к Мавру, сколько отвечая на ворочавшиеся в его собственной душе сомнения. — Именно! Это Рапоза, и она здесь столько лет, сколько мы с тобой вместе взятые. Если она выбрала то, что выбрала, то хорошо знала, что делает. Параллельные линии не сходятся, знаешь ли, а в нашем случае они и не параллельные вовсе. Наши пути расходятся, Мавр. Пересечься они могли только в прошлом.

6

«Нет, — Решил Кайданов. — Что было, то было. Быльем поросло, и давно неправда».

Он открыл глаза и первым делом посмотрел на часы. Час и пятьдесят семь минут. Почти два часа.

— Все спокойно? — обернулся он к Викки.

— Я стонала, как могла, — усмехнулась женщина. — Но думаю, что зря. Там все равно ничего не слышно.

— Есть новости? — он кивнул на работающий телеприемник и пошел варить себе кофе. Голова была тяжелая, что предполагало скорый приступ мигрени, который следовало купировать раньше, чем боль пошлет его в нокаут.

— Бундесы, как с цепи сорвались, — ответила Викки, закуривая. — Очень похоже на скоординированную акцию. — Во Франции и Бельгии то же самое. В Голландии... В Норвегии...

— Кофе будешь? — Кайданов открыл банку с молотым кофе и, оглянувшись на Викки, вопросительно приподнял бровь.

— Буду, — она стряхнула пепел в массивную, выточенную из оптического стекла пепельницу и рассеяно посмотрела на экран телевизора. — В Бремене разгромили городской комитет КПГ, в Амстердаме арестовали все ЦК коммунистов, в Париже расстреляли демонстрацию эмигрантов, сказали, что это были «братья мусульмане». В Брюсселе вяжут Фламандский Национальный Фронт...

— В первый раз что ли? — он засыпал кофе в итальянскую кофеварку, включил ее и, открыв дверцу книжного шкафа, достал оттуда плоский металлический пенал.

— Опять?

— Да, — кивнул он, доставая из пенала одноразовый шприц и ампулы. — Опять накачивает.

«Анальгин и кофеин, — подумал со злой иронией. — И как долго все это будет продолжаться?»

— Может быть, лучше просто полежать? — он почувствовал спиной взгляд Викки, но не обернулся, а неторопливо закатал себе рукав на левой руке и несколько раз согнул ее и разогнул, чтобы проявились вены.

— Снявши голову, по волосам не плачут, — игла легко вошла в вену, и Кайданов чуть прикрыл глаза, плавно вводя лекарство в кровь.

— Что-то случилось?

«Случилось, — подумал он с горечью. — Почти. Но на этом все».

— Нет, — сказал он вслух. — Но кое-кто знает о нас слишком много. Некоторые, понимаешь ли, болтают, что в голову придет. Где приспичит, там и блажат. А потом приходят разные добрые самаритяне и задают вопросы.

— Не хочешь, не говори, — он отчетливо слышал в ее словах усмешку, но все равно не обернулся.

«Нет, — сказал он себе твердо. — Нет и нет».

7

Открывать глаза не хотелось, она и не стала. Сидела, откинувшись на спинку сидения, ровно дышала, имитируя сон, и думала о своем. На самом деле, если Лиса и могла надеяться кого-нибудь обмануть, то только не Пику и не Черта. Оставался один Алекс, который и сам бодрствовал лишь отчасти, витая в своих электронных эмпиреях. Тогда, спрашивается, какого беса, она старалась? Кого хотела ввести в заблуждение? Нет ответа. Просто вдруг

расхотелось «просыпаться», и вообще что-нибудь делать не хотелось, а хотелось ехать вот так, куда глаза водили, глядят, сидеть на заднем сидении и думать. Не соображать, и не решать, и не предугадывать, а именно думать, в смысле, размышлять.

Если честно, Лиса уже почти разучилась это делать, и жизнь ее давно напоминала не жизнь живого человека, тем более, женщины, а существование какого-нибудь из тех грубо прорисованных героических человечков, которыми были полны недавно вошедшие в моду компьютерные игры. И как во всех этих бродилках-стрелялках, Лиса тоже должна была двигаться, чтобы жить, «стрелять», уничтожая врагов, и собирать всякие полезные вещи и «жизни» про запас, потому что потом их приходилось отдавать, чтобы продолжать двигаться вперед. Вопрос, однако, куда? Ведь, в отличие от нее, совершая свой квест, все эти картонные дурилки твердо знали, чем дело закончится, если, конечно, они доберутся до цели. Победой, вот чем должен завершаться успешный квест, или смертью, если не сложилось. Но ей-то было точно известно, что для таких, как она, впереди ничего не приготовлено. Бог ли был к ним так жесток, или природа настолько равнодушна, но победы в этой войне не было и не предвиделось. Разумеется, признаться себе в таком непросто. Вот многие и тешат себя иллюзиями. Маргиналы воюют, «народники» пытаются просветить «обманутые» массы, а такие, как она... Что ж, такие, как Лиса, просто борются за выживание, спасая тех, кого еще можно спасти, продлевая агонию, пусть даже на одну лишнюю минуту. Лиса полагала, что смотрит на вещи здраво, вполне отдавая себе отчет в том, что происходит сейчас и что неминуемо должно было случиться в будущем. За двадцать пять лет подполья она прошла через все. Все испытала, и все попробовала, переходя, как с уровня на уровень, от растерянности к отчаянию, от отчаяния к озлоблению, от озлобления к пониманию. «Стратегия малых дел», вот как называлось то, чем она занималась с середины восьмидесятых. День за днем, год за годом. Но вот на то, чтобы остановиться, оглядеться и задуматься, никогда не было ни сил, ни времени, ни... желания. Не исключено, что она просто боялась задумываться о таких вещах, подсознательно опасаясь, что стоит открыть глаза пошире, как сразу же выяснится, над какой бездной занесла она ногу. Ей было страшно, и понять это простое человеческое чувство несложно. Даже простить можно.

Но сейчас Лиса увидела себя и свою жизнь как бы со стороны, и многие вещи оказались совсем не тем, чем полагала она их прежде. И реализм ее на поверку оказался таким же самообманом, каким для Чела, Мавра и безымянной девушки являлась сила террора. Потому что и ее, Лисы, «закаленная» в огне войны душа, оказывается, жаждала — как и любая другая, впрочем, человеческая душа — спасения, и в ней, в этой жаждущей покоя и безопасности душе, тоже жила надежда. И однажды, как и многие до нее, Алиса решила уничтожить проблему, раз уж ее оказалось невозможно решить, просто переложив бремя ответственности на другого человека. Однако в их положении, этот другой должен был быть если и не богом, то кем-то сопоставимым ему по своим возможностям. Потому и отправилась она через Пекло в замок на краю мира, отправилась за помощью и, естественно, не получила. Зато Лиса получила нечто иное. Вот только что?

Ничего определенного, казалось бы, но все-таки что-то, а не ничто.

«Ничто... Никто... Некто. Знакомые слова, не так ли, барышня?»

Это была старая история. История из-за которой Лиса одно время считала себя свихнувшейся, потому что даже самой себе не могла признаться в том, что, действительно, влюбилась в человека, которого никогда в жизни не видела. И когда Август спросил ее об этом, то только отчаяние и надежда, та самая надежда, которую Лиса только теперь

согласилась признать существующей, позволили ей признаться себе и ему, что все дело было в музыке.

Все произошло почти мгновенно в тот момент, когда они уже расставались. Вернее, это Некто решил, что пришло время оставить Лису одну. Она вдруг поняла его намерение, хотя и не смогла бы объяснить, откуда взялась эта уверенность, и на одно немислимо короткое мгновение — по-видимому, от отчаяния и страха — «услышала» его душу. В следующую секунду, она осталась одна. Стояла на привокзальной площади, не ощущая ничего, кроме чудовищной пустоты, но в тот миг...

«Господи!»

Это было настоящее чудо! Ужасное и прекрасное чудо, какое дано узнать лишь немногим. Никогда до этого и никогда после ничего подобного Лиса не слышала и не испытывала. У нее не было слов — «И у кого бы они нашлись?» — чтобы описать ту мелодию, к которой довелось прикоснуться лишь на исчезающе краткое время, но которую она успела, тем не менее, принять в себя целиком. Музыка эта — но, возможно, слово это было слишком грубым, чтобы описать то, что вошло тогда в Лису, чтобы остаться с ней навсегда — была прекрасна и трагична одновременно, она была чем-то, чему нет ни цены, ни названия. И оглядываясь назад, Лиса вынуждена была теперь признать очевидное. Именно эта музыка дала ей силы выжить тогда и продолжать жить до сих пор. И более того, она, эта Музыка, как руки гениального скульптора, сформировала, слепила жизнь Лисы, сделав ее такой, какой она теперь была.

«Галатея, понимаешь!» — но попытка с помощью привычной грубости изменить то, что тогда произошло, и что Лиса смогла осознать полностью только сейчас, ни к чему не привела. То, что начало вызревать в ней в замке Августа, уже окончательно созрело и обрело силу.

«Сукин сын! — ее немой вопль был полон неизбывной тоски, копившейся в душе долгие годы, без того чтобы Лиса смогла понять причину и сущность этого чувства. — Что же ты наделал, гад! Зачем?! Почему?!»

Теперь она все поняла. Она осознала произошедшее, но вот того, зачем он это сделал, она понять как раз и не могла.

На протяжении многих лет, музыка, «подслушанная» почти случайно в чужой душе, звучала в сердце Лисы, лишая ее покоя, заставляя тосковать и сходить с ума, но лишь случай — отчаянный, во всех смыслах, поход через «Пекло» — открыл ей простую истину. Она любила этого человека и страдала, ощущая пустоту там, где он должен был быть, но где его не было, потому что единственный мужчина, которого она полюбила, этого не захотел.

«Так просто...»

Но просто не получалось. История, как увидела ее сейчас Лиса, имела изощренный, болезненно вычурный сюжет, напоминающий какую-то героическую сказку или легенду в стиле библейских сказаний, но отнюдь не жизнь обыкновенных живых людей.

Некто бог, в неизреченной милости и доброте спас однажды от беды — почти между делом спас — юношу и девушку, которые, если бы не грех любопытства, могли стать очередными Адамом и Евой. Но проклятие запретного знания уже лежало на них, и другой грозный бог готов был их покарать. Последовало бегство из Рая, и вот оказалось, что случайная встреча с беглянкой зажгла сердце «доброе» бога, но та, на свою беду — или, напротив, это счастье ей такое выпало — заглянула в это пылающее сердце и, значит, была обречена полюбить того, кого любить никак не следовало.

«Красиво, — согласилась Лиса. — Избыточно красиво, но древняя мифология позволяла себе и не такое».

Однако дальше история развивалась уже как эпическая трагедия. Бог не имел возможности — «А почему, кстати?» — остаться с девушкой. Не мог — «или не захотел» — взять ее с собой, и оказалось, что единственное, что он мог для нее — «Или все-таки для себя?» — сделать, это заставить себя забыть.

Так?

Выходило, что так, вот только, «вспомнив все», Лиса совершенно не понимала — не могла понять — зачем он это сделал?

«Зачем, господи?! Зачем?»

Но кто их знает, «добрых» богов, зачем они творят такое добро? Ведь он влюбился в нее, полюбил так, как любят только в песнях или старых романах, иначе откуда бы взяться его музыке?

«Откуда, черт тебя побери?!»

Лиса чуть зубами не заскрежетала от тоски по несбывшемуся, от жалости к себе, от понимания, какое чудо не состоялось в ее жизни.

«Господи!»

И околдованная его «доброй» магией она спокойно отпустила того, кто мог стать ее счастьем, смыслом жизни... всем! Встретила снова и не узнала. А ведь, казалось бы, все было так очевидно. Некто был здесь, а Иаков там. В душе Некто, как ни в какой иной душе, встреченной ею на долгой дороге длинной в жизнь, звучала музыка. И музыку — великолепную, незнакомую, но захватывающе прекрасную музыку — приносил с собою в Город Иаков, которого на Земле Лиса никогда не встречала, хотя по уверению Твина Иаков жил и умер именно в СССР. Лиса любила музыку, училась в детстве в музыкальной школе, пела в хоре при Доме Пионеров, слушала и слышала потом в разных городах, на концертах, и по радио, в фильмах и записях, но никогда нигде не встретила ни одной из тех мелодий, которые играл на органе и скрипке Иаков. И такого уровня исполнения не встречала тоже. Однако Некто был великим волшебником, и ей ни разу не пришло в голову сопоставить эти два образа. Четверть века Лиса была уверена, как и все другие, что Некто и Иаков — два разных человека.

Но тогда, что же произошло в замке Августа? Каким образом она узнала то, что он так тщательно скрывал все эти двадцать пять лет? Ведь даже сейчас, Лиса не смогла бы объяснить кому-нибудь еще, каким образом Некто и Иаков, исчезнувшие с разницей в несколько лет, и Август, появившийся под «светлым небом» неизвестно когда и как, могут быть одним и тем же человеком.

Приходилось признать, что ее Дар развивается, и если в реальном мире это было еще не так заметно, хотя следовало признать, что и тут ее чутье было сильнее, чем у многих других, то в иллюзорном мире Города, она проделала невозможное два раза подряд с разницей всего в несколько дней. И если в случае с Августом, она могла еще тешить себя сказками про вещее, потому что любящее и страдающее, женское сердце, то в Цитадели все случилось совсем не так, как в песнях и балладах.

«А как?» — размышления о Некто неожиданным образом подвели ее к совершенно другому вопросу.

А при чем здесь Кайданов? Германа-то она за каким хреном взялась вдруг искать? Вот это было уже вовсе не понятно. Ей нужен физик? Так Кайданов уже четверть века физикой

не занимается, да и занимайся он наукой, Гора или Никифора найти куда проще. И еще у поляков, в Кракове, была такая славная девочка, которая великолепно разбиралась в физике. И у Петра Кирилловича, наверняка, есть кто-нибудь на примете. Тогда зачем? Уж не затем ли, что о нем спросил Август?

8

Начало темнеть.

— Где мы? — спросила Лиса.

— Западнее Сортавалы, — ответил Черт, не оборачиваясь, но так, как если бы все время ожидал ее вопроса. — Еще час покрутимся здесь и поедем в город.

— Алекс!

— Да?

— Что слышно? — спросила Лиса и посмотрела искоса на Пику, спрашивая разрешения закурить.

— В «Багдаде» не спокойно, — сказал Алекс, не оборачиваясь и даже не обозначив интонацией свою шутку юмора. — Все новостные программы сообщают об арестах. Метут всех подряд. Похоже, в ЕС открылся сезон охоты.

— Да, кури, — буркнула Дама Пик. — Что с тобой поделаешь.

— Скоро и у нас начнется, — сказал, ни к кому не обращаясь, Черт.

— А уже! — почти весело сообщил Алекс. — МВД сообщило, что по вновь открывшимся данным, разыскиваемая уголовница по кличке Рапоза — представляешь, Нота, как это звучит для русского слуха, Рапоза? Музыка!

— Не отвлекайся, — попросила Лиса, которая догадывалась, о чем подумают простые русские люди, особенно в глубинке, когда услышат такое словечко.

— Говорят, ты как-то связана с эстонскими националистами.

— Ну, значит, не повезло веселым эстонским парням, — Лиса затянулась и снова прикрыла глаза. Как бы то ни было, отменять вояж в Европу, она была решительно не намерена.

— Что по поводу наших «сырых и убогих»? — спросила она, чтобы сменить тему.

— В ЮАР никого, — ответил Алекс. — В Германии двое. Один в Ульме, и еще один в Западном Берлине. В Израиле — один, тот, о котором я тебе уже говорил, но по его поводу у меня большие сомнения. Понимаешь, я так понял, что «Лобный синдром» возникает при физическом поражении этих самых лобных долей головного мозга. Так что, вряд ли.

«Всего трое, — усмехнулась она в душе. — Вернее, двое. Органическое поражение мозга это действительно не наш случай. Значит, двое, и оба в ФРГ. Сущие пустяки, Некто. Теперь тебе не отвертеться!»

9

«Сделала один раз, могла сделать и во второй», — Август смел рукой серебряные фигурки с шахматной доски и поднял взгляд.

Невидимое из-за обложивших небо туч солнце садилось в море, но лучи его кое-где пробивались сквозь редкие прорехи и окрашивали четко видимые участки воды в цвета расплавленного золота.

«Выбор невелик, — решил он, не в первый раз обдумав сложившуюся ситуацию. — Или это сделает она, или я. Или это не удастся никому».

Наверняка, ему было известно одно. Каким-то неведомым образом Лиса была способна «читать» в его душе. Почти невероятно, но факт, и, к сожалению, теперь она будет

действовать, сообразуясь не с разумом, а с эмоциями.

«Жаль, — решил он. — Ничего хорошего из этого не выйдет».

Вопрос был лишь в том, оставить ли все, как есть, понадеявшись на то, что все действительно зашло так далеко, что стало необратимым, или проверить самому?

«Это была ошибка, — сказал он себе, меряя шагами бесконечные переходы замка. — Но кто свободен от ошибок?»

Даже бог, в которого он, как ни странно, верил всю жизнь, даже всевышний, возможно, однажды ошибся. Тогда ли, когда создавал людей, или тогда, когда напустил на них своих зверей, но ошибся.

«Впрочем, возможно, я просто не в силах постичь его промысла. Может такое случиться? — спросил он себя. — Еще как может! Все мы всего лишь твари господни, и охотники и их дичь».

«Твари, — повторил он мысленно, как бы обкатывая это слово на языке, испытывая его на истинность. — Твари. И она тварь, и я. А вот просто ли мы твари, или все-таки божьи твари, покажет время».

Он шел, куда глаза глядят, но ноги сами принесли его туда, куда Август меньше всего стремился сейчас попасть, к «железной двери».

«Судьба, — усмехнулся он, но в его усмешке не было радости. — Судьба...»

Он положил руки на холодное железо и попытался «увидеть», что там, за этой дверью. Однако «видеть» сквозь такие «двери» он не мог. Единственное, что было известно достоверно, это то, что пока он все-таки, скорее, жив, чем мертв. Остальное в руке господней.

Глава 6

Песня Лорелеи[34] (2 октября, 1999)

1

«Время», — напомнил он себе, с неудовольствием признавая собственную слабость.

Время, и в самом деле, стремительно уходило, и откладывать дальше становилось совершенно невозможно. Возможно, что и сегодня было уже поздно, а завтра... кто знает, что могло случиться завтра?

Как ни странно, ему было совсем не жаль бросать всю эту фальшивую роскошь, весь этот иллюзорный парадиз. И покой, подобный забвению смерти, он оставлял без сожаления. Впрочем, ничего странного в этом не было. Он знал им цену, и покою, и комфорту, и изысканной красоте, потому что весь их смысл заключался не в утверждении чего бы то ни было, а лишь в отрицании того, к чему теперь ему предстояло вернуться. А вот возвращаться-то Августу как раз и не хотелось. Однако все сложилось, как сложилось, и рефлексировать по этому поводу было поздно. Повернуть время вспять не мог даже он.

— Господа лорды, — сказал он, входя в «Мечный зал». — И вы леди.

Август вежливо поклонился леди Дженевре — единственной женщине среди его командиров, и обвел медленным взглядом всех четверых, собравшихся здесь по его приказу, чтобы выполнить то, что всегда представлялось им чем-то настолько далеким от реальности, что им смело можно было пренебречь. Тем более, что именно так относился к этому их сюзерен. Однако времена меняются, и вот они здесь, и Август стоит перед ними, чтобы отдать последние приказы и, не мешкая, отправиться в путь.

— Все решено, — сказал Август и чуть улыбнулся. — Я отправляюсь на ту сторону, и вы последуете за мной.

Дженевра, затянутая в черную кожу, скрывающую под собой тонкую стальную кольчугу, ответила ему счастливой улыбкой. Левая ее рука сжимала рукоять японского меча, в желтых глазах плавилось безумие вышедшего на охоту хищника.

— Вы все идете со мной, — повторил он главную мысль. — И ваши люди тоже.

Широкоплечий приземистый Гектор, облаченный, как всегда, в простую — «солдатскую» — броню, чуть прикрыл глаза в знак того, что слышал и принял сказанное, как оно есть. Персиваль, золотая насечка на латах которого ослепительно сверкала в лучах заходящего солнца, склонил голову, а Марий, на чьем шелковом поясе не оказалось сейчас даже кинжала, показал зубы в волчьем оскале. Он был самым отчаянным из его командиров и, возможно, отчасти сумасшедшим, но надежнее его в кризисной ситуации могли быть только гранитные скалы.

— Ширина окна, — Август достал из небытия раскуренную пеньковую трубку и поднес ее к губам. — Пятнадцать секунд. Поэтому вы идете первыми, господа, сразу за мной.

Он сжал мундштук зубами и несколько раз пыхнул трубкой, подняв перед собой облако ароматного дыма.

— Пятнадцать секунд плюс-минус три секунды, — пояснил он свою мысль. — Немного, но и немало. Вполне достаточно, если действовать решительно и без заминок. Ваши люди идут двойками, в порядке жеребьевки, сразу за вами. Хотелось бы, чтобы успели все, но это вряд ли достижимо.

Август помолчал, не столько давая своим командирам обдумать услышанное, сколько потому что и сам в который уже раз попытался представить себе реальный ход событий. Однако представить непредставимое крайне сложно. Оставалось надеяться, что даже в худшем варианте, кто-то из них успеет перейти раньше, чем «окно» захлопнется.

— «Блик», — сказал он после паузы. — Сохраняется от трех до восьми часов, но сколько точно, не знает никто, и я тоже. Поэтому, примем, что максимальное время для принятия решения — сто восемьдесят минут, и ни минутой больше. Суетиться не следует. При выборе объекта требуется известная осмотрительность, поскольку правильный выбор означает выживание, но и медлить нельзя. Запомните, сто восемьдесят минут! Все ясно?

— Да, — ответил за всех Гектор.

— Превосходно, — снова улыбнулся Август, хотя, если по совести, сейчас ему было не до смеха. — Не позже, чем через сутки после перехода, всем собраться на месте, установить связь и разработать план операции с учетом открывшихся обстоятельств. Все надо сделать так быстро, как только возможно, но при этом помните, мы не должны оставить ни малейших следов. Никаких следов.

2

В принципе, можно было разделить. Возможно, так и следовало поступить, потому что одного человека гораздо труднее выделить в толпе и проследить его тоже непросто. Впрочем, и у путешествия группой имелись свои неоспоримые преимущества, и в конце концов Лиса решила двигаться всем табором. Две смешанные пары, познакомившиеся во время тура в Финляндию и продолжающие «гулять» вместе — благо деньги есть и свободные профессии позволяют — это ведь тоже прикрытие не из худших. Ищут-то как раз одиночек.

Самолет компании «Finnair» приземлился во Франкфурте в 8.40 утра, а в девять с минутами они прошли уже паспортный контроль, но в город выходить не стали, а поехали на монорельсе[35] в первый терминал, и там, на полчаса «приземлились» в баре, отслеживая

ситуацию и делая окончательный выбор между железной дорогой и автобаном[36] А5. Впрочем, Черт и Дама Пик если и имели какое-то отношение к окончательному решению, то самое незначительное. Они «держали» ближний периметр и активно — в меру таланта и темперамента — изображали бурно развивающееся чувство, густо замешанное, как мог убедиться любой, даже не слишком проницательный наблюдатель, на стремительно уходящей молодости фигуристой фрау, с одной стороны, и гремучей смеси алкоголя и чего-нибудь вроде марихуаны — с другой. Алекс «дремал» на коленях Лисы, сообщая ей, время от времени, новости «живого эфира». Все было тихо и спокойно. Никто их не искал, и камеры слежения, так уж вышло, если и запечатлели кого-то из компании — но ни разу всех вместе — то только со спины.

«Значит, решено, — продолжая машинально поглаживать Алекса по лысеющей макушке, Лиса потянулась через него, взяла левой рукой бокал с коньяком и поднесла ко рту. — Еще пять минут, и двигаем к Эс-бану[37]».

Она сделала глоток и повернулась к Даме Пик:

— Ну что, Магда, еще посидим, или на вокзал? А то, боюсь, мой Отто уже не проснется до следующего утра.

— Поехали, — пожала плечами Пика. — Ту-ту!

Еще минут пятнадцать они собирались, тормозили мужчин, и под шутки и прибаутки допивали коньяк, но в конце концов встали и, забрав свой невеликий багаж — дорожные сумки и рюкзаки — неспешно, все так же похотывая, направились к спуску на платформы электрички. Вот в этот момент все и произошло.

— Нас засекли! — в голосе Алекса звучала паника, хотя он все-таки не заорал, за что ему положена была большая золотая звезда фрекен Снорк. — Меня! Меня засекли!

Лиса почувствовала, как ужас начинает корезить ее верного оператора и тоже испугалась. Алекс был умница, и талант у него был редкостный, но бойцом он не был, а запаниковавший член группы хуже предателя, потому что никогда нельзя знать наперед, что от него можно ожидать.

— Успокойся, — твердо сказала Лиса и сжала его ребра так, что Алексу сразу стало не до провала. — Кто?

— Не знаю, — выдохнул он, глотая стон. — У них где-то здесь нюхач, а я «горячий»[38].

«Плохо дело!»

Дело, что и говорить было скверное. Шанс нарваться на нюхача существовал всегда, но не так уж много магов служили правительствам, чтобы ожидать встречи каждую минуту. Да если и встретился, что с того? Два мага могли свободно пройти один мимо другого и даже не узнать, кого случайно встретили на пути. Но работающего — «горячего» — сагуса[39] не заметить невозможно. Просто Алекс засек бы волхвующего с десяти-пятнадцати метров, если конечно, тот «не разрушал города и не строил дворцы», а Лиса могла «почувствовать», пожалуй, и метров с пятисот.

«Прорываться? — соображать надо было быстро, потому что если нюхач почувствовал Алекса, то аэропорт закروют уже через считанные минуты. — Прорываться в таком людном месте?»

Получалось, что судьба не оставляет ей выбора. Они находились в одном из самых больших аэропортов Европы. Даже для того, чтобы покинуть его территорию бегом, потребуется очень много времени, которого у Лисы и ее людей просто нет. Уже сейчас, в

эти именно секунды, в игру должны были включиться секьюрити аэропорта, поддержанные полицейским спецназом и группами захвата из контрразведки, которые где-то здесь, наверняка, расквартированы на постоянной основе. А потом, очень скоро — максимум через двадцать минут — здесь станет тесно от прибывающих из Франкфурта подкреплений.

— Спокойно! — сказала она тихим ровным голосом. — Ничего не бойся! Держи системы, а мы тебя выведем. Ты меня понял?

— Да! — ее голос всегда приводил Алекса в чувство. Даже тихий голос. Привел и сейчас.

— Молодец! Главное, не дай им нас заснять!

— Сделаю, — голос Алекса уже не дрожал, хотя прошло всего несколько секунд. Но он был очень лабилен, ее «либен Отто», легко возбуждался и быстро успокаивался, если знать, разумеется, как им манипулировать.

— Магда, — она взглянула на Пику и чуть прикрыла глаза. — Веди Отто. Ральф!

— Да? — Черт уже наверняка знал, где находится нюхач и, по-видимому, ожидал, что сейчас Лиса пошлет его в бой. Но Лисе не хотелось даже думать, какое море крови здесь прольется, если они пойдут на прорыв. И главное, при таком повороте событий, никто не мог гарантировать, что прорвется хотя бы кто-нибудь.

— Отойти метров на десять и не выпускай меня из виду, — сказала Лиса, окончательно решившись. — Постарайся меня вынести, или убей.

— Хорошо, — равнодушным тоном сказал Черт и, шагнув в сторону, пропал из вида, без остатка растворившись в толпе.

— Идите! — приказала Лиса Пике и Алексу.

«Ну вот и все, — сказала она себе, останавливаясь. — Зарекайся — не зарекайся, а все равно на этих весах фальшивые гири!»

Она больше не колебалась и не рефлексировала, зная, что всему на свете, как говорил им с Кайдановым много лет назад старик Иаков, есть время. Время разбрасывать камни и время их собирать. Лиса «открылась» сразу вдруг, без перехода, без подготовки, одним стремительным движением воли обрушив стены, ограждающие разум. Барьеры пали, и шквал чувственных восприятий обрушился на нее с невероятной силой, едва не убив на месте. Однако Лиса знала, чего следует ожидать, и выстояла, справившись даже с мощнейшим рвотным позывом, вызванным дикой смесью запахов, в которых, она на мгновение буквально захлебнулась.

«Еще!»

Сжало виски, и острые коготки шустрых лисят стали рвать кожу на груди и спине. Но в следующую секунду все это исчезло вместе с гремящими голосами и визгом сервомоторов каких-то машин, с липкой грязью воздуха, норовившего залепить рот и нос, но не мешавшего, к несчастью, вдыхать смрад, исходивший от людей и вещей. Все пропало, как будто и не было, и Лиса ощутила объявший ее холод вечности. Этот холод не вызывал озноба и не терзал тело, но зато он уничтожал жизнь, оставляя лишь жестокое право видеть и понимать. Но это все еще было не то, к чему она шла, и Лиса сделала еще один шаг.

Теперь на нее снизошла окончательная тишина. Особая тишина, в которой невозможно жить, но в которой возможно «постигать», открывая все спрятанное и скрытое, отбрасывая, словно шелуху, все запреты и ограничения, накладываемые непреложными законами природы. И Лиса увидела. Она увидела саму себя, свое «чужое» тело — одно из сотен и тысяч других таких же бранных тел, вплавленных силой ее собственной волшбы, как мухи в

янтарь, в пространство остановившегося мгновения. Узнала Пику и Алекса, застывших в движении, конечным пунктом которого через двадцать две минуты станет темно-синий Opel Frontera Wagon, оставленный на долговременной стоянке аэропорта в шесть сорок утра вылетевшим в Тайпэй Гельмутом Стиггом — менеджером по сбыту местной текстильной фабрики. Почувствовала присутствие исчезнувшего из глаз Черта, размытые очертания которого начали проявляться справа от нее, как изображение на фотобумаге. Лиса увидела их всех сразу, их и еще множество и множество других людей, работавших здесь, во Франкфуртском аэропорту, прилетевших сюда или готовящихся отсюда вылететь, «идущих», «стоящих» или «сидящих», «летающих» в замерших в воздухе самолетах или «едущих» в машинах и поездах, точно так же, как и сами самолеты, автомобили и поезда, застрявшие между прошлым и будущим в бесконечном мгновении колдовского настоящего. Тишина «открыла» ей скрытого от глаз суку-нюхача — немолодого седеющего дядьку в сопровождении двух оперативников-федералов из БФВ — и обнаружила три группы захвата, успевшие получить сигнал тревоги и начавшие уже на него реагировать, и еще множество полицейских и секьюрити, разбросанных по одному — по двое на огромной территории аэропорта, и взвод полицейского спецназа, и сотрудников расположенного в здании Первого терминала опорного пункта военной контрразведки. Двести девять человек предстали перед внутренним взором Лисы, двести девять мишеней ее холодного равнодушного гнева, двести девять приговоренных к смерти, но не ведающих своей на самом деле уже свершившейся судьбы. Впрочем, нет. Кое-кто был способен на большее, чем стать простым статистом в игре высших сил.

Встрепенулся задетый ее «волной» Черт, и нюхач тоже почувствовал прикосновение Лисиного «взгляда». Он оказался потрясающе сильным колдуном, Чеслав Новотны по кличке Карл — «пятьдесят три года, уроженец города Брно, не женат» — ему почти удалось разорвать цепи остановившегося времени и прорваться на другой, несравненно более высокий уровень, требовавший немалого могущества. Однако «почти» — это оценочная категория, которая на самом деле ничего не стоит. Он попытался, но не смог или не успел. А кто не успел, тот опоздал, не так ли?

— Не надо! — он, естественно, не мог говорить. Это кричала испуганная душа Чеслава Новотны, но услышать этот отчаянный вопль могли сейчас только «онемевший» Черт и творящая свое страшное чудо Лиса.

— Не надо! — закричала его душа.

— Всему приходит конец, — с холодным равнодушием ответила ее душа.

— Умрите! — приказала Лиса всем тем, кто представлял сейчас опасность для нее и ее людей. — Умрите все!

3

Первым озвучил новость Pro7. У них это появилось в двенадцатичасовом новостном блоке. Однако уже к часу дня вопили все, кто только мог: BBC, SNN, RTL, ARD, ZDF,[41 все, кого принимала их антенна. И даже картинка пошла, но пока еще невнятная и содержащая одни только дальние планы. Впрочем, первый канал уже в час тридцать пять, показал несколько неидентифицируемых трупов и полтора десятка автоматов Калашникова и Узи, над которыми «колдовали» эксперты-криминалисты. Судя по набору оружия и черным вьющимся волосам у двух трупов из трех, ответственность за теракт решили повесить на палестинцев, но у Кайданова не было ни малейших сомнений в том, что, на самом деле, произошло во Франкфурте. Он даже здесь, в Берлине, ощутил, как «дрогнули

небеса», а тем из «увечных», кто, на свою беду, оказался в десять утра в непосредственной близости от эпицентра, можно было только посочувствовать. Такой откат валит с ног, он это знал абсолютно точно.

— Кто-то прорвался в Германию, — сказал Кайданов вслух.

— Думаешь, прорвался? — возможно, Викки в этом сомневалась, однако, сказать наверняка было невозможно.

— Не сомневайся, — зло усмехнулся Герман, поворачиваясь. — Бундесы никого не ждали, ты уж мне поверь! Простое совпадение. Скорее всего, у них был там нюхач, и человек на него напоролся случайно. Это не акция. Это прорыв.

— Трудно сказать, — возразила Викки, почти не изменив при этом тональности своего красивого голоса. — Ты же не можешь знать этого наверняка.

— Не могу, — согласился Кайданов, внимательно вглядываясь в ее спокойное лицо. — Но я чувствую. Триста убитых... Теперь помножь это число, как минимум, на двое. Ты представляешь, какой колдун там был, если мы почувствовали его даже здесь?

— Возможно, — пожалала плечами Викки. — Но тогда, теперь начнется «блокада».

— Наверняка, — кивнул Кайданов, продолжая рассматривать Викки и испытывая при этом обычное чувство, если не раздражения, то уж, во всяком случае, досады. Временами ему казалось, что рядом с ним живет не человек, а одушевленный манекен. Кукла для секса, резиновая блондинка...

— Надо ложиться и не дышать, — произнося эти слова, Викки впервые за время разговора посмотрела Кайданову в глаза. Глаза у нее были очень красивые, но ему хотелось знать, хотя бы иногда, что они выражают.

— Да, — сказал он вслух. — Ты права. Передай по цепочке: «тихий час» для всех.

— А ты? — спросила Викки своим фирменным «ровным» голосом. Когда она так говорила, по ее интонациям было совершенно не понять, какие именно эмоции она испытывает, и тревожит ли ее вообще хоть что-нибудь.

— Я съезжу на встречу в Мюнхен и тоже лягу, — улыбнулся он, не столько испытывая в этом потребность, сколько по привычке «раздвигать губы в положенных местах разговора».

«Я раздвигаю губы, она ноги, и оба мы делаем это, потому что так положено».

Викки с минуту молча смотрела на Кайданова. Просто смотрела без всякого выражения.

«Но ведь о чем-то ты же думаешь, мать твою так!»

— Не ходи, — сказала она, прерывая молчание. — Сейчас не время.

— Не могу, — его самого поразило равнодушие, с которым он это сказал. Но, с другой стороны, следует ли тому, кто уже умер, бояться смерти?

— Не могу, — ответил Кайданов, понимавший, что, скорее всего, Викки права, но не желавший менять свои планы из-за такой мелочи, как собственная жизнь. — Я этой встречи ждал два месяца и год добивался. Просто не могу.

Возможно, он был прав, а может быть, и нет, но в любом случае, не был искренен. Разумеется, эта встреча была им всем очень нужна. Проблема, как всегда, состояла в малочисленности боевки. С одной стороны, хорошо. Маленькие группы труднее вычислить. Однако, с другой стороны, с пятью-шестью людьми серьезной каши не заваришь. А тут целая группа. Новые люди, новые возможности... но и новые опасности, разумеется. Вот только, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Вопрос, впрочем, был в том, стоила ли овчинка выделки, и нельзя ли было все-таки отложить эту встречу до лучших времен?

«Можно, наверное, — подумал Кайданов, доставая сигарету. — Но я откладывать не

хочу».

Викки молчала, но взгляда не отвела. Смотрела так, как будто хотела что-то понять, или, наоборот, уже все поняла и просто запоминала его таким, каким увидела в последний раз?

«Возможно, — согласился Кайданов, закуривая. — В конце-концов, что я о ней знаю? Но ведь о ней-то я как раз и не подумал».

— Я полечу самолетом, — сказал он вслух. — Встреча завтра вечером. Послезавтра утром я буду уже дома.

— Мы, — кивнула Викки. — Мы будем дома послезавтра утром, потому что я лечу с тобой.

4

— Ты как? — спросила Пика, вытирая ей лоб носовым платком.

— Никак, — и это была чистая правда. Тело было «стеклянное», хрупкое и холодное, и душа тоже была никакой, а в голове стоял туман. Лисе потребовалось сделать почти невероятное усилие, чтобы рассмотреть в этом холодном тумане хоть что-нибудь, за что могла ухватиться ее ленивая неповоротливая мысль.

«Опель... Автобан А5... Ульм... Все живы... И я жива... Снова жива... И мы едем в Ульм...»

Они ехали на машине в Ульм, где в университетской клинике уже много лет лежал Анатолий Морицевич Гюнтер...

«Если это не тот человек...»

Если это не тот человек, которого она ищет, значит, их дорога лежит дальше. По восьмому шоссе через Аугсбург в Мюнхен...

«Мюнхен? Почему Мюнхен? — удивилась она. — Берлин! Нам нужно в Западный Берлин».

Однако сила ее удивления была так слаба, что на этой мысли Лиса не задержалась, сразу же перейдя от нее к совершенно другой.

— Что там? — спросила она, имея в виду Франкфуртский аэропорт.

— Апокалипсис, — ответил откуда-то из пространства Черт, без пояснений догадавшийся, о чем она их спрашивает. — Война Гога и Магога.

— Алекс влез в компьютеры штаб-квартиры БФВ в Кельне, — объяснила Пика. — Они сообщают о более чем семистах погибших.

— Когда?

«Когда они успели всех посчитать? И почему так много?»

— Сорок минут назад, — сразу же ответила Дама Пик. — А в пути мы уже почти три часа.

— Вроде бы, я целила только по агентам, — не испытывая практически никаких эмоций и сама же этому отстраненно удивляясь, сказала Лиса.

В самом деле, какая разница? Двести трупов или семьсот... Или всего один. На войне человеческая жизнь стремительно обесценивается. Старая истина.

— Не знаю, — пожалала плечами Пика. — Наверное, тебя понесло. Ты же знаешь, как это бывает...

«Знаю... не знаю... не помню... Семьсот? Впрочем, неважно. Уж один-то точно получил по заслугам».

— Ты сожгла им всю электронику в радиусе полутора километров и чуть не уронила

одиннадцать самолетов...

«Им просто повезло, что я о них не подумала. Ну что ж, на войне, как на войне».

— Совершенно нет сил, — сказала Лиса слабым, «больным» голосом.

— И не мудрено, — усмехнулся влезший откуда-то сбоку Алекс. — Я столько живи сроду не видел. Просто цунами какое-то, ей богу! Нас достало уже на эскалаторе и било раз десять, честное слово! Не вру! Я такого никогда не чувствовал. Физически больно, но зато потом... Улет!

5

На этот раз, металл оказался не просто холодным, каким, собственно, и должна быть честная оружейная сталь, он излучал смертельную стужу. В нижней галерее стояла зима, пар от дыхания людей висел, не тая, в неподвижном мертвом воздухе, на стенах, полу и сводчатом потолке видны были белые пятна изморози. Но настоящий ужас преисподней ожидал их около самой двери. Мороз здесь был таким, что невозможно было дышать, а сама поверхность железной двери, казалось, светилась безжалостной голубизной вечных льдов.

Август чувствовал, как стужа вытягивает из тела тепло и жизнь. Кожа на лице натянулась и стала жесткой и ломкой, как высохший пергамент. Слезились глаза, и даже его воля, казалось, застыла в присутствии растворенной в тишине вечности. Он понимал, что мороз ударил неспроста, и что ожидание лишь множит страдание и уменьшает шансы на успех, но справиться с собой оказалось совсем непросто. Прошла долгая, томительная минута, пока он стоял перед закрытой дверью, не в силах ее открыть, но и не решаясь уйти. Позже он не смог даже вспомнить, что именно происходило тогда в его душе, но предполагал, что ему пришлось выдержать нешуточную борьбу с презрительным отвращением к тому, что лежало «за порогом», с внезапно вспыхнувшей в нем разрушительной ненавистью к миру, ожидавшему его на той стороне. Но, как бы то ни было, с этими ли предполагаемыми врагами сражался он в нижней галерее своего собственного замка, или с какими-то другими, принятое им решение оказалось сильнее их всех, и после минутной заминки Август все-таки положил руку на ручку двери и потянул ее на себя.

— Время! — крикнул он, распахивая дверь, и, следовательно, отдавая себя этим действием в руки Случая, который с одинаковой вероятностью мог оказаться, и промыслом божьим, и слепой игрой шансов на бесконечном поле неопределенности.

6

В клинику Лиса не пошла — у нее просто не было на это сил — послала Черта. Тот ее выслушал, кивнул, и, так и не задав ни одного, даже самого пустячного вопроса, пошел к стеклянным дверям неврологического корпуса. А она постояла немного на месте, глядя ему в спину, потом повернулась и пошла на все еще неверных ногах в другую сторону, туда, где около куста сирени заметила чуть раньше пустую скамейку. После скандинавской сырой и холодной осени, погода в южной Германии оказалась просто замечательной. Было солнечно, но не жарко, и воздух пах не столько привычными пылью и бензином, сколько созревшими плодами. Лиса улыбнулась своим «нейтральным» мыслям, но, уже садясь на скамейку, поняла, что ждать нечего. Потому и Черта вместо себя отправила, что подсознание уже обо всем догадалось. Потому, если разобраться, и думала сейчас совсем не о том, что найдет, или не найдет в клинике Черт, а о чем-то, никакого отношения к делу не имеющем.

«Ничего он не найдет», — признала Лиса очевидное и сразу же посмотрела на Алекса. Отсюда, с ее скамейки, были хорошо видны и вход в клинику, и другая скамейка на противоположной стороне обсаженной деревьями площади. Там расположились Алекс и

Пика. Но, увы, расстояние и обстоятельства не позволяли ей сразу же спросить Алекса о том, о чем она вдруг подумала.

«Не страшно, — остановила себя Лиса. — Столько терпела, и еще сколько надо потерплю. А сделанного все равно не воротишь, не так ли?»

Она достала из сумки бутылку кока-колы и, свинтив крышечку, поднесла к губам. Ее все еще мучила жажда, но, с другой стороны, Лисе так же необходимо было просто чем-то себя занять, чтобы умерить внезапно возникшее чувство непокоя. Это не был страх, или ощущение опасности, и даже не вполне обоснованное в ее нынешнем поиске нетерпение. Это было что-то другое, смутное, но от того не менее тягостное, что ни с того, ни с сего, казалось, сжало сердце в томительном ожидании. Чего? Лиса этого не знала, однако, к тому времени, когда выпив почти всю колу, она освободила рот для сигареты, которую уже услужливо и почти без вмешательства воли приготовила ее левая рука, решила, что все дело в том, что ей открылось несколько минут назад, и в том, как это с ней произошло. Судя по всему, Лиса опять «проскочила вперед». Это не было обычное, то есть, знакомое ей — пусть, в основном, и понаслышке — прорицание или провиденье. Скорее, это было похоже на послезнание, которое, на самом деле, следовало бы называть предзнанием. Вот только вовремя обнаруживать это новое, неизвестно, как и откуда появлявшееся в голове знание Лиса не умела. Каждый раз она буквально спотыкалась об него, словно о брошенный на дороге камень, как случилось это несколько дней назад в доме Быка, и как произошло теперь, здесь и сейчас, буквально несколько минут назад.

«Допустим», — она попыталась актуализировать все, что объявилось теперь в ее бедной голове, но, увы, ничего нового там не нашла. Все, что она знала, сводилось к трем простым истинам. Гюнтер не тот человек, которого она ищет. В Западный Берлин ехать незачем, потому что и там их ничего не ждет. Оказывается, следовало сразу же ехать в Израиль, но и это уже было неактуально.

Это последнее знание оказалось самым странным. С одной стороны, еще тогда, когда Алекс впервые упомянул о «русском» пациенте больницы Ихилов, в ней что-то шелохнулось, несмотря на то, что по всем признакам это не мог быть Некто. Но что-то же Лису в нем заинтересовало? Что? У нее не было ответа. Разве что, можно было предположить, что она и тогда «проскочила вперед». Однако полной уверенности у нее в тот момент не было — лишь смутное ощущение ценности полученной от Алекса информации — и она не стала спешить. А теперь поздно.

«Почему?»

Но ответа на этот вопрос она из своего «черного ящика» не получила. Незачем, и все, потому что поздно. То ли умер уже, то ли его там нет, то ли... Лиса не успела додумать мысль до конца. Воздух дрогнул, и сердце пропустило удар. Где-то совсем рядом кто-то совершил короткое, но необычайной силы колдовство, буквально разорвав на мгновение «ткань мироздания».

«Черт?!»

Конечно, это мог быть и он — его Дара вполне хватило бы и не на такое чудо — но у Лисы, сидевшей на скамейке в тени сирени, появилось сейчас неприятное чувство, что она пропустила что-то очень важное, но что именно, узнать теперь было практически невозможно.

7

Выбор оказался совсем простым. Она и искала недолго, и решила сразу, как только

увидела ее, медленно идущую по госпитальному коридору. Увидела, узнала, ощутила внутреннюю гармонию, и сразу стало неважно, какие у этой девушки документы, сколько ей лет, и откуда она родом. Все это было лишним теперь, лишенным смысла, потому что она увидела себя и сразу поняла, что другого выбора ей не надо, потому что не дано.

Ольга Эйнхорн споткнулась на ходу и чуть не упала, беспомощно взмахнув тонкими руками в попытке удержать равновесие. Ее мотнуло вперед. Закачалась маятником маленькая сумочка на длинном ремне, висевшая на плече, но Ольга все-таки не упала, удержавшись на ослабевших и задрожавших вдруг ногах.

— С вами все в порядке? — озабоченно посмотрел на нее шедший навстречу молодой мужчина в белом халате.

— Да, — растерянно ответила Ольга, пытаясь выровнять дыхание, сорвавшееся от пережитого мгновенного испуга. — Да, благодарю вас. Все в порядке. Я просто...

«Я просто только что умерла».

Сердце колотилось в груди, как сошедшее с ума, и волны жара и холода — попеременно — стремительно прокатывались через тело.

— Я просто оступилась, — слова с трудом пробивались наружу сквозь тяжелое неровное дыхание. — Где здесь туалет?

— Дальше по коридору, — автоматически ответил мужчина. Было видно, что ее состояние внушает ему опасения, но Ольге было уже не до него. Она едва ли не бегом бросилась вперед по коридору, разом забыв и о встреченном ею враче — или кто он там был — и о прочих людях, находившихся сейчас рядом с ней. Единственной разумной мыслью в этот момент был страх, что она не успеет добежать.

Она едва успела. Ее вывернуло почти сразу, как только она ворвалась в туалет. Захлопнулась за спиной дверь, и Ольга согнулась пополам, не в силах уже дойти на ставших вдруг ватными ногах до раковины. Ее вывернуло прямо на кафельный пол, а потом еще раз, и еще. Но все это были сущие пустяки, как поняла она еще тогда, когда стояла, согнувшись и содрогаясь всем телом от рвотных позывов. Просто «адаптация» выбросила в желудок, как в самую подходящую для этого в организме полость, все то дерьмо, что успело вырасти в теле Ольги Эйнхорн, ну а он, желудок, такой нагрузки, естественно, не выдержал. Только и всего.

«Хорошо, что не обделалась», — подумала она почти равнодушно и, выпрямившись, заковыляла к раковине, чтобы умыть лицо и прополоскать рот.

8

Как ни мало долетело до нее «живи», Лисе и этого хватило «за глаза, и за уши». Сил сразу прибавилось, будто плеснули в кровь хорошую порцию кофеина с глюкозой, и настроение, несмотря ни на что, улучшилось необыкновенно, словно дури накурилась. Она просто ожила вдруг, едва не впад при этом в эйфорию, но, с другой стороны, и насторожилась.

«Что это было?»

Хороший вопрос. Если бы к нему еще и ответ соответствующий прилагался, цены бы ему не было. А так, что ж, вопрос без ответа только причина для головной боли и ничего больше. Возможно, что вообще не произошло ничего такого, о чем стоило бы думать, то есть, ничего из того, что могло, так или иначе, касаться Лисы. В конце концов, магов в Европе хоть и не много, но все-таки не настолько мало, чтобы они вовсе не могли пересечься. А колдовство, которое почувствовала Лиса, по здравом рассуждении, случилось никак не ближе трехсот метров от того места, где она тогда находилась. Сильное колдовство

— это факт — даже очень сильное, но и очень быстрое. Такое стремительное — «И что бы, во имя всех святых, это могло быть?» — что Алекс его даже не заметил, а Пика, хоть и почувствовала «что-то такое», была, тем не менее, полна сомнений, не почудилось ли ей это «с устатку, да на нервах». Один Черт уверенно засек волшбу и оценил ее по достоинству.

— Сильно, — проскрипел он, выворачивая на автостраду. — И быстро. Метров двести-триста на восток.

— То есть, на территории госпиталя, — кивнула Лиса.

Ну что ж, вполне вероятная вещь, если подумать. Кто-то кого-то по быстрому «подлечил». Но так нагло? Что называется, у всех на глазах? Было в этом что-то неправильное. Не рисковали так маги, давно уже усвоив, что для чудес нужны не только желание и Дар, но и подходящие время и место, а университетская клиника, как ни посмотри, не лучшее место для таких вот сумасшедших экзерсисов.

«Но может быть, у него не было выбора?»

Ведь и так могло случиться, что у колдуна — «Ну хорошо! У колдуньи!» — просто не оставалось времени на поиски соответствующих обстоятельствам места и времени. Умирал кто-то, допустим, или еще что-нибудь?

— Ты подготовку почувствовал? — спросила она вслух.

— Это не подготовка была, — лаконично ответил Черт, встраивая Фольксваген в поток.

— А что? — к словам Черта и всегда-то следовало прислушиваться, даже если от его интонаций начинало крутить живот, а в таком деле, как детекция чужой волшбы, тем более.

— А что? — спросила она, настораживаясь даже в своем нынешнем «улетном» настроении.

В самом деле, что же такое она почувствовала перед самой волшбой? Ведь что-то же Лиса почувствовала, в этом она была уверена.

— Не знаю, — лаконично ответил Черт и увеличил скорость, благо правила разрешали. — Мы в Мюнхене что-то забыли?

«В Мюнхене...»

— Не знаю, — уже произнося эти простые слова, она поняла, что слово в слово повторила ответ Черта. — Я знаю только, что сегодня вечером мы должны быть в Мюнхене, а зачем и почему, не знаю.

— Опять? — озабоченно спросила Пика, по своему характеру боявшаяся всего нового и неожиданного.

— Да, — коротко ответила Лиса и, протянув руку, тронула за плечо Алекса. — Алекс, не в службу, а в дружбу, погляди там, что с этим дядькой в Тель-Авиве?

Алекс оглянулся и удивленно на нее посмотрел, но ничего не сказал, а взгляд его вопрошающий Лиса решительно проигнорировала.

«Пусть думает, что хочет, только бы дело делал!»

— Посмотришь? — попросила она, изо всех сил сдерживая рвущийся наружу дурацкий смех, буквально распиравший легкие. — Очень надо.

— Посмотрю, — покорно согласился Алекс и отвернулся.

— Час времени у меня есть? — спросил он Черта.

— Два, — коротко ответил тот, не поворачиваясь. — Два. Через два часа привал и обед.

9

Темно, холодно... Постыло? Великолепное слово!

«Так жить нельзя. Кто сказал?»

Кто-то сказал. По-другому поводу, разумеется, но сказал хорошо, и, если подумать, то с ним, это сказавшим, следует согласиться: да, вы правы, товарищ, так жить нельзя. Однако теперь, видимо, придется. И так тоже, если уж приспичило жить.

«Зачем, спрашивается?»

Зачем? Хороший вопрос. Слово хорошее, вопрос хороший, а жизнь плохая, постылая.

«Но ведь не умер!»

Тожe правда. Не хотел бы жить, мог умереть. Никто силой не держал. Сам решил. Сам. А теперь что?

Он попробовал себя ощутить, но это оказалось сложнее, чем «увидеть» мир вокруг себя. Больничная палата... кровать...

«Койка», — поправил он себя.

Разумеется это была больничная койка. Шесть коек, одна его собственная.

Он поднялся к потолку и посмотрел на себя сверху.

«Ужас!»

Не то слово! И так-то никогда красавцем не был, но то, что лежало сейчас на больничной койке и человеком назвать было сложно.

«Существо... И оно того стоило?»

Трудно сказать.

Он огляделся вокруг, но ничего интересного не нашел и, немного поразмыслив над тем, что теперь предстояло сделать, вернулся в свои бранные останки.

10

Судя по всему, зов пришел откуда-то со стороны Мюнхена. Тихий зов, едва слышный, но родная кровь не шепчет, а кричит, и Ольга, не раздумывая, поехала в Мюнхен. Машина у нее, правда, оказалась старенькая и «летать» не умела, вернее уже не могла, но движок тянул, колеса крутились, и, в любом случае, это было лучше, чем тащиться на поезде или в автобусе. Вот только одного она не учла — впрочем, Ольга об этом заранее и не знала — что уже через час ей зверски захочется есть.

«Адаптация, — вспомнила она, решительно борясь с голодом, буквально поедавшим ее пустой желудок. — Адаптация. Но это значит, что до Мюнхена я доберусь только к вечеру».

11

Алекс «вернулся» всего за пару минут до того, как Черт, съехав с главной дороги, начал выруливать к бензоколонке, рядом с которой имелся, разумеется, и ресторан. Где так долго гулял оператор, Лиса, уверенная, что задание ее вряд ли заняло у него больше четверти часа, спрашивать не стала. В конце концов, она была советским человеком и прекрасно понимала, что каждый имеет то, на чем «сидит». Бог с ним, с Алексом — порнуху он там смотрел, или еще что — главное он не ерепенился и дело свое делал на ять. Остальное лирика.

— Ну? — спросила она, все еще пытаюсь понять, о чем сердце вещует. — Что?

— Все то же, — пожал плечами Алекс. — Жив твой дяденька, хотя и не сказать, что б здоров. У него сегодня утром как раз кровь на анализ брали. Написано, «Без изменений».

«И что это значит?»

— А мы куда, собственно? — как спросонья тараша глаза и оглядываясь по сторонам, спросил Алекс. — Мы же, вроде, в Мюнхен собирались...

— Будет тебе, золотко, и Мюнхен, — ответила за всех Дама Пик. — И чайник со свистком. Сейчас вот только пообедаем скоренько, и вперед.

— А!

— Не «А», — поправила его не на шутку развеселившаяся Лиса. — А «О!»

— Ты начальник, — снова пожал плечами Алекс. — Прикажешь, чтобы было «О», «о» и будет.

— Поговори мне, — усмехнулась Лиса, хорошее настроение которой так еще и не прошло. — Оставлю без сосисок.

— Или без пива, — добавила она после краткого, но «многозначительного» раздумья. — Без пива обидней, как полагаешь?

— Да ладно тебе, — махнул рукой Алекс. — Я что?! Я ничего.

— Вот и я ничего, — мурлыкнула Лиса, сама себе удивляясь. Такого хорошего настроения у нее, кажется, и в самом деле, полжизни не было.

— Приехали, — сообщил Черт, останавливая машину и выключая мотор. — Лишнего не говорите. По всей стране «осадное положение».

— А ты откуда знаешь? — удивленно округлил глаза Алекс.

— А что, правда? — сразу же насторожилась Пика.

— Да, — признал Алекс, все еще опарашенный заявлением Черта. — Как раз полчаса назад объявили. Ты что, Черт, тоже можешь?!

— Нет, — равнодушно ответил Черт, открывая водительскую дверцу и вылезая наружу. — Я их просто знаю. Всех.

«Знает», — признала Лиса и, мысленно пожав плечами, пошла ко входу в ресторан.

Что тут скажешь? Смешно было предполагать, что после того, что она натворила во Франкфурте, немцы не поставят на уши все свои спецслужбы. Что-что, а складывать и вычитать они за полвека вряд ли разучились. Да и вообще, не надо было быть шибко умным, чтобы догадаться что их собственный «почетный ариец» — пусть и случайно — нарвался на свою и их беду на кого-то, оказавшегося спецназу не по зубам. А то, что этим кем-то по случаю оказалась она сама, дело второе. Был бы кто-то другой, все обстояло бы точно так же: «осадное положение», и все вытекающие из него прелести. Однако забивать всем этим голову, Лиса не стала. Что сделано, то сделано, и сделанного, как говорится, не воротишь, тем более, что у нее все равно другого выхода не было. А расставаться с гулявшей и певшей в крови весной никак не хотелось. Иди, знай, случится ли с ней еще когда-нибудь такое чудо, и, даже просто, удастся ли до такого случая — «Если даже!» — дожить.

«Все там будем», — решила она, отправляя эту лишенную, впрочем, эмоциональной окраски, но все-таки неподходящую к нынешнему настроению мысль в «мусор», и толкнула стеклянную плиту двери.

Несмотря на то, что бензоколонка на междугородней трассе место по-определению бойкое, в зале ресторана народу оказалось на удивление мало. Лиса окинула его беглым взглядом и, не заметив ничего подозрительного, направилась к пустому столику у окна.

«Волков бояться, в лес не ходить», — она села так, чтобы видеть весь зал и, заодно — привычка вторая натура — входную дверь, оставив Черту сомнительное удовольствие «любоваться» парковочной площадкой, а даме Пик — следить за дверью в служебные помещения. От Алекса, как всегда, толку было, как с козла молока, но любила она его не за это. Лиса взглянула на Алекса, увидела «плывущий» взгляд своего оператора и без стеснения ткнула ногой в колено.

— Очнись, умник! — фыркнула она. — Кушать подано!

— Что? — встрепенулся Алекс, «просыпаясь» в очередной раз. Увы, но, как знала Лиса, это являлось общей слабостью всех, без исключения, операторов. Стоило человеку один раз

попробовать, что это такое, «летать в эфире», и он подседал на это развлечение, как на наркотик, будучи уже не в силах отказаться от «кайфа» и, улетаая при первой же представившейся возможности.

— Ничего, — ответила она, с трудом проглатывая мельтешащую на губах улыбку. — Но в следующий раз получишь по яйцам.

— Извини, — виновато улыбнулся Алекс. — Фильм не досмотрел.

— Что за фильм? — спросил Черт, который, насколько знала Лиса, имел в жизни ровно два увлечения. Черт писал стихи и ходил в кино. Что характерно, видик он почти никогда не смотрел. Он любил именно кино.

— Что за фильм? — спросил Черт и помахал рукой официантке.

— Американский, — ответил Алекс, закуривая. — Матрица называется. В следующем месяце выходит.

— Про что там? — спросила Пика, но в этот момент к их столику подошла официантка, и они занялись заказом. Впрочем, при ближайшем рассмотрении, меню не блистало разнообразием, так что «суп-гуляш» — почему-то по-чешски — баварские сосиски с кислой капустой и отварным картофелем и, разумеется, Ханен Альт, потому что, как же без пива, если такой обед? Никак.

«Никак, — весело пропела она в душе, предвкушая вкусный горячий обед и холодное пиво. — Совсем никак».

Взгляд ее скользнул по черноволосой девушке с бледным нездоровым, но изысканно красивым лицом, сосредоточенно хлебавшей суп из глиняного горшочка, остановился на мгновение на блондинистой мамаше, пытавшейся втолкнуть в своего трехлетнего сына кусок шницеля, и снова вернулся к брюнетке за столиком у противоположной стены. Что-то зацепило Лису, когда она «мазнула» взглядом по девушке, но что именно, она не поняла. Ничего путного не вышло и со второй попытки. Девушка, как девушка. Молодая и красивая, но что с того?

«Или меня с живи снова на теток повело?»

В любом случае, опасности эта девушка не представляла. Однако при взгляде на нее в сердце Лисы возникло какое-то неясное, но отчетливо тревожное чувство. В чем тут дело? Возможно, в том особом типе красоты, которым она была отмечена, утонченном, даже изысканном, но, в то же время, хищном.

«Коршун или сокол, — решила Лиса, рассматривая незнакомку. — Или еще кто-то, но той же породы».

Девушка неожиданно подняла взгляд от своего супа, и их глаза встретились. У брюнетки оказались глаза пронзительной синевы, равнодушные, как синь небес или морских глубин. Лису как будто морозом обожгло, и, улыбнувшись в знак извинения за чрезмерно пристальное внимание, она поспешила отвести взгляд.

«Вот же б-дь!» — выругалась она про себя и посмотрела на экран телевизора, на который уставились — позабыв о стынувшей в тарелках еде — средних лет мужчина и женщина, обедавшие за столиком слева от Лисы.

«А эти что вылупились?»

Но тут как раз никакой загадки не было. По телевизору показывали «отретушированные» контрразведкой картины ужасов Франкфурского аэропорта. Лиса с минуту посмотрела репортаж, дивясь тому, как ловко можно выдать одну трагедию за другую, и снова посмотрела на мужчину и женщину. Это были простые люди, не обученные

скрывать свои истинные эмоции, и, совсем немного за ними понаблюдав, Лиса пришла к выводу, что твари эти, несмотря на всю свою «простоту», прекрасно понимают, что агентство новостей им попросту пудрит мозги. Это — увы — было не ново. Судя по всему, о том, что на самом деле происходит в мире, знало множество людей, знало, но продолжало молчать.

«Почему они молчат? — от хорошего настроения и следа не осталось. — Почему!?!»

12

— Почему они молчат? — спросила тогда Лиса. Впрочем, не так. Не спросила. Это был крик души, результат, возможно, последнего в ее жизни кризиса, когда в очередной раз — увы, не в первый — она ощутила себя среди «рушащихся стен». Мир исчез в огне ненависти и отчаяния, в дыму страха и непонимания. И она пришла к единственному, известному ей тогда, человеку, к тому, кто, может быть, знал что-то, чего все еще не знала Лиса, или просто не могла понять.

— Почему они молчат? — спросила она. — Петр Кириллович, вы же все знаете, почему?

Он посмотрел на нее долгим взглядом, как бы решая, чего стоит ее просьба, но в конце концов по-видимому, решил, что она стоит некоторой толики откровенности.

— Хорошо, — сказал Петр Кириллович, прерывая молчание. — Не знаю только, насколько то, что я вам скажу, является тем, что вы предполагали от меня услышать.

Перед ней сидел седой старик с обожженным лицом. Серые глаза, будто подернутые дымом того пожара, в котором горело когда-то, много лет назад, его тело, смотрели на Лису, но вряд ли сейчас видели. Старик смотрел куда-то туда, куда никому, ни Лисе, ни другим людям, хода не было. Вероятно, он смотрел в свое прошлое, личное прошлое человека, которого в Городе знали под именем Бах, а здесь в Красносельском районе Ленинграда, как тихого и культурного учителя-пенсионера.

Петр Кириллович помолчал, собираясь с мыслями, затем усмехнулся не без горечи и покачал головой. В его глазах Лиса увидела сожаление и печаль.

— Я думаю над этим почти тридцать лет, — Петр Кириллович увидел удивление в ее глазах и кивнул, подтверждая истинность своих слов. — У меня это проявилось в пятьдесят седьмом. И с тех пор я не перестаю думать о том, что же со мной произошло, и что, черт возьми, это такое? Сначала, у меня было мало данных, хотя, видит бог, интроспекция не самый дурной метод, когда ты не можешь исследовать других. Однако позже... — он замолчал на мгновение, чуть прикрыв глаза, как будто ему мешал яркий свет дня. — Один человек поделился со мной тем, что он знал сам и что почерпнул от других умных и знающих людей.

— Кто это был? — тихо спросила Лиса.

— Какая разница? — печально улыбнулся Петр Кириллович. — Вы должны понять, Лида (тогда она звалась «в миру» этим именем), это не моя тайна.

— Извините.

— Не за что, — Петр Кириллович улыбнулся, но веселья в его улыбке не было. — Так вот, я думаю над этим уже много лет. Мне пришлось говорить на эту тему с несколькими очень умными людьми. И вот что я вам скажу. Ничего! Ровным счетом ничего об этом мы не знаем, и не понимаем ничего!

— Чем же вы тогда занимаетесь? — возразила Лиса, считавшая тогда, что «бухгалтеры» знают все.

— Собираательством, — грустно усмехнулся Петр Кириллович. — Коллекционированием и поверхностной классификацией. А вы чем думали мы занимаемся? Построением теории?

— Не знаю, — честно ответила Лиса. — Но я думала...

— Думали, — кивнул Петр Кириллович. — КГБ тоже так думает, и ищет нас... А, на самом деле, у нас ничего нет. Совсем ничего.

— Совсем?

— Абсолютно, — твердо сказал Петр Кириллович. — Судите сами, Лида. Мы твердо знаем, что феномен впервые проявился в пятидесятые годы. Самый ранний известный мне случай датируется пятьдесят четвертым годом. Однако даже если вы этого не знали, то уж про пятидесятые-то вы осведомлены, не так ли?

— Так, — согласилась Лиса. — Но...

— Верно, — перебил ее Петр Кириллович. — Все упирается в это «Но». Почему в пятидесятые? В чем причина? Неизвестно. Почему именно те люди, а не другие? Не знаем. Почему сейчас есть такие, кто уже рождается с даром, а раньше, как минимум, до конца шестидесятых, таких не было совсем? Вы знаете?

— Нет, — покачала головой Лиса.

— И я не знаю, но вы знаете мало фактов, а я много, и тем не менее, мы приходим к одним и тем же выводам.

Он снова замолчал, но молчание не продлилось слишком долго. Петр Кириллович поднял на Лису глаза и покачал головой.

— Мы ничего не знаем, Лида. Ровным счетом ничего. Мы топчемся у закрытой двери, а у кого находятся ключи от нее, нам неизвестно. В сущности, если подытожить все, что мы знаем, приходишь к двум совершенно тривиальным выводам, которые, на самом деле, ситуацию не проясняют, а запутывают еще больше. Если отбросить частности, то нас должен занимать сам феномен магии. Понимаете, существование волшебства ни на чем не основано. Все, даже самые таинственные проявления жизни и разума можно как-то объяснить, исходя из известных нам законов природы, магия не основана ни на чем, ее существование ничем, кроме человеческой фантазии не обосновано. Более того, если подумать, наш Дар противоречит самой человеческой логике. Вы помните, во всех сказках, мифах, легендах — волшебство это, прежде всего, мастерство и знание. Какие-то заговоры, обряды, камлания, формулы и арканы, схемы и символы, травы, яды, наркотики, кровь, наконец. Но мы-то ничем подобным не пользуемся, во всяком случае, большинство из нас. Мы просто можем. Не все, естественно, но если, как я уже сказал, отвлечься от частных случаев, наш Дар сродни божественной силе. Только боги, ангелы и демоны могут совершать невозможное, не привлекая для этого никаких дополнительных средств. Просто, как с золотой рыбкой, «по моему хотению...». Таким образом, магия противоречит не только законам природы, она противоречит и нашей человеческой природе, но она существует, и это факт. А почему? Как это возможно? Кто виноват и что делать, это вопросы не ко мне. Не знаю.

— А второе? — спросила Лиса, поскольку Петр Кириллович опять замолчал.

— Второе... Может быть сами сформулируете?

«Сама я много чего могу сформулировать, но тогда, зачем я пришла к тебе?»

— Продолжайте, пожалуйста, — сказала она вслух. — Мысли, произнесенные другим человеком, часто имеют особое значение, даже если ты сам думаешь точно так же.

— Ну-ну, — усмехнулся Петр Кириллович. — Ладно, скажу. Только сначала все-таки спрошу. Вы в бога веруете, Лида?

«Хороший вопрос».

— Я... — она запнулась все-таки, не смогла сразу высказать вслух того, о чем и вообще-то старалась никогда не думать, единожды сформулировав лет десять назад и испугавшись запредельной простоты пришедшей ей тогда в голову мысли, ее тривиальности.

— Я... — сказала Лиса. — Я полагаю доказанным его существование.

— О, как! — едва ли не с восхищением произнес Петр Кириллович и как-то странно посмотрел на Лису. — Не верите, а знаете. В этом все дело. Люди в бога верят или не верят, Лида, но знать наверняка, существует ли Всевышний, не могут. А вы знаете, но не веруете, ведь так?

— Вы правы, — согласилась, мгновение подумав, Лиса. — Я знаю, что он есть, но, является ли он создателем всего сущего, я не знаю. Точно так же, я не уверена в его описаниях, которые предлагаются представителями различных конфессий, так как религия это прежде всего вера, а я... Ну да, вы все сказали верно, я знаю, но не верю. А знаю я только одно, он есть, и он бог.

— Все правильно, — кивнул Петр Кириллович. — А я, знаете ли, верю, и в церковь хожу, хотя и знаю, что это вряд ли правильная церковь. Мне, вам и мне, и некоторым другим, ведомо то, чего не дано знать никому из священнослужителей, которые обязаны всего лишь верить. Но я русский, следовательно, традиционно православный. Был бы татарин, ходил бы в мечеть, а так, куда же мне и податься, как не в церковь. Там, знаете ли, бывают такие мгновения, кажется, вот сейчас... Но нет. Он ни разу со мной не заговорил. И то, правда, кто я для него? Одна из тварей его и ничего больше.

Петр Кириллович достал из кармана поношенного пиджака мятую пачку «Беломора», выудил негнушимися пальцами кривую папиросу и закурил.

— Когда началась война, — сказал он, выдохнув дым. — Я срочную служил... На самой границе... Про Брест слышали, наверное, но там стояла 22-я дивизия нашего корпуса, а я служил в 30-й. Мы приняли бой в районе Подлесье... Двадцать второго... днем... В тот день я в первый раз горел в танке. Т-26... была такая машина... А закончилась для меня война в Померании, когда я горел в тридцатьчетверке... В седьмой раз... И вот, Лида, я прошел такую войну, семь раз горел и все-таки остался живой, а в бога так и не поверил. Воспитан был по-другому. Такое мы были поколение... Я поверил в бога в семьдесят четвертом.

Теперь он снова смотрел ей прямо в глаза.

— И знаете почему?

— Расскажите, — ответила Лиса, понимая, что Петр Кириллович задал риторический вопрос, ответа на который от нее не ждет.

— Потому что я получил второе неоспоримое подтверждение его существования, и понял, что не мне с ним тягаться.

— И что это было? — спросила Лиса.

— «Великое молчание».

— Молчание, — повторила за ним Лиса. — Не понимаю.

— Сейчас объясню, — Петр Кириллович загасил в пепельнице прогоревшую дс мундштука папиросу и сразу же закурил новую. — В пятидесятые и в шестидесятые никто ведь не молчал, Лида.

— Что значит, не молчал? — вскинулась она.

— А то и значит, что об этом говорили открыто. Только слова «магия» почти не произносили. Разве что, в цирке, на эстраде... А так, «телепатия», «телекинез», «кожно-оптическое восприятие», «биолокация»... да мало ли слов! Но говорили! Статьи печатали, книги писали, обсуждали... Маги открыто выступали в цирке, по телевидению. Вы не помните, конечно, но был такой доктор Завадовский в Киеве, так он операции на сердце без скальпеля делал. Полковник Кунгуров... Он в МУРе работал... А потом, как отрезало. Ни слова, ни жеста. Начали втихую изымать старые газеты, журналы, книги... Но так ведь не может быть, Лида, что б сразу и везде, и у нас, и в Америке, и в какой-нибудь страной Уганде! Везде! Вы понимаете, что это значит? Господи, ведь все же знают! Знают и молчат. Правительства используют нас и нас же уничтожают. В это дело вовлечены десятки тысяч посвященных, и все-таки молчание. Как такое может быть? Как?

— Вы считаете это проявлением божественного промысла?

— Я думаю, он так решил, а зачем и почему, дано ли грешным тварям вопрошать о том Всесущего?

13

Неожиданно, что-то ворохнулось в груди, и Кайданов почувствовал, как воздух стремительно приобретает запах ржавого железа. Он продолжал идти, не останавливаясь и не меняя шага, но чувство опасности уже овладело им, и, не отдавая себе в этом отчета, практически интуитивно, он вызвал в себе гнев. Волна холодного огня пришла ниоткуда, объяв его целиком, и Кайданов закричал. Но это не был крик боли, и вообще не был крик, который могли бы услышать те, кому не дано видеть «звездного неба» и гулять под «светлыми небесами». Это был вопль ликования, вырвавшийся из мертвой души Германа, и тот другой, единственный чужой на этой ночной улице, кто благодаря своему проклятому дару, тоже мог его услышать, все понял.

Тревожный вызов, запустивший суматошную переключку множества радиотелефонов, находившихся в руках обложивших место встречи спецназовцев, ударил по нервам, как бич пастуха по хребтине волка. Кайданов вздрогнул, переходя на боевой взвод, и лишь чудом удержался на пике, взлетев туда так быстро, практически мгновенно, что едва не утратил контроль над начавшей было стремительно разворачиваться боевой трансформацией. Однако Твари не было места на этой Берлинской улочке. Тварь всегда должна знать свое место, и Кайданов усмирил рвущегося наружу зверя.

«И так мало не покажется», — зло сказал он, неизвестно к кому обращаясь, к себе ли, шагающему, сквозь подсвеченную фонарями тьму, твари ли, притаившейся внутри него, или тем «героям», которые вознамерились его убить.

Кайданов изменил направление движения, легко, даже не почувствовав усилия отбросив с пути мешавший ему трехэтажный дом. Здание вздрогнуло, качнулось и ринулось, сорванное с фундамента, рассыпающееся с грохотом и тошнотворным скрежетом, куда-то в сторону, а Герман уже несся сквозь клубы пыли, вырываясь из расставленного на него капкана. Легко находя опору для ног на обломках стен, он бежал в непроглядной тьме, перепрыгивая через открывшиеся провалы подвалов и коммуникационных шахт, сквозь вопли, стоны и крики, сквозь треск внезапно начавшейся беспорядочной стрельбы, и со злорадным удовольствием метал во все стороны косматые шары «чертова огня», от которого в округе тут же возникали очаги пожаров.

«Кто не спрятался, я не виноват!» — он выскочил на параллельную улицу, поджег «костром» с левой руки машину контрразведчиков и, отшвырнув с пути еще один дом,

бросился в образовавшийся проем. Но вот вертолеты он чуть не пропустил, увлекшись тотальным разрушением всего, что мешало ему выбраться на оживленную улицу, которую Кайданов уже чувствовал в двухстах-трехстах метрах впереди. Его отрезвил только «кайенский перец» систем наведения двух «Апачей», заходивших на цель, которой являлся сейчас он сам. Длинным прыжком — метров, пожалуй, в десять — Кайданов ушел с линии прицеливания и нырнул в окно второго этажа дома, очень кстати оказавшегося как раз справа от него. Шквал свинца — стреляли два роторных пулемета — разнес в клочья несколько машин, но Герман был уже внутри и двигался теперь параллельно улице, снося капитальные стены и гипсовые перегородки, кого-то калеча, а кого-то, возможно и убивая. Один из геликоптеров на мгновение показался над улицей. Но Кайданов его «вел» не хуже радара ПВО и своего шанса не упустил. Он метнул через окно два «костра», настолько разогрев их в топке своей ярости, что от полыхнувшего жара под ним самим вспыхнул пол, и сразу за тем, когда Герман уже снова несся вперед, запылала оставленная за спиной комната.

Краем сознания он отметил, что на внезапно оказавшемся в огне «Апачи» запаниковал пилот, и тяжелая машина стремительно приближается к каменной стене, но ему все это было безразлично. Он уже был вне кольца.

Глава 7

«Откат»[40] (2–3 октября, 1999)

1

— Иди, — сказал он ей. — Иди. И постарайся уцелеть!

И она поняла, что сейчас он уйдет. Но мгновением раньше — не понятно, как и почему — Лиса «услышала» его душу. Она услышала музыку, звучащую там, в таинственном внутреннем мире этого странного человека, и поняла, не осознав, естественно — она просто не успевала этого сделать — а угадав, что такое мгновение и такое чудо выпадают человеку всего лишь единожды, если случаются вообще. И, не раздумывая, повинувшись одной лишь интуиции, она впустила эту Музыку в свое сердце — за краткий миг до того, как Некто ушел — и обернулась не позволив ему разорвать контакт. Она обернулась, и взгляды их встретились, хотя до этого момента Лиса ни разу не смогла рассмотреть его глаз. И морок исчез, и на привокзальной площади под начавшим накрапывать дождем остались два человека, она и он.

Теперь она смогла рассмотреть Некто Никто, но и то правда, увиденное никакого значения не имело. Что могла означать внешность перед лицом такой любви, какую нашла она в нем и неожиданно для себя самой приняла и поделила?

— Ведьма, — сказал он, и Лиса знала, сейчас он должен улыбнуться, но Некто Никто не улыбнулся. Он посмотрел на нее с недоверием и даже отступил на шаг, словно увиденное удивило его и даже расстроило.

«Что?!?!» — она твердо знала, что все должно было случиться совсем не так. Она обернулась, взгляды их встретились, и он шагнул к ней. Вот, как это должно было произойти. И Лиса даже знала, каким будет на вкус их первый поцелуй. Знала, помнила...

— Извините, — сказал он и чуть прищурился, все с тем же выражением недоверия в глазах рассматривая ее лицо. — Я, кажется, обознался. Еще раз простите.

«Что происходит?! Что?!» — Лиса не могла поверить, что Некто ее не узнал. Тогда, в чем же дело?

— Не прощу! — неожиданно для самой себя сказала она вслух. Но относились ли ее

слова к Никто? Кому и что не собиралась она прощать?

«Боже мой, — подумала Лиса уже в следующее мгновение. — Боже! Что я наделала?!»

В его глазах, умных и ироничных карих глазах, выразивших сейчас досаду и чуть ли не растерянность, отразилась стоящая перед ним женщина. И это была совсем не та женщина, от любви к которой, пела его душа. Не та...

2

Время.

Установить точное время оказалось проще, чем он думал. Вчера думать ему было ох как не просто. Даже если не учитывать шок возвращения, сознание было обременено сейчас необходимостью противостоять чудовищному напору до основания разрушенной физиологии. Умиряющее тело тащило его вниз, норовя утопить в своей собственной агонии, так что сил на что-нибудь сверх этого почти не оставалось. Но и колдовать, не зная всех приводящих обстоятельств, он не мог. Кто знает, что здесь произошло за прошедшие годы, или, напротив, по несчастному стечению обстоятельств, происходит именно теперь?

«Знал бы прикуп, жил бы в Сочи».

Но «прикуп» был неизвестен. И узнать его можно было, только расшевелив паутину. Однако поступить так, не представляя себе, кто здесь «слушает эфир», было бы более чем опрометчиво. Поэтому магию — настоящую высшую магию — следовало оставить на потом, если это «потом» когда-нибудь наступит. А пока приходилось довольствоваться малым, то есть, применять волшеббу в очень ограниченном и, соответственно, совершенно недостаточном в его нынешних обстоятельствах, объеме. И только исподтишка, совершая колоссальные усилия, чтобы маскировать даже самые тонкие вмешательства в физический мир. Но в том-то и состояла главная на данный момент проблема, что тело и душа — кто бы и что на эту тему ни говорил — отнюдь не самостоятельные сущности. Они, такими уж задумал людей Творец, неразрывно связаны. И состояние умирающего тела жестоко ограничивало даже не вполне человеческие возможности. А без возможностей и все остальное, что предстояло совершить Иакову, представлялось весьма и весьма проблематичным. Это был классический случай порочного круга, но и того, как бы можно было этот круг разорвать, в голову пока не приходило.

А со временем, в конечном итоге, все оказалось проще некуда. В подключенный к его телу монитор были встроены электронные часы.

«14:36», — значит, «вернулся» он где-то в начале третьего, о чем прибор — слава богу — никому ничего не сообщил, просто потому, что ничего «не почувствовал».

«Для начала не плохо», — решил Иаков, обдумав ситуацию.

Однако, на самом деле, это было не так. Дела его обстояли более чем скверно, потому что осторожная инспекция принадлежащих ему мощей, расставила все точки над «И» с определенностью последнего диагноза. Как выяснилось, вернулся Иаков, что называется, в последнее мгновение. Причем, последнее в самом прямом и жестоком смысле этого слова. Смерть могла наступить в любой момент, и единственное, что он мог теперь предпринять, это постараться как-нибудь протянуть до вечера. Если он все еще в Израиле, а сомневаться в этом у него не было никаких причин, то, умерев после заката, он будет сначала помещен в холодильник, что «есть гуд». И лишь на завтра... На завтра его, естественно, похоронят, потому что так велит закон. Однако поскольку никаких родственников, которые могли бы взять эти печальные хлопоты на себя, у него, насколько знал Иаков, не имелось, не позднее ранних часов утра, больница передаст мертвое тело Хевре Кадише,[42] и уже досы[43] его

земле и предадут. Во всем этом, имелся лишь один положительный момент. Если в Израиле ничего коренным образом не изменилось — ему оставалось только надеяться, что так все и обстоит — то кремация Иакову не грозила. Однако времени на то, чтобы «восстать из мертвых», у него после погребения будет в обрез. Максимум до завтрашнего вечера, и то при условии, что расчеты верны. Все остальное находилось в области неопределенности. Ни того, кто успел пройти сквозь «окно», ни того, как быстро они сориентируются и прибудут в Тель-Авив, он не знал и знать, естественно, не мог. А ведь им, если они, конечно, есть и придут, понадобится еще время, чтобы выяснить его посмертную судьбу, добраться до кладбища, и помочь выбраться из могилы. Сам он, умерев, ни на что уже способен не будет.

«Ладно, — решил Иаков, еще раз тщательно, насколько это было возможно в его состоянии, обдумав ситуацию. — Как там говорилось? Делай, что должно и надейся, что получится, как надо?»

Увы, но это было единственное, что ему теперь оставалось, и, отбросив все посторонние мысли, он включился в борьбу за выживание. Лекарства, которые поступали в кровь через капельницы, уже практически не действовали, приходилось только надеяться, что его осторожная магия все-таки чего-то да стоит.

3

Откат ударил их так, что Черт едва не выпустил руль. Да и всем остальным на орехи досталось. Во всяком случае, мало не показалось никому. Впрочем, все это Лиса узнала несколько позже, через минуту или две после того, как ее ударом под дых вышвырнуло из тягостного сна, где удалось наконец увидеть Некто, но где тот Лису не узнал. Сон рухнул, как огромная стеклянная витрина, расколотая автоматной очередью, и несколько долгих мгновений Лиса не понимала, где она и что с ней происходит. Только судорожно ловила распахнутым в задушенном крике ртом воздух, но тяжелый и вязкий, совершенно утративший свои свойства, он никак не желал проходить в сведенную судорогой грудь. Легкие пылали, боль накручивала кишки на шестерни своих ужасных механизмов, а Лиса, ослепшая от слез и кровавой пелены, застилавшей глаза, крутила бессмысленно головой, щерила открытый в поисках воздуха рот, и ровным счетом ничего не соображала. Только спустя время, когда сработали приторможенные сном и внезапностью атаки рефлексy, она все-таки вырвалась из смертельного захвата ужаса и, взяв себя в руки, смогла оценить ситуацию. Так что, второй и третий удары хоть и вышибли из нее дух, но насмерть не убили и сознания лишить не смогли.

Они ехали в том самом, угнанном еще во Франкфурте Опеле Франтера. Вечерело. И з окнами машины уже не мелькали сельские пейзажи Баварии, а стояли городские дома, да и шоссе успело превратиться в широкую городскую магистраль.

— Руль! Руль, твою мать! — хриплый вопль Пики окончательно вернул ее в реальность, и Лиса, рывком встав со своего места и перегнувшись вперед, сжала запястье Черта, фиксируя его руку на руле.

— Вот же адский папа, — выдохнул где-то рядом Алекс, а Опель, вильнув в последний раз, выровнялся и, заняв положенный ему ряд, плавно, и не снижая скорости, пошел вперед.

— Бывает, — дипломатично сказала Лиса, осторожно освобождая руку Черта из захвата. — Ты как?

— Уже никак, — сквозь зубы проскрежетал Черт. — Садись!

— Сажусь, — Лисе и самой было нездорово. Ее бил озноб, и в голове все еще шумело, но, судя по всему, вскоре должно было полегчать. Живи ведь тоже на нее упало немерено.

— Что это было? — спросила она, устраиваясь на сидении рядом с притихшей Пикой.

— Кто-то повторил твой франкфуртский подвиг, — угрюмо огрызнулась подруга. Ее и саму била мелкая дрожь, и по лицу катились крупные капли пота.

— Два километра на север-северо-запад, — уточнил Черт. — Не знаю, что там произошло, но наш там был только один.

— Или одна, — поправила его, не терпевшая мужского шовинизма, Лиса.

— Один, — как ни в чем, ни бывало, повторил Черт, которому плевать было на ее бабские фанабери. — Это был мужской огонь.

«Возможно, — оценив внутренние ощущения, решила Лиса. — Возможно, но не факт. Слишком далеко».

— Силен! — простонал Алекс. — Ох, как мне плохо!

Плохо было всем, и Лисе тоже, но что здесь обсуждать? Обычное дело. Лифчик и трусы были мокрыми от пота. Колготки — хоть отжимай, а на кофточке и юбке, наверняка, проступили здоровенные пятна. Однако в голове немного прояснилось, и сердце выровняло свой бег, и начинало снова потихоньку взбираться в гору, но уже совсем по-другому. Это был вторичный эффект чудовищного по своей силе отката. Живи они сейчас получили по самое не могу. Еще чуток, и катались бы в остром приступе эйфории, как группа выехавших на прогулку наркоманов. Или не катались. И так могло случиться, выпусти Черт руль.

«Второй раз за день. Как бы крышу не снесло!»

— Алекс, — сказала она вслух, оставляя неприятные мысли на потом. — Попытайся их послушать. Только, ради бога, аккуратно. На минимуме. Черт их знает, кто у них тут по городу шляется.

— Я не знаю, — проскрежетал Черт.

«Шутник хренов!»

— Ну раз не знаешь, то и молчи в тряпочку. Твое дело крутить баранку, вот и крути!

— Куда?

— Не знаю пока, — нехотя ответила Лиса. — Покрутись пока по городу, а там, глядишь, и решим.

— Едем, — равнодушно согласился Черт.

— Вот и славно, — Лиса уже считала пульс. — Пика подстрахуй! Я посмотрю вокруг и нас подремонтирую, а то... — уточнять она, впрочем, не стала, запах говорил сам за себя.

— Давай, — Пика осторожно коснулась ее руки, но от комментариев тоже воздержалась.

В том, что они влипли по-крупному, Лиса не сомневалась. Если здесь кто-то нагрешил так по-хамски, то, будьте уверены, Мюнхен будут трясти не по-детски. Особенно, если этот кто-то — «Дай-то бог!» — от них ушел. И получалась цепочка: вчера Франкфурт, сегодня — Мюнхен, и что должны были в этой ситуации думать «господа полицаи»? То-то и оно! Они сейчас, как бешеные землю рыть будут, потому что решат, что кто-то очень сильный, а значит, потенциально опасный прет куда-то через всю Европу.

— Готова?

— Да, — тихо откликнулась Пика, и Лиса выбросила сеть.

Вечерний, разбавленный электрическим светом воздух на мгновение стал прозрачным, как оптическое стекло, а потом на глазах загустел, набираясь мертвенной синевы, и наконец превратился в сиреневый туман, имевший, впрочем, консистенцию киселя.

«Чисто», — ей, правда, попался какой-то едва ощущаемый на границе «невода»

источник, но было это где-то достаточно далеко, а она ведь колдовать в полную силу и не собиралась. Так, совсем чуть-чуть, только чтобы оглядеться.

— Начинаю, — предупредила она и взялась за дело.

Первым она «полечила» Черта. Впрочем, и полечила тоже. У него от напряжения свело мышцы спины, и, хотя Черт не жаловался, Лиса могла себе представить, какую он сейчас испытывал боль. Она осторожно «коснулась» его шеи и плеч, и мягко прошла вдоль позвоночника, снимая спазмы и расслабляя напряженные мышцы. Попутно она отметила, что пропотел их водитель несильно, но зато откат ударил его по почкам.

«А почки-то у тебя, Черт, никуда не годятся. Надо бы тебя целителю показать, но с этим успеется».

Комментировать случившееся она, разумеется, не стала, только быстро высушила Черту джинсы, трусы и носки, да ликвидировала пятна сырости на сиденье и лужу на коврик под ногами. Воздух в машине сразу стал чище, а Черт молча повел плечами, но вслух ничего не сказал.

— Они запустили «Охоту на волков», — сообщил оживший рядом с Чертом Алекс. — Количество убитых неизвестно, но по оценке Гюнтера Граса — это их мюнхенский координатор — речь идет о сотнях, может быть, и о тысячах. Фигурант ушел.

— Молодец, — похвалила оператора Лиса и в знак благодарности за хорошо и оперативно выполненную работу сняла ему головную боль и привела в порядок одежду.

— Куда нам нельзя? — спросила она, по-прежнему сканируя окрестности.

— Можно в центр, — неуверенно ответил Алекс. — Точнее пока не скажу. Спасибо.

— Не за что, — она уже занималась Пикой, но там и делать-то было почти нечего. Пика только форсу напускала, а сама была, как из железа сделанная.

Последней, как и положено, Лиса занялась собой и, закончив «работать», тут же отпустила сеть.

— Все, — сообщила она вслух и полезла в рюкзачок, который заменял ей дамскую сумочку, за косметичкой. Парик она надевать не собиралась (сейчас крашеная блондинка была куда как предпочтительнее), но и выглядеть должна была соответственно. Ноблес облидж,[44] так сказать.

— Остановишься где-нибудь в центре, — сказала она Черту, вслепую нанося на лицо грим. — Первыми уходят Пика и Алекс, потом я, — решение было принято, оставалось только довести его до бойцов. — Заныкаешь машину куда подальше, и гуляй на своих двоих. Ты меня понял? Ножками, и никаких угонов! Всем держаться ниже плинтуса. Раствориться среди туристов и отдыхать. Место встречи, — она на мгновение задумалась, еще раз проверяя сложившиеся в голове план и график. — Место встречи Цюрих. Время — завтра в полночь на первой платформе железнодорожного вокзала. Это, кажется, платформа метро, но точно я не помню.

— Метро, — подтвердил вновь оживший Алекс. — А ищут они Уриэля.

— Кого?! — не поверила своим ушам Лиса.

— Уриэля, — повторил Алекс. — У них там засада была, и нюхач имелся, но Уриэль почувствовал и ушел. С боем. Полностью разрушено семь домов, частично — двадцать три. Один вертолет уничтожен, второй — поврежден. Город оцеплен. Везде патрули и блокпосты. Приказ — не церемониться.

— Не слабо, — хмыкнула Пика.

— Ну не маленькие, — отрезала Лиса. — Если будем держать низкий профиль, уйдем.

Документы у нас в порядке, ведь так?

— В полном! — сразу же откликнулся Алекс. — Мы везде отмечены.

— Хорошо, — подвела итог Лиса. — Значит, брать нас не на чем. Но дату встречи переносим на послезавтра. Ночь лучше всего провести, как туристам, в гостиницах. Легально. И без фокусов, пожалуйста! А завтра ближе к вечеру, или даже послезавтра начинаем осторожно выдвигаться к Цюриху. Но не прямо. Лучше как-нибудь в обход. Автобусы, поезда, попутки... В аэропорты не суйтесь, береженого бог бережет. И никаких угонов! Это, прежде всего, тебя касается, — коснулась она рукой плеча Черта. — И здесь все пальчики сотри, пожалуйста.

— Обижает, начальник, — проскрежетал, не оборачиваясь, Черт.

— Лучше я, чем кто-нибудь другой, — усмехнулась Лиса. — Алекс!

— Здесь.

— Слушайся Пику, и в эфир ни ногой! Ты меня понял?

— Да, — с грустью в голосе ответил Алекс.

— Тогда все.

— Приехали, — сообщил Черт, притормаживая у тротуара.

— Отлично, — Лиса посмотрела в глаза Пике и улыбнулась. — Я очень на тебя рассчитываю.

— Бывай! — улыбнулась в ответ Пика и начала выбираться из машины.

4

Голод не проходил. Казалось, как только челюсти переставали жевать, так сразу же снова хотелось есть.

«Метаболизм... разрази его гром!»

Разумеется, во всем был виноват метаболизм, и умом Дженевра понимала, что это закономерно и, следовательно, правильно. Именно так все и должно было происходить. Но одно дело знать, и совсем другое — переживать наяву. Необходимость «жрать и срать» раздражала невероятно. Однако делать нечего, организм Ольги Эйнхорн был для Дженеvры слишком слаб, и адаптация ломала его сейчас самым решительным образом, с бездушным упорством механизма выживания, приспособлявая немощное тело едва живой девушки к резко изменившимся целям и обстоятельствам. Первый кризис, когда ударная доза «виты»[45] исторгла из несчастного тела — в буквальном смысле вырвав с плотью и кровью — убивавшую его опухоль и многочисленные метастазы, был самым тяжелым. Еще немного и он прикончил бы Дженеvру на месте. Но боги милостивы, пронесло. И значит, с неизбежностью смены дня и ночи наступил следующий этап. Август предупреждал, что, скорее всего, будет больно, но как раз боли Дженеvры не боялась. Хорош был бы боец, который не может вытерпеть боль! Однако унижительная необходимость останавливаться едва ли не на каждой заправке и опрометью нестись в уборную, не просто выводила из себя, но заставляла сходить с ума от бессильного бешенства. Это было омерзительно и унижительно. Вот в чем дело. Но даже унижение не в счет. Ради своего господина Дженеvра могла пойти и не на такое. Однако частые остановки и медленная езда задерживали ее сверх всякой меры, ломая и без того весьма напряженный график.

Дженеvра едва ли не физически ощущала, как уходит драгоценное время, но сделать в сложившихся обстоятельствах ничего не могла. Она и так уже сильно рисковала, управляя машиной в своем нынешнем, без преувеличения, ужасном состоянии. По уму, ей следовало бы где-нибудь отлежаться, неторопливо и вдумчиво отъесться и, только переждав время,

пока разогнанные до предела процессы регенерации не отстроят наново доставшееся ей волею случая тело, отправляться в дорогу. Но, увы, на все это у нее просто не оставалось времени. Вернее, его могло не оказаться у Августа. И значит, ни о какой передышке не могло быть и речи.

Температура, надо полагать, была под сорок. Во всяком случае, ее ощутимо знобило, хотя, по идее, в салоне должно было быть тепло. Пульс гремел в висках, словно два сумасшедших дятла долбили голову Дженеvры сразу с двух сторон. Глаза заливал пот. Но, несмотря ни на что, она упорно продолжала гнать свой в конец раздолбанный Рено вперед. И, как ни странно, за все время этой чудовищной «гонки с препятствиями» ни разу не пожалела о сделанном выборе. Это было ее тело! Та единственная плоть, та не случайно совпавшая с ее внутренним ощущением самой себя внешность, в которой — Дженеvра знала это наверняка — ей будет по-настоящему хорошо, даже если новое ее владение умрет так же скоро, как и должно было это случиться с несчастной Ольгой Эйнхорн. Но время...

Фактор времени был самым слабым местом во всех их расчетах, но именно от него, в конечном итоге, зависел исход операции. Никто ведь не мог знать наверняка, что и как происходит теперь с Августом. Неопределенность. Так это называется. Но без Августа существование Дженеvры теряло смысл. Кто она без него? Никто. О таком ужасе она даже думать не желала. Вернее не могла, потому что Август являлся ее сюзереном, и этим, собственно, все было сказано. Нарушить слово, не исполнить долг, было бы бесчестием, даже одна мысль о котором нестерпима. И утешать себя мыслью, что обстоятельства, порой, сильнее даже самого сильного человека, и что она в конце концов не одна в этой смертельной гонке за уходящим временем, и кто-то другой, возможно, выполнит то, что не смогла исполнить она сама, Дженеvра не могла тоже. За свою короткую жизнь она ни разу не переложила взятых на себя обязательств на чужие плечи и всегда действовала так, как если бы была единственной, от кого зависел успех. «То, что не сделаю я, не сделает никто». Разумеется, таких слов не было начертано на ее щите, но она и не была обязана сообщать всем и каждому, что, на самом деле, составляет, самую суть ее существования.

К вечеру движение на трассе заметно оживилось, но, возможно, все дело было в близости большого города. Однако, в любом случае, вести машину стало труднее, а у нее, как назло, все плыло перед глазами, и били в голове набатные колокола сошедшего с ума пульса. Вцепившись в руль левой рукой, Дженеvра правой скрутила пробку с очередной бутылки Кока-Колы и жадно приникла губами к горлышку. Теплая сладкая жидкость смочила пересохшую глотку, и Дженеvре немного полегчало. Со звериной жадностью она опорожнила бутылку в несколько длинных глотков и, отбросив за спину, схватила с пассажирского сиденья плитку шоколада. Разорвав обертку зубами, она сразу же откусила большой кусок и принялась его ожесточенно жевать. Сейчас ей нужны были глюкоза и любые тонизирующие вещества, хотя бы и кофеин. Будь у нее больше времени, все это и многое другое можно было с легкостью раздобыть в обыкновенной аптеке, но поскольку это было теперь невозможно, приходилось довольствоваться тем, что есть. Все сидение рядом с Дженеvрой было завалено купленными на последней, облагодетельствованной ее посещением, заправочной станции бутербродами, шоколадками, яблоками и бутылками колы. Была там и дорогушная бутылка какого-то эксклюзивного шнапса, купленного по случаю в сувенирном магазинчике в рекреационной зоне, но сигареты и алкоголь, к сожалению, были пока не для нее.

«Ушел?»

Получалось, что — да. И, если так, то как раз вовремя. Сегодня он явно психанул, что очень плохо, и едва не выпустил Зверя, что просто недопустимо. Однако хуже всего было то, что, отдавшись накотившему гнев, Кайданов просто не рассчитал сил. Продлись гон еще немного, и ему крышка. Даже сейчас он остановился на самом краю, а если бы нет? О последствиях даже думать не хотелось. Впрочем, если честно, то он о них и не думал. Просто не мог.

Кураж прошел, волна схлынула, и Кайданов почувствовал нечеловеческую усталость. Тело ощущалось так, словно охотники гнали его триста верст, и все оврагами да буераками. Даже хуже. Организм был истощен настолько, что энергии не хватало даже для работы мозга. Думалось с трудом, ну а о том, чтобы колдовать, не могло быть и речи.

«Дойти бы до точки», — мысль эта заставила его «вынырнуть» из мутной глубины полубеспамятства, в котором Кайданов пребывал, и попытаться сосредоточиться на главном.

«Точка...» — Сознание было вязким, и сосредоточиться на чем-нибудь определенном не удавалось, однако слово возникло и неожиданно вытянуло из темного омута, в который превратилось сейчас прошлое, другое слово.

«Викки...» — воспоминание о Викки неожиданным образом придало сил. Немного, но вполне достаточно, чтобы «приподнять голову над водой» и попытаться сориентироваться в месте и времени. Судя по освещенности, уже наступил вечер, но было еще не поздно. Во всяком случае, на улице было полным-полно людей.

«Прохожие...» — он едва не упустил из виду этот важнейший фактор. Городская улица не лес, и не пустыня. Здесь ходят люди, и люди эти имеют глаза. А Кайданов — это он помнил твердо — не мог, не имел права выделяться в толпе. Не то, чтобы ему следовало прикидываться серой мышкой. Это было бы неплохо, но совсем необязательно. Однако бросаться в глаза, привлекать к себе внимание, запоминаться, ему было не с руки. А между тем, даже в том состоянии, в котором он сейчас находился, Кайданов понимал, что именно это теперь с ним и происходит. Он был слаб, как больной ребенок. Ноги подкашивались и заплетались, а рубашка, несмотря на прохладу наступившего вечера, промокла от пота. Пот заливал и лицо, а как выглядели его наверняка растрепанные, слипшиеся волосы можно было только предполагать.

Кайданов провел рукой по голове — усилие оказалось почти запредельным — и, опустив ее, взглянул на часы.

18:49.

«Черт!» — но даже эта вполне ожидаемая реакция вышла какой-то вялой, едва проявленной, никакой. Впрочем, вновь обретенное сознание его пока не оставило, и Герман нашел силы, чтобы осмотреться, определяясь со своим местонахождением. Оживленная улица, на которой он неожиданно себя обнаружил, показалась смутно знакомой, но и только. Вспомнить, что это за место и в какой части города оно расположено, он, как ни напрягал голову, не смог. Однако, на счастье, на помощь Кайданову пришел случай. Как известно, названия улиц указывают на табличках, укрепленных на стенах домов. И один такой указатель очень кстати попался на глаза. Его и искать, в сущности, не надо было, так как находилась он прямо перед Германом, на стене дома напротив.

«Финкенштрассе», — едва ли не по слогам, прочел он, а прохожие уже начали обращать на него внимание, оборачиваться, косить взглядом...

«Не смотрите на меня, люди, я всего лишь обычный алкоголик».

Но кому было дело до его глупых просьб? Чужие взгляды касались Кайданова, вызывая нестерпимый зуд и оставляя на коже грязные липкие отпечатки.

«Финкенштрассе», — повторил он про себя, упорно вспоминая карту города, и удивился — впрочем, и это чувство получилось маловыразительным — когда неожиданно понял, куда его в конце концов занесло. Каким-то чудом, а по-другому и не скажешь, он оказался почти в самом центре Мюнхена и, соответственно, довольно далеко от того места, где была назначена проклятая встреча, обернувшаяся засадой, встречным боем и хаотичным, невразумительным, хотя и успешным, бегством.

Финкенштрассе.

Итак, это была Финкенштрассе, и если память не дурила, Кайданов стоял сейчас совсем недалеко от Хофгартена и, следовательно, мог бы теперь воспользоваться метро. Станция Одеонплатц — «Или там два выхода?» — должна была быть где-то совсем рядом, и это было более чем удачно, потому что о такси в его нынешнем состоянии следовало забыть, но и длинный пеший переход мог оказаться ему не по силам. А вот до метро, так, во всяком случае, казалось Герману, он дойти мог. А там и ехать-то было совсем недалеко. Хотя и с пересадкой, но все-таки.

«До Роткрензеплатц... — это он вспомнил сейчас совершенно отчетливо. — А затем...»

Затем, разумеется, снова пешком до Изебургштрассе... И там... Там уже была Викки.

«Викки...»

Ну что ж, ему все-таки удалось сориентироваться, и теперь оставалось понять, хватит ли у него сил на такое путешествие. По ощущениям выходило, что вряд ли. Если честно, у Кайданова не осталось ни капли энергии. И даже о том, сколько времени он еще удержится в сознании, сказать было невозможно. По хорошему, ему следовало бы забраться сейчас в какую-нибудь темную нору и вульгарно отлежаться, а не тащиться неведомо куда и зачем по освещенному, полному чужих глаз городу. Но где было искать в центре Мюнхена эту желанную тараканью щель?

Сознание опять поплыло.

«Викки...» — выходило, что она была единственным, что еще как-то держало его на плаву. Если не для себя — он уже давно и вполне был готов к смерти — и ни для дела, которое являлось скорее привычным модус вивенди,[46] чем чем-то, что было по-настоящему дорого, то хотя бы ради нее, его «силиконовой женщины».

«Викки...» — в ушах стоял гул, перед глазами начал сгущаться липкий туман. Чувствуя, что «уходит», Герман сделал последнюю отчаянную попытку удержаться «наплаву». Превозмогая физическую слабость и начавшее овладевать им безразличие, Кайданов сунул руку в карман, нащупал мятую пачку сигарет и потянул наружу.

«Закурить...» — выживая трясущимися пальцами сигарету, он вспомнил вдруг о ноже, который носил в ножнах на правой голени. Ножом, плюнув на то, что подумают об этом люди, обтекающие столбом стоящего посередине улицы Кайданова, можно было бы полоснуть себя по руке. Боль и кровь! Идея показалась весьма перспективной, вот только он не был уверен, что не упадет, если нагнется, чтобы достать нож.

«Боль и кровь...» — что-то шевельнулось в памяти, что-то настолько неприятное, что он почувствовал позыв к рвоте, но поползшая было снизу вверх — из желудка в горло — горькая жгучая жижа неожиданным образом подействовала на него, как нашатырь. Сознание снова прояснилось, и в этот момент за спиной Кайданова раздался громкий, полный холодного бешенства голос:

— Я что, должна тебя с собаками искать?!

Кайданов вздрогнул и непроизвольно обернулся, едва не потеряв при этом равновесие, но в то же время, ощущая, как волна — ну пусть не волна, а легкое дуновение — живи, омывает его съезжившуюся от слабости душу. Перед ним, расставив свои длинные крепкие ноги, обнаженные до верхней трети бедер, и, скрестив руки на полной груди, стояла Викки.

— Ты пьян, Вальтер! — сказала она, когда их взгляды встретились. — Ты свинья! Майн гот! Какая же ты свинья!

От звука ее «стервозного» голоса и тепла, тщательно спрятанного под коркой «вечного льда», ему сразу стало лучше. Во всяком случае, пелена пропала с глаз, и Кайданов увидел, какая же она красивая, его «непробиваемая» Фрейя.[47]

— Прости, Зита, — слова, с трудом покинувшие его спекшиеся губы, вышли хриплыми и жалкими, вымученными. А живь, между тем, все шла и шла. От нее к нему. Освежая мозг, поддерживая сердце, обещая жизнь.

— Простить? — Викки шагнула к нему и, «презрительно» усмехнувшись в лицо, взяла под руку. — Там посмотрим, скотина ты эдакая. Там посмотрим. — Она крепко сжала его локоть, незаметно принимая на себя тяжесть утратившего последние силы Кайданова. — А пока пойдем, Вальтер. Перед людьми стыдно! — и решительно, но плавно, развернув «своего бесстыжего Вальтера», повела в ближайший переулок.

6

Ей повезло. Просто в очередной раз прихватило живот, и откат достал ее не на трассе, где все и закончилось бы, а в кабинке туалета на заправке, причем именно тогда, когда, опорожнив желудок, она потянулась за бумагой. Вот тут она свое и получила. Удар был такой силы, что напрочь выбил дыхание и едва не послал ее в нокаут. Однако сумрак беспомощности застлал глаза лишь на мгновение, и сбитое дыхание вернулось раньше, чем Дженовра потеряла сознание от недостатка кислорода. От неожиданности и боли — «электрический» разряд пробил, казалось, все нервные окончания разом — ее вырвало. Но и здесь, как ни странно, ей снова повезло. Она даже платья не запачкала, потому что как раз в этот момент летела с горшка, чисто рефлекторно развернулась лицом к полу и выставила перед собой руки. Вот руки она себе и облевала. Но это, если смотреть на вещи здраво, сущие пустяки. На скоростной трассе она, наверняка, убила бы насмерть, а здесь, в уборной, ее никто даже не увидел. Так что на круг, все получилось даже удачно, потому что после третьей «волны», от которой полыхнул нестерпимой болью позвоночник, от «источника» пошла живь. При том так много, что даже кровь в жилах едва не закипела, и сердце бросилось искать выход из грудной клетки. Конечно, Август им про «дыхание драконов» рассказывал, но одно дело слушать Учителя, и совсем другое — пережить этот волшебный шквал наяву. А чудо, и в самом деле, было чудное, и сравнивать его было не с чем. Чудо оно потому и чудо, а иначе его назвали бы как-нибудь по-другому. Однако, как бы то ни было, но, когда через полчаса Дженовра покинула наконец туалет, почувствовала она себя просто замечательно. Так хорошо она себя здесь еще не чувствовала, и на такое — да еще так скоро — естественно, даже не рассчитывала. Но не в том суть. Главное, что внезапно организм перестал быть обузой, превратившись, как и следовало быть, в послушный инструмент, и освободил сознание от необходимости переживать вместе с ним его немощь и многочисленные недуги. И настроение изменилось. В сердце вошла удивительная, едва знакомая, легкость. Захотелось петь и танцевать, и любить кого-нибудь прямо здесь, среди машин, на сером бетоне парковки.

Впрочем, эйфория длилась недолго. Едва дойдя до своего Рено, Дженевра неожиданно остановилась и «новыми» глазами посмотрела вокруг. Окружающий мир изменился. Вернее, за считанные секунды, что шла она от уборной до машины, изменилось ее, Дженевры, видение этого мира. Адаптация окончательно завершилась, и на смену автомату, действующему согласно заложенной в него программе, пришел человек. Существо, способное не только бездумно совершать положенные ему действия, но и мыслить, и разумеется, чувствовать. Иначе что же это за человек?

Дженевра втянула ноздрями пахнувший бензином воздух и прислушалась к ощущениям. Пожалуй, это можно было назвать узнаванием, если бы, разумеется, это являлось правдой. Однако так все на самом деле и обстояло. Правда или нет, но она узнала этот воздух, этот наступающий вечер и темнеющее небо над головой, и себя саму, находящуюся сейчас и здесь, посередине огромного непознанного мира, который принадлежал теперь ей точно так же, как и всем прочим тварям господним.

«Тварь господня...»

Она возвращалась.

Она вернулась. И место, куда «вернулась» Дженевра, являлось домом.

Дом.

Понятие это, еще недавно имевшее для нее всего лишь характер некоей абстракции, сейчас не вызвало никаких возражений, даже при том, что в душе ее сосуществовали, не успев окончательно притереться, совпасть и слиться, два совершенно разных жизненных опыта, два непохожих один на другой мира, два характера, две судьбы. Впрочем, судьба у человека может быть лишь одна. И это была ее судьба. И никакой другой уже не было...

Осторожность!

Только теперь, когда из глубин памяти всплыло это тревожное слово, Дженевра окончательно осознала, где она находится и почему. «Переход» завершился, и в сознании, освободившемся от смертельного пресса биологии, все встало на свои места.

«Война», — вспомнила она. И это не было преувеличением. Это являлось жестокой правдой, потому что весь этот огромный мир, что раскинулся вокруг нее, по-определению являлся территорией войны.

Мир людей.

Ну что ж, и это тоже следовало принять, как данность. Здесь, и в самом деле, жили люди. Очень много людей и слишком мало магов. Теперь к ним добавилась еще одна женщина.

«Меня зовут Ольгой», — твердо сказала она себе, и неожиданно Дженевра исчезла, раз и навсегда уступив свое место Ольге.

«Я Ольга», — повторила она мысленно и не почувствовала никакого несоответствия. Сейчас она действительно стала Ольгой Эйнхорн, и теперь уже до самого конца.

7

Черт высадил ее у Английского парка, и, поскольку Мюнхена Лиса практически не знала, направилась она к Мариенплатц. Общее направление указал Черт, а остальное, как говорится, дело техники. Вероятно, она не заблудилась бы и без карты, но в квартале от парка, Лиса набрела на типичный туристический магазинчик, из тех, что в последние годы расплодилось во множестве по всей объединенной Европе. Кому конкретно принадлежал патент, сказать теперь было сложно, но идея оказалась плодотворной и кормила — в прямом и переносном смысле — не только туристов, но и содержавших эти заведения эмигрантов,

по странному стечению обстоятельств, преимущественно пакистанцев. Ассортимент в магазинчике был стандартный (с поправкой, разумеется, на местный, немецкий, колорит), но самый что ни на есть востребованный людьми, оказавшимися в чужом, незнакомом месте, да еще вечером, когда все обычные магазины закрыты или вот-вот закроются. Прохладительные напитки, сигареты и алкоголь, нехитрая снедь (в основном бутерброды, йогурты да шоколадки), немного фруктов и овощей и всякие нужные (или положенные по статусу) празднующимся людям вещи, типа карт и путеводителей, фото пленки, батареек и сувениров.

Лиса купила смешную тирольскую шапочку, бутылку фанты, сигареты и путеводитель на немецком языке. Теперь, в фетровой шляпе с перышком, легким рюкзачком за спиной, пластиковой бутылкой в одной руке и путеводителем — в другой, она окончательно слилась с пейзажем и, соответственно, стала относительно не заметна. Относительно, потому что пропустить ее мимо себя, не «облазив» с ног до головы, а то и по быстрому «раздев», не мог, кажется, ни один встречный мужик. Но это уже были сущие пустяки. Смотрели-то с совершенно очевидным интересом и, значит, видели и запоминали только то, что никак повредить Лисе не могло: длинные ноги да торчащие вперед сиськи. Да еще, вероятно, задницу, но это уже только те, кто не стеснялся оборачиваться вслед или шел прямо за ней.

На самом деле, это была лучшая маскировка, какую Лиса могла себе вообразить. Странно, но по общему убеждению, такие «шлюшки», какой она должна была теперь казаться, ни в чем серьезном, кроме употребления травки, обычно не замешаны. На самом деле это было не так, и Лиса лично знала несколько вполне бледоватого вида девиц, которые на поверку являлись вполне опасными террористками или бандитками. Но архетип, сидящий у мужиков, по-видимому, не в голове, а в яйцах, свое дело делал. Полицейские, притормозившие было рядом с ней на своем BMW, только что на слюни не изошли, но и только. Даже документов не спросили. Не меньшими козлами оказались и патрульные спецназа, попавшиеся ей на встречу. Эти вообще способны были только бессмысленно лыбиться, но спроси уже через полчаса этих бравых вояк из Бундесвера, как она выглядит или во что, скажем, одета, ответят вряд ли. Так что, если не обращать внимания на липкие взгляды — «Ну и хрен с ними, душ приму!» — Лиса оказалась предоставлена самой себе, напрочь выпав из поля зрения «роющих землю» властей, и время, затраченное на неспешную прогулку до старой ратуши, использовала с максимальной пользой. Впервые с позавчерашнего дня, она получила возможность спокойно и на ясную голову обдумать свалившиеся ей на голову обстоятельства. Впрочем, если честно, ничего ей на голову не падало. Она сама все это выдумала, все эти обстоятельства создала и неожиданно возникшие обязательства на свою «седую» голову приняла.

Однако теперь, в Мюнхене, неторопливо шагая по улицам древнего европейского города и не только для вида рассматривая старинные дома и кирхи, никакого раскаяния или, скажем, сожаления из-за принятых на себя обязательств Лиса не испытывала. Все было правильно. Во всяком случае, ей стоило попытаться сделать то, что она задумала. Другой вопрос, что из всего этого выйдет? Возможно, что-то, а, может быть, и ничего. Но знать заранее, что случится или не случится, и чем «сердце успокоится», могли только «вещие», а Лиса такого не умела. Ее предзнание, как ни крути, хоть и являлось выдающимся и, вероятно, очень редким Даром, истинным предвидением все-таки не являлось. Во-первых, потому что предзнание настоящим знанием будущего все же не было, а во-вторых, стабильной эту уже дважды или трижды подававшую свой невнятный голос способность

тоже не назовешь. Пришла незваная и неожиданная, и ушла по-английски, не попрощавшись, и вернется ли снова никому неизвестно. Во всяком случае, Лиса этого не знала, как не знала она и того, найдет ли в конце концов прятавшегося от нее — но от нее ли одной? — Некто или нет.

Мысли об этом человеке оказались трудными и несвоевременными, прежде всего потому, что эмоции при воспоминании о Некто и его Музыке начинали зашкаливать. А ведь Лиса и без того «сидела» сейчас на таком мощном «допинге», какой только могла вообразить. По сравнению с ним и какой-нибудь ЛСД — просто лимонад «Буратино». Живь гуляла в крови, разгоняла сердце, одновременно, наполняя его «божественным жаром», кружила голову. В таком состоянии думать о любимом мужчине было равносильно мастурбации. И стыдно и процесс прервать невозможно. Затягивает. Однако Лиса недаром прожила такую длинную жизнь в подполье — но, главное, в нем выжила — «ломать характер» она умела так, как мало кто еще.

«В задницу!» — Лиса углядела на противоположной стороне улицы пивную и решила сделать привал.

Никуда Мариенплац не денется, да и дел у нее там на самом деле нет. А жареная свинина с кислой капустой и кружка светлого «Спатена», являлись не только лучшим средством от бурчания в пустом животе, но и могли помочь задавить на корню несвоевременные телодвижения души. Когда работают челюсти, «мысли о высоком» куда-то пропадают.

«Особенно, — подытожила она, толкая тяжелую стеклянную дверь и входя в просторный зал заведения. — Особенно, если у тебя „не вовремя“ начинаются месячные. Аксиома, твою мать!»

8

«Викки...» — мысли текли вяло, неохотно. — «Что здесь не так?»

Но, если честно, «не так» было все, о чем он сейчас мог думать. А думал Кайданов всего о нескольких вещах, если, конечно, то, что он делал, имело право называться мышлением.

«Не в здравом уме, — усмехнулся он мысленно, сам удивляясь тому, что снова может „усмехаться“. — И не в ясной памяти...».

Получилось почти смешно, но смешно, что не странно, не было. «Откат» он и в Африке откат, а то, что Кайданов учинил сегодня в Мюнхене иначе, как самоубийством, и назвать было трудно.

«Попытка суицида».

Ну что ж, где-то так все, возможно, и обстояло. Суицид. Безумие... И если быть совсем уж откровенным, то по всему выходило, что к этому часу — Кайданов через силу заставил себя посмотреть на часы и мысленно кивнул, соглашаясь со своим простеньким расчетом — к этому часу, то есть, к 19.50 по средневропейскому времени, он должен был стать уже трупом. Или, на самый худой случай, куском не помнящего себя от боли и отчаяния мяса в одной из гестаповских больничек. И это не догадка была и даже не понимание произошедшего, случившееся постфактум, а точное, основанное на опыте знание. Для того чтобы знать, что он себя попросту «сжег» — «Почти сжег!» — как фейерверк какой-нибудь китайский или бенгальский огонь, семи пядей во лбу быть не надо. Кайданов ведь был в деле не первый год и даже не второй. Видел уже таких героев. И сам видел и от других слышал, что происходит с теми, кто пошел в разнос. Их было не так уж мало мучеников «звездного часа». Совсем немало. Особенно в боевке, где все всегда «на краю», как в последний раз.

Поэтому все ему сейчас про себя стало ясно, даже, несмотря на то, что ясной, или хотя бы отчасти ясной, голова его отнюдь не была.

«Ясен пень», — неожиданно по-русски подумал он и поднял взгляд на Викки. Она была красива, его Викки. Чертовски красива.

«Как целлулоидная кукла».

Такая же равнодушно красивая, даже когда улыбалась.

Их взгляды встретились, но что можно было прочесть в этих пустых серых глазах?

«Никакая... — это было самое правильное определение. — Какая-то такая, никакая».

Силиконовая женщина, как подумал он о ней давеча. Пустое место в плоти мироздания... Однако что-то в этой мысли Германа не устраивало. Что-то здесь было неправильным, но сосредоточиться на этой предполагаемой, улавливаемой интуицией, но не поддающейся осмыслению ошибке, он пока не мог.

«Красивая женщина, — подумал Кайданов для разгона, пытаюсь нащупать ногой твердую почву. — Красивая... Что?»

А ничего. Все так и обстояло. Красивая. Женщина. Всяко лучше надувной тетки для секса, ведь так? Так. Однако с чего бы во всем этом теперь ковыряться? Ведь Кайданов четко помнил — несмотря на свой «обморок» — почему ее тогда выбрал, оставив при себе. Именно поэтому. Никаких эмоций и, значит, никаких обязательств, возникающих там, где есть, пусть не любовь, но хотя бы привязанность.

«Мы в ответе за тех, кого приручили... Где-то так».

А Викки... Правильные черты, высокие скулы, серые глаза и... И все. Бестрепетное равнодушие манекена. Но тогда, почему его «резинковая Зина» отказалась остаться в Берлине? Поехала с ним, притом, что и сама не верила, что встреча эта не выйдет боком... Поехала и вытащила.

— Как ты меня нашла? — спросил он вслух, хотя, видит бог, хотел спросить совсем о другом.

«Зачем? — хотел он спросить. — Зачем ты меня вытащила? Какого хера взяла на себя роль providения?»

Но не спросил. Не сказал. Побоялся? Устыдился? Он Испугался Спросить? Ее?

— Как ты меня нашла? — вот что он у нее спросил вместо этого.

Они уже два часа сидели в маленьком полупустом и погруженном в уютный полумрак баре, не без умысла устроившись в дальнем углу длинного полуподвального помещения. В неярком желтоватом свете бра, закрепленного на краснокирпичной стене метрах в двух от их столика, и маленькой красной свечи, горевшей посередине квадратной столешницы, разглядеть Кайданова было затруднительно, что, собственно, сейчас и требовалось. А громкая музыка — крутили, как ни странно, ностальгическую группу АББА — легко заглушала негромкий разговор, когда и если он возникал. Идеальное место. Настоящая тараканья щель, о которой он мечтал, возникнув из небытия посередине оживленной Финкенштрассе. Здесь и посидеть можно было в покое, и себя в порядок привести, пока фашисты разворачивают все эти свои «Перехваты», «Капканы» или новомодную «Охоту на волков». Спасибо Викки, она быстро и грамотно увела его с улицы, нашла этот бар и теперь терпеливо и вдумчиво накачивала кофеином, алкоголем и глюкозой.

Сначала он был в прямом смысле слова никакой. А никакой это и есть никакой. До угла этого и то еле добрался, не вполне соображая даже, где он и зачем. Вот таким он тогда был, и если бы не Викки, ему конец. Гестапо взяло бы Кайданова тепленьким и готовым к

неспешному потрошению на предмет паролей и явок. Но девочка его вытащила. На себе, можно сказать, доволокла до этого самого стула, усадила, влила одну за другой пять чашек крепчайшего и до безумия сладкого кофе, скормила какую-то сладкую дрянь, типа «сникерсов» или «твиксов», а затем заставила выпить еще и коньяку. И все это время тихонечко обдувала живью, рискуя своей собственной гладкой задницей. Так что в конце концов Кайданов начал помаленьку оживать и даже беседу какую-никакую смог поддерживать. Впрочем, говорить внятно и по существу он начал именно с того момента, когда смог сформулировать свой самый главный вопрос.

— Как ты меня нашла? — спросил Кайданов.

— Захотела и нашла, — судя по всему, Викки вопросу не удивилась, но и отвечать на него не стала.

Как всегда. Никак. Захотела и нашла. Вопрос, зачем? Как нашла, не так уж и важно. Это всего лишь техническое обстоятельство, но вот зачем, это да, это существенно. Потому что сам-то он, судя по всему, возвращаться, не собирался. Иначе бы и в Мюнхен не поехал. Ведь знал — ну пусть не наверняка, но определенно чувствовал — что-то с этой встречей не так. А его чувства дорогого стоили.

«Я просто не хотел жить... Устал...» — а вот это было похоже на правду, хотя на «ясную голову» Кайданов себе в этом никогда бы не признался. Но от правды куда уйдешь? Когда-нибудь, где-нибудь, она тебя обязательно достанет. Такова ее природа. Не хотел жить. Устал жить. Только «вслух» эту мысль сформулировать не мог. Вот и не формулировал. И даже не знал, насколько все плохо. А теперь вот взял и «сказал». Теперь, когда оказался слаб и немощен, как калека, все вдруг и открылось и, что интересно, даже возражений не вызвало. Просто «этот костюмчик» пришелся впору, вот в чем дело.

«Как раз», — признал Кайданов, не испытывая при этом никаких особых эмоций.

Не хотел жить.

«И с чего бы вдруг?» — но вот ёрничать не получалось. Да и не следовало, наверное. Не хотел, потому что выдохся. Вышел весь, как говорили старики в его детстве.

«На нет сошел», — но и это его не удивило. Это-то как раз было понятно. Или, вернее, стало понятно теперь. Другое занимало. Зачем, тогда, прорывался? Мог ведь устроить им такой «последний парад», что и через сто лет вспоминали бы с ужасом. Как раз на такое и хватило бы сил. Но нет, не убился, не реализовал свой глубоко законспирированный в душе план — так глубоко запрятанный, что и сам про него не знал, пока небо не рухнуло, и это все не всплыло на поверхность куском канализационного дерьма — не убился, а побежал.

«Зачем, если сам искал смерти? Или уже не искал?»

«По-привычке...» — но это предположение не выдерживало никакой критики. Привычка, автоматизм — все это хорошо и даже замечательно, когда есть цель, мотор, желание наконец. Но, как он теперь знал, мотор заглох, цели давно выветрились, а желание, если и существовало, то ровно противоположное по значению. Не жить, а умереть.

«И видеть сны...» — но и это неправда. Там снов не будет. Потому что не будет ничего.

«И что же в остатке?» — а вот на этот вопрос Кайданов должен был ответить. Несмотря ни на что, на слабость и боль, обязан был ответить.

— Ты меня чувствуешь? — спросил он вслух. Во всяком случае, это было что-то реальное, за что его плывущее сознание могло хоть как-то ухватиться.

«Чувствует?» — следовало признать, что это было что-то новое. Об этой ее способности Кайданов раньше не знал. Сам ее не чувствовал, но полагала, что и она его «видит» ровно

настолько, насколько все они друг друга могут «видеть».

— А ты как думаешь? — ее голос не выражал ровным счетом никаких эмоций. Просто вопрос. Он спросил, она спросила. И все.

— Значит, чувствуешь, — Кайданов допил остывший кофе и медленно, контролируя каждое, даже самое простое движение, закурил очередную сигарету.

— Значит, чувствую, — показалось ему или Викки, действительно, усмехнулась?

— Угомонись, милый, — сказала она, пока Кайданов закуривал. — Какая тебе разница?

«И в самом деле, какая мне разница?»

Чисто технический интерес? Вроде того, а на что еще способен мой комп, мой Майбах, [48] мой холодильник, мой... моя... мое...

«Моя резиновая женщина», — вспомнил Кайданов, и неожиданно все встало на место. Он вспомнил и понял то, что ему все время мешало, но никак не давалось в руки.

9

«Я Ольга Эйнхорн», — слова «прозвучали» привычно, как отражение в зеркале.

Это лицо имело имя.

Ольга открыла дверцу машины и, наклонившись, взяла с сидения все еще не початую бутылку шнапса.

«Немного алкоголя, фроляйн? Почему бы и нет?» — она свинтила металлический колпачок и сделала длинный глоток. Однако, вопреки ожиданиям, шнапс ей не понравился.

«Не мое», — она закрыла бутылку и вернула ее на место.

«Фроляйн курит? А черт его знает!» — раньше она, вроде бы, курила, но давно и недолго. Впрочем, другая она часто и с удовольствием курила толстые гаванские сигары. Однако Ольга подозревала, что в этом мире толстая и длинная сигара будет смотреться во рту у девушки более чем двусмысленно.

«Это лишнее», — решила Ольга, представив себя с черной сигарой в зубах и, распотрошив пачку «Кемела» — «А почему, кстати, именно „Кемел?“» — достала из нее приторно пахнущую сигарету.

— Госпожа?! — голос принадлежал высокому крепкому парню с рыжей «шкиперской» бородкой и простоватым взглядом голубых навывкате глаз. Ольга заметила его на противоположной стороне парковочного поля, сразу как только вышла из уборной. Увидела и сразу все поняла, но решила не спешить. Подойти к ней он должен был сам.

— Госпожа?!

— Здравствуй... — она обернулась и приветливо улыбнулась, предоставляя ему представиться первым, потому что опознать бойца в его нынешнем облике, естественно, не могла.

— Антон, — ответно улыбнулся он. — Я был твоим Третьим, госпожа.

Последние слова он произнес почти шепотом и, совершенно не разжимая губ. Теперь, когда он назвался, Ольга его вспомнила. Тогда Третий — просто Третий, потому что входил в первую десятку — выглядел совершенно иначе, что, впрочем, теперь было совершенно неважно, так же как и то, как его звали там.

— Привет, Антон! — сказала Ольга. — У тебя огонька не найдется?

— Есть, — кивнул он и достал из кармана джинсов дешевую одноразовую зажигалку.

— Спасибо, — она прикурила от слабого, заметавшегося на ветру огонька и, выдохнув дым, показавшийся на вкус вполне удовлетворительным, спросила:

— А где остальные?

— Еще двое в машине, — коротко, и по-прежнему не разжимая губ, сообщил Антон. —

Пятая — Катарина и Первый бета — Оскар.

«Три...» — но Ольга отчетливо ощущала четверых.

— Еще кто-то в Мюнхене, — сказал Антон, как если бы подслушал ее мысли. — Но кто, я не знаю.

— У вас есть деньги? — сейчас этот вопрос волновал Ольгу больше всего. У нее самой в сумочке оставались считанные гроши. На пару дней хватит, но на авиабилет — нет.

— Нет, — развел руками Антон (Третий так бы не поступил, но Антон уже не был Третьим). — Я на мели. Ребята тоже.

— В Мюнхене беспокойно, — сказала Ольга. — Но если мы хотим успеть, придется рискнуть.

— Как прикажешь, госпожа, — пожал плечами Антон. — Надо — рискнем. В пять тридцать пять есть рейс на Амстердам, в шесть восемнадцать — на Франкфурт, но Франкфурт, кажется, все еще закрыт. В семь ноль пять — Милан. Если вылететь любым из этих рейсов, мы успеваем в Тель-Авив до двух часов дня.

«Молодец», — мысленно похвалила Ольга. Сам догадался или кто из ребят подсказал, но все, что им нужно было теперь знать, узнал.

— Ты молодец, Антон, — сказала она вслух. — Вот от этого и будем танцевать. Кстати, меня зовут Ольга и я из Ульма.

— Очень приятно, — улыбнулся Антон. — А я из Ганновера.

— Вот и хорошо, — Ольга выбросила сигарету и посмотрела Антону в глаза. — Пришли сюда Катарину. Она поедет со мной. И сами тоже двигайтесь. Встречаемся у железнодорожного вокзала в 11 вечера.

— Мы там будем, — Антон еще раз улыбнулся и, повернувшись, пошел прочь.

«Четверо, — Ольга проводила бойца взглядом и, забравшись в Рено, завела мотор. — Совсем неплохо. Может быть нам еще повезет».

Может быть, и повезет, но Ольга на случай не рассчитывала. Она полагалась только на себя и своих людей. Остальное лирика.

10

— Значит, чувствую, — показалось ему, или Викки, действительно, усмехнулась?

— Угомонись, милый, — сказала она, пока Кайданов закуривал. — Какая тебе разница?

«А ведь я тогда вспомнил именно о ней...» — факт был, что и говорить, примечательный. И, как оказалось, Кайданов был рад — насколько он вообще мог сейчас испытывать эмоции — что мимолетная эта мысль, возникшая тогда в его разгромленной «откатом» голове, никуда не исчезла, не пропала, как случается, порой, даже с самыми важными и не случайными мыслями, не забылась. Получалось, что в самый последний свой час, а Кайданов тогда и впрямь считал, вернее, совершенно по-звериному чувствовал, что час именно последний, вспомнил он только Викки. К ней, ради нее — так он понимал теперь свои тогдашние мотивы — а не ради собственного спасения, собирался идти в полумертвом состоянии через весь Мюнхен. Что это могло означать, Кайданов догадывался. Не мальчик. И открытие это его удивило, но не настолько, чтобы он потерял нить рассуждений. Оставалось решить, что со всем этим теперь делать. Впрочем, от трудных вопросов Кайданов давно уже не уходил, и принимать быстрые решения научился тоже. Жизнь, как говорил кто-то из советских классиков, великая школа.

— Есть разница, — сказал он, хотя, видит бог, решение продолжать разговор далось ему

непросто. — Есть. Ты ведь настояла на том, чтобы ехать со мной. Ты что-то почувствовала?

— А ты думал, что я ничего не чувствую? — вот теперь она действительно скривила губы в усмешке, и усмешка эта сказала Кайданову о многом. В том числе, и о таком, что узнать о себе оказалось крайне неприятно.

— Думал, — признался Герман, ощутивший вдруг невозможность не только лгать, но и просто обходить трудные вопросы.

Викки посмотрела на него внимательно — он даже в полумраке увидел ее глаза и оценил их выражение, впервые в жизни увидев, какой она, оказывается, может быть — и неожиданно кивнула.

— Так, — сказала она тихо. — Полагал... Может быть, я и сама в этом виновата. Ты же знаешь, я «тень», меня прочесть, если я этого не хочу, не может никто.

«Если не хочет... А я? Я-то хотел?»

— А почему ты не хотела? — вообще-то вопрос был лишний. Ответ на него Кайданов уже знал, или думал, что знает. Но все-таки спросил.

— Я думала, тебе это не нужно.

Ну что ж, она сказала правду.

«Не было нужно, вот в чем дело».

— Значит, виноват я, а не ты, — сказал он после паузы, принимая правду такой, какая есть. — Мне это действительно не было нужно.

— Не было?

— Да, — подтвердил он, поражаясь тому, что делает.

«Господи, что я творю?!» — но о сделанном сожалеть было поздно, потому что слово прозвучало, и бога он, по-видимому, вспомнил неслучайно.

«Бог есть любовь... А если в сердце не осталось ничего кроме ненависти, то, причем здесь бог?»

— А теперь?

— Когда я очнулся там, на улице, — говорить об этом было трудно, но и не говорить нельзя. — Когда я там «проснулся»... Я был никакой, Викки. Даже думать связно не мог, но... Единственный человек, о котором я вспомнил, была ты.

Викки выслушала его молча, ничего не спросила и никак его слова не прокомментировала. Она молчала долго. Смотрела на него и молчала. Молчал и он. А что еще он мог сказать?

— Я стала тебя чувствовать семь месяцев назад, — нарушила затянувшееся молчание Викки. — И... Сегодня я почувствовала тебя километров с пяти. Может быть, немного больше. Шла, как по азимуту, даже карту города в уме держала и «видела» все твои перемещения. Когда ты... Я еще в Берлине знала, что здесь что-то не так. Почувствовала опасность. Не хотела, чтобы ты ехал, но тебя ведь не переубедить. Решила, тогда уж вместе... Когда тряхнуло, я выскочила из дома, угнала машину и рванула к тебе. Потом бросила... Ты перемещался так быстро, что я за тобой не успевала. Но я тебя все-таки нашла.

— А живь откуда? — этот вопрос тревожил Кайданова не на шутку. О таком он даже не слышал никогда. Ведь живь всегда приходит с откатом.

— Не знаю, — покачала она головой. — Я и сама не знала, что такое возможно. Но когда увидела тебя, все произошло само собой. Как-то так... Потом поняла, что делаю, но это уже неважно было. Тебе нужна была живь, и я могла ее тебе дать.

— Риск, — сказал он хмуро. — Ты очень рисковала.

— Риск, — согласилась Викки. — Кто-нибудь мог нас засесть, но... Во всяком случае, мы были вместе. Это главное.

— Давай поженимся, — предложил вдруг Кайданов и сам поразился тому, что только что произнес вслух.

— А зачем? — Викки улыбнулась, но это была уже совсем другая улыбка. Такая, какой Кайданов у нее никогда прежде не видел. — Это что-то меняет?

— Для меня, да, — он действительно чувствовал, что самым правильным для них, как это ни странно, будет пожениться.

— Ну и как мы с тобой будем жениться? — спросила она, и он понял, что она права. Дело ведь не в записи, которую сделает какой-нибудь муниципальный чиновник в их фальшивых документах. Но сдаваться Кайданов не привык.

— Я православный, — сказал он и пожал плечами. — Но в СССР это давно уже не факт биографии, хотя при рождении меня, вроде бы, крестили.

В самом деле, союз перед богом ни чем не хуже союза перед властью. А бог по любому знает, кто из них кто.

— А запись о моем рождении, — с улыбкой сказала Викки. — Сделали в одной из синагог Питсбурга.

— Тогда, пойдем к Монголу, — предложил Кайданов, вполне оценивший ответную откровенность Викки. — Я знаю наверняка, он многих наших поженил.

— К Монголу? — удивилась Викки. — Я даже не знала, что он этим занимается. Раньше я слышала только про Баха.

— Можно и к Баху, — не стал спорить Кайданов. — Бах порядочный человек.

— Рискнем пойти вместе? — спросила Викки, и Кайданов понял, что только что получил формальное согласие на свое предложение.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского, — улыбнулся он и, протянув руку, взял в ладонь ее пальцы.

— А свидетели? — спросила Викки, по щекам которой вдруг потекли слезы.

— Найдем, — отмахнулся Кайданов, нежно сжимая в ладони ее тонкие длинные пальцы. — Не может быть, чтобы у нас в Городе не нашлось двух надежных людей.

— Да, — согласилась она. — Кстати, меня зовут Рэйчел.

— Рэйчел, — повторил за ней Кайданов, примеряя на Викки ее настоящее имя и видя, что оно ей в самый раз. — Очень красивое имя, Рэйчел. А меня зовут Герман.

Глава 8

«От заката до рассвета» (4 октября, 1999)

1

Было без четверти девять, когда они вышли из бара и медленно — а быстро он все равно пока не мог — пошли в сторону Мариенплатц. Чувствовал себя Кайданов отвратительно, но все в мире относительно, не так ли? Отвратительно, это если сравнивать с тем, каким он был обычно. Однако если вспомнить, чем он был всего лишь пару часов назад, сейчас Кайданов чувствовал себя молодцом и выглядел соответственно. Он мог идти, что уже кое-что, и тело держал так, как и положено хому сапиенсу, то есть, прямо. И внимания на себя, соответственно, не обращал, что в их ситуации было, пожалуй, самым важным. Ну устал мужик, с кем не бывает? Выпил, а может быть, и перепил, но, если и так, что в этом такого? Идет ведь на своих двоих, а не абы как. И ведь это не бравада была. Кайданов не форсил и «из себя не воображал». Он, и в самом деле, вполне уже «ожил», чтобы покинуть место

лежки, где они, должно быть, успели примелькаться, и отправиться куда-нибудь еще, где их никто пока не видел. А вечером возле ратуши — к бабке не ходи — и народу должно быть много, и заведений, подходящих, сколько угодно. Найти в центре туристского города пристойный ресторан, где можно нормально поесть и просто посидеть в тишине, пусть и относительной, и покое, который, как утверждают классики, нам только снится, не проблема. Голода Кайданов, впрочем, пока не чувствовал, что, в общем-то, и не удивительно. Аппетит должен был прийти позже, когда организм окончательно стабилизируется, и истощение, вызванное невероятной силы «откатом», потребует восполнения калорий и прочих белков с углеводами. Вот тогда и придет голод, но к тому времени они дойдут уже — потихоньку, разумеется, тихим прогулочным шагом — до площади и определятся на местности. А торопиться им сейчас было некуда. Возвращение на «точку» даже не рассматривался. Выехать из города, пока не улягутся страсти, и думать не приходилось. А на запасную квартиру идти можно было только после полуночи. Зигфрид все равно раньше двенадцати в своей берлоге не появится, а звонить ему на работу, по соображениям конспирации, тем более не стоило. Кто их знает этих умников из гестапо, что они еще придумали? «Охота на волков» это вам не в «Зарницу» играть. Тут бьют по-настоящему — насмерть. А умирать Кайданову решительно расхотелось, да и Викки погубить он себе позволить не мог. Не для того он ее нашел, чтобы теперь потерять. Так что по любому им еще часа три-четыре крутятся. Гуляй, как говорится, не хочу.

Однако долгой прогулки не получилось. В начале десятого, где-то впереди — по ощущениям, совсем рядом — быть может, всего лишь в одном или двух кварталах от них, и как раз там, куда они направлялись, полыхнуло «ртутью». И хотя магия была не ахти какая — только название что «ртуть» — у Кайданова так сжало сердце, что на глазах выступили слезы. Хорошо еще, что Викки предусмотрительно нацепила на него темные очки, а то хорош бы он был посередине ярко освещенной улицы с мокрыми от слез глазами. Но как бы то ни было, заметил кто, как его приложило или нет, идти туда, куда они направлялись, было теперь нельзя. Да и сил вдруг не стало. Живью Германа, конечно, обдало, но и то сказать, сколько той живи, ему досталось? Маг-то, судя по всему, попался не из сильных. Откат совсем никакой получился, хотя Кайданову, в нынешнем его «калечном» состоянии и этого хватило. Однако и назад не повернешь. Обычные-то люди ничего такого не почувствовали — им несчастным не дано — и своих намерений не изменили, куда шли, туда и продолжали идти. И от Германа с Рэйчел того же ожидали.

— А что если по пиву? — «весело» предложила Рэйчел, с силой сжимая локоть Кайданова. — как считаешь, Вальтер?

— А не развезет? — как бы засомневался он, хотя, если честно, ему было сейчас не до того, чтобы актерствовать на потребу публике.

— А хоть бы и развезло! — махнула свободной рукой Рэйчел и засмеялась. — Считаю, я тебе мальчишник устраиваю. Напьешься, такси вызову. — И она потянула его к ближайшему заведению, которое — «Вот глазастая!» — действительно оказалось пивной.

Ну что ж, против этого возразить было нечего. Вполне нормальное поведение, из нормы не выбивается и, значит, внимания на себя не обращает.

2

Она доела уже жареную свинину и капусту тушеную подмела, как не было. И в туалет наведальась, где сменила наконец прокладку, проклиная на все лады свое новое тело, решившее до кучи, сместить еще и этот гребаный менструальный цикл. И «Спатен» свой

допила. Можно было и честь знать, то есть встать и продолжить свой неспешный променад. Но тут где-то, метрах в трехстах — максимум в трехстах пятидесяти — кто-то запустил «ртуть». Ерунда, конечно, потому что не сильно и довольно далеко. Но, во-первых, лучше «перебздеть, чем недобздеть», а береженого, как известно, сам господь бережет. А во-вторых, очень Лисе не понравилась эта «ртуть». Однако вылетать сломя голову из пивной было бы и вовсе глупо, а медленно выходить не стоило тем боле. Здесь, в успевшем наполниться людьми просторном зале пивной, Доминика Граф, молодая крашенная блондинка, была на виду, примелькалась уже, и это совсем немало. А вторая кружка и вовсе никого не удивит. Два пива для молодой немецкой бабы не выпивка, а тихий отдых.

Лиса заказала пиво, закурила и постаралась успокоиться.

«Что, собственно, произошло?» — спросила она себя, явственно ощущая тот знакомый любому подпольщику непокой, который может не значить ничего, но может означать очень многое.

Да ничего особенного, вроде бы, и не случилось. Подумаешь, кто-то «ртутью» шарахнул! Здесь же облава раскручивается, вот кто-то под бредень и угодил. Угодил и попробовал отбиться. И дай бог, чтобы отбил! Но она, при всем своем желании, всех оплакать не сможет. Слез не хватит. А ее люди в порядке. Документы чистые, легенды правильные, и в лицо их никто не знает. Ведь, так?

«Ну, а если все-таки?»

«Не может быть никаких все-таки, — сказала она себе „командирским голосом“. — Не может, и все!»

Логически рассуждая, все было правильно. Не может. Не должно. Черт, если бы это был он, наверняка, ударил бы чем-нибудь более серьезным: «громом», «синью» или, скажем, «перначом». У него в ассортименте имелось достаточно вкусов и разностей. На любой вкус, что называется. Только выбирай! Тут бы все ходуном ходило, если бы это оказался он. Но его взять совсем непросто. Он же «тень». А вот Алекса взяли бы без шума — он не «ртуть» не способен. Алекс оператор и, как все операторы, ни на что, кроме как в эмпиреях витать, не годится. Но Пика...

«Нет, — решила Лиса, тщательно взвесив шансы. — Не Пика. Не ее стиль. Не любит она людей калечить».

И тут, прерывая ее мысли, дверь в пивную отворилась, и в зал вошла очень интересная парочка. При виде этих людей Лиса даже беспокоиться забыла, так это оказалось неожиданно. Впрочем, на первый взгляд, ничего особенного в них, в этих молодых мужчине и женщине, как будто, не было, если не считать того, что были они, что называется, красивой парой. Высокая фигуристая девушка — платиновая блондинка с правильными чертами лица и большими серыми глазами, и спортивного сложения темно-русый мужчина вполне приятной наружности, только слегка небритый и сильно выпивший. Определенно, Лиса видела их впервые и, наверняка, скользнув по ним равнодушным взглядом случайного встречного, тут же вернулась бы к своим трудным мыслям, но ощущение узнавания заставило ее снова посмотреть на мужчину.

— Ты знаешь эту блонду? — не разжимая губ, спросила женщина своего спутника и тут же «поплыла».

Вопрос был задан так тихо, что услышать его было невозможно, и по губам прочесть прошелестевшие в слитном шуме пивной слова никто бы не смог. Но Лиса «читала» тонкую моторику лицевых мышц и при этом даже не «светилась». И то, что такой вопрос вообще

был задан и относился именно к ней, Лисе, а не к кому-нибудь еще — а ведь посмотрели на парочку многие — и то, как начала вдруг «исчезать» платиновая блондинка, совершенно не обнаруживая при этом эманации, случайностью быть, не могло.

«Тень».

Ну да! Девушка, судя по всему, была классической «невидимкой», да еще — «Вот ведь как!» — и сильнейшим эмпатом в придачу. Однако Лису она занимала только постольку поскольку. Ее внимание привлекла не «тень», а ее друг, надевший, несмотря на вечер, темные очки. Мужчина, действительно, был или пьян, или, что вероятнее всего, болен или ранен. Не верила Лиса, чтобы с такой женщиной гулял необученный щенок. Он должен был быть, как минимум, волкодавом, но волкодавы так грубо не лажают.

— Ты знаешь эту блонду? — спросила женщина, и мужчина тут же, не спрашивая, кого она имеет в виду, повернул голову и посмотрел прямо на Лису.

И совершенно напрасно, потому что, когда их взгляды встретились, Лиса увидела его глаза даже сквозь темные стекла очков.

«Волк! — Поняла она сразу же, как только узнала холодный взгляд этих жестоких глаз. — И не просто волк...»

О, да. Перед ней стоял не просто волк, а матерый волчина, опасный и безжалостный хищник. И не был он, разумеется, пьян. И болен не был.

«Он...» — стараясь, не выдать вазомоторикой охватившего ее волнения, Лиса «равнодушно» приняла взгляд мужчины и, выдохнув дым, отвела глаза в сторону.

То, что она — случайно или нет — подсмотрела тогда в Цитадели, совпадало с тем, что почувствовала сейчас с неслучайной точностью. Как там говорил когда-то давным-давно Кайданов? До десятого знака? Точно, так.

Она стряхнула с прогоревшей едва ли не до середины сигареты пепел и, поднеся к губам кружку, сделала медленный глоток. Ей очень хотелось посмотреть на Кайданова и узнать, что он ответил своей спутнице, но делать этого не стоило, потому что Лиса еще не вполне решила, как распорядиться внезапно обретенным знанием. С одной стороны, это ж надо такому случиться? Не успел Август о нем напомнить, а сама Лиса — начать вполне безнадежные поиски, как случайный (или все же неслучайный?) «сбой» открыл ей не только истинное «лицо» Чела, но и его предполагаемое местоположение. Может такое случиться? Вероятно, может, раз уж произошло, но за все двадцать пять лет в Городе Лиса о подобном даже не слышала. Магия в Чистилище существовала, но какая-то другая, непохожая на ту, что безумствовала в реальном — человеческом — мире. В Городе, например, не действовали почти никакие «трюки», и эманации там не было, и живи. Ничего из того, что они знали и умели делать «дома». Впрочем, точно так же многое из того, что было нормально и естественно под «Светлыми небесами», не работало здесь. Лиса вот даже паршивой сигаретки тут создать не могла. Тогда, что же произошло с ней во время встречи в Цитадели, где ни детекция, ни «нюх» не действовали по определению?

«Чудо», — никакого другого объяснения не находилось. Во всяком случае, пока. Потому что интуитивно Лиса ощущала некую связь между этим странным «фокусом» и теми прорывами к предзнанию, которые пережила уже трижды за последнее время.

Но пока «сбой» мог спокойно оставаться просто чудом. С этим делом никакой спешки не было. И данных для того, чтобы понять, что же это такое, оценить по-настоящему, встроить в имевшуюся концепцию мира, тоже не хватало. Однако сейчас Лису занимало совсем другое. Допустим, случилось чудо, и она узнала, что Кайданов жив и, по-видимому,

находится в Берлине.

«Допустим...» — Лиса потушила сигарету, глотнула пива, и снова закурила, старательно отводя взгляд от парочки, которая, судя по невнятным шумам, долетавшим до ее чутких ушей, устроилась за столиком слева от нее.

«Допустим».

Допустить можно было многое, но вот встретить Кайданова и снова совершенно случайно, в Мюнхене, да еще сразу после того, как он провернул здесь акцию — а то, что «гвалт»[49] в городе поднял именно он, Лиса теперь не сомневалась — вот это чем могло быть?

А между тем, и Кайданов, и его дамочка уже, как минимум, несколько раз аккуратно касались ее своими взглядами.

«Узнал?»

«Нет, — решила Лиса, отпивая из кружки. — Это был бы перебор. А вот я в Мюнхен попала неслучайно».

Сейчас она отчетливо вспомнила, как пришло к ней решение, ехать в Мюнхен.

«Значит, уже не три, а четыре раза».

Выходило, что за последнюю неделю предзнание посетило ее четыре раза, да и «сбой», на самом деле, случился не только в Цитадели, но и в замке Августа.

— Разрешите?

Лиса повернула голову и увидела остановившуюся рядом с ее столиком платиновую блондинку. Как она подошла, Лиса не слышала, но этому как раз не удивилась.

«Тень».

— Мы знакомы? — Спросила она, с откровенным любопытством рассматривая подругу Кайданова. Первое впечатление не обмануло. Интересная женщина. Пожалуй, все же не писаная красавица, но зато и не кукла. Кто понимает, увидит и оценит, вот только для абсолютного большинства она никакая, потому что «тень».

— Да, вот смотрю на вас и никак не могу понять, — улыбнулась женщина и без приглашения села напротив. — Мы с женихом приехали из Гамбурга. А вы?

— А я только что вернулась из Скандинавии, — стараясь не показать своих эмоций, ответно улыбнулась Лиса.

«Узнал? Но как?»

— Уходите, — почти неслышно и снова не разжимая тонко очерченных губ, сказала блондинка. — Вам здесь оставаться опасно.

«Знает ли он, кто я такая или это всего лишь солидарность?»

Даже будучи отпетыми индивидуалистами и ревнивыми сукиными детьми, маги своих старались не сдавать и даже помогали, если уж совсем стремно не было. Вопрос лишь в том, как они ее «считали», ведь волхования — на таком-то расстоянии! — Лиса уж точно не пропустила бы. Однако факт — раскололи. Знать бы еще, насколько. Но это последнее можно и проверить.

— Да уж, — усмехнулась Лиса, артикулируя точно так же, как незнакомка. — Нашумел наш друг выше среднего.

— Значит, не пересекались, — и голос у блондинки был под стать всему ее облику, низкий, грудной, очень выразительный, что для «тени» совсем необычно.

— Значит, нет, — покачала головой Лиса, отмечая, что удар ее визави держит на ять.

— Ваше право, — женщина опять говорила только для Лисы. — Но Чел вам

определенно сказал. Он не хочет иметь с вами дела.

«Значит, знает».

— Его право, — согласилась Лиса, не разжимая губ. — Но мне надо с ним поговорить. И это мое право. Дело важнее амбиций.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась блондинка. — Если выберемся... — она нарочно акцентировала паузу, как бы говоря, «все мы смертны». — Через неделю, одиннадцатого, в восемь вечера в Берлине, у входа в отель «Кемпински». И после этого, в течение трех месяцев. То же число плюс один, по возрастающей, тот же час минус два, по нисходящей. Памятник гомосексуалистам, посольство СССР на Унтер Ден Линден университет Гумбольдта, у мемориальных досок.

«Странно», — Лиса достаточно хорошо знала Берлин, чтобы понять, что места встречи находятся, как в западной, так и в восточной его частях.

— Спасибо, — снова и как ни в чем не бывало улыбнулась Лиса. — Я только первый шорох пересажу и пойду.

— Удачи! — незнакомка встала и, мягко повернувшись, пошла прочь.

— И вам того же, — сказала ей в спину Лиса и потянулась за новой сигаретой.

3

«Она?» — Кайданов смотрел на двух женщин за соседним столиком и пытался понять, что же такое с ним произошло.

Они вошли в пивную, сделали шаг или два, оглядываясь в поисках свободного столика, и вдруг Рэйчел спросила его...

«Как она сказала? Ты знаешь эту блонду? Так?»

Так или почти так, но не в том суть. Формулировка вопроса не имела равным счетом никакого значения, потому что он вопрос понял правильно и сразу же посмотрел именно на эту женщину. Как? Почему из всех находившихся в зале блондинок он безошибочно выбрал ее? Нет ответа. И ведь он не пользовался магией, это Кайданов помнил вполне определенно. Тогда, как же это возможно? Как он догадался, о ком идет речь, и как, едва встретившись с этой женщиной взглядами, понял, что это она?

«Впрочем, она ли?»

Женщины определенно о чем-то беседовали, но означать это могло все, что угодно. Может быть словоохотливая «блонда», и в самом деле, пыталась вспомнить вовсе неизвестную ей Рэйчел? Или, если это все-таки была Лиса, Рэйчел реализовывала предложенный им сценарий? Но, как во имя всех святых, эта сука сумела его найти? Вот, когда Кайданов пожалел, что не в форме: голова все еще была не та, и от нее нельзя было ожидать четкого и безошибочного анализа. А жаль. Обстоятельства и так уже складывались не самым лучшим образом, а тут возьми и возникни на его пути неведомо как вычислившая его Рапоза Пратеада.

«Или я ошибаюсь, и она не знает?»

Ведь могло случиться и так, что опознал ее только он, а она, в лучшем случае, поняла, что перед ней свой?

«Вполне».

— Удачи! — сказала Рэйчел, вставая и отворачиваясь от собеседницы.

— И вам того же, — сказала ей в спину «блонда», и Кайданов вдруг увидел то, чего сразу почему-то не заметил. Сквозь «мягкие» черты дешевой куколки проступало что-то настоящее и сильное, что не сразу разглядишь, но, разглядев, уже не пропустишь. И означать

это могло только то, что он не ошибся.

«Она».

Сейчас Лиса сидела к нему в профиль, и он не смог отвести от нее взгляд, пока Рэйчел не села напротив, разом переключив внимание на себя.

— Кто она?

— Она... — он не знал, стоит ли рассказывать. И дело тут не в ревности, которую могла бы испытать Рэйчел, а в том, что в подполье, как в подполье: меньше знаешь, дольше живешь.

— Она знает Чела. — А вот Рэйчел еще не знала, что Чел это он.

«Но скоро все равно узнает».

— Чел это я, — сказал Кайданов. — А она... Она сменила внешность, и ее имя не мой секрет.

— Тогда, не говори, — согласилась Рэйчел и положила руку ему на запястье. — Я же не маленькая, понимаю.

— У нас с ней никогда ничего... — начал было Кайданов, но договорить она ему не дала.

— Знаю, — улыбнулась она. — Это-то я сразу поняла. Я не поняла другого, почему ты с ней не хотел говорить?

— Наши дороги разошлись, — и он вдруг вспомнил слух, прошедший лет десять назад — а про кого, спрашивается, не ходили такие слухи? — и на мгновение как будто, действительно, перенесся в то давнее уже утро в Амстердаме, когда Пиноккио шепнул ему при встрече, что в Будапеште взяли Цаплю. К тому времени, он стал ее уже забывать. Дороги их давным-давно не пересекались ни на Земле, ни в «Чистилище», а любовь, вернее, то, что он любовью полагал, но что, на поверку оказалось, в лучшем случае, влюбленностью, истаяла, сойдя на тихое нейтральное «нет». И все-таки в тот день он напился, как свинья. Пил в одиночестве, по-черному. Пил и не пьянел, пока в один момент просто не вырубился.

«Выходит, что-то все-таки было?»

— Наши дороги разошлись, — сказал он вслух. — Ты назначила встречу?

— Да, — кивнула Рэйчел. — Она придет.

«Знает ли Лиса, кто скрывается под ником Чел?» — но этого, разумеется, он узнать не мог.

«А если знает? И о чем, черт ее подери, она так хочет со мной поговорить?»

4

По-хорошему, делать этого не стоило. В Мюнхене этой ночью и так было «жарко», как в «Пекле», но времени на то, чтобы раздобыть необходимую электронику и замаскировать акцию под обычную уголовщину, просто не оставалось. С тем же успехом экс можно было просто перенести на день-два вперед и на триста-четырееста километров в любую сторону. Однако деньги были нужны сегодня, сейчас, потому что купить билеты на самолет было просто не на что, а время уходило и...

«Отобьемся», — Ольга медленно прошла по тротуару, вся, превратившись в слух, но ничего подозрительного по-прежнему не ощущала, а ведь «невод» она забросила уже с минуту назад.

«Чисто...»

На самом деле, чисто было только в ближайших окрестностях, но кто притаился, если, конечно, он есть, за границей «невода», узнать было невозможно. Однако риск быть

обнаруженной входил в ее расчеты. Вопрос был только в том, насколько они наследят, прорываясь с боем. Но и этого им знать, было не дано.

Она сделала еще шаг и почувствовала короткий импульс.

«Есть!»

На улица не было ни души, а веб-камеру Катарина только что убила наповал, так что Ольга сразу же побежала. Она стремительно — наискосок — пересекла проезжую часть, прыжком достигла наружной стены банка и, обрушив одним ударом «молота» толстое тонированное стекло, преграждавшее вход во внешний бокс, не мешкая, «взялась» за банкомат. Теоретически, это было несложно, но реально она еще никогда банковских машин не вскрывала. Однако боги высокого Олимпа были к ним благосклонны. Электронный механизм сдался через двадцать семь секунд. Внутри бронированного ящика что-то обреченно щелкнуло, и в лоток начали поступать кредитки. Стараясь не думать о том, что она только что зажгла над головой факел высотой со священную гору, не говоря уже о том, что должна была сработать и сигнализация, Ольга схватила деньги и сунула их в сумку. А глупая машина, стрекоча, как цикады осенью, уже выдавала следующую порцию.

«Десять секунд», — Ольга запихивала бумажки, как попало, одновременно «слушая» мюнхенский воздух. Воздух «гудел» от напряжения, и вместе с ним начинали вибрировать и ее, еще неокрепшие и неадаптированные к таким перегрузкам, нервы.

«Ну же! Девятнадцать секунд...»

Где-то уже разворачивались в их сторону патрульные машины, и поднимались «в ружье» группы захвата, а взломанный банкомат продолжал методично отсчитывать денежные ассигнации Европейского Банка, пестрые бумажки с портретами совершенно неизвестных Ольге людей, деньги, без которых она никак не могла обойтись и которые могла только отобрать силой.

«Двадцать пять... Сукин сын!» — Ольга схватила еще одну пачку и, крутанувшись на месте, рванула в ночь.

Она вихрем пронеслась по улице, свернула в переулок, другой, увидела впереди спину Оскара, указывавшего путь, и отпустила «невод». Теперь она была «слепа» и надеяться могла только на свои человеческие чувства. Не снижая скорости, под далекое еще, но быстро приближающееся улюлюканье полицейских серен, они пробежали через слабо освещенный проходной двор, выскочили на следующую, тоже пустынную в этот час улицу, где в машине их ждала, отошедшая несколько раньше Катарина, и Ольга вздохнула было с облегчением, но сразу уехать не получилось.

— Не стреляйте, — сказал где-то рядом сухой равнодушный голос, и из жиденькой тени, сгустившейся там, где ослабевал свет уличного фонаря, возник человек.

«Духи заступники!» — о таком Ольга знала тоже только теоретически. С «человеком невидимкой» она встретилась впервые, и встреча эта ей очень не понравилась. Даже теперь, когда незнакомец, которого она с перепугу чуть не ударила «молотом», вышел на свет, Ольга с трудом удерживала его в поле зрения. Он все время норовил исчезнуть, и, скорее всего, так и поступит, если что-то в их диалоге не задастся.

— Ты кто? — спросила она, одновременно поднимая руку, чтобы остановить вышедших на боевой взвод Оскара и Антона.

— Я Черт, — голос этого высокого тощего мужчины раздражал. Им бы железо резать, а не уши портить.

— Ты ведешь нас от банка? — прямо спросила Ольга, опасаясь, впрочем, услышать

правдивый ответ. Она его и услышала.

— Да, — коротко ответил Черт. — Я был рядом. Зацепил твой «невод». Пошел искать «рыбака».

«Хорош! — даже в этой глупой ситуации, она не могла не восхититься его силой. Ведь она-то этого Черта даже не почувствовала. — И я хороша. Сукин сын!»

— Чего тебе надо? — время уходило, а погоня по-прежнему висела на хвосте. — Денег? — она шевельнула плечом, на котором висела сумка. Денег было жаль, но драться сейчас с этим неизвестно какими еще способностями обладающим магом было бы безумием.

— Нет, — мотнул он головой. — Деньги у меня есть. Мне нужна помощь.

От его голоса хотелось выть, но Ольга умела абстрагироваться от внешнего. А главным сейчас было не то, как говорит «Невидимка», а то, о чем он говорит.

— Помощь?

— Мой друг угодил в облаву, — ответил Черт. — Сейчас он в штаб-квартире Бундескриминальамт.

«Бундескриминальамт? А! Вот в чем дело. Это же полиция...»

— Мне очень жаль, — ей действительно было жаль. Очень. Это была та часть жизни этого несчастного мира, которая буквально рвала сердце на части, но что она могла сделать? Что все они — Ольга и четверо ее людей — могли сейчас сделать для этого попавшего в беду брата? Ничего.

— Мне очень жаль, — повторила она и покачала головой.

— Я могу туда пройти, — проскрипел Черт. Казалось, он не обратил внимания на ее слова. — Я пройду и взорву их изнутри. Но выйти вдвоем... Мне нужен кто-то снаружи. Один человек.

«Он в отчаянии, — сказала себе Ольга, вполне оценившая смысл произнесенных слов. — Он в отчаянии, иначе никогда не обратился бы к незнакомым людям».

— Прости, Черт, — сказала она вслух, и голос ее звучал так мягко, как не звучал еще никогда. — В другое время я пошла бы с тобой сама, но сейчас...

— Я не останусь в долгу.

— Не в этом дело, — снова покачала она головой. — Просто сегодня я не могу.

— Извини.

— Стой! — решение пришло по наитию и как раз тогда, когда Черт уже исчез.

— Ты меня слышишь? — окликнула она пустоту.

— Да, — на этот раз Черт материализовался метрах в трех от того места, где стоял еще несколько мгновений назад.

— С тобой пойдет она, — Ольга ткнула пальцем в Катарину, стоявшую по ту сторону машины. — Катарина!

— Здесь! — сразу же откликнулась женщина.

— Пойдешь с ним, — приказала Ольга, не оборачиваясь. — Связь, как условились.

— Есть, — Катарина была солдатом, и смысл приказов был для нее тем, чем и должен был быть.

— Катарина хороший боец, — сказала Ольга. — Это все, что я могу для тебя сделать. Сегодня.

— Я не забуду, — равнодушно ответил Черт и посмотрел на подошедшую к нему женщину. — Пойдем, подруга, — проскрипел он. — Время.

— Готова ли ты... — Монгол сделал паузу, предлагая Викки назвать имя, которое она сочтет уместным, и выжидательно посмотрел на невесту, приодевшуюся по случаю свадьбы у Кастора — без сомнения лучшего и старейшего портного в Городе. Разумеется, это была чистая условность, и Монгол понимал это не хуже других. Хоть номером назовись, хоть буквой греческого алфавита, все одно. В чистилище людей нет, есть только личины. Так что, если бог есть, он и так знает, кто на ком сегодня женится, а если нет...

«Тогда, зачем же ты нас такими создал?» — спросил Кайданов и обомлел, осознав, к кому, собственно, обращен его немой упрек, и что он у него спросил. На мгновение, Герману даже стыдно стало, но стыд — такое дело — смешивался сейчас в его душе с почти детской растерянностью, которой он от себя никак не ожидал.

— Рэйчел, — голос Рэйчел вернул Кайданова к действительности, и оказалось, что все его терзания и недоумения уложились в пару-другую выморочных секунд городского времени.

— Готова ли ты, Рэйчел, взять в мужья этого человека, именующего себя в Городе прозвищем Чел? Таково ли желание твоего сердца, женщина?

Монгол говорил тихим — «нейтральным» — голосом, без ажитации и вообще не выражая никаких эмоций. Смысл имели только слова, и, судя по выражению лиц присутствующих — а присутствовало всего несколько человек из тех, кому они с Рэйчел могли безусловно доверять — простые эти слова действительно что-то значили, иначе бы свидетели так на Монгола не смотрели.

— Да, — твердо ответила Рэйчел и, повернув голову, серьезно посмотрела на Кайданова. — Да. Я выбрала его из всех, и пусть бог будет свидетелем, я хочу быть его женой.

И у Кайданова сжало сердце, хотя до этого мгновения он был уверен, что в Чистилище такого произойти не может. Но, оказывается, он ошибался. Может. Произошло.

«Это и есть любовь?» — он просто не знал, как она должна выглядеть эта измусоленная в тысячах песен любовь. И спросить не у кого. Ведь если что он и знал о любви, так это то, что любовь это очень личное чувство, и рассказывать кому-то еще о том, как болит сердце и почему, Кайданов не привык.

Мгновение назад Рэйчел повернула голову и посмотрела ему в глаза. Их взгляды встретились, и он понял, что читает в ее душе точно так же, как и в своей собственной. Сейчас Рэйчел была открыта, и, может быть, поэтому у него сжало сердце и перехватило дыхание. Это был дар такой огромной ценности, что по сравнению с ним меркло все, что один человек мог предложить другому.

«Ну не целку же, в самом деле, предлагать!»

Такая незащищенность дорогого стоила, особенно если ее дарила «тень».

«Любовь?»

Она его любит? А он?

Когда-то давно, на самом деле в другой, бесследно, как он полагал, исчезнувшей жизни, Кайданов любил Лису. Он ее очень любил. Так однажды и сказал. Сказал, «люблю». И случилось это, по глупому стечению их ненормальных обстоятельств, как раз недели за две до побега, и никакого продолжения эта история, естественно, не имела. Это теперь — не здесь и сейчас, а довольно уже давно, но все-таки уже в этой жизни — после такого объяснения они тут же отправились бы в постель. А тогда и там... Кайданов попытался представить себе Лису, ту прежнюю Алису, которой он объяснился в любви, в постели и не

смог. Не получалось, а ведь, казалось бы, не ахоретом прожил все эти годы. А тогда он Лису и в купальнике-то видел всего один только раз, не то, что голой.

«И, слава богу», — неожиданно для самого себя решил Кайданов. Не нужно им это было, вот в чем дело. И не любовь это была, что бы он тогда себе ни вообразил, а влюбленность. Просто Лиса была рядом. А если тебе двадцать восемь и рядом с тобой молодая девушка приятной наружности, то, вероятно, вы вместе. А вместе, в их тогдашнем понимании, могло означать или дружбу, или любовь. Вот он и повелся на привычную модель социального поведения. Какая же это любовь, если тогда, на улице, когда в их жизнь вошел Некто Никто, он об Алисе даже не подумал? Нет, не так. Подумал, разумеется, но все-таки совсем не так, как, например, думал сейчас о Рэйчел. Значит, не любил. Любил бы, все могло повернуться иначе. Однако не случилось.

Случилось другое, но вот какое дело. То, что он Лису по-настоящему не любил, Кайданов понял уже через несколько месяцев разлуки, и произошло это именно тогда, когда он осознал наконец, какое она на самом деле чудо, и каким же он был мудаком, что этого не заметил раньше. Но было поздно. Дороги их разошлись, да и «постижение» Кайданова было не сердечным, то есть относящимся к области чувств, а насквозь рассудочным. И он эту разницу почувствовал, хотя до конца, по-видимому, тогда не понял. Но вот теперь все разом к нему и пришло, и любовь — «Значит, все-таки любовь?» — и понимание. Получалось, что, если бы не Рэйчел, так бы дураком и жил. Но однажды в его жизни появилась Викки, и...

«Нет, — решил Кайданов. — Не так просто».

Ничего с ее появлением не изменилось. Викки была всего лишь очередной его женщиной. Не больше, но и не меньше. Подруга, и не более того. И правда, которая так неожиданно открылась перед Кайдановым на его собственной свадьбе, была, что называется, не из приятных. Ни одна из тех женщин, с которыми свела его жизнь за эти четверть века, в сердце Кайданова не задержалась и не оставила там никакого следа. Не то, чтобы он их просто забыл. Вовсе нет. Он всех их помнил, такая уж у него была замечательная память. Просто воспоминания эти были какими-то никакими. Нейтральными, что ли? Когда в памяти, как в архиве, сохраняются только факты, но не чувства. И даже Ольгу, с которой они были вместе почти целый год и смерть которой, он искренне оплакивал, Кайданов, оказывается, не любил тоже. Тогда что же произошло теперь? Ведь у него не было ровным счетом никакой причины любить Рэйчел, да и у нее — если быть справедливым — причины любить его не было тоже.

— А ты, Чел? — спросил Монгол, но Кайданов молчал. Он все еще находился под впечатлением чуда, случившегося между ним и Рэйчел, и тех простых истин, которые ему так неожиданно и с таким огромным опозданием открылись в тот миг, когда встретились их глаза. И если и этого мало, то было ведь и еще одно открытие. Встретив ее взгляд, услышав ее слова, вдохнув жаркий воздух Чистилища, несущий ее запах, Кайданов вдруг осознал, что значимыми могут быть не только слова, но и интонации. Что послание, содержащееся в движении ее ресниц, блеске глаз или рисунке губ много важнее для него, чем смыслы слов, произнесенных в ответ на вопрос Монгола.

— Чел, — мягко позвала его Рэйчел. — Чел с тобой все в порядке?

Сейчас в ее глазах появилась тревога. Тревога за него, а не обычный бабий страх, что жених сбежит из-под венца.

«Откуда же ты знаешь, что я не сбегу?»

Но она знала, разумеется. Вот в чем дело. А тревога... Рэйчел, единственная из

присутствующих на свадьбе, знала, какой он на самом деле. На той стороне.

«Та сторона...», — он смотрел на нее, как зачарованный, и не мог отвести взгляд.

— Извини, — сказал он вслух и успокаивающе улыбнулся. Однако открытие, сделанное мгновение назад, было такого рода, что переварить его так сразу, оказалось совсем непросто. И скрыть свое состояние от чужих глаз тоже было трудно, потому что, хоть там, хоть здесь, человек остается человеком, а быть вечным — днем и ночью — игроком в покер не каждому дано. А случилось с Кайдановым нечто совершенно невероятное. Что называется, открылись глаза, и он осознал, что, глядя на Рэйчел, видит не смешливую рыжую девчонку, на которую раньше в Городе даже внимания не обращал, а настоящую Рэйчел, которая спала сейчас в его объятиях на той стороне. И это не было иллюзией, порожденной любовью и памятью, а являлось истинной правдой. Личина исчезала, словно и не было, и видел он сейчас настоящую женщину, а не ее маску.

— Да, — он повернулся к Монголу. — Да, я готов, — Кайданов почувствовал, что, хотя с формальной стороны, он все сделал правильно, но на самом деле смотреть он сейчас должен не на Монгола, а на Рэйчел. — Хочу! — поправился он и все-таки повернул голову к невесте и не просто увидел, а всем телом ощутил, как вспыхнула она под его взглядом. — Желаю! — он поднял глаза к «слепому», без солнца или луны небу. — Взять в жены женщину, именующую себя здесь и сейчас Рэйчел, — привычки подпольщика это не вторая натура, как принято говорить, а первая, и, если Рэйчел взбрело в голову, назваться настоящим именем, то его, Кайданова, долгом, как мужа и командира, было обезопасить свою жену и своего бойца, запудрив всем присутствующим, кто бы они ни были, мозги.

... взять в жены женщину, именующую себя здесь и сейчас Рэйчел, — сказал он, снова опуская взгляд и глядя теперь прямо ей в глаза. — И жить с ней в мире и любви, — «Боже мой, да где же мне взять для тебя, милая, этот мир, если кругом война?!» — До тех пор, пока смерть не разлучит нас! — и, не дожидаясь формального приглашения, которое должен был, по идее, сделать Монгол, Кайданов шагнул вплотную к Рэйчел, обнял ее, чувствуя, что обнимает не личину, а живую женщину, и поцеловал так, как никогда в жизни еще не целовал. Но и то сказать, ее ответный порыв был так же нов и полон чувств, как и его собственный.

«Господи! — это была последняя здравая мысль, мелькнувшая в голове, прежде чем кровь, смешанная с любовью, нежностью и совершенно незнакомым Кайданову пряным вином счастья, ударила в виски и напрочь стерла из сознания все посторонние мысли. — Господи, возьми меня, но сохрани ее! Это все, о чем я тебя прошу!»

6

Она очнулась в холодной пустоте, и испуг ее стал естественной реакцией на неопределенность положения и отсутствие света, звуков и вообще каких-либо внешних раздражителей. Однако именно полное отсутствие ощущений — она не чувствовала даже собственного тела — осознанное в следующее после пробуждения мгновение, Лису, собственно, и спасло. У нее ведь имелся кое-какой — за двадцать-то пять лет! — специфический опыт волшебницы, и ощущение «без ощущений» было ей давно и хорошо знакомо. Это ее несколько успокоило, не позволив удариться в панику. Впрочем, спустя еще несколько мгновений Лиса обнаружила, что не все так просто, как хотелось бы. Во-первых, кое-что она все-таки чувствовала, и это было неправильно, потому что холодно под Звездным небом не было никогда. А во-вторых, здесь не было звезд. «Черные небеса» имелись, а звезд не было. И все-таки откуда-то Лиса твердо знала, где она находится, хотя,

вроде бы, отсутствие звезд и холод такой уверенности противоречили. Удивление позволило окончательно освободиться от бремени страха и вспомнить себя, что оказалось совсем не просто, но в конце концов удалось сделать и это. Оставалось лишь разобраться в том, что здесь не так и почему.

Своего тела она совершенно не ощущала, и это было нормально. Так обычно и бывает, хотя с полдороги никто не возвращается. Обычно нет, но почему бы не попробовать? Лиса еще не вспомнила, что там и как, но уже знала, что со «Звездным небом» что-то случилось. Вполне основательный повод, чтобы вернуться, не так ли?

Она настроилась на «возвращение» и чуть напряглась, останавливая «движение вверх», которое, в принципе, уже прекратилось и само, и «упала вниз», как было принято говорить в Городе. Упала и тут же получила разом все «тридцать три удовольствия». Едва Лиса оказалась в собственном теле, как кожа вспыхнула огнем, так будто вся ее поверхность представляла собой один большой ожог. И одновременно нестерпимо зачесались все проклятые внутренности, весь тот ливер, о существовании которого человек обычно даже не помнит. Особенно мучительным был зуд в легких и пищеварительном тракте, который Лиса — по этому гребаному зуду — могла проследить сейчас на всю его долбаную длину. Но хуже всего было то, что возникшая из небытия голова сразу же стала тяжелой и наполнилась сводящим с ума визгом, буквально лишившим ее способности думать.

«Что за...»

— Ничего не понимаю, — сказал где-то рядом чужой, явно встревоженный голос. — Ты видишь?!

— Что там у вас? — а это был уже совсем другой голос, но оба они ударили по ушам с такой силой, что Лиса закричала. Боль была невыносима. Она сразу затмила все остальное, с чем, пусть и с невероятным напряжением сил, Лисе удавалось кое-как справляться. Но собственный захлебывающийся крик ее смертельно оскорбил. И это оказалось очень удачно, потому что унижительнее собственного визга она ничего себе представить не могла.

«Умереть молча» — так она когда-то решила, но, видимо, не судьба.

Смутная эта мысль заставила ее, тем не менее, бороться. Лиса, едва ли соображавшая, что с ней происходит и почему, попыталась собраться и «отключить» ощущения, и почти мгновенно, как мяч, отскочивший от стены, ухнула обратно в знакомую уже холодную тьму «той стороны».

«Что за черт!»

И тут она все вспомнила. Это было, как обвал в горах или удар огромной океанской волны, но упоминание о черте обрушило мешавший ей барьер, и Лиса вспомнила...

... Из пивной она ушла в начале одиннадцатого. Было еще не поздно, и здесь, в центре Мюнхена, на улицах оказалось полно народа, даже, несмотря на холодный ветер и облаву, устроенную после очередного — которого уже за этот день? — инцидента. Впрочем, полиция и спецназ вели себя вполне корректно. Война войной, но распугивать туристов себе дороже. Как и прежде, никто на Лису внимания не обращал, слишком она была обычная. Один раз документы все-таки проверили и, извинившись, тут же отпустили. И она не дергалась. А чего волноваться? Люди работают, террористов ищут. Вполне естественно улыбнулась полицейскому офицеру, возвращавшему ей удостоверение личности, помахала ручкой десантникам в камуфляже, и пошла, «пританцовывая», своей дорогой.

Через полчаса, недалеко от центра, но все же несколько в стороне от наиболее шумных улиц, она нашла себе подходящую гостиницу, небольшую и не отмеченную ни одной

звездочкой, но чистенькую и даже уютную, во вполне провинциальном смысле этого слова. В том, что первое впечатление не обмануло, Лиса убедилась, оплачивая номер и поднимаясь к себе, на третий этаж. Все встреченные ею постояльцы оказались людьми немолодыми и обстоятельными. Настоящие бургеры, среди которых она окончательно успокоилась. Успокоилась и, как ни странно, почувствовала себя «дома», хотя, казалось бы, какой из гостиницы дом, и при чем здесь чужая для нее, как Марс, Германия? Но так случилось. И причина, вероятно, лежала не в области конкретики, а только и исключительно в состоянии души. Здесь, на этом островке традиционного порядка, где все, и постояльцы, и работники отеля проецировали во вне, то есть и на Лису тоже, свое спокойное и уверенное отношение к миру и к себе в нем, и она — лишенная покоя душа — вопреки всему, вдруг ощутила себя не «отрезанным ломтем», а частью этого странного и, в общем-то, чужого для нее мира.

Придя в номер и наскоро приняв душ, Лиса уже через полчаса залезла в постель и с наслаждением смертельно уставшего человека вытянула ноги под теплым одеялом. В этот момент ей было так хорошо и уютно, что даже мысль закурить, исчезла, мимолетно и почти нечувствительно тронув сознание. Ничего кроме, как просто лежать, наслаждаясь этим чудесным состоянием, Лиса сейчас не хотела. Ей было хорошо, и может быть, поэтому, едва только она погрузилась в сладкую дрему, не успевшую еще, впрочем, превратиться в настоящий крепкий — «с устатку» — сон, Лиса легко и без внутреннего сопротивления ушла в Город. Возможно, это была ошибка. Делать так, не принято. И уж точно, что это была слабость, род наркотической зависимости, от которой не был свободен ни один маг. Но, с другой стороны, обстоятельства вроде бы благоприятствовали — она ведь была в номере одна — и желание «послушать улицу» и узнать новости взяло верх над вбитой, кажется, в спинной мозг осторожностью и здравым смыслом.

7

«Значит, это и есть плен...»

С этой стороны она увидела плен впервые. Как говорится, в первый и последний раз, потому что отсюда не возвращаются и в Город, чтобы рассказать, что там и как, не приходят. Во всяком случае, Лисе о таких случаях ничего конкретного не знала. Ходили, правда, какие-то глухие слухи, но, скорее всего, и они являлись не отголоском правды, а обычным для любой человеческой общности фольклором. Мрачными ночными страшилками, вот чем они были. И все, что подполье определенно знало о том, что происходит после захвата, знало оно не от сгинувших навсегда, а от тех, кто их брал. Раньше захваченных магов накачивали наркотиками, ну а теперь, судя по тому, что было известно Лисе, у «охранки» появились и другие, сильно продвинутые — после зверских экспериментов семидесятых-восьмидесятых годов — технические средства. Конечно, от мага, находящегося в беспомощном состоянии, ничего путного не добьешься, кроме, разве что, обычных для любого подполья паролей и явок. Но зато и сюрпризов ожидать не приходится. Впрочем, и волшебники не все на одно лицо. Одни могут много, другие — мало, но, не зная наверняка с кем имеют дело, сукины дети обычно не рисковали. Живой маг опасен, из этого и исходили. А потому при провале колдунов большей частью просто убивали, но не всегда. Информация хлеб любой контрразведывательной службы. Это аксиома. К тому же господам и товарищам и «науку двигать» нужно было. Так что и лабораторные кролики время от времени требовались. Все это Лиса знала, а теперь вот и сама влипла. И, судя по всему, влипла по-крупному.

Однако делать было нечего, вечно ведь внутри «кокона» сидеть не будешь, и,

«отдышавшись», Лиса «вернулась в себя». На этот раз она знала, чего следует ожидать, однако лучше от этого не стало. Моментально вернулось ощущение пламени, лижущего кожу, страшная резь в глазах и убивающий гул в ушах, и, разумеется, треклятый зуд во всем теле, от которого можно сойти с ума.

— Что происходит? — нервно спросил отдаленно знакомый мужской голос.

— Не знаю, — ответил другой и тоже, вроде бы, слышанный раньше голос. — Мы с таким еще не сталкивались. Она не приходит в себя, а должна... Вернее, как будто приходит, но ненадолго, и снова... Черт! Смотрите! Вот опять, а сейчас она, по идее, должна уйти...

«Уйду...»

Лиса опрометью бросилась назад, в холод и тьму... Чего? Ада? Или специального Рая для умирающих в муках волшебников? Или это всего лишь агония, отсроченная смерть? Впрочем, сейчас у нее неожиданно мелькнула очень интересная догадка о природе спасительной «холодной тьмы», однако если это предположение было верным, следствием из него должно было быть...

Боясь поверить самой себе и еще более страшась, что ошибается, Лиса «оглядела» окружающий ее холодный мрак и со всей силой, на которую была сейчас способна, захотела увидеть звезды. И желание ее исполнилось. Не сразу и не вдруг, но дела это не меняло. Мрак «подернулся рябью» — более точного образа или определения у Лисы просто не нашлось — а затем там, где еще мгновение назад ничего не было, стало появляться нечто. В конце концов, звезды возникли из небытия, но были при этом такими, как если бы Лиса видела их сквозь плотную черную кисею. «Голосов» сквозь эту вуаль слышно не было, различия в цветности звезд только угадывались, и не факт, что догадки эти были верны, но все-таки мрак отступил. И это уже было настоящее кое-что. Лиса собралась с силами, даже не задумываясь над тем, что конкретно она делает — ей было достаточно знать, чего она хочет — и совершила еще один рывок. Ощущение было такое, как будто прыгаешь с одного края пропасти на другой и летишь над бездной. Но полет твой отнюдь не стремителен, как следовало бы ожидать, а, напротив, замер во времени или, скажем, оказался вписан в рисунок. Однако при всем при том, Лиса совершенно определенно знала, что «долетит» и, значит, спасется, но, с другой стороны, «ощущала», что «связки на ногах» порваны от запредельной силы толчка, и совершенно непонятно, как она теперь собирается идти на этих «ногах» дальше, после того, как долетит до противоположного края.

И она «долетела». Темная вуаль исчезла, как ни бывало, и звезды, прекрасные звезды их тайного небосклона обрели свой истинный облик.

«Звезды...» — выходило, что случайная, вздорная, в общем-то, мысль на поверку оказалась отнюдь не вздорной и, вполне возможно, не случайной.

«Возможно, просто пришло время».

Могло случиться и так. Лиса всмотрелась в рисунок «звездного неба», пытаясь увидеть его «новыми глазами», но что скрывал рисунок созвездий? Что мог или хотел скрыть?

— Привет! — прошуршал в «ушах» вкрадчивый голос. Судя по всему, говорила с Лисой вот та маленькая прозрачная и искристая, как бриллиант, звездочка.

— Привет, — Лиса естественно знала, что голосам «сирен» верить нельзя, и отвечать им не следует. И никогда раньше этого не делала. Никогда. Раньше.

«Но сегодня у меня особый день...»

— Как дела? — спросила звездочка. — У тебя, похоже, неприятности?

— Да, — не стала скрывать Лиса. — Неприятности. У меня. Хочешь помочь?

— Тебе? — неожиданно звездочка изменила цветность, стремительно превращаясь из бриллианта в аметист, и светимость ее возросла, и видимые размеры тоже...

«Значит, все в нашей власти? Или все-таки только в ее?» — Лиса вдруг поняла, что «голос» принадлежит молодой женщине, совсем молодой, едва ли не юной. Именно женщине и непременно юной.

«Откуда я это взяла?» — но, уже задав себе этот вопрос, Лиса поняла, что, «говоря» слово взяла, подразумевала — знаю.

«Знаю...»

— Тебе? — спросила звезда.

— Мне, — подтвердила после паузы Лиса.

— Не знаю, — «серена» обрела уже свой истинный облик. Размеры ее и мощь вызывали уважение, граничившее со страхом. Впрочем, страха как раз и не было. Он умер, ее страх, где-то там позади, на хирургическом столе в пыточной мюнхенской «больнички». А истинность размеров... Откуда вообще взялась у Лисы уверенность, что видимые параметры звезды соответствуют действительности? И что означает «соответствуют»?

— Не знаю, — повторила звезда. — Или тебе помощь не нужна, или уже поздно. Не понимаю.

— Так что же тогда лезешь? — зло спросила Лиса, ощущая совершенно непривычные под «звездным небом» гнев и раздражение. — Пошла в задницу, сука!

И она рывком вывернула кусок черного траурного полотна наизнанку, проваливаясь под «светлые небеса». Но, даже оказавшись у ворот Города, не сразу смогла справиться с охватившими ее — ни с того, ни с сего — гневом и раздражением.

«Поймаю, убью», — вот какой была мысль, которую, как собака кость, принесла с собой Лиса «в зубах»... в Чистилище.

Скрипнул под ногами песок, повеяло жаром из раскинувшегося за спиной Пекла, но это было уже здесь, а боль, смерть и... да, страх, остались там, за барьером холодной тьмы.

«Интересно, — подумала она вдруг, рассматривая городские ворота. — Кто еще знает про „холодную тьму“?»

Вполне вероятно, что таких в Городе было больше одного, но почему, тогда, никто никогда об этом не говорил?

«Я должна обсудить это с Бахом, — решила она и пошла в Город. — С Бахом... или с кем-нибудь еще».

Лиса попыталась вспомнить всех городских «стариков», с которыми она могла бы откровенно поговорить о том, что с ней сейчас произошло. И о том, что случилось раньше, и, возможно, даже о том, что, скорее всего, с ней уже больше ничего не случится. Кроме смерти, разумеется. Однако об этом, как и обо всем остальном говорить оказалось не с кем. Бах и, возможно, Монгол... И все. У доньи Рапозы было много знакомых, но вот друзей у нее здесь почти не было.

«В подполье можно встретить только крыс, не так ли?»

Думать об этом в свой последний раз было мучительно, но это была правда жизни, какой Лиса знала ее не первый год. Впрочем, и думать — вообще думать — было сейчас мучительно трудно. Сердце билось, как сумасшедшее, в глазах все двоилось и плыло, и в пересохшем горле «скрипел горячий песок». Это было непривычное состояние, необычное для «светлого неба», но и эту досадную новизну Лиса встретила без особых эмоций. Чувства притупились и как-то ослабели.

«Ни то, ни се».

Все еще находясь в странном оцепенении, как будто оказалась внутри стеклянного аквариума, Лиса вошла в городские ворота и пошла дальше по давно уже ставшему привычным маршруту. Главная улица — Лиса так никогда и не узнала, когда и почему она стала называться Главной — Торжище, где ей встретилось несколько незнакомых или мало знакомых людей, лестница в Верхний город... Почему она свернула на лестницу? По логике вещей, ей следовало бы свернуть налево, в «Фергану», где можно было встретить Монгола или Твина, или пойти на Каскад, где вокруг Итальянской площади располагались те кабачки, в которых мог сейчас оказаться Бах или кто-нибудь из знакомых ей людей из «Эстафеты», «Тропы», или «Схрона». Однако она пошла на Лестницу, где кроме воспоминаний ее никто не ждал. Впрочем, в этом, как оказалось, Лиса ошибалась.

На середине подъема, слева... Она даже вздрогнула от неожиданности, увидев, вернее, осознав то, что видели сейчас ее глаза. Двери в кофейню Гурга были снова открыты. Ошеломленная Лиса встала, как вкопанная, и не могла отвести взгляда от уютной полутьмы, заливавшей небольшой зал со сводчатым потолком и узкими окнами, прорезанными в толстых каменных стенах.

«Гург?»

До нее донесся запах свежесваренного кофе, и не в силах противостоять мгновенно возникшему желанию поверить в невозможное, Лиса шагнула к гостеприимно распахнутым двустворчатым дверям.

Шаг, еще шаг — «Да что же это такое?!» — и она вошла в прохладу кофейни, в наполняющие ее запахи, и сразу же увидела ожидающего ее у стойки человека. Он был невысок и худощав, и совершенно не походил на Гурга, но одет был точно так же, как тот, и смотрел на Лису с тем же самым выражением, какое появлялось на лице старого хозяина кофейни, когда кто-нибудь заходил к нему на чашку крепкого кофе по-турецки.

«Это что-то должно означать?»

— Здравствуйте, уважаемая, — улыбнулся мужчина и ободряюще кивнул. — Хотите кофе?

— Здравствуйте, — откликнулась Лиса. — Да, спасибо. Когда-то...

— Бывали у Гурга? — как ни в чем, ни бывало, спросил новый хозяин кофейни и повернулся к ней спиной. Ничего оскорбительного в этом движении, впрочем, не было, он просто сразу же — без суеты и спешки — взялся за выполнение заказа. Там, за стойкой, как хорошо помнила Лиса, стояли две жаровни с золотистым кварцевым песком, на котором когда-то, давным-давно, Гург творил свои маленькие чудеса.

— Да, — ответила она в спину ресторатора. — Бывала. А вы, простите, кто будете?

— А я его племянник, — не оборачиваясь, ответил мужчина. Вопросу он, судя по всему, не удивился.

«Он его ждал», — поняла Лиса и села за ближайший столик.

— Я Георг, — между тем, представился «племянник Гурга», и выжидательно посмотрел на Лису через плечо, как бы приглашая представиться и ее. Но Лиса молчала, она была занята другим. Она переваривала услышанное. Но и Георг не настаивал, решив, по видимому, оставить свой вопрос там, где тот, собственно, и находился — в области невыраженных сущностей. Намек не вопрос, не так ли?

— Только кофе? — спросил Георг, снова отворачиваясь от Лисы, и это уже был самый настоящий вопрос.

— Кофе, — ответила она, пытаясь тем временем собрать разбегающиеся мысли. Или, учитывая ее состояние, правильнее было сказать, «расползающиеся»? Так плохо в Городе Лиса себя еще никогда не чувствовала. Даже тогда, когда вернулась из Пекла, голова работала не в пример лучше.

«Пекло, — слово это заставило Лису насторожиться. — Пекло... Замок? Август!»

Это было невероятно, но с другой стороны и на совпадение не походило. Некто Никто послал ее к старику Иакову... в кофейню Гурга. И вот спустя много лет, она пришла к Августу, и что-то произошло, потому что кофейня снова открыта, и в ней варит кофе «племянник» Гурга, что, учитывая их обстоятельства, вряд ли могло являться правдой.

«Я побывала в замке и...»

— Кофе, — повторила Лиса вслух. — И... у вас есть что-нибудь крепкое?

— Коньяк вас устроит?

— Да, — кивнула Лиса, хотя видеть это ее движение по-прежнему стоявший к ней спиной Георг, естественно, не мог.

— Да, коньяк меня устроит, — она сотворила сигарету и хотела уже затянуться, но так и застыла, оторопело глядя на свои пальцы с зажатой в них дымящейся сигаретой. То есть, сначала она увидела именно сигарету, и это была совсем не та «шипка», которую Лиса привычно ожидала увидеть. Или это неправильное, непривычное ощущение в пальцах заставило ее бросить туда взгляд, но, как бы то ни было, в пальцах она сжимала сейчас длинную и тонкую сигарету, аспидно-черную, с тремя серебряными кольцами, равномерно распределенными по всей ее длине, и серебряного же цвета длинным фильтром. Таких пижонских сигарет Лиса делать не умела, и никто из ее знакомых такого не создавал, однако дело, как оказалось, табаком не ограничивалось. Свою руку — за столько-то лет — донья Рапоза узнала бы без труда, но эти длинные «нервные» пальцы с длинными же ухоженными ногтями, покрытыми лазоревым с золотой пылью лаком, ей не принадлежали. То есть, вероятно, именно ей они теперь и принадлежали, раз безошибочно выполняли ее волю, но увидела их Лиса впервые, как и этот тяжелый золотой перстень на указательном пальце, тяжесть которого она почувствовала только сейчас.

«Я что... обернулась?»

И тут же, без какого-либо перехода, у нее появилась совсем другая, гораздо менее оптимистическая по своей сути мысль:

«Я брежу? Это агония?»

И вот именно в этот момент, возможно, потому, что в голове Лисы, напоминая о страшной и грязной правде жизни, мелькнуло такое конечное слово «агония», она увидела. Нет, она не потеряла сознания. Напротив, по всем ощущениям она по-прежнему находилась там, где и должна была, если верить памяти, находиться. Сидела на трехногом деревянном табурете за массивным деревянным столом в кофейне Гурга, вдыхая замечательные ароматы созревающего на жаровне кофе по-турецки, и смотрела на зажатую в незнакомых, но, как ни странно, принадлежащих именно ей, изящных пальцах длинную изысканную до полного декадентства сигарету, над кончиком которой поднимался, завиваясь, сизый дымок. И чуть сладковатый запах этого дымка, не перебивавший, но дополнявший кофейный аромат — «грас?» — она чувствовала тоже. И вообще иллюзорный мир Города, данный ей во множестве и множестве разнообразнейших ощущений, никуда не исчез, оставаясь с ней, вокруг нее, в ней самой. Но одновременно и с не меньшей ясностью и со множеством аутентичных деталей Лиса увидела и совершенно другую картину.

Перед ней предстало просторное, сверкающее хромом и сияющее снежной хирургической белизной кафеля помещение, своим видом сразу наводившее на мысли о науке и медицине. Белизна, покой, и обнаженное женское тело, распростертое на хирургическом столе. Доминика Граф лежала без движения, глаза ее были закрыты, слабое дыхание едва угадывалось. Во всяком случае, Лисе показалось, что она все-таки дышит. Наручники, ножные браслеты, стальной ошейник и широкий металлический пояс на талии должны были удерживать ее в зафиксированном положении, даже если бы женщина попыталась сопротивляться, но, судя по всему, это была всего лишь избыточная предосторожность. Доминика была без сознания и вряд ли могла вернуться оттуда, куда загнали ее «люди в белых халатах». Впрочем, последних, как и других людей, в помещении не наблюдалось.

Все тело фрекен Граф — мертвенно белое в убивающем жизнь ярком свете бестеневых ламп — было облеплено датчиками, провода от которых, собираясь в толстые разноцветные жгуты, уходили в недра обступивших стол электронных приборов самого фантастического вида. Вены на руках и ногах были воткнуты иглы, тонкие трубки от которых, в свою очередь, тянулись к многочисленным — «Целых пять!» — системам инфузий и каким-то другим медицинским аппаратам. Лисе показалось, что она узнала машину для диализа и что-то вроде экспресс-лаборатории, но уверенности в правильности опознания у нее, естественно, не было. Но вот один прибор, вернее данные, выводившиеся на маленькое зеленое табло в скошенной его верхней части, Лиса узнала. Судя по этим данным, давление у нее было сейчас очень низкое, температура тела — чуть ниже тридцати пяти градусов, а пульс — редким и неустойчивым, но, тем не менее, она все еще была жива.

Видение оказалось кратким, но ярким, словно Лиса наяву побывала там, в мюнхенской пыточной. Однако на самом-то деле там она сейчас и находилась, не так ли? Впрочем, краткость сестра не только таланта. Впечатление увиденная Лисой сцена произвела на нее самое сильное, тем более что перед тем, как исчезнуть, пополнилось еще одной неслучайной подробностью. За толстой стеной, которая, на самом деле, представляла собой хорошо замаскированную броневую плиту, в другом — смежном «хирургическому залу» — помещении, перед мониторами сидели трое, двое военных и штатский. Все они были очень заняты, увлеченно рассматривая изображения, выводившиеся на экраны их мониторов и обрабатывая поступающую от установленных за стеной приборов информацию. По-видимому, «работали» эти люди уже довольно долго и находились в необычайном напряжении. Во всяком случае, стол перед ними был заставлен пустыми чашками из-под кофе, а пепельницы — полны окурков.

— Так мы ничего не добьемся, — сказал один из офицеров. — Она по-прежнему не приходит в сознание.

— Почему? — спросил штатский. — Это что, какая-то новая разновидность?

— Все может быть, — пожал плечами военный. — Она как будто пытается уйти. Вот смотрите, сердечный ритм опять падает.

— Как она может пытаться? — штатский достал очередную сигарету и закурил. — Она же без сознания!

— Похоже на то, — сказал второй военный. — Когда она в сознании, орет, как ненормальная.

— Похоже, эта сука нас все-таки обманула, — сказал первый офицер. — Она умирает.

— Жаль, — раздраженно бросил штатский. — Редкий экземпляр.

Видение пропало, и Лиса почувствовала испарину на висках и привкус металла во рту.

— С вами все в порядке? — явно встревоженный Георг с чашкой кофе в одной руке и пузатым бокалом — в другой стоял прямо перед ней. Когда он подошел, Лиса не помнила.

— Благодарю вас, — сказала Лиса, но, хотя и попыталась улыбнуться, сделать этого не смогла. — Спасибо, все в порядке.

Она приняла у ресторатора бокал и сделала длинный глоток. Лиса уже не помнила, какой коньяк был когда-то у Гурга, но и этот оказался неплох. А если честно, то в том состоянии, в котором она сейчас находилась, сошел бы любой. И водкой бы не отравилась, и даже самогон прошел бы на ура. Ей было плохо, ей было так плохо, как, кажется, еще никогда в жизни.

«И сколько этой жизни у меня осталось?»

Она сделала еще глоток, разом опорожнив бокал, затянулась и встала. Ей предстояло сделать еще одно, вполне возможно, теперь уже необязательное дело. Но Лисе неожиданно стало любопытно — вот ведь как! — а какая она эта...

«Ну!» — но имя почему-то не приходило.

Раздумывая над тем, почему так, Лиса шагнула к старому зеркалу в тяжелой бронзовой раме, очень уютно покрытой зеленой патины. Зеркало — справа от входа — висело в кофейне Гурга всегда, и Лиса хорошо понимала, почему. Вернее, зачем. А затем, чтобы вот так же, как это сделала сейчас она, подойти к нему и узнать, кто ты теперь, и как, черт возьми, тебя зовут. В кофейне было сумрачно, но Лисе света вполне хватило. По ту сторону темного стекла ее взгляд встретили синие — Лиса была уверена, что именно синие, а не черные — глаза совершенно незнакомой ей женщины. Женщина Лисе скорее понравилась, чем наоборот, хотя принять, что это она сама и есть, оказалось совсем непросто. Однако, если быть вполне искренней, то смотрела она на себя без отвращения. Ей понравилось практически все: и линия губ, и высокие, почти такие же, как были у нее когда-то, «в той жизни», скулы, и чуть раскосые, но при этом большие глаза. И даже то, что волосы у нее теперь были черные, слегка выющиеся, свободной волной спадавшие на округлые белые плечи... И... да. Грудь в глубоком вырезе декольте смотрелась так, что становились понятны взгляды случайно встреченных по пути через Город мужчин.

«Впечатляющие сиськи... Вылитая дама Пик».

Разумеется, она имела в виду совсем другую даму Пик. Из Кэрола, или еще откуда-нибудь. Уж очень странно выглядела в ее глазах эта статная высокая женщина в легком шелковом платье, наверняка, сшитом в Вене начала века. И эти бриллианты...

«Помилуй, господи! Дама Пик?!»

Воспоминание пришло так обыденно просто, так неощутимо легко, что Лиса даже не удивилась. Просто разом все встало на свои места, и она тоже ощутила себя на своем месте, вписанном во время и пространство личной истории.

... Она поболтала с несколькими знакомыми, выпила хорошего вина с Луисом и Роки, перекинулась парой слов с Капралом, которому, если что, предстояло принять на себя функции смотрящего на «Тропе», и совсем уже собралась домой, в свою мюнхенскую гостиницу, когда из-за угла ближайшего дома вывалился запыхавшийся и пунцовый, вероятно, не от одного только запыленного бега, Матрос. Матроса Лиса знала уже лет шесть и не уставала удивляться, как причудливо, порой, преображает магов Чистилище. В Городе, Алекс появлялся в личине здорового — семь на восемь — бугая, с ног до головы расписанного весьма затейливыми и порой даже не лишенными художественного

достоинства татуировками. Попадались среди них и откровенно похабные — вполне порнографические — рисунки, что в купе с длинными, почти до плеч, золотистыми волосами и небесной голубизны глазами как будто указывало на воплощение не очень глубоко запрятанных комплексов ее оператора. Однако, если бы это было прямым, как лом, отражением его внутреннего мира, проекцией затаенных желаний вшивого «интеллигента», то откуда, тогда, взялось это плоское невыразительное лицо сельского «Ваньки»? Почему здесь, в Городе, Алекс оборачивался косноязычным и даже несколько туповатым Матросом? Вопрос. При том один из тех, что не находили ответа, сколько ни ломали над ними головы лучшие умы подполья. Личина и суть если и совпадали, то совсем не так однозначно, как хотелось бы. Впрочем, об этом Лиса тогда даже мельком не подумала. Появление Матроса — здесь и сейчас — случайным быть не могло, а вид его и подавно ничего, кроме тревоги, вызвать не мог.

Матрос пробежал несколько шагов, что называется, на автомате, потом увидел наконец Лису, узнал, и, вскинув вверх руки, как пришедший к финишу первым бегун, заполошно ими замахал. Но смешным все это Лисе не показалось. В глазах Матроса она увидела страх и безумие.

— Спокойно! — Властно сказала она, поднимая руку в успокаивающем жесте. Что-что, а темперамент Алекса, что здесь, что там, она знала более чем хорошо.

— Пику, — выдохнул Алекс, останавливаясь перед ней, и зашелся в судорожном кашле.

— Пику, — повторил он через какое-то время, ушедшее на борьбу с удушьем.

— Что?! — Лиса знала, что голос Рапозы звучал сейчас жестокой начальственной сталью, но выдернуть Алекса из трясины паники по-другому она просто не умела. — Говори, сукин сын!

— Пику взяли, — большие мускулистые руки с огромными, синими от татуировок кулаками бессильно упали вдоль тела. — Пику...

Нижняя губа Матроса задрожала, а из голубых детских глаз полились слезы.

— Как взяли? — обомлела Лиса. — Где? Когда?

— В Мюнхене, — прохрипел Матрос, срываясь в рыдания. — В це... нтре... не... знаю...к... как... нааазыыывааатся...

— Возьми себя в руки! — приказала Лиса, чувствуя, как проваливается в желудок сердце.

«Пика...» — Пика была ее подругой, правой рукой, и да... Пика знала многое из того, за что «охранка» не пожалеет никаких денег.

— Когда? — прорычала она в заплаканное лицо Матроса, вспоминая давешнюю «ртуть». — Как?

— В дес... — проблеял Матрос.

— В десять?

— Или в дев...

— Ну!

— Не помню! — паника, как и всегда это случалось, когда за дело бралась Лиса, начала спадать, но вовсе вменяемым Алекс от этого пока не стал.

— Хорошо, — приняла Лиса неизбежное. — В девять или десять. Где-то в центре, — сейчас она и сама могла уже с достаточной точностью вычислить место и время. — Как?

— В кафе, — выдал Матрос и стал растирать огромными лапищами зареванное широкое лицо.

«Вот ведь Герасим, твою мать!»

— А конкретнее?! Да, телись ты, сукин сын! Не тяни жилы!

— Я задремал...

«Ох!» — теперь ей все стало ясно.

Он задремал.

«Мразь!»

Алекс задремал и...

— Ты ушел в эфир? — этот вопрос был лишним. От того, что она знала теперь, как это произошло, легче не стало.

«Пика!»

— Да, — виновато опустил голову Алекс. — Соскользнул...

— И зажег «маяк», — щадить Алекса Лиса полагала излишним. Следствием его дурости будут кровь и боль. Много крови и много боли.

— Да.

— Дальше, — потребовала она.

«В девять тридцать примерно, а сейчас за полночь».

Времени совершенно не оставалось.

«И ведь ее еще найти надо...» — решение было принято и обсуждению не подлежало.

— Пика вытолкала меня на улицу, — убитым голосом сказал Алекс. — Швырнула в толпу... Там был нюхач...

«Да сколько же у них нюхачей? — оторопело подумала Лиса. — Они что, со всей Европы их собрали?»

— Пика ударила «ртутью».

«От безвыходности... Только от безвыходности. Господи!»

— Дальше!

— У них... там... какой-то прибор... Меня, как кипятком обварило...

«Значит, американцы действительно продвинулись», — отметила Лиса.

— Но ты ушел? — спросила она вслух.

— Да, — кивнул Матрос и шмыгнул носом. — Пика закричала, потом упала... Я в стороне был... Меня не парализовало... только левую руку немного...

— Где ты сейчас?

— В канализации... Я люк нашел, ну и...

«Сукин сын!»

— Никто не видел? — уточнила она.

— Нет, — помотал головой Алекс. — Во дворе. И это... Закрылся.

— Далеко ушел?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Наверное.

— Иди дальше! — приказала она. Решение было принято, теперь оставалось только действовать. — Иди дальше! Из-под земли не выходи. Сутки, двое, сколько сможешь. В эфир не суйся! Сиди, как мышка! Ты меня понял?

— Понял. А потом?

— Потом вылезай и добирайся в Цюрих.

«Там будет Черт. Если догадается подождать».

— Деньги у тебя есть?

— Да, — слезы продолжали течь из его глаз, но, кажется, он ее понимал.

— Встречаемся в Цюрихе, — она не была уверена, что доживет до Цюриха, но чем черт не шутит, когда бог спит? Да и Черт, может быть, подождет. — На том же месте, в тот же час. Ты помнишь?

— Помню.

— Хорошо, — кивнула Лиса. — Всю следующую неделю. Каждый день. Понял?

— Да, — теперь его успокаивали уже не ее окрики, а деловой тон и перспектива на счастливый исход.

— Если никто не придет, — сказала Лиса, как можно более равнодушным тоном. — Свяжись с Норбертом и уходи к нему.

— Ты...?

— Всяко бывает, — пожалала она плечами. — Импровизация, сам должен понимать.

— Понимаю.

— Вот и славно, — холодно улыбнулась Лиса. — Развесь «объявления» о провале и возвращайся в канализацию. Иди!

Еще секунду он стоял перед ней, как будто не понимая, что теперь должен делать.

— Матрос, — сердце сжималось от тоски и гнева, но она была искренна сейчас, как, впрочем, и всегда. — Ты должен выжить. Хоть кто-нибудь должен выжить. Иди!

И она рывком вернулась в свое спящее в гостинице тело. Была половина первого ночи. А в три, Лиса была уже около здания центрального управления Бундескриминальамт по Баварии. Мюнхенская штаб-квартира полиции была похожа на неприступную крепость. Бетон, броневая сталь, колючая проволока, зубы дракона и огромное количество датчиков всех типов. Хороша крепость, ничего не скажешь. И ведь за спиной Лисы не стояли полки чудо богатырей генералиссимуса Суворова. Она была одна и шла на дело без подготовки, на чистой импровизации. Но экспромт не получился...

... Как говорил Старик — моложавый подтянутый дядька, который до подполья успел сделать неслабую карьеру в спецназе ГРУ — удаются только те операции, в основе которых лежит тщательное планирование. И то не всегда...

Еще секунду Лиса смотрела на свой новый облик, отразившийся в старом зеркале, потом вернулась к столу и села напротив Георга, терпеливо ожидавшего ее возвращения с новой порцией коньяка.

— Что-то не так? — спросил он.

— Все так, — медленно ответила Лиса и отхлебнула горячего кофе. — Шедевр! — сказала она через мгновение и через силу улыбнулась. Георг был ни в чем не виноват, и ведь кофе действительно хорош.

— Но, говорят, совсем не такой, какой был у Гурга, — ответно улыбнулся ресторатор.

— Возможно, — пожалала плечами Лиса и усмехнулась, представив, как выглядит этот простой жест с ее новыми плечами и грудью. — Если честно, то я уже и не помню, какой у него был кофе. Помню только, что замечательный.

— Вы давно здесь? — спросила она, сделав еще один глоток.

— Первый день, — Георг уже не улыбался, он смотрел на Лису и ждал...

Чего?

«Первый день, — повторила она за ним мысленно. — Первый день... Сигнал?»

Лиса взяла в руку бокал, понюхала и немного отпила.

— Георг, — сказала она, возвратив бокал на стол. — Это очень хорошо, что кофейня Гурга снова открыта. И если, — Лиса посмотрела Георгу в глаза и чуть кивнула, отмечая

важность тех слов, которые намеревалась произнести. — Если вдруг сюда когда-нибудь придет... ну, скажем, племянник старика Иакова, передайте ему, что Дебора («Господи! Откуда это? Почему?») будет помнить ту музыку до конца.

Георг не удивился.

«А чего ты ожидала?»

— Хорошо, — кивнул он. — Если кто-то такой здесь появится, я передам.

8

— Странно, — сказал Кайданов, прислушиваясь к эфиру. — Такое ощущение, что что-то происходит. Ты ничего...?

— Нет, — Рэйчел смотрела на него озабоченно. Она явно ничего «не слышала». — Ты уверен?

— Да, в том-то и дело, — раздраженно бросил он. От напряжения его пробил пот и снова, как накануне, сдавило виски, но «ощущение» лежало за границей осознания или, скорее всего, на самой его границе. С одной стороны, что-то, вроде бы, есть, но в тоже время и «зубами не ухватишь».

«Может быть, где-то далеко?» — это была вполне правдоподобная версия. Все-таки он, как и любой другой, имел свой предел. Далеко, но не бесконечно. Могло статься, что там, за границей его возможностей, кто-то, и в самом деле, взялся серьезно волхвовать, но Кайданов этого неизвестного волшебника практически не доставал. Слишком далеко... Однако что-то мешало принять эту вполне здравую гипотезу.

«Это недалеко, — понял он вдруг. — Это здесь, в Мюнхене, но я его почему-то не слышу».

«Не слышу, не чую... или нет, чуют-то как раз чую, но не могу ухватить».

— Я его чую, — сказал он вслух. — Это где-то рядом, но не захватываю. И ты не чувствуешь, и Зигфрид..., — он повел подбородком в сторону стены, за которой спал, сдавший дежурство хозяин явочной квартиры. — Но и я с ума не сошел, я его действительно чую.

Они «вернулись» из Города всего сорок минут назад. Выслушали отчет Зигфрида о случившемся здесь светопреставлении, когда в первом часу ночи кто-то что-то колдонул, правда очень коротко, хотя и сильно, и совсем недалеко от точки, а потом, уже совсем недавно, максимум час назад, где-то на юго-западе разыгрался настоящий бой, длившийся минут десять-пятнадцать. Точнее он сказать не мог, потому что сначала его неслабо приложило целой чередой очень сильных откатов, а потом «облагодетельствовало» так, что он чуть не помер от счастья. Впрочем, и сами они, пребывая в Городе и оставаясь, следовательно, нечувствительными к тому, что творится вокруг их брошенных на произвол судьбы тел, вернувшись к действительности и выслушав рассказ Зигфрида, вполне оценили масштаб произошедшего по тому, сколько живи приняли их организмы. Судя по всему, кто-то — скорее всего их было несколько — устроил в городе настоящий Армагеддон.

«Прошел Содомом... — вспомнил Кайданов слова покойного Трифонова. — Или у Трифонова было как-то иначе?»

Впрочем, дело ведь не в словах, а в факте.

Однако никаких подробностей инцидента узнать сейчас не представлялось возможным, поэтому они отпустили Зигфрида отдыхать, не сообщив ему, естественно, куда и зачем ходили вместе, попили чаю и легли спать. Просто спать, хотя казалось бы, после свадьбы вполне естественным было не спать вовсе. Но Кайданов был все еще слишком слаб, и

Рэйчел, решительно отмела все его, надо отметить, не слишком убедительные возражения, скомандовав — разумеется, очень нежно, но недвусмысленно — «отбой». Но выспаться не удалось.

Кайданов проснулся с минуту назад или чуть больше и, решив, сначала, что ему просто все еще нездоровится, хотел было уснуть снова, но уже через мгновение понял, что дело совсем не в этом. Тем более, что полчаса сна, как оказалось, отнюдь не прошли для него даром, и, судя по самоощущению, он уже вполне «воскрес», причем настолько «поправился», что, едва не отвлекся от тревожного ощущения, почувствовав, как нежно прижимается к нему «во сне», мгновение назад еще совершенно определенно спавшая, а теперь уже проснувшаяся Рэйчел.

«А может ну ее, эту рыбалку», — подумал он с ленивым весельем, но тревога не проходила, а ощущение чего-то такого, напротив, становилось все более и более отчетливым.

— Я его действительно чую, — сказал он и, взяв с пола пачку сигарет, закурил.

— Кто это? — спросила Рэйчел и, мягко вынув из его пальцев сигарету, затянулась.

— Не знаю, — покачал головой Кайданов, имея в виду и этого неизвестно кого, и ее, укравшую у него сигарету. — Но он колдует, а я его не «вижу». Ты о таком слышала?

— О чем таком? — спросила она, возвращая сигарету.

— О том, что можно колдовать «не светясь».

— Нет, — покачала она головой.

— И я, нет, — Кайданов отдал ей сигарету и стал одеваться. — Но поверь мне, это-то как раз и происходит.

Глава 9

Поднимается солнце (4 октября, 1999)

1

«Зачем я это сделала?» — Вопрос был несправедливый. Скорее всего, жить Лисе, а значит, и Деборе оставалось совсем недолго. Ровно столько, сколько продержится молодой здоровый организм Доминики Граф.

«Жалко девочку». — О ком она печалилась? О давно умершей немецкой девушке или о себе самой, влетевшей под нож, нарушив ею же и сформулированные принципы выживания в подполье?

Лиса допила кофе и поднялась к собору Иакова. Сюда, на площадь, она не приходила уже много лет, и, хотя, здесь, как и везде в Городе, время являлось лишь субъективной мерой существования людей, но не вещей, место это показалось теперь покинутым и обветшавшим. Даже изысканный фасад готического собора, казалось, стал темнее и старше. Вероятно, все дело в том, что двери его закрыты, и Лиса устала ждать и надеяться, что когда-нибудь они откроются вновь. Место Иакова — без него самого и его музыки — было пусто и лишено смысла и души.

Но вот открылись двери кофейни Гурга, и вроде бы появилась тень надежды, ведь «племянник» не удивился словам Лисы. Чего-то в этом роде он, видимо, и ожидал. Пусть не от незнакомой ему даже по описанию Деборы, но от кого-нибудь других подобных слов он ожидать мог. Вопрос лишь в том, зачем их произнесла Лиса.

«Я прощалась», — признала она.

Прощалась... С кем? С умершим много лет назад Иаковом? Иаков умер, и музыка его умерла вместе с ним.

«Музыка...»

А если не умер? Могло ли случиться, что Иаков — это личина Некто Никто?

Нельзя сказать, что мысль эта посетила Лису впервые, но здесь, на этой площади, перед его, Иакова, собором, к которому Лиса и Герман впервые пришли двадцать пять лет назад, мысль эта уже не казалась невозможной.

«Любовь моя... Господи!» — Даже не произнесенные вслух, слова заставили ее поморщиться. Так Лиса не выражалась никогда, ни про себя, ни тем более, вслух.

Она окинула взглядом пустынную площадь и на минуту задумалась, проверяя, не осталось ли у нее долгов. Выходило, что нет. Нота сигнал подполью отправила еще в начале первого ночи, когда уходила из гостиницы на поиски подруги. В лобби очень кстати оказался комп, подключенный к Интернету, так что за две-три минуты, которые она могла себе позволить, Лиса успела вывесить «черный вымпел» везде, где только можно. Ну а здесь, в Чистилище, то же самое должен был сделать Алекс, и оставалось надеяться, что так он и поступил. Об остальном следовало забыть, хотя хотелось бы, конечно, попрощаться с некоторыми людьми, но, видимо, не судьба. Баха в Городе не оказалось, Твин появлялся редко, да и в любом случае, что она должна была им сказать? И что могла себе позволить сказать? Конечно, задним числом все выяснится. Алекс и Кайданов расскажут свою часть истории, Георг — свою. Умные люди, те, кто умеет сопоставлять факты, все поймут. А пока, пусть продолжают искать Рапозу, и Доминика Граф та еще загадка для компетентных органов. Вот они пускай головы и ломают, а Лиса им не помощник. Никак нет.

Однако смирения не получалось. И дело, судя по всему, упиралось даже не в характер Лисы, который вопреки очевидным фактам не позволял ей признать поражение. Пока жива, борись, и что-то там еще из басни Толстого про лягушку и молоко. Смешно. Борись, дрыгай лапками... Поборешься тут, как же!

Лиса сотворила очередную сигарету и затянулась.

«Точно анаша! И откуда это? В жизни не баловалась планом».

И в самом деле, откуда что берется. Это платье, например, или имя...

«Дебора...»

«Не стало обитателей в селениях у Израиля, не стало, доколе не восстала я, Дебора, доколе не восстала я, мать в Израиле...»

«Красиво сказано». — Согласилась Лиса, но вот беда какая, не быть ей «матерью в Израиле». Однако что-то было заключено в этом имени, что-то такое. Словно подсказка из Книги Судей стучалась и не могла достучаться до Лисиного сознания.

«Дебора... Судья и пророчица... Пророчица?!»

Сигарета прогорела до самого фильтра, но Лиса этого даже не заметила, как не видела и мертвых домов, окружавших площадь Иакова, и готического храма, взметнувшего свой болезненно тонкий шпиль к небесам без солнца и луны. Перед ее внутренним взором стремительно проносились события последних нескольких дней, в которых, тут и там, разбросаны были намеки на странные и даже невероятные обстоятельства.

«Господи!» — задним числом, все было настолько очевидно, что даже страшно делалось от того, что все это могло означать.

Звездное небо знакомо всем, но холодную тьму Лиса узнала сегодня впервые и, возможно, первой среди других магов смогла прийти в Город прямо с пыточного стола.

«Тело и душа... Что?»

Неразрывная связь материального носителя с «ментальной субстанцией, в просторечии именуемой душой», считалась аксиомой, но Лиса-то этот постулат их доморощенной науки

сегодня как раз и опровергла. И следствия... следствия из этого факта были такие, что дух захватывало и начинала кружиться голова.

«Но и обратное верно...»

Личина не была связана с материальным миром. Об этом знали все, и Лиса в том числе. Но тогда, что же произошло с ней в кофейне Гурга? Как смогла она увидеть то, что никак увидеть не могла? Впрочем, ее видение могло быть просто наваждением. Однако в Чистилище никто не видит снов, и иллюзии здесь не возникают, возможно, потому, что Город и сам по себе одна большая иллюзия.

«Пророчица...» — ну что ж, и это лыко в строку. Как выяснялось, всех своих возможностей Лиса пока просто не знала. И истинной силы тоже.

«А что я теряю?» — но это, разумеется, был не вопрос. Или вернее, это был вопрос риторический. Фигура речи, обозначившая в ее сознании уже сформировавшееся решение. И сразу же, как только успела об этом подумать, Лиса оказалась там, где «темно и холодно». Возможно, задумайся она над тем, что и как следует делать, и ничего бы не вышло. Но Лиса просто очень захотела, чтобы случилось то, что случилось, и прямо с площади, исчезнув там, как личина, перешла в другое состояние, возникнув в уже знакомом «нигде и никогда» своего внутреннего мира, как химически чистая мысль.

За время ее отсутствия здесь, разумеется, ничего не изменилось, просто потому, что меняться было нечему. Во всяком случае, за такое короткое время. Впрочем, как ни странно, по внутренним ощущениям Лисы, вполне возможно, и чисто субъективным, кое-что здесь все-таки произошло. В «нигде и никогда» стало значительно холоднее. Что это могло означать, Лиса, естественно, не знала. Но предполагать следовало худшее. Насквозь субъективное ощущение холода внутри собственного Я — а Лиса уже почти уверилась, что это оно самое и есть — могло означать, что времени оставалось в обрез.

«И что теперь?» — она «потянулась» к самой себе, имея при этом в виду, собственное брошенное в отчаянной попытке спастись тело, потянулась и достигла, и, значит, снова обрела целостность. Вот только стоила ли игра свеч? Ведь ценою возвращения была боль и агония. «Языки пламени», по-прежнему, лизали ее беззащитную плоть, и массы насекомых, как и прежде, бестолково копошились внутри у Лисы, в ее легких, желудке, брюшной полости. И этот проникший глубоко в тело зуд был мучительнее даже, чем ощущение «обожженной» кожи, гул в ушах, или резь под сомкнутыми щитами век.

«Все то же... Все так же...»

Впрочем, первое впечатление оказалось обманчивым, и Лиса в этом довольно скоро убедилась. Прежде всего, она почувствовала какую-то помеху в горле, и сразу же ощутила, с каким трудом проникает воздух в агонизирующие легкие. И от испуга, наверное — ведь удушье всегда вызывает рефлекторную реакцию организма — резиновым мячиком, ударившимся об стенку, отлетела прочь, но, на этот раз, не внутрь себя, а как бы в сторону. И теперь, уже оттуда, со стороны, лишённая необходимости терпеть эту бесконечную муку физического страдания, снова увидела себя, как есть.

Зрелище было, что называется, не для слабонервных.

«Детям и беременным женщинам просмотр следующих видеоматериалов не рекомендуется...»

Примерно так. Впрочем, Лиса не сомневалась, что и многих мужиков, если они не извращенцы, конечно, от открывшейся перед ней картины, как минимум стошнило бы, хотя крови и раскаленных щипцов здесь не было и в помине. Однако вид прикованной к

хирургическому столу обнаженной женщины сразу же наводил на мысли о пытках и жестоких страданиях, несмотря даже на то, что, по всем признакам, Доминика Граф, в лучшем случае, была без сознания, а в худшем — уже умерла или находилась в коме. Но за ее жизнь боролись. Реанимационные мероприятия, как любят выражаться врачи, были в полном разгаре. В «пыточной» объявились новые персонажи. Двое «водолазов», одетых в какие-то защитные — противорадиационные, что ли — костюмы, суетились около Лисиного тела, то и дело, оборачиваясь к мониторам приборов, вероятно, чтобы свериться с поступающими в режиме реального времени данными.

В разрезанное горло Доминики была вставлена пластмассовая трубка, — «Принудительная вентиляция?» — другие, более тонкие трубки, наполненные зеленоватой с кровавыми нитями, неаппетитного вида массой тянулись из носа, а количество инфузий увеличилось едва ли не вдвое.

«Не многовато ли? Суки!» — равнодушие резко, без перехода, сменилось гневом, наполнившим кокон «безмолвия» жидким огнем всепоглощающего желания убивать и разрушать, и Лиса почувствовала, что еще немного и ее просто разорвет в клочья от внезапно возникшего напряжения. Гнев требовал выхода. Ненависть, вспыхнувшая в ее душе, была нестерпима, но Лиса была беспомощна, потому что не знала, что ей с этим делать. Она просто оказалась к этому не готова.

«Что...?!»

По-видимому, она хотела закричать — ведь привычки плоти пускают в наших душах глубокие корни — но крика не получилось, потому что вопли душ слышны одному только богу, но присутствие Всеблаготого отрицалось самим фактом существования этих людей и этого места.

«Что...?!»

Возможно, это был всего лишь вопрос. Ведь Лисе требовалась помощь. Ей нужно было знать, что со всем этим делать. Однако вопрос, который она даже не успела сформулировать, запоздал. Медленное сознание никогда не успевает за быстрой интуицией, и, не ведая, что творит, не зная, что и как она сейчас делает, Лиса исторгла сжигающий ее огонь безумия вовне. И внезапно жидкое пламя, бушевавшее в ее душе, исчезло, унеся с собой боль, страх и ужас, и на душу снизошел такой желанный и такой, казалось, уже недоступный покой. Но зато огонь возник воплоту. Смерч раскаленного до снежной белизны пламени прошел по «пыточной», уничтожая и испепеляя на своем пути всех и вся. Он возник мгновенно и так же стремительно исчез, оставив после себя два исковерканных, дымящихся тела и кучу невразумительных оплавленных обломков, в которые превратились приборы и машины заплочных дел мастеров. А вот белое тело распятой на хирургическом столе женщины совершенно не пострадало. Напротив, прошедший смерч не только разорвал удерживающие ее путы и смел с нее мимоходом все эти датчики и иглы инфузий, но и тубус принудительной вентиляции исчез из разрезанного горла, и сама рана затянулась, как не было. Во всяком случае, от нее не осталось и следа.

«Все».

Нет, не все.

— Тревога! — истошно заорал за стеной один из военных, лихорадочно нажимая какие-то кнопки на своем пульте.

Тревога.

Его вопль и электронный сигнал, ударивший в систему после нажатия тревожной

кнопки, Лиса восприняла одинаково отчетливо, как будто и не существовало сейчас между ней и этими людьми никакой преграды, и электронные импульсы, несущиеся по проводам со скоростью света, были понятны и узнаваемы, как простые слова.

«Поздно», — интуитивно она избрала самую правильную в создавшейся ситуации тактику, отстранив от «руля» медлительный и рефлектирующий разум, и передав управление рефлексам, которые точно знали, что надо делать и как.

«Поздно», — это не было мыслью, которая просто не успевала за событиями. Это была констатация факта, воплотившаяся в действии.

Удар невероятной силы выбил броневую плиту, разделявшую два помещения, и двинул ее внутрь смежной комнаты. Движение было замедленным, как при съемке рапидом, так что мучители Лисы вполне успели насладиться собственным животным ужасом, но не настолько медленным, чтобы они успели хоть что-нибудь предпринять. В конце концов, их просто размазало по противоположной стене, смешав человеческую кровь и плоть со стертой в пыль электроникой и машинерией их собственных пультов. Однако их боль, страх и последний нечеловеческий — а были ли они людьми? — вопль неожиданным образом «освежили» Лису, придали ей сил, и что самое главное, окончательно успокоили, одновременно вернув сознанию ясность и трезвость.

Оглядев поле боя и приняв увиденное, как есть — без рефлексии и запоздалых сожалений, которые могли сейчас только помешать, Лиса решила, что ее «распределенное» существование подошло к концу, так как не имело больше смысла. И, приняв это ощущение завершенности, как данность, она вернулась в собственное тело, испытав при этом лишь легкий и краткий дискомфорт, вызванный необходимостью снова брать его «под контроль». Ударил в виски ускорившая внезапно свой бег кровь, зачесалось поврежденное интубацией и исцеленное магией горло, поднялась было и тут же спала волна тошноты, но все это сущие пустяки. Она была жива и свободна, и это сейчас было самым важным. Сделать остальное — «Начать и кончить» — еще только предстояло.

Лиса рывком села на столе. В помещении, еще несколько мгновений назад блиставшем хирургической белизной и залитом ярким светом хирургических ламп, было темно и пахло горелым. За стеной, в коридорах комплекса, истошно завывали сирены общей тревоги и неслись по этажам группы быстрого реагирования, но вся эта суета, как сразу же поняла Лиса, была теперь избыточной. Остановить ее они, скорее всего, не смогут. У них просто не хватит для этого сил. И вызвать подмогу не успеют, потому что она не оставит им для этого времени.

Не оглядываясь, Лиса обрушила стену за своей спиной и, пустив через открывшийся пролом новую волну огня, легко соскочила со стола, развернулась и бросилась вдогонку за набирающим скорость щитом пламени. Все неприятные ощущения, испытанные Лисой при внезапном «воскрешении», уже исчезли, и чувствовала она себя превосходно. Сила буквально бурлила в крови, и ощущение было такое, что сейчас она способна гнуть голыми руками стальные трубы или делать что-нибудь еще в этом же роде, но по-всякому в прежней ее жизни нереальное. Лиса не знала и даже не сделала попытки понять, как ей это удалось, но в момент «воссоединения» тела и души ударила саму себя такой дозой «исцеления», от которой могли бы воскреснуть все трупы в мюнхенском полицейском морге. А ураган живи, почему-то не унесшийся прочь вместе с откатом, а обрушившийся благодатью на нее саму, по своей мощи превосходил все, что ей когда-либо приходилось испытывать или о чем она от кого-нибудь всего лишь слышала. От такого допинга могли ожить даже камни, и не

только ожить. Однако вот, что странно. Никакой эйфории не было и в помине и, судя по всему, даже не предвиделось. Голова оставалась холодной, мысли — четкими.

Лиса пробежала по сожженному коридору, одним «небрежным» движением мысли убив по дороге систему подачи бинарного нервно-паралитического газа, крутнулась на месте, одновременно постигая схему здания, обрушила мешавшую ей двигаться в правильном направлении стену и снова побежала. Двигалась она настолько стремительно, что будь у нее время посмотреть на себя со стороны и задуматься, удивлению Лисы не было бы предела. Люди так двигаться не могут. Но ей было не до вторичных рефлексий, она шла на прорыв.

Бег сквозь горящее, взрывающееся и рушащееся здание длился тридцать девять секунд. Внутренний таймер отметил это достижение, но сознание его проигнорировало, а эмоции и вовсе остались равнодушны и к этому чуду, и ко всем прочим жутким чудесам, которые Лиса творила походя, не обращая на них никакого внимания. Тридцать девять секунд. Великолепное время, если брать в расчет стоявшую перед ней задачу и выдающееся, учитывая размеры здания. Однако краткий этот период времени вместил огромное множество дел и событий, большинство из которых так же остались незамеченными Лисой и уж точно неосознанными. Думала она сейчас совсем о другом. О необходимости прорваться и вырваться из тесной мышеловки Мюнхена и, следовательно, получить возможность выполнить взятые на себя обязательства. О Георге так неожиданно появившемся в Городе. Об Иакове и Некто Никто и, разумеется, о встреченном вчера вечером Кайданове и его женщине-«тени», и еще о множестве других, не менее важных вещей. И все это она успела обдумать за жалкие тридцать девять секунд, убив попутно всех людей, на свою беду оказавшихся внутри штаб-квартиры БФВ сегодня ночью, и всю электронику, которой «больничка» была набита по самое «не могу». Впрочем, сжигая одним лишь «собственным хотением» электронные цепи, Лиса успела «перекачать» в свою ставшую вдруг бездонной память едва ли не всю базу данных, хранившихся в главном компьютере, не задумавшись даже о том, возможно ли это физически и чего ей это будет стоить. Но и цена, как ни странно, оказалась вполне приемлемой. Ее лишь качнуло на бегу, да волна головокружения чуть тронула голову. И это все.

Из окна второго этажа она вылетела вместе со взрывной волной, выносившей в окружающий здание парк обломки горячей мебели и осколки бетона. Приземлившись на ноги, Лиса метнулась под сень деревьев, стремительно пронеслась сквозь погрузившийся во тьму — электричество отключилось — парк, не задумываясь, перемахнула через трехметровый бетонный забор, усеянный поверху металлическими шипами, и оказалась на обочине пригородного шоссе.

«Сторите вы все!» — она, не оборачиваясь, зажгла оставшийся за спиной парк и выскочила на дорогу.

Тормознув, не вовремя оказавшийся здесь и сейчас «BMW», Лиса вышвырнула из салона обалдевшего при виде голой тетки водителя и, заняв его место, рванула прочь, тем более что, как она тут же поняла, направление ее вполне устраивало. Карл Роршах — незадачливый хозяин дорогого авто — ехал в Мюнхен.

2

Ощущение было такое, как будто она заново родилась.

Новая, кардинально переработанная и улучшенная версия.

Впрочем, учитывая, откуда она вернулась — «Оттуда не возвращаются, не так ли?» — но, главное, как она оттуда вернулась, чего-нибудь в этом роде и следовало ожидать.

Воздух казался чистым и прозрачным, как оптическое стекло. И это при том, что в предрассветной мгле и острые-то глаза не много различат, а если ко всему прочему небо обложено тучами, из которых вот уже несколько минут льет, как из ведра, то видимость — даже в свете мощных фар новенького BMW — сокращается до жалких нескольких метров. Нормальные водители в таких условиях снижают скорость до минимума или вовсе останавливаются, пережидая на обочине, острую фазу потопа. Однако Лиса дорогу видела так, как если бы ей ничего не мешало. И даже лучше. Зрение совершенно очевидным образом обострилось, а слух ловил каждый даже самый тихий звук, выцеживая его из общего слитного фона. Сердце билось ровно и уверенно, но кровь, вопреки этому очевидному факту, казалось, мчится по жилам, как ополоумевшая. Но ни на эмоции, ни на мышление это никак не влияло. Сознание оставалось холодным и кристально ясным, а на душе — несмотря ни на что — было удивительно покойно, почти так же, как когда-то давным-давно, когда маленькая Алиса задремывала у мамы на руках. Вполне нормальным такое сочетание не сочетаемых качеств, признать было трудно, но интуитивно Лиса понимала, что для нее все это как раз нормально и... временно. «Со временем пройдет», как говорится, а пока есть то, что есть, и это ей совершенно не мешало. Тем не менее, сказать, что Лиса уже вовсе отошла от того, что ей довелось пережить этой ночью, было бы неверно. Не отошла, не остыла. Просто гнев и ненависть обратились во что-то иное, совершенно Лисе незнакомое, но отторжения не вызывающее. Холодное, как лед, и опасное, сход лавины.

Машина мчалась сквозь ночь и дождь, а Лиса, как будто бы занятая своими мыслями, сеяла — буквально, между делом — смерть и разрушения, совершенно не заботясь, как кажется, о сохранении своего инкогнито. Она последовательно зажгла шесть попавшихся ей на глаза административных зданий, причем полицейский участок — вместе с полутора дюжинами мгновенно умерших от сердечного приступа служащих. Сейчас ей нужен был хаос, вот она его и творила, тем более, что события в «больничке» долго оставаться незамеченными не могли.

«На раз!»

На мертвой в этот час муниципальной стоянке, стремительно улетевшей уже куда-то за спину, громыхнули взрывающиеся бензобаки оставленных там на ночь машин.

«А тебя кто звал?» — у патрульной машины, вывернувшей на скорости с поперечной улицы, сорвало с креплений мотор и ударом «молота» вогнало внутрь салона, убивая и калеча находившихся там полицейских, которые даже понять ничего не успели.

«Что я делаю?» — но мелькнувшая у нее мысль была лишена самого главного, эмоциональной окраски. То, что сейчас делала Лиса, не было ни мстью, ни поступком свихнувшегося от страха и ненависти человека. Это были всего лишь правильные действия в предложенных — не ею — обстоятельствах, имя которым — война. А на войне, как на войне. Ведь так?

3

Он умер в половине шестого. Утро только начиналось. Едва рассвело. Но его это уже не касалось. Врач констатировал смерть — никаких реанимационных мероприятий, разумеется, не проводилось — и Виктор оказался предоставленным самому себе. Впрочем, выбор «развлечений» был невелик: «сидеть» на собственном трупе, по-любому не имея ни малейшей возможности вмешаться в ход предполагаемых событий, или отправиться в Город. Естественно, Виктор предпочел путешествие. Во-первых, он давно не бывал в Городе, и ему было просто любопытно, что там теперь и как. А во-вторых... Если смерть окажется

окончательной, свой последний день он проведет все-таки как человек. Ну а если, господа Лорды уложатся в график, то день, прожитый под Светлыми Небесами, не повредит тем более. Ведь теперь — если, конечно, это теперь состоится — «жить» снова означало «существовать» в обоих мирах. Однако, в любом случае, ни Некто Никто, ни старик Иаков возвращению в этот ли мир, или в тот, не подлежали. Они давно стали достоянием истории, вот пусть там и остаются. А в Город придет кто-нибудь другой.

Он бросил «последний взгляд» на то, что совсем недавно являлось телом Виктора Львовича Корфа, одинокого пятидесятивосьмилетнего репатрианта из Советского Союза, как если бы хотел попрощаться с покойным или запомнить его последний облик, и без какого-либо сожаления обратил свои «глаза» к Звездному Небу. Оказалось, что сделать это совсем несложно. Виктор ничего не забыл и навыков, наработанных в прежние годы, не растерял. Захотел увидеть звезды, и вот они уже перед ним, хотя рисунок созвездий, как он тут же заметил, изменился до неузнаваемости. Это было иное небо, и многих знакомых звезд на нем не было. Зато появились другие.

— Привет! — подмигнула ему зеленоватая средней величины и светимости звезда.

— Привет, — усмехнулся в ответ он. — Как дела?

— Ничего, — неуверенно откликнулась звезда. — А ты кто?

— Я-то никто, — улыбнулся Виктор. — А вот ты, дружок, выходит, кто-то.

— О чем ты? — Алек Керк по прозвищу Лапа, сотрудник девятого специального отделения МИ-6 (адрес, телефон и адрес электронной почты прилагаются) предпринимал в полном смысле нечеловеческие усилия, пытаясь понять, кого занесло в этот вечер в Великий Эфир, но все было тщетно. Этот оператор оказался ему не по зубам, и, надеясь, что и новичок не смог расколоть его инкогнито, Алек почел за лучшее откланяться. Он ушел по-английски, не попрощавшись, но для Виктора это уже никакого значения не имело. Оператора, работающего на правительство, он вычислил на раз.

«С почином вас, Глеб Егорович, — усмехнулся в душе Виктор. — А ты гуляй, выкрест, авось еще встретимся».

Зеленая звездочка мигнула и как бы притухла, перейдя из активного состояния в пассивное. А Виктор искал уже совсем другую звезду — желтую, яркую — которая должна была находиться в левом центральном секторе верхней полусферы. Она там, собственно, и находилась, только сейчас спала. Но дело было не в том, спит эта звезда или бодрствует, а в том, что изменилась она за прошедшие годы едва ли не до неузнаваемости.

«Все течет, — вынужден был повторить Виктор известную истину. — Все меняется. А чего, собственно, ты ожидал?»

И вторая, парная ей и тоже желтая, сонно пульсировавшая на противоположном конце «галактики», изменилась тоже. Звезды эти набрали немалую силу, почти полностью сменили цветность, изменились в размерах... и обе подошли к положенному им пределу. Кем положенному, зачем и когда? Виктор полагал, что знает ответ, но это, по большому счету, ничего не меняло. Не могло уже изменить.

4

Отзвуки далекой бури догнали Ольгу на девяносто пятом шоссе на полпути к Гармиш-Партенкирхену. Бой, вспыхнувший в оставленном ею почти два часа назад Мюнхене, длился невероятно долго, и, прикинув частоту и силу идущих оттуда «раскатов», она решила, что одним ночным знакомцем там вряд ли обошлось, а Катарина, при всех, давно и хорошо, известных Ольге достоинствах, на такие подвиги была неспособна.

«Она там статист, а не прима, — решила Ольга, инстинктивно прибавляя скорость. — Как минимум, два очень сильных сагуса, и дерутся они отчаянно».

На этот раз, «откат» Ольгу не только не «убил», но даже «с места не сдвинул». Впрочем, дорога была почти необитаема — редкие машины или обгоняли Ольгу, что случалось редко, или сразу же безнадежно отставали, что как раз и являлось общим случаем — и опасаться, что кто-то заметит неадекватное поведение водителя, не следовало. На гуляющую между полос машину никто даже внимания не обратил бы, просто потому, что некому было это увидеть. Но Мазда, на которой они ехали, даже не вильнула ни разу.

«Предупрежден, значит вооружен, ведь так?»

С того момента, как они расстались с Чертом, чего-то в этом роде Ольга все время и ожидала. Это было настолько очевидно, что, когда наконец произошло, она была вполне готова, а это, при любых обстоятельствах, не пустяк. Пропал эффект внезапности, ну а кроме того, она была в отличной форме. Лучше себя чувствовать — в этом теле и в этом мире — она просто не могла. Но даже при всем при том, ей понадобилось все ее самообладание и железная тренированная воля, чтобы справиться с волнами дурноты, окатывавшими ее раз за разом на протяжении долгих десяти минут, и острой болью в позвоночнике, временами становившейся просто невыносимой. Что тут скажешь? Воля волей, но и «откат» был нерядовой.

«Катарина... — подумала она во время очередной паузы. — Надеюсь, сестра, ты уцелеешь», — Ольга не знала, часто ли случаются теперь такие из ряда вон выходящие события. По крайней мере, Август говорил, что раньше такое являлось большой редкостью. Соответственно, она не знала, что и думать, но, возможно, виной всему было невероятное стечение обстоятельств. Однако могло случиться и так, что мир изменился, и война уже началась.

«Война...» — слово это Ольгу не пугало. Рожденная для боя, другой судьбы она себе не желала, прежде всего, потому, что не могла представить. Однако сейчас война перестала быть общим, а значит, не проясненным понятием. Она стала свершившимся фактом. Во всяком случае, так все, случившееся этой ночью в Мюнхене, ощущалось Ольгой и ее спутниками. А на войне сражаются и умирают, и, возможно, сейчас, в эти самые секунды, когда она гнала Мазду сквозь ночь, стремясь как можно скорее достигнуть границы, настал черед Катарини. Однако знать наверняка, что там произошло, было нельзя, и оплакивать Катарину поэтому, было преждевременно.

«Время покажет», — Ольга обошла идущие на большой скорости длинные многотонные фуры и снова оказалась на шоссе одна: один на один с дорогой, не ясным будущим, которое еще предстояло построить, и трудными мыслями из тех, что редко посещали ее раньше и не оставляли теперь ни на мгновение.

А там, в оставленном ими немецком городе, все наконец закончилось, и долго — несколько часов подряд — было тихо, как, впрочем, в обычной ситуации и должно было быть. Возможно, поэтому второй за эту длинную ночь удар, похожий на всепоглощающую волну цунами, оказался для Ольги полной неожиданностью. Первый из череды невероятно мощных «откатов» пришел уже под утро на дороге из Сент-Галена в Цюрих, километрах в десяти от Ватунгена. Судя по направлению, это снова случилось в Мюнхене или где-то в ближайших его окрестностях, но, несмотря на расстояние, а оно было уже велико, Ольгу потрясло так, что она едва не потеряла управление машиной. В следующее мгновение ее буквально вывернуло наизнанку, но, во всяком случае, сознания она не потеряла, как это

случилось теперь с ее спутниками. С огромным трудом она удержала Мазду на дорожном полотне, но долго сопротивляться хаотично бьющим в спину «волнам» было выше ее сил. И, снизив скорость до минимума, она с грехом по полам добралась до съезда на какую-то боковую — совершенно сельского вида — дорогу и, заехав поглубже в лес, остановилась, пережидая пока не закончится этот ужас. Впрочем, вернуться на шоссе она не смогла и после того, как бой в Мюнхене — «Что же там происходит?!» — уже угас. Ни у нее, ни, тем более, у ее бойцов, просто не оказалось на это сил. Ей потребовалось минут сорок, чтобы окончательно придти в себя, «почистить» машину и привести в порядок совершенно «разболевшихся» спутников. Однако даже спустя два часа, когда они вылетели на Боинге 737 компании «Аль Италия» рейсом на Милан, все они — и Ольга, и ее бойцы — были несколько не в себе от «передозировки» обрушившейся на них живи, и производили впечатление крепко выпивших людей. Впрочем, для секьюрити аэропорта и стюардесс итальянского лайнера этого объяснения оказалось вполне достаточно. От всех четверых разило шнапсом так, как только и может быть, если человек старательно и, не менее пяти минут кряду, полощет себе этой гадостью горло.

«Но зато и простуда нам теперь не страшна, — легкомысленно подумала Ольга, занимая кресло в салоне самолета. — А пить надо меньше».

5

— Здравствуй, Георг, — сказал он, входя в кофейню. — Рад, что ты уже на месте.

Георг с интересом посмотрел на него из-за стойки и, видимо, опознав по каким-то одному ему — а может быть и не только ему — известным признакам, коротко поклонился:

— Рад вас видеть в здравии и довольстве, сударь. Мы прежде встречались?

— Несомненно, — усмехнулся Виктор. — Встречались, и неоднократно. Я Август, и дорога моя лежит сквозь сердце бури.

«Несколько вычурно, не так ли? Но слово не моя стихия. Увы».

— Если позволите, князь, — на этот раз Георг поклонился так низко и с таким выражением на лице, что окажись здесь по случаю кто-нибудь из горожан, удивлению его не было бы предела. — Я принесу вам ваше питье.

— Сваришь мне кофе по-арабски?

— Если таково ваше желание, господин, — с этими словами, Георг, вышедший было из-за стойки, вернулся на свое место и, отвернувшись от Виктора, не мешкая, принялся за дело.

— Какие новости? — спросил Виктор, присаживаясь за ближайший столик и закуривая.

— Заходило семь человек, — не оборачиваясь, ответил Георг. — Они помнят Гурга. Удивляются. Некоторые встревожены. Их мучают сомнения.

— Кто такие?

— Назвались только трое. Иван, Кукла и Портной.

— Портной, — повторил за Георгом Виктор. — Высокий крепкий блондин. Похож на буконьера...

— Да, — коротко подтвердил Георг.

— Что-то еще?

— Женщина, — Георг все-таки оглянулся, посмотрев на Виктора через плечо. — Очень необычная женщина, ваша милость.

— Женщина...

«Неужели?»

— Надеюсь она назвалась? — спросил он вслух.

— И да, и нет, мой князь, — Георг не изменил позы, так и стоял, глядя на Виктора через плечо. — Она назвалась Деборой, но я не уверен, что это ее подлинное имя.

«Не она...»

— Дальше.

Какая-то Дебора в Городе была еще в его время, но он ее совсем не помнил.

— Высокая, — сказал Георг. — Красивая, волосы черные, глаза синие. Одета, как светская дама начала века. Я бы сказал, Париж или Рим, может быть, Вена. Но это мое субъективное мнение. Драгоценности... Изысканные. И, кажется, неслучайные. Что еще? Курит длинные черные сигареты...

— Тебя что-то насторожило? — Самого Виктора визит странной дамы не столько насторожил, сколько заинтриговал. Никого подходящего под описание, данное Георгом, он не знал.

— Она вела себя странно, — Георг вышел из-за стойки и подошел к Виктору. — По моему, она все время о чем-то думала. О чем-то для нее важном, — Георг поставил на стол чашку с кофе и бокал с коньяком. — Потом смотрелась в зеркало.

— Вот как, — Виктор пригубил коньяк и на секунду задумался. — Может быть, она забыла, как теперь выглядит?

«Она обернулась?»

— Или вовсе этого не знала, — кивнул Георг. — Может быть. Но есть еще одна вещь. Она просила передать привет племяннику старика Иакова, буде такой здесь вдруг объявится.

«Дебора... Судья и пророчица... И ведь она меня спрашивала об обращении».

— Вот как, — повторил Виктор. — Очень интересно.

Деборы, во всяком случае, такой Деборы, как описал ее Георг, Виктор совершенно не помнил. Но и забыть такую женщину не мог тоже. Значит, не знал. И это было очень странно, поскольку она, совершенно очевидно, являлась старожилом Города, иначе откуда бы ей знать про Иакова и Гурга? Следовательно, это был кто-то, сменивший личину. Настораживало, однако, то, что она взяла так резко «в карьер». В Чистилище так дела никогда не делались, если конечно, за время его отсутствия тут не произошло каких-то совершенно драматических перемен в модус проседенти.[50] Но в это Виктор совершенно не верил. Тогда, что?

«Она?»

— Еще что-то? — спросил он вслух, предчувствуя, что главное еще впереди.

— Да, — кивнул Георг. — Она сказала, что всегда будет помнить ту музыку. Не знаю, что она имела в виду, но мне кажется, это похоже на код.

«Дебора... и музыка... Она научилась менять облик? Почему бы и нет. При ее-то силе... Значит, все-таки она?» — он вспомнил набирающую силу и меняющую цветность звезду и согласился, что теперь от Лисы можно было ожидать всего. Его только тревожила поспешность, с которой она пошла на контакт с Георгом. Что это могло означать?

— Спасибо, — сказал он вслух. — Это интересная информация. Ты надежно залег?

— Не тревожьтесь, князь, — улыбнулся Георг. — Нас там трое. Мы будем держать точку круглосуточно.

— А Гектор?

— Командир и еще четверо в пути.

— Далеко вас забросило? — вот этот вопрос был крайне актуален. Гектор был первым, о ком ему стало достоверно известно.

Георг перегнулся через стол и, неразжимная губ, сказал то, что хотел знать Виктор:

— Двенадцать часов лета.

«Двенадцать часов... Увы».

— Они уже вылетели? — спросили он вслух.

— Вряд ли, — с сожалением в голосе сказал Георг и покачал головой.

«Время».

Судя по всему, Гектор не успевал или успевал впритык. А от других вестей пока не было.

— Добрый день! — Виктор оглянулся через плечо и посмотрел на нового посетителя. За прошедшие годы Наблюдатель почти не изменился. Впрочем, личины меняются редко и совсем не так, как меняются носящие их люди.

— Добро пожаловать! — Гостеприимно улыбнулся новому посетителю Георг. — Не желаете ли кофе? Ликер, коньяк... виски? — добавил он, рассмотрев ковбойский наряд Наблюдателя.

— С удовольствием, — Наблюдатель, не скрывая интереса, оглядел помещение и, встретившись взглядом с Виктором, вежливо кивнул. — Добрый день.

— Я Виктор, — представился Виктор и вдруг сообразил, что некоторое время как перестал быть Августом, нежданно-негаданно вернув себе настоящее имя.

«Перед смертью, что ли?» — Но так или иначе, по всему выходило, что нигде теперь не было места ни, Иакову, ни Некто Никто, ни, тем более, князю Августу.

— Я Виктор, — сказал он и чуть приподнял бровь. — А вы, сударь?

— Наблюдатель, — усмехнулся ковбой, снимая свою вполне типическую «стетсоновскую» шляпу. — Так меня здесь называют. А вы, значит, из новых...

— Да, — кивнул Виктор. — Я здесь недавно. А вы, стало быть, старожил?

— Да, — Наблюдатель, не спрашивая разрешения, сел на место вставшего, чтобы обслужить его, Георга. — Лет двадцать появляюсь.

— И как там, у вас в прериях? — спросил возившийся за стойкой Георг.

— Да все спокойно, — пожал плечами Наблюдатель. — Вашими молитвами, сэр. Бизоны отдельно, индейцы отдельно. Ну а мы сами по себе.

«Забавно, — подумал Виктор, дружелюбно рассматривая этого, на самом деле, хорошо известного ему человека. — Забавно! Кажется, это называется системой Станиславского».

6

Просыпаться не хотелось, но следовало. Два часа, отпущенные себе Лисой на сон и отдых, прошли, как ни бывало, и хотя она совершенно точно знала, что этого вполне достаточно, психология с физиологией отнюдь не близнецы сестры. У каждой свои резоны и свои предпочтения. Поэтому, обнаружив себя в уютной комнате сельской гостиницы с зашторенными окнами и толстыми, не пропускающими посторонних звуков стенами, на огромной удобной кровати, под теплой и в меру, то есть совершенно как надо, тяжелой «крестьянской» периной, просыпаться по-настоящему Лисе категорически не хотелось. По внутреннему ощущению тепла и покоя, вот так бы и лежала, нежась в легкой, как детский сон, и такой же беззаботной дреме. И никуда, естественно, не торопилась, потому что суета враг довольства, а иллюзия покоя и безопасности так соблазнительна; особенно для человека, находящегося в бегах, да еще пережившего не далее, как прошедшей ночью свою собственную смерть. Однако два часа истекли.

«Труба зовет», — тоскливо подумала Лиса, ощущая, как исчезает розовая дымка

заемного счастья, и, преодолевая собственное нежелание принимать мир таким, какой он есть, все-таки вылезла из-под перины и поплелась в душ.

Сюда, в эту крохотную деревушку в Баден-Вюртенберге, она добралась в начале двенадцатого на третьей по счету, после памятного BMW, машине. Эту последнюю — темно-вишневую Ауди — Лиса нашла в Кемтене. Машина стояла около явно пустого, то есть оставленного людьми не сегодня, и даже не вчера дома. И, «поговорив» минут пятнадцать с чистенькой подтянутой старушкой из соседнего коттеджа, Лиса узнала, что хозяин дома, Людвиг Кантцель, уже с неделю находится в отъезде и возвращаться ранее середины ноября, не собирается. Отблагодарив словоохотливую — впрочем, не по своей воле — женщину блаженным беспамятством, в котором, тем не менее, поселилась теперь стойкая уверенность в том, что гер Кантцель отправился в путешествие на своей машине, Лиса посетила оставленный без присмотра дом, где без труда — и даже без использования магии — нашла документы на Ауди и ключи, и, воспользовавшись, случаем, выписала себе великолепную доверенность, благо образчики почерка хозяина имелись в изобилии. Она даже перенесла на доверенность печать и подпись местного нотариуса, изъяв их с какого-то другого документа, из тех, что нашлись в письменном столе аккуратиста Людвиг. Тут уж без магии, естественно, не обошлось, как и при доведении до ума украденных еще в Мюнхене водительской лицензии и общеевропейского паспорта. Однако, колдуя над документами, Лиса была совершенно спокойна. Она знала теперь, что никто ей не помешает и эманацию не засечет.

Минувшая ночь не прошла бесследно и на память оставила не только до сих пор ноющие шрамы, но и бесценные дары. Оказалось, что, волхвуя, не обязательно зажигать «маяк». И без него можно обойтись. Нельзя сказать, что открытие это досталось Лисе дешево, но факт остается фактом, из неожиданно и при самых омерзительных обстоятельствах обнаруженного «внутреннего пространства», как оказалось, можно было превосходно колдовать, оставаясь при этом невидимой и неслышимой до тех пор, пока колдовство не обретало плоть. Но воплощенная магия, как известно, ничем от реальности не отличается, и засечь ее, а не ее создателя, могут лишь очень немногие волшебники. Таким образом, действуя из своего кокона, Лиса могла теперь не опасаться, что ее кто-нибудь заметит.

Обнаружила она это, впрочем, отнюдь не сразу, но не потому, что сама этого увидеть не могла — как вскоре выяснилось могла, и, в конце концов увидела — а потому, что до определенного момента Лиса была занята совсем другими вещами. Не до того ей было, чтобы анализировать еще и собственные довольно странные ощущения. Однако около шести утра, меняя под неутрахающим проливным дождем одну машину на другую, Лиса озаботилась тем, как бы незаметно, «не зажигая бенгальских огней», вскрыть и завести голубую Хонду, стоящую в ряду других покинутых на ночь машин на платной стоянке у северо-западного выезда из Мюнхена. К этому времени она была уже порядком вымотана, и, возможно, поэтому забыла, что «хотение» мага иногда само собой обращается в действие. Так случилось и на этот раз. Она, по-видимому, так страстно желала остаться невидимкой, что моментально оказалась внутри уже знакомого ей пространства «нигде и никогда», где по-прежнему было холодно и темно, но зато безопасно. Выходило, что подсознательно она все уже знала, но, находясь почти всю ночь в бою, актуализировать новое знание просто не успевала. Не до того было. Зато теперь, вновь оказавшись внутри своего собственного Я, Лиса случившееся с ней чудо наконец осознала и сразу же увидела все связанные с ним

преимущества. Находясь внутри своего «внутреннего пространства», она была совершенно свободна. Свободна от реального состояния слабого человеческого тела, невидима для окружающих, будь они даже самыми лучшими нюхочами на свете, и к тому же невероятно хорошо вооружена, потому что, пребывая в коконе, могла воплощать в жизнь самые причудливые движения души. У этих волшебных инструментов еще не было имен, потому что ни Бах, ни его «бухгалтеры», о таких ужасных чудесах никогда даже не слышали. А не знали они об этом по той простой причине, что никто такими приемами, вероятно, еще не пользовался. Ну, разве, только Первые, но о том, что знали и умели эти великие маги можно было только гадать. Ничего определенного об их подлинной мощи никто сказать не мог. А самих их уже не спросишь.

«А жаль», — Лиса с ненавистью посмотрела на душевую кабинку, но со слабостью, вполне простительной, если честно, все-таки справилась и встала под холодные струи, а никаких других она себе сейчас позволить не могла. Встала и стояла, как стойкий оловянный солдатик, преодолевая — а что ей еще оставалось? — несовершенства души и тела, ровно десять минут. Секунда в секунду. До полного оледенения.

Впрочем, после первого, вполне сокрушительного удара, когда разнеженное теплом тело буквально благим матом заорало, требуя, немедленно прекратить это издевательство над природой, стало несколько легче. Лиса просто отключилась от переживаний плоти, загрузив голову актуальными мыслями «о самом главном». Думать же сейчас можно было, а может быть, и нужно было, о самых разных вещах. Например, о планах на ближайшее будущее. Но здесь, если честно, все уже было решено или, вернее, само решилось.

Сначала, едва выбравшись из Мюнхена, Лиса планировала, немного отдохнув где-нибудь в Баден-Вюртенберге, двинуться в Зинген, где могла бы сесть на пятичасовой экспресс и, соответственно, часам к десяти вечера оказаться уже на железнодорожном вокзале в Цюрихе. Там в полночь была назначена встреча, на которую, разумеется, сегодня никто не придет. Однако и завтра, и во все последующие дни недели, ожидать там, скорее всего, следовало одного лишь Алекса. Но и это было бы кое-что, хотя надежда, как утверждают опытные люди — и, видимо, не напрасно — умирает последней. Судьба Черта и Пики оставалась неизвестной. Мертвыми Лиса их не видела. Но и никаких достоверных известий о том, что случилось с телом женщины — вероятно, это все-таки была Пика, и не факт, что мертвая — которую горящий Черт швырнул кому-то неразличимому в темноте ночи, и что случилось с самим Чертом после того, как Лиса ринулась в бой, у нее до сих пор не было. Могли и уцелеть. Оба или хотя бы один из них, а, значит, был шанс, что на первую платформу цюрихского вокзала придет кто-нибудь еще. В любом случае, очевидно, что в Тель-Авив она не полетит. Во всяком случае, не теперь. Первой и главной ее целью оставался Цюрих, а сразу затем наступала очередь Берлина, и как там сложатся дела Лиса не знала тоже. Однако, как ни жаль, поиски Некто Никто следовало отложить до лучших времен, тем более, что еще с Ульма имелось у нее смутное подозрение, что след, взятый было в замке Августа, в Тель-Авиве прервется. То ли потому, что Некто уже нет в живых, то ли потому, что его уже нет в той — «Как ее?» — больнице. Следовательно, пока на повестке дня оставался только Цюрих, куда она совсем уже решила ехать поездом. Однако позже — по здравом размышлении и после того, как у нее появился темно-вишневый Ауди — Лиса решила, что, имея в руках вполне надежные документы и «чистую», то есть не находящуюся в розыске машину, с железными дорогами можно уже не заморачиваться, а ехать напрямик в Швейцарию, скажем, через Констанц. Тогда, выиграв время, она успеет загодя устроиться в

Цюрихе, найдет себе приличную гостиницу, и на встречу, состоится она или нет, пойдет уже налегке, обеспечив тылы и наметив на местности возможные пути отхода.

Таким образом, план на сегодняшний день был разработан и мусолить его во второй или третий раз необходимости не было. А коли так, стоически подставившей свое тело под ледяной душ, Лисе оставалось лишь расставить все точки над «И» в ее ночном, чуть не закончившемся бедой приключении. Этим она и занялась.

7

На самом деле, это была даже не авантюра, а чистое безумие. Самоубийство без кавычек и в отягчающих обстоятельствах. Теперь, то есть задним числом, Лиса это прекрасно понимала, однако не в том дело, что она понимала или нет, сегодня днем. Одиннадцать часов назад, подходя к зданию Бундескриминальамт, она тоже отдавала себе отчет в том, что собирается делать и чем все это для нее закончится. По любому, шансов у Лисы не было никаких. Или, может быть, все же был шанс, но только один на тысячу или миллион, то есть, такой, какой в нормальные планы никогда не закладывается. И все-таки она пошла. Вышла из гостиницы в ночь, нашла, рискуя напороться на очередного нюхача, слабый след Пикиной ауры, прошла по нему, как собака по запаху, и в начале третьего пришла туда, откуда, если даже сможет войти, выхода уже, скорее всего, не будет. Серый дом — штаб-квартира мюнхенского отделения Федерального ведомства криминальной полиции — в связи с известными, но вслух никем не озвученными, обстоятельствами, давно уже превратился в настоящую крепость. И это не метафора, хотя, по идее, здесь должны были заниматься и обычной уголовщиной тоже, и уж тем более не преувеличение. Так все на самом деле и обстояло. Толстый бетон «драконьих зубов» и стен, броневая сталь дверей и подвижных экранов, пуленепробиваемые жаропрочные стеклопакеты в узких, как бойницы, окнах, и датчики всех мастей, мимо которых не прошмыгнет даже мышь. А еще здесь были шумовые генераторы последнего поколения, способные свести с ума даже истуканов с острова Пасхи, и, естественно, ловушки. Множество самых разнообразных ловушек, изобретенных пытливейшей человеческой мыслью для охоты на колдунов. Газовые мины, дротики с ядами и наркотиками, автоматические пулеметы и прочие хитрые и опасные вещи, сработанные на совесть, действующие без вмешательства людей — слабое звено — и конкретно заточенные на таких же «выродков», как Лиса. ВКА давно уже занималась не одним лишь криминалом, а значит здесь — «К бабке не ходи!» — было все, что могла противопоставить рациональная по своей природе человеческая цивилизация иррациональной природе магии. И на поверку выходило, что не так уж беззащитен был человек разумный перед человеком колдующим. Отнюдь, нет, потому что, как ни крути, и у того, и у другого душа и тело в одинаковой степени есть сущности нераздельные и неразделимые. Одно без другого не существует. Во всяком случае, весь уже многолетний опыт противостояния утверждал, что это именно так и по-другому быть не может. Колдует тот же самый человек из костей и мяса. А коли так, то и мага можно убить или ранить. Ведь человеческая плоть смертна. И, следовательно, сагуса можно отравить или усыпить, поскольку организм его реагирует на яды и наркотики почти так же, как и организмы простых смертных. Его можно лишить сознания, обездвижить, сбить с толку, испугать наконец или утратить. Много чего можно с ним сделать, чтобы помешать волхованию.

Конечно, в чистом поле, в толпе, в лесу или в городе, задействовать весь этот арсенал было сложно, если возможно вообще. И у магов появлялся шанс отбиться и уйти в бега. При том шанс сильный и, в любом случае, значительно отличающийся от нуля. Однако здесь, в

стационаре, за счет огромной концентрации сил и средств у людей было полное преимущество. Здесь магия переставала — или почти переставала — быть решающим преимуществом. Не знать этого Лиса не могла, даже если бы никогда не состояла в боевке, где все эти важные подробности изучались на полном серьезе. Но она-то в свое время и в боевиках побывать успела, как тот пострел, что везде поспел. Так, какого же хрена, поперлась черту в зубы? Вопрос простой, но и ответ к нему имелся такой же очевидный. Она сорвалась.

Такое случалось, и не так уж редко, как хотелось бы. Устала, выдохлась, надорвалась... Или внезапно ощутила чувство вины перед той, кто должен был теперь умереть? Лиса не была первой и последней вряд ли станет. Рано или поздно, это происходило со всеми, или, во всяком случае, со многими. И чем дольше ты существуешь в подполье, тем больше вероятность срыва. Когда-нибудь и на чем-нибудь, но ты споткнешься. На чести или совести, на чувстве солидарности или ощущении бессмысленности своего существования. На страхе, наконец, вечном страхе подпольной крысы, который однажды обращается в свою противоположность — безумную и бессмысленную отвагу. Или, напротив, на переоценке свои сил, или еще на чем. Но, так или иначе, она это сделала вполне осмысленно. Купила билет в один конец и ни о чем, кроме своей самоубийственной задачи, не думала, предоставив судьбе взвешивать шансы и самой определять, кому жить, а кому умирать.

«Чего тут думать, трясти надо!» — вот как можно было выразить ее тогдашние ощущения. Она просто интуитивно и совершенно спонтанно, разумеется, ощутила полную невозможность для себя оставить все, как есть. Пика была ее подругой, и этого было достаточно. Поэтому и оказалась Лиса в начале третьего перед Серым домом, наскоро прикидывая, как пройдет первую линию обороны и совершенно не занимая голову вопросом, что будет делать потом, когда окажется внутри здания. Представить заранее, что там произойдет и как, Лиса не могла, а потому и не заморачивалась исследованием избыточных сущностей.

«Главное ввязаться в бой, а там посмотрим. Так, кажется?»

Впрочем, все вышло несколько иначе, чем она планировала, но виноваты в этом были не люди, и не сама Лиса, а случай в лице еще одного отморозка, который этой ночью поставил идею солидарности выше собственной жизни.

Внутри здания вдруг что-то произошло. Разобрать, что именно, Лиса в первый момент не смогла. У нее только возникло смутное ощущение целенаправленного движения «наружу». Однако уже через несколько секунд, когда с треском вылетели рамы в окнах третьего этажа, и из оголившихся проемов ударили столбы темного, перебитого жгутами дыма пламени, она не только убедилась в правильности своих ощущений, но и узнала почерк Черта.

«Черт!»

Внутри здания что-то гроыхнуло, так что вздрогнула под ногами земля, и сейчас же взвыли сирены, и на крышах соседних домов вспыхнули мощные прожектора, заливая все пространство вокруг здания Бундескриминальамт нестерпимо ярким электрическим светом. И сразу же, будто того только и дожидались, раздались первые одиночные выстрелы, сразу сменившиеся автоматными очередями и глухими хлопками подствольных гранатометов. Впрочем, стреляли пока, по-видимому, только газовыми и световыми гранатами, так как разрывов слышно не было. Но и шумовые генераторы еще не включились тоже.

«Сейчас запустят генераторы...»

Лиса ударила «синью» по угловым окнам четвертого этажа и тут же, не глядя, на результат своей первой, имевшей чисто отвлекающий характер диверсии, со всей силы вломила «молотом» по стене в районе двойных броневых ворот. Массивная железобетонная стена, разумеется, устояла, только пошла трещинами да кое-где как бы обуглилась, но лиха беда начало. Лиса крутанулась на месте, посылая во все стороны, куда только получалось, полные пригоршни «ведьминого огня» и волны «озноба». В ближайших к ней зданиях и в машинах, припаркованных по краям улиц или остановившихся из-за внезапно вспыхнувшего боя на проезжей части, посыпались стекла, и кое где возникли быстро набирающие силу пожары. Разумеется, толку от ее действий было немного, но и цель у Лисы была совсем иной. Ей требовалось отвлечь внимание полицейских от прорывающегося Черта. Но в это время внутри здания полицейского управления с ужасающим грохотом обрушились межэтажные перекрытия, и Лиса поняла, что времени осталось в обрез. Или она поможет Черту выбраться, или им обоим конец. Она в последний раз ударила в уже ослабленную первым «молотом» стену и, не останавливаясь, бросилась в ужас своей «окончательной тишины». Рискуя так, как можно рисковать только перед лицом неминуемой смерти, она стремительно проскочила все три ступени «погружения» и, едва не потеряв сознания от колоссальности мира раскрывшегося перед ней, вокруг нее и внутри, рывком — без переходов и промежуточных «станций» — оказалась в жестоком холоде остановившегося времени.

Что именно случилось потом, в следующие за тем минуту или две, Лиса сказать затруднялась. Из «великого мгновения» ее, по-видимому, вышибли включившиеся генераторы белого шума, ударившие сразу на всех возможных частотах. К этому моменту, Лиса, возможно, успела перебить множество народу, как причастного к делу, так и совершенно безвинного, но, главное, обесточила весь прилегающий к месту боя район, потому что, очнувшись, обнаружила себя лежащей ничком на пахнущем бензином асфальте почти в полной — если не считать света от многочисленных пожаров — темноте. Впрочем, сознание вернулось к ней ненадолго. Превозмогая дикую резь в глазах и сводящую с ума боль в ушах, Лиса поднялась с земли. Увидела, как вырывается на улицу сквозь брешь, пробитую в бетонной стене, объятый пламенем человек, за которым тянется дорожка разрывов от бьющих вслед автоматических авиационных пушек, как человек этот — вялая, почти ничего не значащая мысль, «Черт?» — бросает во тьму неподвижное тело женщины, которую он, оказывается, нес на руках, и как за миг до этого, оттуда, из сплотившегося в створе улицы мрака, вылетают в сторону захлебывающихся бешеным лаем пушек-автоматов рваные комки раскаленной до белизны «ртути», и снова лишилась сознания, потому что откуда-то сверху, вероятно, с вылетевшего из-за домов геликоптера, на нее посыпались газовые бомбы.

8

Выйдя из под душа, Лиса протянула руку к белому махровому полотенцу и остро пожалела, что не взяла с собой в туалетную комнату ни сигарет, ни выпивки. На душе было погано, и что-то такое ей в любом случае сейчас не помешало бы. Но никакого алкоголя у нее, разумеется, не было ни здесь, ни в комнате, а сигареты... что ж пачка каких-то сигарет, оказавшихся по случаю в одной из угнанных ею машин, осталась лежать на прикроватном столике.

«Две минуты, — сказала она себе, набрасывая на плечи огромное полотенце. — Еще две минуты, и...»

Но желание оказалось настолько острым, что она опять — и притом совершенно неконтролируемо, что было очень плохо — оказалась в своем «нигде и никогда».

«Черт!» — ругнулась Лиса и моментально вернулась в свое мокрое, осязаемо подрагивающее от холода тело. Но дело было уже сделано. Подсознание сработало настолько стремительно, что Лиса даже не уловила, что и как она наколдовала. Однако, вернувшись в ванную комнату, обнаружила, что сжимает в левой руке толстостенный стакан, наполовину наполненный жидкостью цвета крепкого чая, а в правой — уже предупредительно раскуренную сигарету.

«Что за хрень?!»

Вид этих предметов оказался настолько неожиданным, что Лиса, так и не успев высушить мокрого тела, уселась на крышку унитаза и с недоумением, если не сказать большего, уставилась на свои руки. Впрочем, стакан занимал ее в меньшей степени. Он был стандартный, то есть такой, в каком ей подали бы виски в абсолютном большинстве баров Германии, но сигарета... Сигарета была, прямо сказать, не рядовая, характерная такая сигарета, но главное хорошо Лисе знакомая. Видела она уже одну такую. При том совсем недавно, как раз прошедшей ночью.

Лиса поднесла стакан к носу. Понюхала, продолжая искоса поглядывать на выющийся над кончиком сигареты сизый дымок с чуть приторным и тоже знакомым запахом. Потом сделала осторожный глоток. И не разочаровалась. И тут же добавила. Разумеется, это был виски, причем очень хороший, выдержанный — из дорогих — и Лиса даже знала, что это за сорт, хотя дегустатором была аховым. Таким виски угощал ее несколько лет назад Ирландец — координатор северо-американской «ветки» Эстафеты. Так что подсознанию, судя по всему, и трудиться сильно не пришлось, оно просто вытянуло из памяти подходящее впечатление и...

«И как же я его сотворила?» — растерянно спросила себя Лиса, никогда не бывшая способной проделывать такие фокусы вне Города.

«А как я это делаю там?» — вопрос был не праздный, потому что она никогда, вернее давным-давно, его себе не задавала. Просто творила, и все. А как... В чистилище все что-то такое умели, так почему бы и ей не уметь?

Но вот сигарета... С ней все обстояло гораздо хуже, потому что Лиса совершенно не помнила, что бы когда-нибудь курила такие сигареты, да еще и с грасом.

«Обалдеть!» — она встала с горшка и, не обратив никакого внимания на то, что так и неиспользованное по назначению полотенце соскользнуло с плеч, шагнула к зеркалу.

«Н-да...» — еще секунду или две Лиса стояла перед зеркалом, а потом опрометью, как была голая и мокрая, бросилась в комнату.

Сумочка оказалась именно там, где она помнила, в кресле у стены. Там же была свалена и вся ее одежда, наскоро сброшенная чуть больше двух часов назад. Отшвырнув джинсы в сторону, и зажав мешавшую сигарету в зубах, Лиса одной рукой открыла сумочку и, достав из нее паспорт, раскрыла на первой странице. Сомнений не было — на фотографии в паспорте она увидела точно то же, что и в зеркале, лицо.

«Твою мать!» — она залпом допила оставшийся в стакане виски, затянулась, и снова пошла в ванную.

Однако зеркало менять показаний не собиралось. Там, по ту сторону стекла, в иллюзорном мире отражения перед Лисой стояла совсем не та женщина, которую она ожидала увидеть. Нет, при ближайшем рассмотрении, что-то от Доминики Граф в ней

определенно осталось, но совсем немного. Волосы стали длиннее и изменили свой цвет. Теперь на голые плечи Лисы ниспадала волна совершенно седых волос. Изменились и черты лица, став жестче, но, пожалуй, и интереснее, выразительнее, а глаза из голубых стали темно синими. А вот брови и ресницы и... да, опустив взгляд, она убедилась, что раньше, как и Доминика, была брюнеткой.

«Господи прости!» — но если честно, женщина эта Лисе понравилась гораздо больше, чем уже почти исчезнувшая фрекен Граф. Эта... Лиса недоверчиво заглянула в паспорт, но все так и было, как подсказывала неизвестно откуда взявшая эти подробности память. Дебора Варбург была несколько старше, чем Доминика, хотя и не на много. Вопреки бросающейся в глаза седине — вполне уместной, как ни странно, и даже эффектной — это была молодая тридцатилетняя женщина, интересная и сильная, хотя писаной красавицей ее, вероятно, назвать было нельзя. Но, в любом случае, с первого взгляда становилось очевидно, что была она, что называется, необычной. А еще... Еще, если она и не приходилась сестрой-близнецом Деборе из Города, то и сходства черт между двумя этими женщинами, не увидеть было трудно.

Глава 10

Невыносимая сложность бытия (4–5 октября, 1999)

1

Каскад изменился даже сильнее, чем он предполагал. Во всяком случае, на Карнавальной улице и вокруг Итальянской площади за прошедшие годы появилось много совершенно новых зданий, некоторые из которых отличались особой изысканностью и, пожалуй, даже вычурностью. Противоестественный союз неоготики и западноевропейского барокко способен был, оказывается, творить чудеса. Да и у многих старых домов, которые Виктор, как ни странно, все еще хорошо помнил, видимо, сменились хозяева, преобразившие их облик — в угоду собственному вкусу и потребностям — почти до полной неузнаваемости. Впрочем, если быть последовательным, чего-то в этом роде ожидать и следовало. Город менялся просто потому, что все время менялись его обитатели. Это происходило всегда и везде, теперь случилось здесь. Пятнадцать лет большой срок даже для обычных человеческих городов, ну а в Чистилище, полтора десятка лет это и вообще целая эпоха.

«Сменилось поколение», — отметил он, прогулявшись по обретшим новую, пусть и призрачную или, вернее, иллюзорную жизнь улицам.

На самом деле, Каскад стал новым городским центром не сегодня и не сразу. Насколько Виктор помнил, Итальянская площадь и прилегающие к ней улицы начали привлекать молодежь еще лет семнадцать-восемнадцать назад. А некоторые полюбили этот, в то время тихий и малопосещаемый уголок с самого начала. Так что новизна личин и городских видов не должна была вводить в заблуждение. Наверняка, здесь все еще можно было встретить и кого-нибудь из городских старожилов. Причем, не лишь бы кого, а именно тех, кто мог Виктору теперь понадобиться.

«Или нет», — последняя мысль в равной степени относилась, как к тому, что на Каскаде можно увидеть и знакомые лица тоже, так и к тому, что встреча с кем-то из старожилов все еще могла иметь для Виктора хоть какую-то ценность.

Он посидел немного в «Шабаше» — надо отдать должное вкусу хозяина — стильном кабаке, где, впрочем, не подавали ничего лучше горького пива, напомнившего Виктору венгерское, произведшее на него когда-то, в Будапеште, самое неприятное впечатление, и дрянной, «доперестроечной» водки. Затем, прогулялся по самой площади, рассматривая

вечно сухие фонтаны и витрины новых кафе и ресторанов, которые, несмотря на дневное время (во всяком случае, в Европе и ее окрестностях), отнюдь не пустовали. Потом, от нечего делать, зашел в харчевню Клары, которая, как он помнил, являлась подлинным старожилом Каскада вообще и Итальянской площади, в частности, но ни луковый суп, ни традиционный портвейн его сейчас не заинтересовали. И, побродив еще немного по переулкам за «королевским» дворцом, где располагались мастерские местных художников, и где Виктор нашел несколько по-настоящему неординарных работ, созданных людьми, которые на самом деле, то есть в своей настоящей жизни, скорее всего, не были способны даже на то, чтобы ровно провести прямую линию, вернулся на площадь. Здесь он немного послушал игру уличного музыканта, бездарно, но с чувством игравшего на дрянной скрипке, поболтал — ни о чем — с каким-то словоохотливым типом из относительно новых старожилков, и наконец присел отдохнуть в кафе «У Лешего», где со вкусом и удовольствием выпил кофе по-ирландски, на удивление оказавшийся просто великолепным. Лешего — худого, как щепка, и вечно хмурого, какого-то по-осеннему пасмурного мужика с седым бобриком коротко стриженных волос на шишковатой голове и крупными, но грубыми чертами лица, Виктор помнил еще по Верхнему городу, но вот тогдашние напитки Лешего особого впечатления как будто не производили. Впрочем, люди не только стареют, они еще и учатся. Так что ничего необычного в таком обороте дел, в общем-то, не было. А вот увидеть второе уже знакомое лицо, даже такое, каким обладал хозяин кафе, было просто приятно, так что Виктор задержался у Лешего дольше, чем предполагал, и с удовольствием выпил еще одну чашку кофе. И сливки, и виски — по-видимому, «настоящий» ирландский мальт — были выше всяческих похвал, да и сама атмосфера традиционного английского паба, в котором, однако, не разливали ни пива, ни эля, располагала к неторопливому времяпрепровождению, что было более чем, кстати, так как спешить Виктору было совершенно некуда. К тому же кафе-паб Лешего оказался местом весьма оживленным. Не то, чтобы из-за своей популярности он был битком набит. Но люди сюда заходили все время и, если и не задерживались надолго, то, уж во всяком случае, и не молчали, а, разговаривая, голосов не понижали, так что уже через десять минут, без всяких на то особых усилий, Виктор оказался в курсе всех сколько-нибудь значимых новостей Города и Мира. И новости эти, положив руку на сердце, ему совсем не понравились. Вернее, ему не понравилась одна конкретная новость, которую больше всего, собственно, и обсуждали.

Известие, что ночью женился какой-то Чел из Цитадели, оставило Виктора равнодушным. Он не знал ни этого человека — и даже угадать не мог, чем он так знаменит — ни того, что такое эта Цитадель, и что с ней не так. Соответственно, ему не интересны были и гадания о том, на ком женился этот неведомый ему Чел и почему. Во всей этой истории по-настоящему интересным было одно лишь упоминание имени Монгола.

«Значит, Монгол жив», — отметил Виктор, прислушиваясь к щебетанию двух дамочек, пристроившихся на высоких табуретах около стойки и не забывавших, несмотря на увлекательную тему разговора, демонстрировать всем желающим, свои длинные гладкие ноги едва ли не до самых трусов которые, впрочем, у обеих отсутствовали, как факт. И это тоже было не новым и очень даже характерным для Города явлением, которое проявилось почти сразу, как только первые маги начали топтать его улицы и, по всей видимости, за прошедшие годы ничего здесь кардинально не изменилось. Для многих Город был не только местом, где можно встретить себе подобных и хоть немного пожить, не таясь, но еще и редкой и почти недостижимой для обычного человека возможностью реализовать любые

свои фантазии, даже самые неприличные, любые желания, даже такие, которым на «той стороне» места не было или не могло быть по самым разным обстоятельствам, от моральных до физических. Однако заниматься социологией и антропологией Чистилища в планы Виктора ни сейчас, ни вообще не входило. Все, что следовало об этом знать, он узнал еще много лет назад, а для новых исследований не было ни причины, ни, что самое главное, настроения.

Точно так же, мало заинтересовало его и обсуждение идущих уже целую неделю по всей Европе облав, направленных, как будто, против маргиналов всех мастей и раскрасок и против партий и организаций, находящихся по краям политического спектра. На самом деле, эта была очередная акция властей в их длящейся уже более трех десятилетней войне против магов. Такое уже происходило на памяти Виктора, и не раз. Так что ничего нового для себя он не узнал. Еще одна операция, только и всего. А вот вызвавшее у местной публики настоящий ажиотаж известие о ночных столкновениях в Мюнхене оказалось очень интересным, потому что, если «очевидцы» не ввали, а они, похоже, не слишком преувеличивали, ночью там отметились, как минимум, два мага совершенно невероятной силы. В свое время, такое могли устроить Нерон или Конфуций, Агасфер, Калигула или Аарон... Однако во время их последней встречи, Лиса сказала, что все они давно и безнадежно мертвы. Следовательно...

Дверь из толстого голубовато-сиреневого стекла, покрытая снежными узорами, открылась, и в паб вошел Бах. Высокий, элегантный, с черной тростью в руке, он «равнодушно» оглядел зал, сдержанно кивнул бармену, не торопясь, прошел к свободному столику — у Виктора сразу же возникло впечатление, что стол этот был свободен для Баха всегда — и сел. Не прошло и минуты, как перед джентльменом с седыми висками возник, как бы, сам собой стакан с виски.

«Это судьба...» — Виктор допил кофе и, оставив насиженное место, пошел «знакомиться».

— Здравствуйте, господин Бах, — сказал он, вплотную приблизившись к столику, за которым в одиночестве сидел со своим стаканом Петр Кириллович Лавров.

— Добрый день, — вежливо ответил старик, поднимая на Виктора взгляд внимательных серых глаз. Вероятно, он пытался сейчас вспомнить этого абсолютно незнакомого ему невысокого мужчину, похожего не только одеждой, но как будто даже и внешне на Алексея Александровича Каренина в исполнении актера Гриценко. — Мы знакомы?

— Нет, — так же вежливо улыбнулся Виктор. — Но у меня к вам дело, милостивый государь. Вы позволите? — и он кивком указал на свободный стул.

— Садитесь, — «равнодушно» пожал плечами Петр Кириллович. — Я вас слушаю.

— Благодарю вас, — Виктор сдержанно, вполне в рамках своей нынешней роли, поклонился и, присев к столу, жестом показал бармену, что хотел бы получить то же самое, что и господин Бах. — Собственно, дело у меня простое. Некто, кого вы, по-видимому, должны помнить, но кого, вероятно, все остальные успели забыть, просил передать вам, господин Бах, следующее. В ближайшее время, к вам — там, а не здесь — придет человек и передаст привет от вашего старого друга. Назовет он и пароль. Разумеется, пароль старый, так как нового, по известным вам причинам, он знать не может. Человек этот, — Виктор сделал паузу, предоставляя бармену возможность поставить перед ним стакан и вернуться к стойке. — Передаст вам весьма ценную информацию по интересующим вас и ваших друзей вопросам. Вы меня понимаете?

— Возможно, — дипломатично ответил Бах, который не мог не обратить внимания ни на осведомленность незнакомца в очень специфических вопросах, ни на то, что тот упомянул, пусть и в завуалированной форме, имя давно сгинувшего Некто Никто.

— Ну и, слава богу! — улыбнулся чужими губами Виктор. — Информация, если я правильно понимаю, имеет вполне сенсационный характер, и наш общий друг полагает, что она должна быть, как можно скорее распространена по всем возможным каналам. Здесь и там. Вот, собственно, и все.

Виктор отхлебнул из стакана и, хотя виски был аутентично хорош, внутренне поморщился, как делал всегда, когда пил крепкие напитки, хоть в этом мире, хоть в том.

— А сам наш общий друг, — медленно спросил Бах. — Он зайти на чашечку кофе не хочет?

— Возможно, — с той же интонацией, что давеча Бах, ответил Виктор. — Возможно что и хотел бы. Возможно, он не отказался бы и от вашего фирменного... кофе, — Виктор прекрасно знал, что Петр Кириллович никакого кофе давно уже не пьет, потому что предпочитает крепко заваренный чай с лимоном. — Но, возможно так же, что он просто не сможет.

«Возможно, — подумал Виктор без раздражения и тоски. — Я уже ни к кому не смогу прийти. Мертвые не возвращаются, не так ли? Но иногда... воскресают. Посмотрим».

— Господь обещал нам жизнь вечную, — эти слова Баха можно было принять в том смысле, который отвечал контексту разговора, но в то же время, это был очень старый и никому, кроме них двоих, неизвестный пароль.

— Я знаю, о чем вы, — сказал Виктор, но отзыва не назвал, оставив, таким образом, вопрос о своем происхождении открытым. — Но обстоятельства, господин Бах, иногда сильнее нас.

— Вы правы, — согласился явно не на шутку озабоченный его словами Петр Кириллович. — Это все?

— Да, — Виктор отхлебнул еще виски и хотел было уже встать, но вдруг сообразил, что некоторые недоумения легко разрешаются при помощи слов.

— Скажите, господин Бах, — спросил он, отодвигая от себя пустой стакан. — Давно ли вы видели здесь донью Рапозу?

— Я видел ее несколько дней назад, — настроение Баха неожиданно изменилось. Сейчас он явно был чем-то расстроен.

— Прошу прощения, — сказал Виктор осторожно, удивляясь, такой реакции старика. — Я чем-то вас расстроил...

— Вы, видимо, просто еще не в курсе, милостивый государь, — в серых глазах Баха появилось недоуменное выражение. — Донью Рапозу вычислили, и ее лицо, настоящее лицо, уже который день показывают по всем каналам телевидения.

2

«Почему так?» — накануне он пошел «в разнос» и чуть не погиб. Впрочем, «чуть» не считается. Зато теперь, после случившегося с ним в Мюнхене, Кайданов мог хотя бы утешать себя мыслью, что не сойди тогда с ума, не было бы у него и Рэйчел. Викки была бы, но не факт, что она разрешила бы ему увидеть в себе Рэйчел. И уже совершенно точно, что сам — без «посторонней» помощи — он вряд ли смог бы разобраться в своей разрушенной отчаянием и ненавистью душе. А значит, не нашел бы там самого главного в своей кривой жизни: не обнаружил бы там любви, которую, правду сказать, и не искал, и о своей

способности любить тоже никогда бы не узнал. Так что, рассматривая все с ним случившееся, «обратным взглядом», Кайданов, если и не благодарил судьбу за единственный и, скорее всего, неповторимый случай, то уж точно, что на нее не пенял. Другое дело, что, как говорил любимый им в юности и, как ни странно, до сих пор не забытый за злобой дня, одесский бандит Беня Крик, «мене испортили праздник».

Праздник, и в самом деле, был бесповоротно испорчен. И дело не в том, что в Городе, этой ночью, не оказалось ни одного из тех людей, кого Герман мог назвать своим другом. Их и вообще-то немного было, таких людей, и шанс застать их в Чистилище именно тогда, когда они ему понадобились, был невелик. Но это было как раз ожидаемо, а значит, терпимо. В конце концов, с ним пришла туда Рэйчел, и Монгол оказался на месте, а до остальных Кайданову в тот момент и дела не было. Не переживал он, если честно, и из-за того, что израсходовав накануне все силы на бессмысленную бойню, не смог соответствовать именно тогда, когда, по идее, должен был быть на высоте. Все-таки хоть это и была их первая брачная ночь, но ни первой, ни даже десятой, она на самом-то деле для них не стала, а Кайданов, как ни крути, был после чудовищного «разноса». Да и не главное это. Но вот то, чем оказалась отмечена эта их первая ночь «вместе», вызывало у него теперь — после всего — настоящее раздражение.

Кто воевал ночью в Мюнхене, и почему? Что вообще там произошло, да еще дважды за одну ночь? За что бились эти люди и за что умирали — а Герман был уверен, что уйти живыми из устроенного ими ада, все участники событий никак не могли — оставалось неизвестно. Не внесли ясности и сообщения властей, которые они с Рэйчел слышали по радио, возвращаясь на взятой на прокат машине, в Берлин. Судя по тому, что ввали бундесы, ночью кто-то ударил по святой святых — по штаб-квартирам полиции и контрразведки. Но кто мог решиться на такое безумие? Даже бойцы ультрарадикального крыла боевки таких операций уже лет десять, как не проводили. Слишком большими силами располагали фашисты, находясь в своих собственных крепостях. А ведь был еще — если и этого мало — инцидент, произошедший сутки назад во Франкфурте. И случайным он Кайданову теперь не казался. Герман буквально нутром чувствовал, что события эти между собой как-то связаны. Но как? И при чем здесь, сменившая облик Лиса?

То, что объявленная во всемирный розыск Рапоза оказалась способна на такое мощное колдовство, как «обращение», его не удивляло. В конце концов, если смог он, то почему не могла и она? Ведь Лиса изначально была сильнее Кайданова, это и Иаков в свое время заметил. Но вот то, что она объявилась в Мюнхене как раз за несколько часов до того, как кто-то, обладающий огромной силой, сначала разгромил полицейское управление, а потом сжег еще и баварскую штаб-квартиру контрразведки, случайным быть не могло. Во всяком случае, Кайданов в это не верил.

«Таких совпадений не бывает!»

Впрочем, он бы, может быть, еще и поверил в «стечение обстоятельств», однако за пару дней до этого Лиса появилась у него в Цитадели и искала она не кого-нибудь, а Уриэля. И это еще больше усложняло ситуацию, потому что порождало новые непростые вопросы. Знала ли она, что Уриэль это и есть Кайданов? И кого она искала на самом деле, Уриэля — самого отмороженного из всех ублюдков, обитающих в европейском террористическом подполье, или его самого, Германа Кайданова? И зачем?

От всех этих вопросов можно было «крышей поехать», но Кайданов знал обо всем этом слишком мало, чтобы, если на них и не ответить, так хотя бы какую-никакую гипотезу

предложить. С одной стороны, он был почти стопроцентно уверен, что до посещения Цитадели, о том, что Чел это его новая личина, Лиса не знала, но вот относительно вчерашней встречи, он уже такой уверенности не испытывал. Смог ее узнать он, могла узнать его и она. Но что из этого следовало? Ей понадобился именно Кайданов? И именно теперь, после двадцати лет разлуки? Но зачем, прости господи? Или ей все-таки нужен был Уриэль?

Логически рассуждая, у нынешней Лисы никаких дел к этому террористу быть, вроде бы, не должно, но, с другой стороны, что он, собственно, о ней знает? Не знал ведь, что в свое время она участвовала в охоте на Вальдхайма, и про штаб ГСВ ничего не знал. Так, может быть, и «официально» заявленный выход из боевки тоже был всего лишь «оперативным ходом»?

«А если ее уже нет?» — мысль эта оказалась невыносимой. Вот вроде годы и годы прожил, никак о Лисе не вспоминая, а сейчас вдруг понял, что если она не придет — «Никогда!» — на встречу в Берлине, это будет означать, что произошла страшная непоправимая трагедия, такая же, как гибель Ольги, или смерть Некто Никто. Такие люди не должны умирать, но он был уже большой мальчик и знал, что смертны все.

Предположение о гибели Лисы заставило его буквально содрогнуться, потому что по вполне понятной в его случае ассоциации Кайданов тут же подумал о Рэйчел. Вот в этом, по сути, и было дело. Вместо того, что бы наслаждаться жизнью, «купаясь в лучах счастья», Герман провел свою первую брачную ночь в тревоге и недоумении. И сейчас, сидя в мчащейся по автобану Тойоте, не любимой своей любовался, а высчитывал варианты, ломал голову или просто «умирал от страха».

«Страх, — признал он, глядя сквозь лобовое стекло машины на запруженное множеством автомобилей шоссе — Вот чего еще я не ожидал в себе обнаружить».

3

Уже смеркалось, когда они добрались до кладбища. Было тихо, пыльно, и жарко. Поднявшийся к вечеру сильный восточный ветер вожделенной прохлады не принес. Напротив, стало еще хуже.

«Шараф»[51], — Ольга докурила сигарету до фильтра и, достав из наплечной сумки бутылку минеральной воды, сделала несколько глотков.

С того места, где она стояла, хорошо просматривались кладбищенские ворота, через которые вот уже минут двадцать как никто не проходил, ни туда, ни обратно. Однако около приземистого ритуального павильона все еще появлялись по временам неторопливо поспешающие по своим очень специальным делам мужчины в черном. Впрочем, и их активность явно шла на спад.

«Скоро», — Ольга вернулась в машину, завела мотор и включила кондиционер. Стало легче. Но это «легче» относилось исключительно к физиологии. На душе было беспокойно и лучше от пришедшей в салон Форда искусственной прохлады не стало.

Время подходило к шести, но никто, кроме нее самой и троих ее бойцов, так и не объявился. Естественно, это не делало операцию безнадежной в принципе. Теоретически, с этим делом она могла справиться и сама. Однако неопределенное «теоретически» заставляло Ольгу нервничать, потому что последний этап, к которому она приблизилась вплотную, был самым непредсказуемым. Никто — даже сам Август! — не знал наверняка, что и как нужно будет делать в том случае, если к моменту их появления, он умрет. Но, как назло, именно это с ним и произошло.

Совершив почти невозможное, они прибыли в аэропорт имени Бен Гуриона без четверти два, перескочив в Милане на уже объявленный на посадку рейс на Тель-Авив. Чего это им стоило, отдельная история, но деньги, как не уставал повторять Август, способны — пусть и в некоторой степени — заменить даже волшебство. Деньги и откровенный бандитизм, факты которого еще предстояло расследовать итальянской полиции, свое дело сделали, и к двум часам дня они были на месте. И дальше все прошло на редкость гладко. Машины на долговременной парковке в здании, примыкающем к главному терминалу, угнать удалось, практически не прибегая к магии. Больницу разыскали быстро, благо и ехать оказалось недалеко. И с секретаршей в справочной получилось очень удачно. Девушка говорила по-русски, и Антон очень убедительно сыграл дальнего родственника Августа, только сегодня прибывшего из ФРГ и от волнения путающего английские, русские и немецкие слова. Правда, к этому времени, Ольга достоверно знала, что никого из своих ближе двухсот километров нет. Во всяком случае, она никого не чувствовала, и это было очень плохо. Но возникшая в ее душе тревога превратилась в нечто, не сильно отличающееся от страха, когда выяснилось, что Виктор Корф скончался восемь часов назад и, вероятно, уже предан земле. Вот это был настоящий удар, потому что неожиданно она — один на один в полном смысле этих слов — столкнулась с самым скверным из всех предусмотренных ими сценариев. Август был мертв уже восемь часов, и сколько сможет теперь продержаться, сидя в буквальном смысле этого слова на своих «бренных мощах», неизвестно, точно так же, как и то, что предстоит в этом случае сделать. «Воскрешение» относилось к таинствам Восьмой Ступени и при том являлось наименее исследованным мудрецами древности. Во всяком случае, во всех без исключения книгах, которые по настоянию Августа пришлось прочесть Дженовре, об этом волховании говорилось настолько туманно и витиевато, что создавалось впечатление, что Учителя и сами толком не знали, о чем, собственно, идет речь. И такое предположение отнюдь не было лишено смысла. Возможно, древним просто не приходилось с этим сталкиваться?

Впрочем, страх («Страх?» — с удивлением спросила она себя) не вызвал у нее растерянности. Ольга была человеком дела, и эмоции, если они начинали ей мешать, умела гасить усилием своей закаленной, как лучший дамасский клинок, воли. И потом, она все-таки была не одна. С нею были ее люди, а бойцы Дженовры дорогого стоили, даже если их осталось всего трое. Она лишь мимолетно пожалела о том, что отпустила Катарину, но, поскольку сделанного не воротишь, не стала забивать голову напрасными сожалениями, и сразу же преступила к делу. Она отправила Пауля в Город к Георгу, отрядив Оскара присматривать за гонцом, а сама осталась следить за дальнейшими переговорами Антона с девушкой Любой из справочной, ее начальницей Зоар, по-русски не говорившей, но проникшейся драматизмом ситуации и взявшейся выяснить в похоронном бюро подробности захоронения несчастного господина Корфа, и водителем амбуланса, очень к стати оказавшимся тоже «русским» и давшим Антону подробные наставления по поводу того, как лучше проехать к кладбищу и как там, в этом городе мертвых, сориентироваться.

Пауль вернулся, когда они уже подъезжали к кладбищу. Все это время он мирно «спал» на заднем сиденье Форда, что выглядело вполне естественно, и никаких вопросов ни у кого вызвать не могло. К сожалению, известия, принесенные гонцом, были отнюдь не утешительными. Август появился в кофейне Гурга еще утром, второй раз заходил около полудня, и обещал снова заглянуть только ближе к вечеру. Однако найти его сейчас в огромном Городе, не имея в запасе достаточного времени, Пауль, разумеется, не смог. Но

это полбеда. Настоящая беда («Да, да, беда, — решила тогда Ольга. — Беда, но еще не катастрофа») заключалась в том, что все остальные безнадежно опаздывали. Гектор, судя по тому, что рассказал Паулю Георг, воплотился где-то в Северной Америке — в США или в Канаде — и как раз сейчас летел со своими людьми в Израиль, но прибытие их рейса ожидалось не ранее полуночи. А ведь Гектору еще предстояло «сориентироваться на местности». Ночью, имея в качестве маяка один лишь ее, Ольги, «зов». Правда, Пауль оставил Георгу номер своего мобильного телефона, но сможет ли Гектор послать кого-нибудь в Город до посадки самолета? Да, если и сможет, пошлет... Появиться на кладбище они смогут только к середине ночи, и это в самом лучшем случае. Перед внутренним взором Ольги возник образ спокойного коренастого человека с грубыми чертами простого «крестьянского» лица и сидящим бобриком коротко стриженных волос, и она поняла, что Гектора ей будет не хватать больше других. Он был сама надежность. Его стойкости и упорству мог позавидовать любой другой командир, но главное, он никогда не тянул одеяло на себя, притом что, по существу, был в их маленькой команде старшим, как по возрасту, так и по положению. Он был необычайно умен, хотя заподозрить это, имея в виду его простонародную внешность, было совсем непросто, и еще Гектор был замечательно сильным боевым магом. Но, увы, судя по всему, рассчитывать на его помощь не приходилось.

Не успевал к сроку и Марий. Этого отчаянного и неукротимого, как тайфун, сукина сына, к несчастью, занесло на русский север. Триста километров к востоку от Архангельска, как сообщил Георгу присланный с сообщением Восьмой первой десятки. Глушь невероятная, учитывая, что это даже не Аляска или Лапландия, а Советский Союз. Однако за тридцать часов — даже вообразить было сложно, чего им это стоило — отряд Мария прорвался в Норвегию, где, видимо, случились форс-мажорные обстоятельства, потому что вылететь из Осло у них не получилось, и сейчас Марий летел из Стокгольма в Лондон, имея на руках билеты на чартер в Тель-Авив. Однако, даже если на этот раз все пройдет гладко, прибытия группы следовало ожидать только под утро.

«Слишком поздно», — Мария и его людей (а отряд Мария, судя по номеру гонца, наверняка, был одним из самых сильных) из конечного уравнения следовал исключить.

Ну и последний удар, если всего остального было мало. Вот уж во истину, как последний гвоздь в крышку гроба Августа! Персиваль на связь до сих пор не вышел. Правда, ближе к шести, Ольге почудилось, что на границе сознания возник далекий и неразборчивый, как угасающее эхо, зов, пришедший откуда-то с юго-востока. Возможно, это был Персиваль или кто-то из его людей, но Ольга не обольщалась. Персивалья она могла почувствовать километров за триста-четырееста. Может быть, учитывая вечернее время и качество приема, даже за полтысячи. Но это означало, что Персиваль, если, конечно, это был он, находился сейчас где-то достаточно далеко и при том не в урбанизированной Европе, насквозь пронизанной идущими во всех направлениях дорогами и утыканной аэропортами, как подушечка портного иголками, а в глуши арабского востока, где ни нормальных дорог, ни подходящего транспорта, тем более, в вечернее время, найти было невозможно. Так что и он из расчетов Ольги, как значимый фактор, по всей видимости, выпадал, и полагаться она могла только на себя.

Ольга достала сигарету, закурила, размышляя над тем, что и как, ей теперь предстояло сделать, и почти машинально включила радио. Слабенький приемник угнанного Форда ловил передачи исключительно на арабском и иврите. Попалась, правда, еще одна станция,

вещавшая, судя по всему, с Кипра или Родоса на греческом языке, но ни одной англоязычной волны выудить среди помех не удалось. В конце концов, Ольга остановилась на какой-то, вероятно, все же еврейской станции, крутившей в эфире классическую музыку, и окончательные детали своего нового плана обдумывала уже под увертюру к «Лебединому озеру» Чайковского. И в этот как раз момент какой-то обремененный не малым брюшком тип в черном лапсердаке и широкополой шляпе закрыл наконец ворота кладбища и стал прилаживать к ним толстую цепь с амбарным замком.

Сумерки, между тем, сгустились настолько, что, если бы не жидкий, как китайский чай, свет зажегшихся с четверть часа назад фонарей, здесь стало бы совсем темно.

«Пора», — Ольга помигала левым поворотником, подавая сигнал Антону и Паулю и, дожидаясь их появления, выпила еще немного воды.

— Антон, — сказала она, когда мужчины подошли к машине. — Сходи на кладбище и найди могилу, но перед этим предупреди Оскара. Он пока остается в охране. Пауль, сядет ко мне в машину и «подержит меня за руку». Я ненадолго. Полчаса, максимум — час.

4

Мысли о Лисе не покидали его весь день. Возможно, виной тому был пережитый накануне стресс, но, не менее вероятно, что драматические изменения, столь неожиданно случившиеся в душе Кайданова, распространялись теперь не только на Рэйчел, но и на всех прочих достойных подобного отношения людей. На Алису, например. Однако, так или иначе, беспокойство, зародившееся в душе Германа по дороге из Мюнхена в Берлин, не проходило, а, напротив, усиливалось. И ближе к ночи ему стало окончательно ясно, что терпеть неизвестность и дальше — «Господи, да что же со мною происходит?!» — он не в силах, и, плюнув на гордость, Герман признался в этом молодой жене.

Однако Рэйчел, как ни странно, его поняла и, не задав ни одного вопроса, сама предложила, сходить в Город.

— Я подержу тебя за руку, — улыбнулась она. — Иди.

Было девять часов вечера. Не лучшее время, если честно, искать кого-нибудь в Чистилище, но Кайданов просто не мог больше ждать.

— Возможно, я задержусь до утра, — сказал Герман, испытывая совершенно незнакомое, вернее, хорошо и давно забытое чувство, когда-то называвшееся смущением.

— Ни в чем себе не отказывай, милый, — улыбнулась в ответ Рэйчел. — Но учти, в половине шестого я тебя выдерну. В восемь ты должен быть в офисе.

— Договорились, — Кайданов обнял Рэйчел и поцеловал в губы.

— Ну уж нет, — сказала она через мгновение, прерывая поцелуй. — Ты уж выбирай, дорогой, или целоваться, или... Иди!

И он пошел.

Начал он, разумеется, с Цитадели. Во-первых, потому что это было самое малоперспективное с точки зрения поисков Лисы место. А во-вторых, по привычке. Куда и пойти в Городе Челу, как не в Цитадель?

Народу там, как и ожидалось, почти не было, и ничего нового про события в Мюнхене, кроме слухов самого бредового содержания, Кайданов от немногих находившихся на базе людей не услышал. Его насторожили только упорно повторяемые «свидетельства» о трех — ну, может быть, все-таки двух — стригах,[52] которые весь этот балаган и устроили. Три или две, или все-таки одна, но указание на пол мага являлось в их практике делом довольно редким и могло означать, что, по крайней мере, одна женщина — «Неужели, Лиса?» — там

все же была. Не на сто процентов, конечно, но вероятность такая, если исходить из собственного многолетнего опыта, имелась.

Женщина...

«Лиса?»

Однако была там женщина или нет, о судьбе «безумной колдуньи» никто ничего определенного сказать не мог. Погибла, захвачена, спаслась... Сколько людей — столько версий.

В конце концов, Кайданов плюнул на Цитадель и ушел бродить по Городу. Но ни в Фергане, ни в Сохо, ни на Каскаде, никто ничего нового рассказать не мог. Всюду одно и то же: слухи (не из первых уст), версии различной сложности (в зависимости от интеллектуальных способностей комментаторов), безбожное вранье и детские фантазии. Все, как всегда. Впрочем, среди всей этой пестрой суеты, заметно активизировавшейся с наступлением ночи, Кайданов встретил и несколько вполне серьезных людей, которые, не сговариваясь, повторили ему одну хорошо знакомую истину: «слишком рано для достоверной информации». Вот через несколько дней, когда все немного успокоится, тогда... Но ждать так долго было невозможно, хотя, судя по всему, ничего другого просто не оставалось.

Побродив еще немного по Итальянской площади, Кайданов спустился к Торжищу и хотел было уже уйти домой, когда неожиданно вспомнил подслушанный — вполуха — в харчевне Клары обрывок разговора.

«Кофейня Гурга! Как же я мог забыть?» — он посмотрел на узкую улицу-лестницу, взбирающуюся в теснине плотно сжавших плечи старых домов в Верхний город к месту Иакова, и мысленно пожал плечами. Новость была, что и говорить, весьма неординарная, и то, что он ее едва не пропустил, объяснялось только тем, что голова Кайданова была занята другим.

Он постоял еще с минуту, размышляя над тем, что все это может означать, и пришел к выводу, что прежде чем строить догадки, следовало хотя бы посмотреть на это чудо своими глазами. Кто бы что ни говорил, новость могла обернуться всего лишь глупым розыгрышем или случайным совпадением, точно так же, как и простой ошибкой его, Кайданова, личного восприятия.

Он сотворил сигарету, но сделал это скорее по привычке, чем из желания закурить, и, так ни разу и не затянувшись, пошел к лестнице.

«На середине подъема...» — он достиг «того места» как раз тогда, когда совершенно забытая им сигарета прогорела до пальцев, однако, если он забыл о ней прежде, то уж верно не обратил никакого внимания на машинально отброшенный в сторону окурочек теперь, стоя перед открытыми дверями кофейни.

Из состояния оцепенения его вывел голос, раздавшийся из глубины помещения, тонувшего в навевающем мысли о прохладе полумраке.

— Добрый вечер, сударь! — сказал кто-то узнаваемым скорее сердцем, чем слухом, голосом. — Не желаете ли чашечку кофе?

«Это не Гург», — настолько обмануться Кайданов, разумеется, не мог, но, тем не менее, он даже вздрогнул, настолько это был именно тот голос, который и должен был прозвучать из этого наполненного ароматами кофе и запахами табака и специй полумрака.

— Разумеется, хочу, — ответил он через мгновение, потребовавшееся, чтобы взять себя в руки. — Благодарю вас.

Кайданов сделал несколько шагов, переходя со света вечного полдня в знакомый сумрак кофейни, и увидел перед собой все тот же навсегда оставшийся в памяти небольшой зал, облик которого заставлял вспоминать одновременно уютное литературное средневековье и не менее комфортное в своей полукрестьянской простоте средиземноморье, итальянское, греческое и, пожалуй, даже турецкое. За прошедшие годы здесь ровным счетом ничего не изменилось, ни внешне, ни в атмосфере. Не знал бы заранее — или забыл вдруг — что кофейня Гурга была закрыта добрых полтора десятка лет, подумал бы, что ничего с ней не случилось, и хозяин жив и по-прежнему угощает гостей своим неповторимым кофе по-турецки. Однако это было не так. Гург умер. Сомнений в этом у Кайданова не было, так как случайно — так уж вышло — он был посвящен в одну из тайн этого человека, и более того, именно он, Кайданов, по просьбе Некто Никто (это была их последняя встреча, о чем он, к сожалению, тогда не знал) похоронил Чеслава Немчика на старом католическом кладбище в Брно. Однако и новый хозяин кофейни, как бы ни был он не похож на Гурга, был здесь на месте. Во всяком случае, первое — самое важное — впечатление, возникшее у Кайданова, когда он вошел под низкий каменный свод, было именно таким. Узнавание, удивление, возможно даже, потрясение, но никак не отторжение и уж точно не разочарование.

— Доброй ночи, — сказал Кайданов и, только произнеся эти слова, понял, что впервые за много лет попался в расставленные ему обычные для Города силки. Он сообщил присутствующим о том, в каком именно часом поясе находится сейчас его тело.

«Ну и черт с ним!»

— Кофе, пожалуйста, — попросил он, оглядывая зал в поисках свободного места.

Народу в кофейне оказалось даже больше, чем в лучшие времена. И Кайданов совершенно не удивился, увидев среди гостей, как минимум, четверых ветеранов Города, из тех, кто, наверняка, не раз и не два пили здесь кофе и коньяк еще в те времена, когда обслуживал их легендарный Гург. Впрочем, новых лиц было тоже достаточно, однако это, как знал Кайданов по собственному опыту, ни о чем не говорило. Новичков могли привлечь сюда рассказы старожилов или поиски новых аттракционов, однако с той же вероятностью под незнакомыми личинами могли скрываться хорошо известные по прежней жизни персонажи. Его-то самого никто из присутствующих в лицо не знал тоже.

— Я Чел, — представился Кайданов, спрашивая взглядом у Твина (этого скрытного сукина сына Герман знал только по имени) разрешения сесть за его столик. — Обычно я тусуюсь в Цитадели, так что если у кого-то есть возражения против моего здесь присутствия, можете говорить прямо, я все равно не уйду.

— Кофейня Гурга вне политики, — ответил за всех новый хозяин и пошел за стойку. — Кстати, меня зовут Георг, — эти слова прозвучали, когда он уже повернулся к Герману спиной. — И я племянник господина Гурга, пусть земля ему будет пухом.

— Садитесь, — кивнул Твин. — Место свободно.

— Спасибо, — Кайданов сотворил новую сигарету, но на этот раз действительно закурил. — Я слышал кофейня была закрыта много лет?

— Так вы из новых? — поднял бровь Твин. Он говорил вежливо, но без тени дружелюбия.

— Вроде того, — неопределенно ответил Кайданов, не желавший второй раз за пару минут попадать впросак. — Мне говорили, что когда-то это было очень интересное место.

— Это ты, парень, правильно слышал, — подала голос неизвестная Герману немолодая женщина, сидевшая за соседним столиком. — При Гурге здесь бывали даже Первые,

Конфуций, Агасфер, Нерон, Иаков...

— Иаков не был Первым, — вмешался в разговор Наблюдатель, занявший свою излюбленную позицию в дальнем углу, где делил столик с каким-то типом, при виде которого в голове сами собой всплывали такие старорежимные понятия, как «действительный статский советник» или «его превосходительство». Впрочем, как подумал Кайданов, чуть дольше задержав на этом персонаже взгляд, русское его происхождение было неочевидно. С тем же успехом данный господин мог быть немцем или даже англичанином.

— Ну и откуда ты это знаешь? — откровенно усмехнулась женщина. — Чьей личиной по твоему был Иаков?

«Хороший вопрос», — мысленно согласился Кайданов. Сам он давно уже подозревал, что Иаков был личиной Некто Никто, а вот кем был сам Некто, оставалось только гадать. Но и здесь имелась одна очень интересная подсказка. Некто Никто исчез примерно в то же самое время, когда погибли один за другим все известные Первые. Случайное совпадение? Возможно. Но с той же вероятностью ничего случайного в этом не было.

«Что же, на самом деле, тогда произошло?» — а вот этого, судя по всему, не знал никто.

— Я не знаю, чьей он был личиной, — отмахнулся Наблюдатель. — Но Первых знали все, они этого ведь никогда не скрывали, а Иакова при жизни Великим магом никто не считал.

«И очень напрасно... Но почему он это скрывал?»

Разговор быстро стал общим и от обсуждения личности старика Иакова быстро перешел к ностальгическим воспоминаниям — то ли личным, то ли почерпнутым из вторых рук — о прежних временах и давних уже событиях. А вот недавние боестолкновения во Франкфурте и Мюнхене никто, как ни странно, не вспоминал. Впрочем, возможно, об этом успели поговорить до прихода Германа?

Кайданов попробовал кофе. Он оказался выше всех похвал, хотя сказать наверняка был ли он лучше, или хуже, того, что варил когда-то Гург, было невозможно. Прошло слишком много времени, чтобы их сравнивать. Точно так же дела обстояли и с коньяком. Напиток был великолепен и его «французское» происхождение не вызывало сомнений. Но был ли это то же самый коньяк или какой-то другой, Кайданов не знал. Впрочем, он и не стал забивать себе голову всей этой ерундой. Просто сидел, почти не вмешиваясь в общий разговор, пил кофе — первую чашечку, а потом и вторую, и третью — цедил помаленьку чудный коньяк Георга, курил и наслаждался совершенно невероятным для него, здесь и сейчас, покоем. Странное ощущение, прямо сказать необычное для Кайданова, но от того еще более «сильное» и, надо сказать, вполне им оцененное. Герману было хорошо и не хотелось никуда уходить, и возвращаться «к себе», озабоченному судьбой Лисы, полному страхов за Рэйчел, и вообще потерявшему вдруг все внутренние «ребра жесткости», никак не хотелось. Однако в тот момент, когда эта мысль или, вернее, это ощущение у него возникло, волшебство исчезло, и к Кайданову «вернулось сознание».

Увы, время бежит не только в реальном мире, в Городе оно тоже стремительно исчезает в бездонном колодце прошлого. Кайданов посмотрел на пустые чашечки из под кофе и коньячные бокалы, выстроившиеся перед ним на столешнице, бросил взгляд на заметно поредевшую публику в зале кофейни и решил, что пора возвращаться. Однако, вместе с реалиями обыденной жизни к нему вернулось так и не разрешенное визитом в Город беспокойство, и перед тем, как покинуть гостеприимного Георга, он решил сделать еще одну — пусть и безнадежную — попытку прояснить ситуацию.

— Я разыскиваю одну сагу,[53] — сказал он вставая. — Может быть, кто-то из присутствующих сможет мне помочь?

— Назовите имя, сударь, — предложил из-за стойки Георг. — Возможно, эта дама успела уже здесь побывать...

— Ее зовут донья Рапоза Пратеада, — сказал Кайданов, чувствуя непривычную неловкость. — Она из старожилков, так что, возможно...

— Нет, — покачал головой Георг. — Такой саги здесь не было.

— Как вы сказали вас зовут? — неожиданно подал голос сидевший с Наблюдателем «тайный советник».

— Чел, — представился Кайданов, подходя к их столику. Он уже заметил, как блеснули неожиданным интересом обращенные к нему глаза Наблюдателя.

«Они что-то знают».

— Я Виктор, — сказал незнакомец и обозначил сдержанный поклон. — А это господин Наблюдатель, — он чуть повел рукой в сторону своего компаньона. — Присаживайтесь, Чел, поговорим.

— Спасибо, — кивнул Кайданов, садясь на свободный табурет. Было очевидно, что поговорить его позвали не просто так.

— Вы давно в Городе? — спросил Виктор.

— Это имеет значение?

— Возможно.

Что-то в интонации Виктора или в том, как он смотрел сейчас на Кайданова, заставляло думать, что вопрос задан не из пустого любопытства. А Герман обратил еще внимание и на то, что Виктор говорил сейчас очень тихо, так, чтобы никто посторонний их не услышал, но при этом совершенно игнорировал факт присутствия за столом по-прежнему молчавшего Наблюдателя, про которого было известно только то, что он всегда знает чуть больше других. И Кайданов решился второй раз за вечер — и на этот раз совершенно осмысленно — нарушить незыблемые правила конспирации. Однако Виктор его опередил.

— Я сильно ошибусь, если предположу, что вы появляетесь в Городе лет двадцать пять? — спросил он все тем же чуть суховатым голосом чиновника.

— Откуда вам это известно? — Кайданов был потрясен точностью диагноза, но вида не подал.

— А мне и неизвестно. Просто подумалось, а вдруг?

— Вдруг что? — Кайданов достал из воздуха сигарету, чтобы получить возможность делать обоснованные паузы в разговоре, который неожиданно приобрел очень интересный характер.

— Вдруг мы были знакомы в другой жизни, — по губам Виктора пробежала тень улыбки, но и только.

— В другой жизни, — повторил за ним Кайданов и затянулся.

«Кто?» — сомневаться, что перед ним кто-то из тех, кого он когда-то знал под другой личиной не приходилось. Это был не новичок. Неофиты так себя не ведут и так не говорят. Вопрос лишь в том, кто это и насколько хорошо они знакомы?

— И какое же имя приходит вам в голову в связи с этой фантазией? — спросил он вслух.

— Что-то связанное с электричеством, — уже откровенно усмехнулся Виктор.

«Он знает, что я Фарадей. Но откуда?»

— Вы знаете Рапозу?

— Знал.

Что должно было означать прошедшее время?

— По некоторым данным, — неожиданно заговорил Наблюдатель. — Донья Рапоза сюда больше не придет.

— Она...?! — сдержать эмоции оказалось практически невозможно.

— Не знаю, — покачал головой Наблюдатель. — Не исключено, но достоверных известий о ее смерти нет.

— Однако сюда Рапоза больше не придет, — твердо сказал Виктор, подчеркнув интонацией ее псевдоним. — Никогда.

И в этот момент Кайданов, который совсем уже собрался задать несколько совершенно необходимых в данной ситуации вопросов, почувствовал за спиной движение, очень своеобразно отразившееся в глазах обоих его собеседников, и оглянулся. В кофейню Гурга вошла женщина невероятной красоты, но дело даже не в том, какое у нее было лицо или фигура. Казалось, сюда, в сумрак иллюзорной кофейни, пришла эльфийская принцесса из еще более иллюзорного мира американского кино. Высокая, стройная, золотоволосая и голубоглазая стрига была затянута в черную кожу, из под которой виднелись лишь спускавшиеся до великолепных бедер воительницы длинные полы серебристой кольчуги. Из-за ее левого плеча выступала украшенная драгоценными камнями рукоять меча, а над коленом охватывающими ногу кожаными расшитыми серебром ремешками были закреплены ножны, в которых покоился кинжал.

«Н-да...»

— Простите, Чел, — сказал за его спиной Виктор. — Но этой даме я отказать в разговоре не могу. Здравствуй, Дженевра! Я рад тебя видеть.

— Я на месте, — сказала женщина, коротко поклонившись. — И я одна. Я и еще трое.

«О чем она? — Удивился Кайданов, услышав резкий с каким-то гортанным клекотом голос женщины. — Если она одна, то при чем здесь трое?»

— Время? — между тем, совершенно не удивившись ее словам, спросил Виктор.

— Думаю, сейчас уже около девяти.

— Девять, — задумчиво повторил Виктор. — Гектор не успеет, и Марий тоже. Возможно, Персиваль... Он очень старается, знаешь ли... Впрочем, неважно. Жди до полуночи, — сказал он снова изменившимся голосом. — Если никто больше не придет, ставьте круг. Ты понимаешь, о чем я говорю?

«Они обсуждают что-то очень важное при свидетелях, но их это, кажется, совершенно не волнует».

— Да г..., — коротко кивнула Дженевра.

«Что она хотела сказать, но не произнесла вслух? Имя или...?»

То, что такая женщина могла бы назвать Виктора господином, причем в истинном смысле этого слова, в голове Кайданова совершенно не укладывалось, но, кажется, он стал свидетелем чего-то из ряда вон выходящего.

— Без шума уже не получится, — продолжил Виктор, получив утвердительный ответ. — Но нам теперь не до жиру, не так ли? Вернее, не до жиру мне. Сама понимаешь.

— Понимаю.

— Но если вы все сделаете правильно, я успею вмешаться.

— Но правильно ли то, что я могу сделать?

— Ты имеешь в виду ту лакуну, — кивнул Виктор. — Я думал об этом и полагаю, что знаю, что там пропущено.

— Я слушаю вас, — женщина впервые позволила себе проявить нечто вроде волнения, однако Кайданову показалось, что будь на ее месте кто-нибудь другой, чувство это можно было бы определить, как очень сильное.

— Кровь, — сказал Виктор, и от удивления Кайданов даже на него оглянулся. Он просто перестал понимать хоть что-нибудь.

— Жертвенная кровь? — Дженовра осталась совершенно невозмутима, лишь вопросительно подняла бровь.

— Нет, — покачал головой Виктор. — Это должна быть родная субстанция. Тогда, заговор сработает, и я смогу включиться в процесс, как третья сила. Еще вопросы есть?

— Нет, — женщина снова поклонилась и сделала шаг назад. — Благодарю вас, я все поняла и исполню, как повелевает долг.

— Тогда, иди, Дженовра, и да пребудет с тобой божье благословение.

5

«На Тихорецкую состав отправится...» — только сейчас она обратила внимание на станцию назначения. Тихорецкая. Название не говорило ей ровным счетом ничего. Было лишь смутное ощущение, что где-то когда-то она его уже слышала. Где-то на юге? На Черном море? Но, тогда, при чем здесь эта богом забытая станция, если Лиса находилась сейчас не в СССР, а совсем даже, наоборот, в Швейцарской республике?

Но подсознанию не прикажешь, оно живет по своим никому неизвестным, кроме фрейдистов, разумеется, законам. И в голове у Лисы вертелась сейчас именно эта песня.

«На Тихорецкую состав отправится, вагончик тронется, — очередной состав отошел от перрона и начал, постепенно набирая скорость, втягиваться в темное жерло туннеля. — Перрон останется...»

Платформа, как и следовало ожидать, действительно осталась на своем месте, и Лиса вместе с ней.

«Стена кирпичная, — здесь, на цюрихской центральной станции, стены были из кафеля, но вокзал — вокзал и есть, кирпичные в нем стены, или нет. — Часы вокзальные...»

Лиса подняла взгляд как раз в то мгновение, когда на электронном табло сменились цифры. Ноль часов, ноль минут.

«Ленинградское время, — вспомнилось ей. — Группа... Господи, как же называлась эта группа?»

Но названия группы, несмотря на всю свою хваленую память, Лиса вспомнить, не смогла. В голову лезли какие-то «Голубые гитары», «Час пик» и всякие прочие, но она точно знала, что группу тех питерских ребят, один из которых по слухам оказался магом, называли как-то иначе. Коротко, но со смыслом. Но как?

За спиной послышались тяжелые неторопливые шаги. Кто-то спускался по лестнице на перрон. Опасений этот человек не вызывал, но и радости тоже. Разумеется, это не был ни Алекс, ни, тем более, Черт. Лиса медленно повернула голову и встретила взглядом с блекло-зелеными равнодушными или, скорее, сонными глазами крупного мужика лет под сорок, одетого в военную форму — хотя, потому как она на нем сидела, сразу, не принимая в расчет даже на возраст, становилось очевидно, что к регулярной армии он отношения не имеет — и с автоматической американской винтовкой М-16 на плече.

«Партизан...»

Резервист отреагировал на нее вполне естественно, но глаза, коротко зыркнув по ее лицу и фигуре, быстро отвел, и все так же неспешно, с чувством собственного достоинства, отправился в пеший поход к центру платформы.

«Со мною вот что происходит...» — то ли стих песенный нашел, то ли шалило подсознание, отпущенное событиями последних дней на вольные хлеба, но в голове все время всплывали обрывки каких-то, пусть и хороших, но совсем не обязательных киношных песен, которые по доброй воле Лиса никогда бы петь не стала.

«Просто караоке какое-то!»

Она достала из кармана пачку «Кента», купленного по дороге на вокзал за совершенно бешеные швейцарские деньги («Эти европейцы совсем с ума посходили!») но, увидев знак «курить, воспрещается», чертыхнулась по-немецки и пошла по освободившейся лестнице вверх. Впрочем, повод убратся с перрона оказался очень к стати, потому что торчать, как фонарный столб, посреди пустой станции, пропуская один за другим идущие со все увеличивающимися интервалами поезда, не есть гуд. Это вам любой конспиратор скажет. А то, что она лопухнулась, выбирая место и время встречи, Лиса поняла сразу же, как только сюда пришла. Место и время не совпадали, вот в чем дело. Но сделанного, как говорится, не воротишь, приходилось подстраиваться под то, что есть.

Наверху курить, разумеется, воспрещалось тоже («Европа, блин!») и даже для скромного перекура следовало выйти на улицу, но покинуть свой пост Лиса, как тот юный пионер, который дал честное слово, не могла. Всегда оставалось место пресловутому «А вдруг?» Вот так выскочишь на минуту, а кто-нибудь именно тогда и придет. Она прогулялась по вокзалу, бесцельно глаза по сторонам, но не выпуская из виду обоих спусков к платформе, потом все-таки еще раз спустилась вниз, прошла из конца в конец весь длинный перрон, посидела минут пять на жесткой расписанной цветными фломастерами металлической скамейке и, пропустив еще два поезда, решила, что на сегодня хватит. Все равно, по ее расчетам, ни сегодня, ни даже завтра никто не придет.

«Возможно, послезавтра...» — но интуиция помалкивала, и никакого особого предзнания, хоть тресни, в башке не объявлялось. То ли да, то ли нет. Оставалось лишь ждать и надеяться.

«Такая она доля наша, бабья, — грустно усмехнулась Лиса, возвращаясь в здание вокзала. — Ждать и провожать, и еще... надеяться».

Она снова бесцельно прогулялась по вокзалу, в котором, кроме исторических стен, давно уже не осталось ничего аутентичного. Делать здесь было абсолютно нечего, ведь уезжать из Цюриха куда бы то ни было, она пока не собиралась, но и идти ей тоже было некуда. То есть, мест, куда можно было пойти, сыскалось бы немало. Не деревня все-таки, а большой европейский город. Но совершенно не было настроения. На сердце было как-то неуютно, муторно, когда вроде бы и хочется чего-то — черт знает, правда, чего — но и душа ни к чему конкретному не лежит. Однако и в гостиницу возвращаться вроде бы не с руки, потому что спать Лиса совершенно не хотела и никакой усталости не чувствовала.

В витрине кондитерской у главного входа внимание Лисы привлекли выставленные — чуть ли не на серебряных подносах — пирожные. Выглядели они очень аппетитно, и Лиса даже остановилась, рассматривая все эти шоколадно-кремовые вкусности, и вдруг подумала, что не ела пирожных уже целую вечность.

«А в Питере я, разве, пирожное не ела?» — однако ничего определенного по этому поводу вспомнить не удалось. В Ленинграде, ее голова была занята совсем другими вещами.

Не до сладостей было.

Соблазн зайти в кафе был велик — ну не стоять же перед витриной наподобие девочки из серии «а у богатых детей ёлка» — но, по здравом размышлении, Лиса решила найти себе что-нибудь более уютное, чем этот роскошный проходной двор, и, уж во всяком случае, не такое большое и прозрачное. Впрочем, сделать это оказалось совсем непросто. Подгоняемая не на шутку разыгравшимся аппетитом, она спустилась в подземный торговый центр, построенный совсем недавно под старым зданием вокзала, но, как оказалось, напрасно. Многие заведения в этот час уже закрылись, а другие торговали одними сэндвичами и прочей походно-полевой снедью. Однако Лисе ни бутерброды, ни гамбургеры были сейчас без надобности, она хотела хороший кофе и пирожное. И в конце концов, не найдя ничего путного ни на одном из четырех уровней плазы, ушла с вокзала и пошла по направлению к гостинице.

Идти было недалеко. Пять трамвайных остановок, или минут сорок пешком. Но это если не спешить и идти тихим прогулочным шагом, потому что, если поднажать, «добежать» можно было и за полчаса. Впрочем, торопиться было некуда. И, хотя погода к вечеру окончательно испортилась — как будто и не начало октября в центральной Европе, а конец ноября в Питере или Хельсинки — трамвай Лиса отпустила, тихо и совсем не по-русски постукивать по рельсам, а сама отправилась искать счастья, наобум сворачивая в любую, подвернувшуюся на пути улицу. Сырость и холод ей совершенно не мешали, как, впрочем, и поздний час. Напротив, они, как ни странно, еще больше поощряли не на шутку разыгравшееся желание, всем на зло, выпить большую чашку капучино и съесть хотя бы одно — «а лучше, два» — из так приглянувшихся ей в привокзальной кондитерской пирожных.

«Просто мания какая-то!» — Лиса увидела впереди неоновую вывеску над освещенной голубовато-зеленым светом витриной и шестым чувством угадала, что это именно то, что она ищет. И не ошиблась.

В кафе, которое, несмотря на поздний час, кажется, и не собиралось закрываться, сидели в основном пары средних лет, пили чай или вино, негромко разговаривали, но произносимые ими слова скрадывала тихая музыка, в которой Лиса с удивлением узнала сороковую симфонию Моцарта. И вообще, здесь было удивительно тихо — только негромкая, как бы на пределе слышимости музыка и почти беззвучные разговоры посетителей — тепло, и уютно. И еще здесь очень хорошо пахло. Кофе, ваниль, и еще что-то, может быть, кардамон, но при этом все запахи, как и звучащая фоном музыка, были как бы на пределе восприятия. У кого нос хороший, услышит, а остальные, пожалуй, что и нет. Она прошла в глубину небольшого зала, повесила свой плащ на старомодную деревянную вешалку, села за единственный свободный столик и улыбнулась подошедшему к ней немолодому официанту, который, почти наверняка, и был хозяином этого чудного места.

— Капучино, пожалуйста, — сказала Лиса, жестом отказываясь от меню в бордовом кожаном переплете. — И какое-нибудь пирожное. На ваше усмотрение, — снова улыбнулась она. — Только обязательно вкусное.

6

На самом деле, это было чистое наитие, род интуитивного прозрения, имеющий к настоящей магии такое же отношение, как развитая математическая способность или идеальный музыкальный слух. Просто что-то сложилось в голове из обрывков слов, поведенческих стереотипов, интонаций и выражения глаз, чувства времени и ауры места, буквально пронизанного токами прошлого, которое, как теперь выяснялось, никуда не

делось. Вот он и угадал. А по-другому эту задачку решить вряд ли бы удалось. Во всяком случае, не здесь и не сейчас.

Кайданов изменился. Виктор еще не знал, что и как произошло в жизни Фарадея в эти долгие годы, но догадывался, что нынешний Чел, за которым, кстати, угадывался совсем не тот человек, которого знал когда-то Некто Никто, являлся не только серьезным и невероятно сильным сагусом, но и обладателем очень не простой судьбы.

Когда Дженевра ушла, они еще немного посидели втроем в кофейне, но прерванный приходом валькирии разговор не возобновляли, хотя, наверняка, каждый из них имел его в виду и об обмене туманными репликами не забывал. Однако то ли «стих» прошел, то ли настроение изменилось, но разговаривали теперь — хоть и «под коньячок» — о чем угодно, только не о том, что было действительно интересно. Вспоминали — впрочем, очень осторожно — прежние времена и знаменитостей давно ушедшей эпохи; говорили о «вечном», то есть о том, чего следует ждать от нынешней политической ситуации и нового старого расклада сил, и, в конце концов, сползли таки на мюнхенские события. Их в Городе не обсуждал сегодня только ленивый, но таких, кажется, не было вовсе. И не странно. Как успел выяснить Виктор, целый день шляясь по вечно пыльным улицам Города, такие случаи в нынешние времена стали большой редкостью. Волна террора, прокатившаяся по миру в конце семидесятых, спустя десятилетие казалась уже невероятной. Ну а теперь, когда «иных уж нет, а те далече», такие свирепые схватки между магами и властями тем более представлялись чем-то из ряда вон выходящим. Впрочем, ни Наблюдатель, ни Кайданов ничего нового Виктору ни про Франкфурт, ни про Мюнхен не рассказали, хотя ему и почудилась некая недоговоренность не столько в словах «друга Васи», от которого этого следовало ожидать в первую очередь, сколько в репликах Фарадея. Похоже, Кайданов знал об этом что-то сверх общей дозы слухов и домыслов. Однако свои предположения Виктор оставил пока при себе, резонно предположив, что тет-а-тет Герман, возможно, будет более откровенным, чем в присутствии мало знакомого ему человека. Впрочем, Наблюдатель, у которого был свой особый ритм жизни, вскоре ушел. Стал собираться «домой» и Кайданов.

«Ну да! — вспомнил вдруг Виктор. — Чел же вчера женился!»

— Давайте, я вас немного провожу, — предложил Виктор, вставая из-за стола вслед за Кайдановым, и не удивился тому, что тот его предложению явно обрадовался.

— Кто вы? — спросил Кайданов, когда, выйдя из кофейни, они, не стовариваясь, пошли по лестнице вверх.

Что ж, вопрос закономерный, и скрытничать, тем более в нынешней своей ситуации, Виктору было незачем.

— Я Некто, если вы еще помните, кто это такой, — сказал он, поворачиваясь к Кайданову. — А вы Фарадей и разыскиваете Лису. Что-то случилось?

Они как раз поднялись на площадь Иакова и стояли у конца лестницы. Перед ними на противоположной стороне площади возносил свой тонкий шпиль в лишенное солнца небо готический собор, построенный некогда из одной лишь любви к музыке.

— Что вы мне тогда сказали? — вместо ответа спросил Кайданов.

— Вероятно, я сказал вам тогда много разных вещей, — усмехнулся Виктор. — Всего теперь и не упомнишь. Уточните вопрос, Герман Николаевич, и я постараюсь что-нибудь такое вспомнить.

— Сколько денег вы мне дали?

— Не помню, — покачал головой Виктор, который такие пустяки в голове никогда не

держал. — Тысячу рублей? Полторы? А говорили мы, помнится, о Звездном небе, о науке и магии, о девушке, уж простите, не помню, как ее звали, которая вас сдала, об Алисе, которая тогда была умнее вас... Еще что-то?

— Нет, достаточно, — Кайданов достал из воздуха сигарету и сразу же затянулся. Он, как успел заметить Виктор, курил очень много, и, по-видимому, не только здесь.

— Как мне вас теперь называть? — спросил Кайданов, выпуская дым.

— Виктор мое настоящее имя.

— Настоящее?!

— Не удивляйтесь, Герман Николаевич, — Виктор тоже сотворил сигарету и некоторое время рассматривал ее, размышляя о том, что, возможно, это его последняя в жизни возможность закурить. — Мои обстоятельства таковы, что это знание повредить мне уже не может, — он «стер» сигарету и достал из воздуха свою пеньковую трубку, набитую «вирджинским» табаком, каким он его когда-то себе вообразил, и, разумеется, уже раскуренную.

— Об обстоятельствах вы мне ничего не скажете?

— Нет.

— Ладно, Виктор, тогда, вернемся ко мне и Лисе, — Кайданов поморщился, видимо, ему неприятно было говорить на эту тему, но то, что он не прервал разговора и не ушел, обнадеживало.

— Мы с ней давно не виделись, — сказал Кайданов после короткой паузы. — Ну а в последние годы... Видите ли, Виктор, я уже довольно давно ушел к... ну, скажем, к гарильерос. Вы понимаете, о чем я?

— Да, — кивнул Виктор, который успел уже выяснить, что такое Цитадель.

— И вдруг Лиса пришла к нам... в Цитадель, — Кайданов отбросил окурок и сотворил новую сигарету. — Она не знала, что я сменил личину. Я видите ли по официальной версии числюсь покойным.

— Я тоже, — усмехнулся Виктор, выпуская изо рта дым. — Так что не стесняйтесь, Герман, продолжайте.

— Я и не стесняюсь, — пожал плечами Кайданов. — Она не знала, что говорит со мной, но искала-то она именно меня. Во всяком случае, я так теперь думаю. Но я с ней говорить не захотел, и даже не знаю, что она от меня хотела, почему вдруг обо мне вспомнила.

— Это я ей напомнил, — объяснил Виктор. — Она пришла ко мне просить о помощи... Я бы не хотел пока касаться этой темы. В общем у нас состоялся непростой разговор, следствием которого, между прочим и является мое возвращение. Вот во время этого разговора я и спросил Алису о вас, Герман. Так что, все началось с меня.

Объяснение было, что и говорить, весьма туманное, но Кайданова оно, как ни странно, удовлетворило. Спросил он только о главном:

— Где же вы были, Виктор?

— Там, — Виктор сделал неопределенное движение рукой, и сам не очень хорошо представляя, в какой стороне находится его Замок. — В Замке. Знаете, о чем я говорю?

— В Замке? — похоже он смог в очередной раз удивить Кайданова, причем не абы как, а, что называется, по большому счету.

— В Замке, — подтвердил Виктор. — Я вам потом, Герман, кое-что об этом расскажу, если случай представится. А пока примите, как есть. Так что там вы начали рассказывать про Лису?

— Вы знаете, чем она занимается сейчас?

— Не знаю. Расскажите?

— Вообще-то это не мои тайны...

— Тогда, не говорите.

— Ну кое что я все-таки могу вам рассказать. Она ведь в розыске, так что... Я слышал, что она ушла из боевки, но я встретил ее в Мюнхене вчера, то есть уже позавчера вечером. Вы понимаете? И... ну это я, уж извините, опущу, но накануне был Франкфурт, а ночью два боя с разницей в пару часов в Мюнхене.

— Был еще вечерний бой, — напомнил Виктор.

— Вечером это я нашумел, а Лиса, не знаю, в курсе вы или нет, но когда-то она тоже была среди гарильтерос...

— Думаете, она? — спросил Виктор, понимая уже, что визит Деборы случайным не был. Время совпадало, и...

— Не знаю, — тихо сказал Кайданов. — Но я... Черт возьми, Виктор, вы даже не можете себе представить, что со мной происходит! Я был... Черт! Моим именем детей пугали! Но вчера я женился и чуть не расплакался на собственной свадьбе, а сегодня не нахожу себе места от беспокойства за женщину, которую не видел 20 лет!

— И что же вас так удивляет, Герман? — усмехнулся Виктор, чувствуя, как холод начинает заливать грудь. — Неужели вы думали, что у палача не может быть семьи, а тот парень, что вбомбил Хиросиму в ад, все последующие годы мучался угрызениями совести? У божьих тварей, Кайданов, всего много, и любые крылья нам по чину, хоть белые, хоть черные. Такое уж мы... нечто.

Глава 11

Ночь колдовства (5 октября, 1999)

1

Фарадей ушел. Сделал пару шагов в сторону лестницы и исчез, вернувшись куда-то туда, на «Ту Сторону», а Виктор остался здесь, на этой стороне, в великолепном иллюзионе Города. Во всем этом виделся некий избыточный символизм, возможно даже, намек, сделанный самим Творцом. Однако Виктор давно и твердо знал, что бог в дела тварей земных никогда не вмешивается, предоставив их своей судьбе.

Попыхивая трубкой, Виктор медленно прошел через площадь, поднялся по ступеням храма и небрежным — почти машинальным — движением отворил тяжелые двери. В соборе за прошедшие годы ничего не изменилось, но Виктор и не ожидал найти здесь следов вандализма или, скажем, разрушения и заброшенности, которые в материальном мире идут по пятам быстротекущего времени. В Чистилище все по-другому: Город вырван из контекста реальности и отдан во власть вечности, даже если населяют его всего лишь бабочки-однодневки да быстро сгорающая в яростном пламени волшбы мошкара.

Дверь открылась так же легко, как тогда, шестнадцать лет назад, когда он пришел сюда в последний раз. И огонь вспыхнул в камине, и чашка чая возникла на низком круглом столике посередине комнаты, и парок над крепко заваренным горячим питьем возник с естественностью и грацией живого существа и потянулся к высокому сводчатому потолку, смешиваясь где-то там, во мгле, с копотью двенадцати вспыхнувших в серебряных шандалах свечей. Но взгляд Виктора был прикован к старому кожаному футляру на полке около узкого стреловидного окна. Несколько мгновений он так и стоял в дверях своего давнего убежища; стоял, попыхивал трубкой и смотрел на маленький изящный гробик, где все эти годы

покоилась его старая скрипка. Новая мелодия уже почти созрела, и Виктор боялся нарушить неверным движением или посторонней мыслью чудесный процесс рождения музыки. Наконец прозвучал финальный аккорд, и на лбу Виктора выступила испарина. Чудо свершилось, в мир — пусть это и был иллюзорный мир Города — пришла новая музыка, причем такая, какой он от себя совершенно не ожидал.

Как можно любить того, кого ты даже не видел? Однако его объяснение в любви, запоздавшее на двадцать пять лет, было посланием не к той тоненькой девушке в светлом плаще, что осталась на привокзальной площади Свердловска в давней уже осени 1974 года, и которой материально больше не существовало ни в том мире, ни в этом. Новой мелодией, такой необычайно глубокой и сложной, что дух захватывало от совпадения гармонии земной с гармонией небесной, он молил о прощении ту, чей образ возник в его душе только с чужих слов.

«Такое возможно?» — спросил он себя, подходя к стенной полке и открывая футляр.

«А полюбить „невидимку“, случайно подслушав его душу можно?» — Виктор не знал, что и думать. Происходящее никак не вписывалось в то представление о себе, что сложилось у него много лет назад, еще в юности, и благополучно просуществовало с ним всю эту долгую или, напротив, слишком короткую жизнь.

«Если мы когда-нибудь встретимся...» — Виктор бережно достал скрипку, провел осторожно — кончиками пальцев — по темному лаку, как бы исследуя изысканный изгиб деки, и вдруг понял, кого на самом деле сейчас ласкает.

«Господи! Если она жива...» — он схватил смычок и поспешно, едва ли не бегом, покинул келью, слишком тесную, чтобы вместить ту музыку, которую Виктор был не в силах уже удерживать в своем сердце. Музыка требовала воплощения, точно так же, как и любовь, никогда на самом деле не покидавшая его сердца.

«Если я воскресну...» — он выбежал на середину огромного зала, под взметнувшийся в необозримую высь каменный свод, и музыка зазвучала, кажется, еще раньше, чем смычек коснулся струн.

«Дебора!» — но это была уже совершенно последняя мысль, которую он смог осознать. В следующее мгновение Виктор растворился в собственной музыке, наполнившей все внутреннее пространство собора и океанской волной выплеснувшейся сквозь распахнутые двери на простор площади Иакова.

2

Первое, что он увидел, когда открыл глаза, была спина Рэйчел. Она сидела, скрестив ноги, в изножии кровати и смотрела телевизор с выключенным звуком. Женщина курила, и над ее левым плечом в голубоватом мерцающем от смены кадров свете проплывали по временам прозрачные, как тающий под солнцем туман, завитки табачного дыма. Минуту Кайданов лежал неподвижно и, затаив дыхание, смотрел на нее, любуясь мягким очерком шеи и плеч, белизной гладкой матовой кожи, светившейся в полумгле спальни не хуже электронной трубки телевизора, волнующей грацией с которой узость талии сменялась плавным размахом бедер.

В этот момент он еще балансировал между сном и явью, между делом и нежностью. Он смотрел на Рэйчел, чья красота совершенно изменилась за два прошедших дня — и не только в его глазах, но и физически — и в то же время все еще пребывал под впечатлением только что состоявшегося разговора. Встреча с Некто и сама по себе была событием из ряда вон выходящим, ведь он уже давным-давно превратился для Кайданова в образ невозвратного

прошлого. Но дело было не только в этом. Неожиданное воскрешение Виктора намекало на существование таких тайн и такой магии, о существовании которых Кайданов даже не подозревал. Впрочем, за весь не такой уж короткий разговор, Некто — в своей излюбленной манере — почти ничего, прямо не касавшегося собеседника, так и не рассказал. И все-таки кое-что помимо самого факта своей новой реинкарнации и обещания прийти — может быть — на встречу, назначенную два дня назад Лисе (одиннадцатого, в восемь вечера в Берлине, у входа в отель «Кемпински»), Некто Кайданову сообщил. Лиса скорее всего жива, но ни Рапозы, ни той «блонды» из мюнхенской пивной, которая так удивила Германа, увидеть, скорее всего, никому больше не удастся. Что это могло означать, Кайданов догадывался, хотя и полагал — во всяком случае, до сегодняшнего дня — что «обернутся» два раза подряд в течение такого короткого промежутка времени практически невозможно. Однако додумать эту мысль до конца он так и не смог, потому что в этот момент баланс нарушился, и Кайданов потерял равновесие, и как тут же выяснилось, не он один.

— Моя задница тоже покраснела или мне это только кажется? — внезапно спросила Рэйчел, и, мысленно усмехнувшись, Кайданов с облегчением выпустил из легких застоявшийся воздух.

— Не волнуйся, дорогая, — сказал он, перекатываясь к ней и обнимая так, что его ладони сомкнулись на ее животе. — Твоя спина, Викки, и твой зад, — его правая рука скользнула назад, коснувшись предмета разговора. — Безупречно белы, как и подобает истинно арийской девушке. Впрочем, у нас проблемы с невинностью, но думаю святой Розенберг нас простит.

— В каких войсках служил твой папа? — спросила Рэйчел, откидываясь назад и прижимаясь спиной к его груди.

Возможность прослушки существовала всегда, и ничего лишнего говорить было нельзя даже тогда, когда кровь отливала от головы туда... куда она отливает, когда начинает закипать от нежности и страсти.

— Мой папа, милая, — он говорил прямо через упавшие ему на лицо волосы Рэйчел, от запаха которых (горького и сладкого одновременно) начинала кружиться голова. — Был тогда еще сопляком и не успел даже в гитлерюгент.

«Черт! Понесло же меня...» — но реплику следовало завершить раньше, чем мысли напрочь покинут его несчастную голову.

— Дедушка, правда, служил в вермахте, — сказал он с той неповторимой интонацией презрения, в котором легко можно было уловить нотки гордости, с которой говорили о немецком прошлом представители их круга. — Но он был всего лишь ремонтником в танковой дивизии. Впрочем, — он провел левой рукой по ее согнутой ноге и услышал едва различимое «ох», сорвавшееся с прекрасных губ Рэйчел. — Мой двоюродный дед, не помню точно, как звали этого ублюдка, был настоящим эсэсманом, и его повесили югославские, кажется, партизаны. — «Вот же тему надыбал!» — Честно говоря, — еще движение, и еще одно тихое «ох», от которого у Кайданова, что называется, шерсть на загривке дыбом встала. — Я не опечален. Самому думать надо было.

Вполне возможно, одним из партизанов, которые повесили — и надо полагать, отнюдь не сразу — двоюродного деда человека, по чьим документам жил теперь Кайданов, был его собственный дядя, родной брат покойного отца. Петр Кайданов в сорок первом был уже командиром роты и имел орден красной звезды за финскую войну. Во всяком случае, на чудом уцелевшей у деда с бабкой фотографии того времени Петр носил и орден, и одинокую

шпалу в петлицах. В плен капитан Кайданов попал в Уманском котле. Чудом выжил в Зеленой Бреме — он был настоящим кержаком, невероятно крепким и выносливым мужиком — попал в Германию, вернее, в Австрию, бежал, и, пройдя в одиночку сквозь зимние горы в Северную Италию, оттуда уже добрался до Хорватии, где его самого чуть не повесили местные фашисты — усташи или четники, Кайданов не помнил — а затем оказался уже в Сербии, где и примкнул к партизанам Тито. За это его позже и посадили. Правда, не в сорок пятом, когда он довольно легко прошел проверку в фильтрационном лагере, а в пятьдесят первом, когда рассказал «приятелям» под водочку о своем личном знакомстве с «кровавым карликом» Моше Пьяде.[54] Вышел Петр из лагеря только в пятьдесят шестом, и Кайданов, родившийся в сорок шестом — «на радостях» — хорошо запомнил это возвращение.

Но ни о чем таком Кайданов, разумеется, уже не думал. Он провел пальцами левой руки по ее животу (Ох... милый, еще немного и я сломаю кайф нам обоим: щекот... Ох!) и поднял выше. Левая грудь Рэйчел уютно поместилась в его ладони (Это дискриминация по политичес... О!) — «Никакой дискриминации, милая, никакой!» — но его правая рука сама собой не пошла вверх, а, скользнув по бедру, вернулась на живот, но только значительно ниже своего первоначального положения, легко пройдя между скрещенными ногами.

— Майн Гот! — застонала Рэйчел, и Кайданов окончательно забыл обо всем на свете.

3

Стало совсем тихо, угасли, ушли в далекий фон звуки огромного города, и по дороге мимо кладбища не проезжали больше даже редкие машины. Никого. Ночь, тишина, жидкий свет редких фонарей, и полная, набравшая силу луна, огромная, желто-оранжевая, похожая цветом и формой на бронзовый гонг.

«Пора», — Ольга захлопнула дверцу Форда и пошла в сторону ограды, ощущая, как почувствовав ее движение, покидают свои посты невидимые отсюда остальные члены группы.

Было без четверти двенадцать, и ждать больше было нечего.

«Судьба», — она сходу перемахнула через двухметровую ограду и, не останавливаясь, пошла среди могил, безошибочно находя дорогу в разбавленном лунным светом полумгле. Кроки, нарисованные Антоном были безупречны. Впрочем, ничего другого и быть не могло. Солдатское ремесло не забывается.

Она быстро миновала наиболее старую часть кладбища, где давно никого не хоронили, и вышла к относительно новым захоронениям, но путь ее лежал еще дальше, к южной стене, где на одном из последних новых участков был предан земле ее господин, предусмотрительно оставивший завещание и деньги на собственные похороны.

Судя по ощущениям, сейчас на кладбище они были одни, но, идя среди могил и внимательно рассматривая каждое попадающееся на пути дерево, Ольга все-таки забрасывала по временам «невод» — ненадолго, на считанные секунды, но забрасывала — потому что хотела быть уверена, что, как минимум, началу ее Великого Колдовства не помешает никто. Однако все было спокойно. Смерть Августа никого в этом мире не удивила и не встревожила.

4

Последний звук взлетел под своды собора и долго боролся там с небытием, но силы были неравны, и вскоре он все равно растворился в вечности.

«Ничто не вечно, — почти с отчаянием подумал Виктор, опуская скрипку и смычек. —

Ты прав, царь, все проходит».

— Что скажешь? — спросил он вслух того, кто стоял у него за спиной, в проеме оставшихся открытыми дверей.

— Она прекрасна, ведь так? — сразу же откликнулся Персиваль. — И вы ее любите.

— Не знаю, какая она сейчас, — честно ответил Виктор, оборачиваясь к своему лейтенанту. — Но ты прав, Персиваль, я ее люблю.

— Я буду служить ей точно так же, как служу вам, — поклонился воин.

— Где ты сейчас? — Виктор не сомневался, что все так и будет, если будет вообще.

— Мы угнали вертолет, — как о чем-то само собой разумеющемся сообщил Персиваль и поднял голову. — Еще час полета и, если нас не собьет иорданская ПВО, мы начнем прорыв границы.

— На вертолете?

— Нет, — едва ли не с сожалением покачал головой Персиваль. — Это было бы чистым безумием. На всю израильскую ПВО меня одного не хватит. Мы пойдем пешком. Южнее моста Аленби.[55]

— Не лезь на рожон, — предупредил Виктор. — К тому же пешком ты все равно не успеешь.

— Сколько у тебя людей, — спросил он через мгновение, обдумав складывающуюся ситуацию.

— Пятеро.

— Да, это было бы совсем неплохо, — признал Виктор. — Дженебра на месте и готова создать круг, так что еще пять человек ей сейчас лишними никак не будут.

— Нас шестеро, — вежливо напомнил Персиваль.

— Я знаю... Вот что. Когда вернешься, ты ее уже наверняка почувствуешь. Километров сто-сто пятьдесят по прямой... Ты смог бы открыть «проход»?

— Ну если она уже на месте... — задумчиво произнес Персиваль, наверняка взвешивая в уме шансы. — Пожалуй, я «кину» дорогу прямо из геликоптера. Так будет быстрее.

— Рискованно, — возразил Виктор, представляя себе, что собирается сделать Персиваль. — Вам может срезать винт.

— Зато мы сэкономим время, — пожал широкими плечами Персиваль. — Не беспокойтесь, господин. Если Дженебра успела, то и мы вас не подведем.

— Тогда, иди, — кивнул Виктор, начиная верить, что все еще может получиться. — Но помни, круг формирует Дженебра, а ты держишь периметр до тех пор, пока не подключусь я.

— Слушаюсь и повинуюсь, — без тени иронии сказал Персиваль, поклонился в пояс и сразу же исчез.

5

Ольга сбросила сумку с плеча и, подойдя к дереву, положила ладони на ствол. Ей даже не пришлось закрывать глаза и «отрубать» прочие чувства. Миновало мгновение, а тонкие иголки силы уже впились в обнаженную кожу. А еще через секунду или две, когда рядом с ней возникли, как будто соткавшись из ночных теней, фигуры ее бойцов, боль уже пробила руки до локтей. Встретить здесь такую природную силу всего через несколько минут не слишком упорных поисков Ольга не ожидала. Сила буквально кипела под старой корой, поднимаясь к ладоням от глубоко ушедших в сухую землю корней, и выдержать этот напор, означало пройти одно из самых серьезных испытаний, которые могла предложить Ольге жизнь. Но не для того она пришла этой ночью на старое тель-авивское кладбище, чтобы

отступить, уступив силе какого-то дерева. Еще несколько долгих томительных минут она терпеливо сносила эту муку, чувствуя, как, несмотря на ставшую уже почти нестерпимой боль — или вопреки ей — в плоть ее входит природная магия Земли и Жизни. Желало оно того, или нет, дерево отдавало Ольге то, что та хотела взять, и это было главное.

— Сайя, — с трудом разомкнув сведенные судорогой губы, произнесла Ольга.

«Прости!» — она мысленно опустила на колени и склонила перед деревом голову.

— Чаора, сегойя шукна! — сказала она полным боли и муки голосом.

«Прими мою вину, достопочтимое!»

— Шукна! — повторили за Ольгой три мужских голоса.

«Вина моя безмерна, брат», — признала она в своем сердце.

И тотчас увидела смутную тень, вставшую перед ее мысленным взором. Это был дух дерева, и темные его — «древние» — глаза заглянули Ольге прямо в сердце и увидели там свою судьбу.

— Шья кши, — сказала Ольга, с трудом отнимая обожженные ладони от коры, но даже не подумала воспользоваться «исцелением».

«Я на войне», — она, не глядя, приняла из рук Оскара топорик и несколькими точными и сильными ударами, чувствуя при каждом из них, как содрогается дерево и отдается его боль в ее сожженных ладонях, срубила одну за другой три толстые ветви. И в тот именно момент, когда выполнив свою часть работы, Ольга отступила назад, предоставляя своим людям возможность вырубить из ветвей опорные колья, она услышала Персиваля. Он был уже близко, километрах в ста пятидесяти-двухстах от нее на восток, и то, что она не услышала его раньше, могло означать только одно, он спал.

6

Это была хорошая земля. Сухая, древняя, но не мертвая. Ольга опустилась на колени, положила на остывший к ночи песок свои обожженные ладони и почувствовала силу этой земли, и ее терпение. Тогда, Ольга склонилась в поклоне и прошептала слова прощения на языке, которого давным-давно не слышали в этих местах. Так давно, что люди успели забыть то время и тех, кто способен был без страха произносить такие слова. Но, как оказалось, земля не чета роду людскому — она помнит все. Эта земля узнала слова Великого Прощения, и приняла их, и тогда Ольга увидела глубоко упрятанное в ее толщу завернутое в саван тело Августа.

Теперь можно было начинать. Девяносто девять поминальных свечей были зажжены, образовав вокруг безымянной могилы сложный узор, названия которого не знала даже сама Ольга. И одиннадцать опорных стержней из еще живого, полного магии Земли и Жизни дерева были вбиты в точки силы. И три бойца — Антон, Оскар и Пауль — заняли свои неслучайные, а единственно возможные для трех свидетелей места. Оставалось создать круг, но Ольга медлила. Ощущение близости Персиваля нарастало. Теперь он был ближе, чем десять минут назад, когда Ольга почувствовала его впервые, и сейчас она вдруг подумала о «переходе». Персиваль был на такое способен, а она могла бы послужить ему маяком, но решится ли он на это, сможет ли исполнить?

Порыв горячего ветра ударил ей в висок, и Ольга повернулась навстречу стремительно приближающейся с востока буре, но ураганная волна, которую ожидали ее чувства и тело, не ударила. Вместо этого, метрах в трех перед Ольгой напоенный лунным сиянием сумрак лопнул, как туго натянутая парусина, рассеченная ударом меча. На краткое мгновение в воздухе появилась мерцающая зеленая линия, отмечающая вертикальный разрез в плоти

мироздания, и сразу за тем, края «прохода» раздвинулись, образуя веретенообразный портал, и из него — или через него — головой вперед ринулись к Ольге стремительные неразборчивые тени.

Она отреагировала мгновенно, вскочив на ноги, и резким движением уйдя с траектории движения. И еще до того, как первый из людей ринулся через «проход», Ольга воздела руки навстречу идущим и подхватила поток силы, который с той стороны держал Персиваль. Держать «мост» всегда легче, чем пробивать «тоннель». Секунда — «Один, второй...» — две (Ольга почувствовала, как напрягаются, стремясь схлопнуть разрыв в пространстве и времени мировые линии) — «Еще двое» (от напряжения у нее сжало виски) — три — Персиваль прыгнул последним прямо в ее раскрытые объятия, и все кончилось. Ольгу качнуло — то ли от мощи «отката», то ли от того, что ее тело приняло на себя инерцию движения Персиваля — но она устояла, лишь крепче прижавшись к источающему запах боя мужчине.

— Спасибо, Дженевра, — выдохнул Персиваль, крепко сжимая ее плечи, и Ольга почувствовала, что не только ее, но и его пробило коротким, но мощным, как удар молнии, током желания.

— Прости, — он разорвал объятие и сделал шаг назад. — Создавай круг, сестра. Август в соборе Иакова, а я буду сторожить твою спину.

Ольга коротко кивнула и приказала:

— Восемь свидетелей!

Вновь прибывшие бойцы, успевшие, верно, рассмотреть созданный ею из поминальных свеч узор, быстро двинулись к своим местам в круге. А Персиваль — высокий, поджарый, как хищник пустыни, смуглый мужчина в пятнистом комбинезоне саудовского спецназа, коротко поклонился и отступил в сторону, готовясь встретить огнем и смертью любого, кто вздумает помешать начавшей уже твориться ее волей Великой волшбе.

7

Дженевра возникла на площади всего, быть может, шагах в десяти от него. Не далеко, не близко, но очень вовремя.

Виктор сидел на ступенях собора, пил чай и курил трубку. Время истекало. Он чувствовал, как истончаются, едва ли не до полного исчезновения, его и так не многочисленные уже связи с Миром. Лишь не многие уцелевшие, невесомые и не прочные, как нити паутины, все еще удерживали его здесь и сейчас, но долго это продолжаться не могло. Впрочем, как ни странно, его это почти не заботило. Последние свои мгновения он посвятил другому. Виктор вспоминал Лису, и это было лучшее, что он мог себе представить. Лучшее дело, каким хотелось бы заняться в последние мгновения уходящей жизни.

Он вспоминал Лису такой, какой была она двадцать пять лет назад и какой никогда уже больше не будет, даже если случится чудо, и Персиваль успеет, а Дженевра сделает все, что надо, так, как требуется. Той Лисы уже не будет никогда. Ее забрали время и обстоятельства, и, разумеется, магия, будь она не ладна. Однако любоваться образом тоненькой девушки в светлом плаще, которую он когда-то оставил навсегда на привокзальной площади Свердловска, никто Виктору помешать не мог. Это было его достояние, и оно останется с ним до конца. А еще он рассматривал мысленный образ той новой Лисы, который самым неожиданным образом обрел теперь в его воображении силу и плоть реально существующего человека. Превращение это случилось в те самые мгновения — длинные, как вечная жизнь, и краткие, как мгновенная гибель — когда Виктор исполнял свою последнюю мелодию, стоя

посередине храма, построенного много лет назад и посвященного одной лишь великой музыке. И вот, что интересно. Зыбкий, почти неуловимый образ никогда не виденной им женщины, сотканный из чужих слов и угасающих следов отражения, оставленного ею в старом зеркале Гурга, двойной этот образ, сочетавший в себе «личину» и «суть» Деборы, пройдя сквозь творящую магию порожденной Виктором музыки, обрел воплощение. И обладал он такими необычными и волнующими чертами, что никак не мог быть лишь плодом воображения. Никак и никогда.

«Кажется, — подумал Виктор. — Я наколдовал что-то такое, чего и сам от себя не ожидал».

Возможно, все так и случилось. Но, возможно, и не так, потому что Лиса была ведьмой, сагой невероятной силы, которая своим присутствием в этом мире ломает его законы, создавая совершенно новую реальность, даже если сама об этом и не подозревает.

«Знала ли она, что делает, когда пришла к Герману?» — понимание пришло к Виктору внезапно, но, как ни странно, это новое знание его совсем не удивило.

Судя по всему, Лиса смогла изменить даже Кайданова, причем так, что сам он этого не заметил, а ведь Фарадей силен, как мало кто еще в этом поколении. Интересно было бы, однако, узнать, понимала ли она сама, что творит?

Виктор поставил опустевшую чашку на камень ступеней и поднял взгляд. На пустой площади перед ним возникло смутное видение, стремительно набравшее вещественную силу в тот момент, когда его взгляд различил в призраке женщины знакомые черты. Мгновение, и полностью воплотившаяся Джаневра шагнула навстречу вставшему со ступеней Виктору.

— Пора, Август! — сказала она своим резким клекочущим голосом.

— Я готов, — улыбнулся Виктор, любясь еще одним своим творением. — А ты, Джаневра, как всегда, пришла вовремя.

— Идем! — позвала она, и он, не раздумывая, ринулся за ней туда, куда ему не было хода уже почти двенадцать часов.

«Мертвые не возвращаются, но иногда воскресают...»

8

Это было странное ощущение, опыт, который не с чем было сравнить, так как ничего подобного она никогда прежде не совершала и не переживала. Сознание Ольги разделилось, не утратив, тем не менее, своей целостности. И вот теперь, с одной стороны, она осознавала себя стоящей внутри ожившего и набравшего силу Узора, который, разумеется, никаким узором не был, а был воплощенным в живом огне и сложной геометрии распределенных Сил древним Заговором. Осознавала, ощущала, видела себя, стоящей внутри невероятного совершенства, ставшей его частью, центром, повелевающей волей и направляющим разумом, творящим свою собственную волшебную, примеряющую и гармонизирующую Землю и Небо, Природу и Дух, Жизнь и Смерть. Но одновременно Ольга пребывала и совсем в другом месте и времени — в Мире, где властвовали иные силы и непохожие законы магии, и откуда ей предстояло вывести в мир людей лишенную плоти живую душу.

Если бы Ольга была способна сейчас свободно размышлять и оценивать с обычной для нее холодностью происходящее с ней и вокруг нее, она поняла бы, разумеется, какое небывалое чудо сотворила ее безумная волшебница, какие грозные силы пробудила она к жизни, прикоснувшись к тайнам Восьмой ступени. Однако ничего этого она не осознавала именно потому, что творившееся вокруг колдовство было слишком огромно, чтобы сознание Ольги могло его вместить. К тому же все силы женщины — и духовные, и физические —

уходили на безупречное исполнение волхования. Ольга шла по Тропе, проложенной среди таких великих и страшных тайн, что не то, что прикосновение к ним, одна лишь мысль об их существовании приводила в трепет даже великих магов прошлого. Однако в том-то и состояла сила Ольги Эйнхорн, тем и превосходила она сильнейших и мудрейших из Учителей, что сердце ее не ведало страха, и, ступив на Тропу, сделав первый шаг, она бестрепетно шла вперед, все глубже и глубже проникая, в Великую Неизвестность. Она не рассуждала и не страшилась, а шла вперед и только вперед, и никакая сила, кроме одной лишь Темной Госпожи, остановить ее теперь не могла. Случайный выбор судьбы оказался единственно верным. Здесь и сейчас, сделать то, что необходимо, могла только она.

Потом Ольга позвала, и Август услышал зов. Она «протянула руку», и он пошел за ней. Небо откликнулось на это событие сухим громом. Застонала земля и в близком, но невидимом море возникли темные столбы практически незнакомых местным жителям торнадо.

Август прошел Темные врата и приближался к Последнему Порогу, и Ольга запела Песнь Возвращения, от звуков которой веяло стужей вечных льдов. Порывом ударил резкий холодный ветер и сразу же пропал, но на сухую осеннюю зелень тель-авивского кладбища упал белый иней. Напряжение стремительно нарастало. И Ольга уже не пела, а хрипло и отрывисто выкрикивала древние, несущие невероятной силы магию слова. Воздух вокруг сгустился и отяжелел. Изменился и свет луны, став из желтого оранжевым, и все сильнее ощущались подземные толчки, ритмично ударявшие в подошвы ее туфель.

Не заметить такое мощное колдовство в такой маленькой и густонаселенной стране, как Израиль, было невозможно, даже если бы у Шабак[56] не было здесь своих нюхачей. Тель-Авив уже минут десять трясло, как в лихорадке. Сухой гром оглушал людей, и голубые молнии беспорядочно били из безоблачного неба в сухую, жаждущую дождя землю, которая и сама была беспокойна, отвечая на вызов небес подземными толчками силой от трех до пяти баллов по шкале Рихтера. Но если всего этого было мало, если недостаточно было столбов торнадо, внезапно возникших в спокойном море, и иней, выпавшего тогда, когда за тридцать две секунды температура воздуха упала с двадцати шести градусов Цельсия до пяти, то были еще и две сгоревшие напрочь трансформаторные станции, погрузившие весь центр города в темноту, и внезапно нарушившаяся сотовая связь в Тель-Авиве и Гуш Дане. [57]

Надо отдать людям должное, они сориентировались на удивление быстро, реагируя на опасность именно так, как и следовало по давным-давно разработанным инструкциям. Поднятые по тревоге Шабак и ЦАХАЛ[58] буквально рвали жилы в безумной попытке успеть за стремительно уходящим временем. Ожили и зажили своей лихорадочной жизнью «Часа Ч» армейские штабы и оперативные комнаты разведывательных служб семи государств региона. Завывая сиренами, мчались по дорогам полицейские машины, спеша перекрыть все подходы к району, определенному техническими и «специальными» средствами, как «эпицентр кризиса», и спешили им на подмогу перебрасываемые в Тель-Авив вертолетами группы полицейского, армейского и флотского спецназа. Время уходило, а волшба не ослабевала.

Август прошел через Порог и начал борьбу за свое тело. Камни и песок, которыми была засыпана его безымянная могила зашевелились, и Ольга, не раздумывая,хватила из кармана перочинный нож, купленный «на всякий случай» в сувенирной лавке в аэропорту и, не прерывая идущего все дальше и дальше по Великой Тропе речитатива, полоснула лезвием

по своему запястью. Боли она не почувствовала, зато удар высокочастотного излучателя, запущенного бойцами Псагот,[59] едва не опрокинул ее навзничь. Однако Ольга устояла, а второго удара не последовало, потому что в бой вступил Персиваль.

— Са йя! — выкрикнула она, искусно вписав слова одного заговора в текст другого, и кровь из разрезанной вены полилась на могилу Августа.

«Возьми мою кровь!»

— Возьми! — один за другим восемь свидетель вскрыли вены, чтобы выплеснуть на кости князя Августа «родную субстанцию».

«Возьми!»

В Тель-Авиве и Гуш Дане объявили воздушную тревогу, в Тель Нофе[60] взлетали в воздух поднятые по тревоге истребители-бомбардировщики F16 и грузились в транспортные вертолеты бойцы парашютно-десантной бригады. Но происходящим были озабочены не одни только израильтяне. Неаполь и Брюссель[61] включились в игру почти одновременно с Кирией,[62] и сейчас с палубы авианосца «Трумэн» уходили в ночное небо «хорнеты» и «праулеры», поспешно создавая второй эшелон атаки, который должен был поддержать — если потребуется — действующие на острие удара ВВС Израиля. А на оживших среди ночи авиабазах на Крите, в Греции, Турции и Италии готовились к взлету самолеты третьей волны, и корабли 6-го флота поспешно меняли курс, направляясь в сторону израильского побережья. Возможно, что в этой невероятной суете, нашлись все-таки люди, которым пришло в голову, что развалины Мегидо[63] находятся не так уж далеко от того места, где разразился нынешний совершенно невероятный по своим масштабам кризис. Но если и так, они все равно уже опоздали.

Персиваль «погасил свет» в радиусе восьмидесяти километров, поджог несколько произвольно выбранных полицейских и армейских машин и сбросил с грозных небес три вертолета, неосмотрительно приблизившиеся к «периметру». Между делом, он успел проскользнуть в круг и внести свою «малую лепту» в кровавое приношение, что, впрочем, не помешало ему вовремя засечь новую техническую атаку и прикрыть магический круг щитом от удара боевого лазера, затаившегося на борту зависшего на геостационарной орбите боевого спутника НАСА. Но уже в следующее мгновение, Ольга почувствовала, как «поднимается» над своей могилой, над кругом, созданным и сплоченным ее волей, вызванный и возвращенный ее безумной волшебной силой Августа.

«Я здесь, — сказал он, появляясь в этом мире. — У нас есть еще десять минут, Дженевра, максимум пятнадцать. Но столько ты не выдержишь».

«Что же делать?» — она не дрогнула, хотя нотка растерянности и промелькнула в ее немом вопросе.

«Ничего, — Ольга ясно ощутила усмешку в ответе Августа. — Ты все уже сделала. Дженевра. Остались пустяки. „Вита“ и побольше живи, и... мы начнем отход».

9

Кафе закрылось в половине второго ночи, и Лиса была последней посетительницей, за которой хозяин запер дверь. Дождь так и не начался, но на улице стало заметно холоднее. Однако Лиса, медленно идущая по совершенно опустевшим улицам, единственными звуками на которых были ритмичный перестук ее каблучков и тихий шелест шин редких машин, была этому даже рада. Ветра, который она действительно не любила, не было, а мороз — «Ну какой, к дьяволу, мороз! Не в Сибири, чай! Так, заморозки» — бодрил. И на душе, вопреки всему, полегчало, и мысли обрели утраченную было ясность и последовательность. И

выходило, что не зря искала она этой ночью в чужом городе «уютный уголок». Не просто так, от общей взбалмошности характера, захотела ни с того, ни с сего не старый добрый эспрессо, а вполне экзотический для нее капучино. И желание обязательно съесть пирожное — а лучше, два! — не было случайной прихотью желудка. Все было правильно. Ей просто необходимо было прервать, хотя бы и на час, свой заполошный бег в никуда. Остановиться, оглянуться, посмотреть новым взглядом на знакомые — до полного исчезновения из поля зрения знакомые — вещи. Вот Лиса и «остановилась». Зашла в случайно возникшее на пути кафе, села за накрытый белой накрахмаленной скатертью стол и выпила, но не быстро — накоротке, а медленно и со вкусом, две большие чашки изумительного кофе: по-итальянски («Ведь, „капучино“ — это итальянский кофе, или я что-то путаю?») и по-венски (с высокой воздушной горкой снежно-белых взбитых сливок). Уговорил-таки хозяин кафе на эксперимент, черт сладкоречивый. И хорошо, что уговорил, потому что сама она о существовании такого чуда и не догадывалась. И пирожные — совершенно фантастическое безе и какое-то безумно вкусное сложно-шоколадное «не поймешь что» — он Лисе тоже выбрал удачно. И она просидела в кафе целый час, совершенно не ощущая ни одиночества, ни страха, ни даже течения времени. Однако, как ни странно, именно там, в этом кафе, Лиса и поняла наконец, что определяло ее жизнь, все ее действия, намерения и чувства в последнее, не такое уж короткое, если быть искренней, время: страх, ненависть и одиночество.

Найти все это в своей душе оказалось для Лисы полной неожиданностью, но от правды куда уйдешь? Можно долго и упорно не замечать очевидное, особенно, если не хочешь, не желаешь, боишься увидеть, а потому приказываешь — своим классическим командирским голосом приказываешь — «Не замечать!» Но когда-нибудь где-нибудь правда все равно откроется, такова уж ее природа. Так почему бы не здесь и не сейчас? Сейчас и здесь, этой ночью в этом самом кафе... Однако удивительно другое. Обнаружив теперь свой страх, найдя в себе черный как ад клубок ненависти, согласившись с тем, что ощущение полного и окончательного одиночества поселилось в душе не сегодня и не вчера, Лиса не оскорбилась и не отказалась от этих страшных «даров». Она приняла их, как есть, и совершенно неожиданно успокоилась.

Страх был естественным состоянием человека, живущего на краю. И глупо было бы не бояться, если твоя жизнь вечно висит на волоске.

«Я человек, — без всякой иронии признала Лиса. — А разве может быть человек, лишенный страха?».

Ни страх, ни ненависть, рождаемая бессилием перед неотвратимостью истории и судьбы, ни одиночество, которое не менее мучительно, чем страх, ничто из этого не унижало ее, не оскорбляло, и не делало хуже, чем она есть.

«Я солдат». — И ведь так, собственно, все и обстояло. Лиса была солдатом на страшной нескончаемой войне и вполне естественно страшилась смерти, как любой другой нормальный человек, и ненавидела своих врагов тем больше, чем сильнее они были, как стал бы ненавидеть на ее месте любой другой. Но еще и, прежде всего, она была женщиной, которой слишком много приходилось думать о других и слишком часто отодвигать свое, личное в сторону. Так и случилось, что в конце концов она оказалась одна, а человек один быть не может и не должен, потому что...

«Стадное животное...» — на этот раз ирония удалась, Лиса усмехнулась и, достав сигареты, закурила.

Табачный дым смешивался с паром от дыхания, образуя маленькие облачка, похожие на «пузырьки» реплик, какие пририсовывают своим героям художники комиксов. Подумав о комиксах, Лиса попробовала посмотреть на себя со стороны, представив такой, какой должна была бы выглядеть в одной из таких рисованных историй. Одинокая женская фигурка в светлом плаще, идущая сквозь ночной город и говорящая, ни к кому, собственно, не обращаясь — ну, разве только к себе самой: — «Я женщина...»

Она снова усмехнулась, свернула за угол и увидела свою гостиницу. Если бы не неоновая надпись, идущая над обращенным к Лисе фасадом, то отель ничем особенно от окружающих жилых домов не отличался. Обычное, серое и невыразительное четырехэтажное здание с высокой по местной архитектурной моде, черепичной крышей. Тем не менее, гостиница была старая, она существовала уже едва ли не шесть десятков лет, и внутри, не считая маленького и не располагающего к отдыху лобби, была более чем комфортабельной, вполне соответствуя своим четырем заявленным в рекламном проспекте звездочкам.

Лиса кивнула ночному портье, взяла ключ и на лифте поднялась на четвертый этаж. Усталости она все еще не ощущала, и сна, как говорится, ни в одном глазу, но и шляться по ночному городу надоело тоже. А в номере — просторном и обставленном старой добротной мебелью — ждала бутылка коньяка, предусмотрительно купленная еще вечером, перед самым закрытием магазинов, когда Лиса разыскивала этот как раз отель.

«Коньяк, сигарета и ночь за окном... только камина не хватает».

Впрочем, бог с ним с камином, в комнате и так было тепло, а, пожалуй, что и жарко. Лиса сняла плащ и, сбросив туфли, совсем было устроилась в большом едва ли не «вольтеровском» кресле, чтобы спокойно выпить и обдумать под бессмысленное «бу-бу-бу» телевизора свое житье-бытье, как неожиданно случай предоставил ей даже лучшую возможность, чем могло предложить неизбалованное изысками воображение. Перед тем как прочно засесть в кресле перед телевизором, она решила принять душ, потому что кто его знает, сколько вопьется под такое настроение, и будут ли потом силы тащиться в этот треклятый душ. Однако, оказавшись в ванной комнате, а это по всем статьям была именно комната, размерами ненамного уступавшая просторному гостиничному номеру, Лиса поняла, как мало она знает о нормальной человеческой жизни. Раньше она думала, что такая роскошь возможна только в каких-то очень особых и, соответственно, дорогих отелях. Но вот отворилась обычная белая дверь в «санузел», и перед Лисой открылась огромная, облицованная белым и черным кафелем и вымощенная черной мраморной плиткой комната, где прямо перед дверью на возвышении высотой в одну ступень стоял черный просторный стол с зеркалом и красный с высокой спинкой стул-табурет перед ним. Справа от стола располагалась сложной формы ванна-джакузи, вмурованная в облицованное черным кафелем возвышение (на этот раз аж в три пологих ступени!), а слева — две кабинки из непрозрачного голубоватого с «зимними» узорами стекла: душевая и для унитаза.

«Н-да...» — вообще-то, как она сразу же подумала, в такой ванне нужно «мыться» вдвоем, что, по-видимому, и предусматривалось, учитывая форму и размеры этого произведения «банного» искусства. Но Лиса оказалась здесь и сейчас одна и, более того, будет ли когда-нибудь в ее жизни сакраментальное «вдвоем», не знала, и знать не могла. Однако и не воспользоваться неожиданно выпавшим случаем, было бы если и не преступлением, то уж точно глупостью. Иди знай, что ожидало ее впереди, в затянутом туманом неопределенности будущем? Возможно, ничего хорошего.

Лиса пустила воду и, вернувшись в номер, забрала оттуда бутылку, стакан, пепельницу и сигареты. Расположив все это богатство на краю ванны, она стала раздеваться и тут, непроизвольно взглянув на свое отражение в стенном зеркале, остановилась, что называется, со спущенными штанами. Вчера днем, впервые увидев в зеркале Дебору, Лиса была слишком поглощена открывшимися изменениями, чтобы произвести «разбор и учет» доставшегося ей нежданно-негаданно добра. Но сейчас, когда она уже успокоилась и втянулась в ритм нового — «посмертного» — существования, Лиса внимательно и даже критично прошлась взглядом по всем деталям ландшафта и пришла к выводу, что тело ее безупречно, при том не вообще, а именно в ее собственных глазах. Это было сродни тому редкому, в общем-то, случаю, когда образ воображения, возникший по прочтении книги, идеально совпадает с образом, созданным при экранизации этой книги актером и режиссером.

«Кажется, в математике это называется конгруэнтностью».

Если у Лисы и существовал когда-нибудь глубоко спрятанный от себя самой образ-идеал женской красоты, которому хотелось бы соответствовать, то именно он теперь и воплотился в реальность. Или, вернее, Лиса в нем воплотилась, превратившись — непонятно когда, где и как — из Доминики в Дебору. И даже седые, платинового отлива длинные волосы не портили впечатления, по своему дополняя и уточняя образ нерядовой женщины, стоявшей сейчас перед зеркалом со спущенными до щиколоток голубыми джинсами. Впрочем, оценив по достоинству открывшуюся перед ней картину, Лиса поняла и кое-что еще: одеваться так, как она была одета сейчас — а одета она была в случайные, уворованные во время бегства из Мюнхена вещи — ей более не следовало. Не тот стиль.

«И вообще...» — поморщилась она, сопоставляя свое весьма среднее белье с окружающей роскошью. — «Это называется, со свиным рылом...»

«Придется, — она с удовольствием избавилась от одежды, и, закурив по дороге сигарету, погрузилась в горячую воду. — Озаботиться еще и сменой гардероба».

10

Врачи утверждают, что сидеть в горячей воде вредно. Во всяком случае, долго. Тем более, не рекомендуется распивать в ванной алкогольные напитки. Но вредно или нет, Лиса провела в джакузи никак не менее получаса. Возможно, что и больше, но кто считает! Ей было удивительно хорошо, а времени, залезая в горячую воду, она, разумеется, не засекала. И естественно, у нее не было часов, так что полагаться в своих расчетах Лиса могла только на внутреннее чувство. Однако, поскольку и расчетов, собственно, никаких не производилось, и внутреннее чувство по случаю общей релаксации организма было отпущено пастись, где ему в голову взбредет, ничего конкретного, кроме ощущения «не менее получаса», Лиса предложить не могла. Впрочем, и предлагать было не нужно, потому что и вопроса такого не стояло.

Она допила коньяк, закурила очередную сигарету и задумчиво посмотрела на заметно опустевшую бутылку, примостившуюся с края ее роскошной ванной. «Otard» был замечательно хорош, но и выпила она уже порядочно. Оставалось решить, еще по чуть-чуть и баиньки, или уже достаточно? Но «достаточно» явно не было, и спать, что уж совсем удивительно, совсем не хотелось. И, усмехнувшись, мелькнувшей у нее мысли, что женщины спиваются быстрее мужчин, дай только повод и волю, Лиса плеснула себе еще и, подняв стакан перед собой, посмотрела сквозь него на свет. Цвет у коньяка был хороший, успокаивающий и, пожалуй, даже пробуждающий аппетит, но главное все-таки запах. Запах был такой, что можно было даже и не пить вовсе, а только нюхать. Но поскольку и пить

никак не возбранялось, то дела, можно сказать, обстояли совсем хорошо. А вот хорошо или плохо обстояли ее настоящие дела, Лисе еще предстояло узнать. Однако думать об этом она себе запретила еще четверть часа назад, когда расставив все интересующие ее вопросы и все касающиеся ее обстоятельства «по росту», оценила получившуюся композицию и решила, что лучше уже не будет.

Последним пунктом повестки дня значился вопрос об «идентификации Борна». Впрочем, чтобы принять решение, курс конспиратологии — спасибо мистеру Ладлему и собственному богатому жизненному опыту Лисы — не понадобился. За нее все уже решили случай и сложившие обстоятельства. И были эти обстоятельства, при всей их готической вычурности, просты как апельсин. Алиса Дмитриевна Четверикова, уже дней десять как находившаяся во всемирном розыске, исчезла. Ее могли продолжать искать, но найти уже не могли. А значит, учитывая тот факт, что вслед за гражданкой Четвериковой ушла в никуда и всем хорошо известная донья Рапоза Пратеада, унеся с собой в неведомые дали с полдюжины конспиративных кличек, в той или иной степени ассоциировавшихся с этими двумя персонажами, у всех заинтересованных лиц появилось широкое, что называется, непаханое поле деятельности: ведь поди узнай, что стало с Алисой Четвериковой! То ли сдохла где-нибудь, то ли сменила облик и личину — а знают ли компетентные органы о такой возможности? — то ли просто залегла где-то, притворившись неодушевленным предметом. Все возможно. Все пути открыты, но ни один из них никуда не ведет. Ведь и Доминика Граф, которую кое-кто успел за эти дни увидеть, и которую, скорее всего, уже вычислили, ведь информация из мюнхенской штаб-квартиры БФВ уходила в Кельн в режиме реального времени, была теперь никому недоступна. Она вернулась туда, откуда была насильно выдернута — и, как выяснилось, всего на несколько дней — дурной волшбой Лисы и гением ее личного оператора. Фрекен Граф снова обрела покой, а значит, и поиски ее будут тоже тщетными.

Проследить же совершенно новую личность, нечувствительно возникшую неизвестно где и когда, совсем непросто, если возможно вообще. Дебора Варбург никаких следов пока нигде не оставила, и выходило, что впервые в жизни Лиса оказалась предоставлена самой себе. Никто ее не знал, не ждал и не искал. Она была, но ее как бы не было, потому что и внезапно объявившаяся в Городе Дебора тоже ведь была никому незнакома. И уж точно, что никому и в голову не могло придти, что мага и его личину зовут одним и тем же именем.

«Анонимность гарантируется!» — Где-то так.

Лиса бросила окурок в пепельницу, отставила опустевший стакан и вылезла из воды. Медленно вытираясь большим махровым полотенцем, она еще чуть-чуть — самую малость — полюбовалась собой в огромном стенном зеркале, не отказав себе в невинном удовольствии пропустить через одновременно возбужденное и расслабленное сознание вереницу некоторых, в обычной жизни давно уже запретных видений, и, набросив банный халат, вернулась в номер. Но отнюдь не для того, чтобы забраться под одеяло. Ей предстояло провести один совсем несложный — во всяком случае, так ей в тот момент казалось — но очень важный эксперимент.

«И в самом деле! Что нам стоит дом построить? Тра-та-тата... будем жить...» — Она внимательно осмотрела комнату, проверяя, зашторены ли окна, закрыта ли дверь, и не забыла ли она еще что-нибудь, что могло оказаться теперь важным, и, не найдя в своем плане заметных изъянов, легко, практически без усилия «нырнула» в совсем недавно обнаруженное «Нигде и Никогда». Холод и мрак приняли Лису так, словно никуда она

отсюда и не уходила. Но Лиса не стала отвлекаться на пустяки — она знала, чего хотела — и сразу же «пошла» дальше. И так же стремительно, практически без перехода, как прежде сомкнулся вокруг нее ледяной мрак внутреннего пространства, тьма выцвела, превращаясь в полупрозрачную завесу, и сквозь «черный крепдешин» проступили смутные очертания «звезд». Удовлетворенная увиденным и тем, что почувствовала наконец это странное движение без движения, Лиса прервала «полет» к Звездному небу и с полпути — рывком обратив движение вспять — вернулась назад, но с непривычки перестаралась и пробкой вылетела обратно, в свой гостиничный номер. Времени все ее путешествие почти не заняло — во всяком случае, так утверждали часы — но чувствовала она себя, как после прыжка с трамплина.

«Вот же...!» — Лиса умерила заполошный бег сердца, вытерла выступившую на лбу испарину и снова ринулась в холодный мрак внутреннего Я.

На этот раз, едва оказавшись в тайном укryвище — «нигде и никогда», Лиса сразу же «развернула» вектор движения и опять увидела свой гостиничный номер, но не так, как видела его еще мгновение назад, когда пыталась справиться с сердцебиением и головокружением, а совершенно иначе. Сейчас она была «внутри» и «снаружи» одновременно и, хотя все это было для нее внове, каким-то шестым чувством ведьмы знала, что может сейчас колдовать безнаказанно, совершенно не опасаясь того, что ее волшеббу ощутит кто-нибудь кроме нее. Миры, еще недавно казавшиеся абсолютно независимыми один от другого, смешались. Материальный мир гостиничного номера и внутреннее пространство Лисы причудливо сопряглись, проникнув один в другой, и где-то рядом, едва ли не за плечом, угадывались еще два мира: абстрактный — Звездного неба и иллюзорный — Чистилища. Оставалось только понять, что это новое, неизведанное еще состояние готово ей предложить.

«Посмотрим», — Лиса «прошла» сквозь дверь, одновременно твердо зная, что по-прежнему стоит посреди своего номера, и медленно «двинулась» по коридору, заглядывая — впрочем, без особого любопытства — в другие номера, где, разумеется, не происходило ровным счетом ничего интересного. На дворе была глухая ночь, и крепко спали даже вконец умаявшиеся от своей «африканской» страсти любовники из сорок шестого номера. Однако Лису они не интересовали. Ее занимало лишь исследование того, на что она теперь была способна. А способна Лиса оказалась на такое, о чем и помыслить не смела еще несколько минут назад. Она видела что происходит в коридорах отеля, на его лестницах, и в номерах, «слушала» телефонные кабели и могла проникнуть в компьютерные сети, ничего не трогая при этом в «заснувшем» на стойке портье «Пентиуме». Оставаясь незримой и, соответственно, никем незамеченной, Лиса покинула гостиницу и пошла по ночной улице в сторону центра, все еще не имея какой-либо определенной цели, но уже предчувствуя ее скорое появление. И цель пришла, возникла сама собой, воплотившись в более-менее четкий план, когда через минуту или вечность Лиса увидела перед собой здание «Швейцарского кредита». Ну что ж, все было логично: Дебора Варбург все еще оставалась тенью без плоти. У документов не было прошлого, а у их хозяйки оставалось совсем мало наличности.

Несколько мгновений Лиса рассматривала солидное и по ночному времени практически пустое здание, потом пожала плечами, как бы соглашаясь с тем, что, не погрузившись в реку, силы течения не узнать, и, проникнув внутрь, «прошла» мимо бдящего перед монитором охранника. Нужно ли было настолько усложнять задачу, она не знала. Возможно, всеможно было сделать и как-то иначе, проще и изящней, но, не имея опыта,

Лиса вынуждена была придерживаться хотя бы каких-нибудь знакомых ей по фильмам или книгам процедур. И рабочее место банковского клерка представлялось в этом смысле самым подходящим исходным пунктом для всех последующих действий. А действия эти были просты и незатейливы. Лиса не стала забивать голову изучением тонкостей и сложностей банковского дела, не стала вникать в значения разнообразных терминов и понятий, вроде депозита или типов вкладов. Она просто «покопалась» в картотеке и, найдя подходящий пример, стала создавать свою собственную банковскую историю, нечувствительно проникая в те самые институты и учреждения, которые — пусть даже вскользь — упоминались в документах Петера ван Хессе, «делом» которого она воспользовалась, как путеводной нитью.

Через какое-то время она совершенно перестала обращать внимание на такие мелочи, как наличие электронной связи между пунктами назначения, пароли доступа, системы контроля и множество других, подобных им, немаловажных для обычного человека — и даже для обычного оператора — вещей. Она просто делала, что должно, создавая какие-то электронные файлы или написанные от руки документы, перехватывая идущие из неоткуда в никуда денежные потоки, из которых вычерпывала свои крошечные наперстки, проливавшиеся дождем долларов, фунтов стерлингов или евро на ее крохотные поля, обретшие уже номера и реквизиты именных и номерных счетов. Все это оказалось совсем нетрудно, но ужасно хлопотно, потому что параллельно возникающим из небытия счетам должна была возникнуть и «бумажная» версия человека, именуемого Деборой Варбург. Однако когда работа была наконец завершена, Лиса имела не только девятнадцать миллионов швейцарских франков, распределенных между восьмью разными счетами, нашедшими приют в Швейцарии, Люксембурге, Германии и Швеции, но и подробную, «настоящую» до последней запятой в старой пожелтевшей от времени и давно уже никчемной бумажке, биографию и весь комплекс документов от свидетельства о рождении, основанного на старых медицинских записях, сделанных еще от руки в одной из клиник Бонна, и до отметок о благонадежности в полиции и контрразведке.

«Все».

Ничто не шелохнулось на рабочем столе так и оставшегося неизвестным Лисе клерка, и в электронных сетях не осталось даже самого незначительного следа ее присутствия, и сама она не стала проделывать обратный путь в том же порядке, как «прошла» его по дороге в банк. Лиса просто поняла, что работа окончена, и сразу же оказалась в своем номере и в своем теле. Но возвращение к себе оказалось совсем не таким простым, как можно было ожидать. Впрочем, ожидать можно было как раз всего, и то, что Лиса заранее этот момент не обдумала, объяснялось лишь ее преступной легкомысленностью, порожденной алкоголем и живью.

В глаза ударил чудовищно яркий свет, Лису качнуло, и в следующее мгновение она уже летела на ковер, рефлекторно закрыв глаза веками, из-под которых брызнули слезы. На ее удачу, упала она вполне прилично, ничего себе не сломав и не разбив, скажем, висок о спинку огромной кровати. Но еще добрых десять минут Лиса корчилась на ковре, борясь с дикой головной болью и совершенно невероятным головокружением. Как ей удалось при этом сдержать рвотные спазмы, оставалось только гадать. Но, когда она пришла в себя, весь банный халат был мокрым, причем не от воды, а от ее собственного пота. Тело было ватным, дыхание сорванным, а перед глазами плыли цветные круги. Голова все еще болела, но уже не так сильно, и головокружение почти сошло на нет. Однако ей стоило огромных усилий,

чтобы освободиться от мокрого и липкого халата и с грехом пополам заползти на кровать. Здесь силы окончательно ее оставили и Лиса забылась, почти моментально провалившись в глубокий, но полный невнятных видений сон.

Ее разбудил звук проехавшего под окнами трамвая. С трудом разлепив веки, Лиса перевернулась на бок и долго вглядывалась в цифры электронных часов. Прошло не менее минуты, прежде чем она поняла, что означают эти зеленые электрические символы — девять двадцать утра — но еще какое-то время после этого Лиса не могла вспомнить, кто она сейчас и где находится. Лишь после того, как к ней пришло ощущение холода — оказалось, что спала она совершенно голая, не удосужившись даже залезть под одеяло — и сфокусировавшийся наконец взгляд уперся в сваленные кучей на прикроватном столике личные документы, разноцветные кредитные карточки и чековые книжки с реквизитами нескольких европейских банков, она вспомнила, чем занималась ночью, и на лбу у нее выступила испарина.

Глава 12

Берлин: Что есть любовь? (11 октября, 1999)

1

Он ходил в Город каждую ночь. И днем тоже навещался, выбрав для этого самое подходящее, как представлялось, время: полдень и «five o'clock». Время выпить пинту пива или чашку чая...

«Как на работу хожу», — с усмешкой подумал Виктор, возвращаясь в отель, где лег спать в полночь. В этой усмешке нетрудно было заметить не малую долю самоиронии, но, на самом деле, ему было не до смеха.

Дебора появлялась в Городе регулярно. Возникла то там, то здесь. Ее видели в Фергане и на Каскаде, и во многих других местах. Она пила кофе у Георга, и несколько раз ела луковый суп у Клары. Один раз она зашла даже к Лешему, которого Рапоза Пратеада по совершенно достоверным известиям терпеть не могла. Однако приходила она в самое разное время, то ночью, то днем, и оставалась в Чистилище на минуты или часы, но всегда там и тогда, когда и где не было Виктора. Создавалось впечатление, что она его избегает, но поверить в это, означало принять за факт, что Лиса — если все-таки это была Лиса — знает его планы лучше него самого.

Виктор отбросил одеяло и встал с кровати. Окно было не зашторено, и, подойдя к нему, можно было увидеть ночную, вернее, предрассветную улицу, парк напротив и темные силуэты домов с редкими огоньками освещенных окон. Было четыре часа утра — самое паскудное время для морских вахт и армейских дозоров, но, разумеется, не для Виктора. Он и в прошлой жизни спал немного. Трех — четырех часов в день хватало за глаза. А теперь, после «воскрешения», спал он — если спал вообще, — скорее, по привычке, чем из необходимости. И если все-таки засыпал, то совсем ненадолго: полчаса — час, где-то так.

Он все-таки подошел к окну и посмотрел. Все выглядело именно так, как он себе представил, но, как оказалось, кое-что Виктор все-таки пропустил. Показалось ему или нет, но две человеческие тени скользнули под сень деревьев сырого предрассветного парка как раз тогда, когда он посмотрел вниз. Однако в жизни «бога» ничто не происходит просто так, и любое случайное — разумеется, только на первый взгляд — событие способно измениться под его взглядом, приобретая все признаки настоящего события. И короткое, почти импульсивное желание, порожденное мимолетным интересом Виктора, сейчас же реализовалось в точное знание.

«Почему бы, и нет? — он отошел от окна и, подойдя к своим аккуратно сложенным вещам, стал неспешно одеваться. — В конце концов, они там не уединения ищут. А поговорить нам давно пора».

Он тщательно застегнул белую сорочку на все пуговицы, повязал темный галстук, надел и застегнул длиннополый пиджак, чем-то напоминающий старорежимный сюртук, набросил на плечи плащ и вышел из номера. В коридоре было тихо и пусто. Лифт, не обремененный необходимостью таскать туда-сюда кого-то из полутора сотен постояльцев огромного отеля, пришел сразу, а наступающее утро встретило Виктора холодным сырым воздухом, едва начавшим светлеть от встающего где-то в советской зоне солнца. Мостовая была влажной от прошедшего поздним вечером дождя, а небо — обложено низкими тучами.

Виктор достал из кармана трубку, заранее набитую его собственным «вирджинским» табаком, и неторопливо, с удовольствием раскурил. Впрочем, первая же затяжка, напомнила о пересошем со сна горле, но устранять неудобства привычным для волшебника способом Виктор не стал. Теперь, когда он снова жил, к нему вернулась и вполне человеческая способность наслаждаться маленькими радостями, доступными и магам, и простым смертным. Виктор достал из внутреннего кармана пиджака серебряную фляжку, свинтил колпачок и сделал несколько медленных глотков. Виски, который он вечером в нее залил, был самым настоящим, шотландским, крепким и ароматным, каким «single malt» может стать, только проведя в бочках из лиможского дуба не менее двадцати лет. Впрочем, этот виски был настоящим чудом, он ждал своего звездного часа на девять лет дольше.

Виктор завинтил фляжку, убрал ее в карман и, попыхивая трубкой, перешел совершенно пустую в этот час улицу. Прошел несколько шагов по тротуару, вошел в приоткрытые ворота, и медленно, не скрываясь, зашагал по ближайшей аллее в глубину парка. Казалось, здесь было еще холоднее, чем на улице, но ему это ничуть не мешало. Организм сам подстраивался под температуру окружающего воздуха, а дышалось сейчас на удивление легко. Точно так же не мешала Виктору и темнота, сгустившаяся под плотными кронами деревьев. Все, что ему требовалось, он видел великолепно, а двух людей, расположившихся на мокрой скамейке метрах в ста впереди, он чувствовал все время. Вернее, «чувствовал» он одну Катарину. Черт ощущался лишь слепым пятном в ткани мироздания, но и это, если разобраться, было кое-что, потому что все остальные маги, как не без оснований полагал Виктор, не «увидели» бы сейчас Черта вовсе. Просто не смогли бы.

Два дня назад, когда они только добрались до Берлина, Дженевра сообщила, что нашлась наконец оставшаяся в Мюнхене Пятая ее первой десятки. Женщина, которую теперь звали Катариной Райнсфельд вышла на связь, воспользовавшись заранее условленным каналом. Она оставила сообщение, адресованное Зеленой Госпоже, на франкоязычном чате любителей певчих птиц. Разумеется, возвращение Катарины и само по себе значило немало: слишком мало бойцов смогло пройти вместе с Виктором через потерявшее за годы и годы почти всю свою силу «окно». Однако сообщение Дженевры-Ольги имело для Виктора и другой, вполне понятный при нынешнем его настроении, смысл. Той ночью Катарина была в Мюнхене и, скорее всего, даже участвовала, как минимум, в одной из разыгравшихся там битв. Именно из-за этого обстоятельства и оказался он позавчера — ранним утром — у ворот небольшого, но уютного особняка, снятого Ольгой Эйнхорн накануне. Сюда, на зов командира — впрочем, точное направление пару раз пришлось уточнять по сотовому телефону — и приехала на потрепанном, но все еще надежном Фольксвагене Катарина. Почему она не воспользовалась поездом или самолетом, и гадать не приходилось:

достаточно было взглянуть на ее пассажиров. С такими спутниками и на своей-то машине ехать через всю Германию было крайне рискованно, но, с другой стороны, и выбора у Катарины, если разобраться, не было. Сидеть в Мюнхене и ждать у моря погоды, она больше не могла. Время уходило, а помочь оказавшимся на ее попечении раненым было нечем.

Женщина, неподвижно лежавшая на заднем сидении машины, внешних повреждений не имела. Впрочем, правильнее было сказать, что она не имела их теперь. По следам отчаянных попыток Катарины помочь несчастной саге, Виктор догадался, что с «ерундой» вроде сломанных ребер и острого отравления наркотиками, справиться ей все-таки удалось. Но переломы и ссадины были сущими пустяками по сравнению с тем, что сделала — что смогла с собой сделать — эта безымянная в то время женщина, чтобы не отвечать на «настоятельные» расспросы господ дознавателей. Прием этот назывался «комой» и требовал от колдуна железной воли, немалого магического дара и доведенной до автоматизма техники применения. В свое время эту методику разработали северокорейские боевики. Но уже в конце семидесятых, насколько помнил Виктор, ее пытались активно внедрять в русской секции боевки в Приморье и в Средней Азии. Практикуют ли что-то подобное нынешние подпольщики, Виктор, разумеется, не знал, но, судя по возрасту женщины и тому, что она никогда не «обращалась», следовало предположить, что вполне могла успеть овладеть «комой» еще у Корня, Павы или Каноника... или у кого-то из их учеников во Владике, Хабаровске, Алма-Ате.

Суть же приема заключалась в том, чтобы усилием воли заставить сознание уйти так глубоко в колодец беспамятства, что вытащить его оттуда обычными медикаментозными или «техническими» средствами было практически невозможно. Непросто это было и для настоящих, обладающих природным даром и соответствующей практикой целителей. Даже Виктор, возможности которого были поистине огромными, если и вовсе не безграничными, смог пока справиться с синдромом «закрывшегося» только в первом приближении, и то далеко не сразу. Сначала было две упорных — на пределе травмирующего вмешательства — и не увенчавшихся успехом попытки пробиться к «заснувшему» сознанию женщины. Однако, как говорится, капля камень точит. И упорства Виктору было не занимать. Так что вчера к вечеру он до нее «добрался», и они с сагой даже немного «пообщались», но окончательным исцелением для нее это все-таки не стало. Работы оставалось столько, что, как говорится, «начать да кончить». И пока Дама Пик — это псевдо она назвала Виктору только в присутствии своего напарника, не сказав сверх того ничего существенного — спала, погруженная Ольгой в глубокий релаксирующий сон, не позволяющий, однако, случайно «соскользнуть» в Город. Расспрашивать колдунью более подробно, тем более красть у нее информацию, Виктор счел неэтичным. Сага была в своем праве — «Не хочешь, не говори» — и в любом случае заслуживала того, чтобы ее оставили в покое.

Интересная женщина. Неординарная. Но если откровенно, гораздо больше заинтересовал Виктора ее приятель, тот колдун, который полез волку в зубы, чтобы вытащить попавшую в полицию Даму Пик. Полез, вытащил... Как? Впрочем, «как?» — это совсем другой вопрос, но вот относительно самого сагуса и сомнений не было, потому что своей интуиции Виктор привык доверять. И не ошибся, разумеется.

Во-первых, оказалось, что Черт тяжело ранен. Страшные — до костей — напалмовые ожоги на спине и плечах, лишь кое-как подлеченные Катариной, не обладавшей талантом целительницы, наверняка, причиняли ему жестокие страдания. Тем не менее, раненый не только выдержал многочасовое путешествие, но и высидел рядом с водителем на переднем

сидении, не потеряв при этом сознания и не утратив самоконтроля и ясности взгляда. А ведь кроме ожогов, еще несколько дней назад в теле Черта сидело четыре пули, и, хотя их там уже не было — боец «выдавил» их сам — раны были нехорошие и все еще не затянулись. Однако все это только «во-первых», или скорее, «во-вторых», если вообще не «в-третьих», потому что сильные волевые мужики встречаются не только в подполье, но, в любом случае, такие люди достойны если не восхищения, то, хотя бы уважения.

«Судя, по этим двоим, — решил Виктор, наблюдая за тем, как Черт выбирается из Фольксвагена и помогает вытаскивать Даму Пик. — Группа была незаурядная, нерядовая... Что?»

Он сразу почувствовал, что до «ровного счета» не хватает еще двоих, но оставил эту тему до лучших времен, потому что Черт смог удивить его по-настоящему. Этот высокий хмурый мужик оказался не только первоклассным боевым магом, но и совершенно фантастическим «невидимкой» — классической и невероятно одаренной «тенью», что вообще-то случается крайне редко. Обычно, или — или. Или боевик или тень, но чтобы так, да еще по высшему разряду? Но, с другой стороны, чему здесь удивляться? Человек, способный войти в здание центрального управления Бундескриминальамт и выйти оттуда живым, — пусть ему даже помогли со стороны — фигура по любым меркам неординарная. Даже в легендарные семидесятые таких на круг и было-то всего несколько человек, и Виктор не был уверен, что нынче больше наберется. Талант он и в Африке талант, и маги в этом отношении ничем от обычных людей не отличаются. Однако и этот факт, если и заинтересовал Виктора, то, во всяком случае, не удивил. Теоретически ведь такие сагусы должны были существовать, так почему бы одному из них теперь же и не объявиться? А то, что встреча произошла так скоро после возвращения, так на то и существует его величество Случай. Да и сам Виктор, одним фактом своего возвращения, столько всего уже замутил, что не сразу и разберешься, что тут к чему, и почему так, а не иначе. Но вот то, что он увидел в глазах Катарины, действительно способно было лишить покоя, и лишило, разумеется. Такова жизнь.

2

Виктор свернул на боковую аллею и наконец увидел Черта и Катарину, сидевших на скамейке в глубокой тени, отбрасываемой склонившимися над ними деревьями. Однако ни тень эта, ни предрассветный сумрак Виктору не мешали, как, впрочем, и этим двоим, видевшим в темноте не хуже ночных хищников. Впрочем, как вспомнилось теперь Виктору, животные видят как-то иначе, а он мог различить не только блеск глаз женщины, но и их выражение.

Если бы не знать, что Катарина немка, то, глядя на нее, подумал бы, что русская. И не просто русская, а сибирячка какая-нибудь, или — «Как же их?» — кержачка?

У нее была совершенно вышедшая из моды не только в урбанизированной Европе, но теперь, кажется, и в СССР, толстая светло-русовая коса до пояса, которую Катарина свернула этим утром в корону...

«Совсем плох стал, — подумал он с тоской, рассматривая это редкое по нынешним временам чудо. — Как же это называется по-русски? Кичка?»

Впрочем, слово, всплывшее в памяти, Виктору решительно не понравилось. Не хорошее оно было какое-то, это слово, напоминающее скорее об учительницах младших классов или провинциальных буфетчицах и совершенно не передающее всей прелести прически, когда поднятые кверху волосы обнажают высокую белую шею, но не трогательно тоненькую, а

сильную, «величавую», кажущуюся тонкой только в присутствии округлых и наверняка матово белых плеч, высокой полной груди и широкого лица с мягкими и «плавными», чрезвычайно располагающими чертами, которыми понимающий человек может любоваться ничуть не меньше, чем «отточенными» до полного технического совершенства чертами иных признанных красавиц. И вся она, Катарина, была именно что какая-то «сибирская», хотя, возможно, в Сибири таких женщин никогда и не было. Кто знает? Высокая, дородная, но не толстая, белая, с прозрачной синью васильковых глаз, затененных длинными светлыми ресницами...

«Пава. Так, кажется?»

Однако, заподозрив неладное еще тогда, когда увидел ее в этом облике впервые, Виктор не поленился заглянуть в базу данных Гамбургского управления внутренних дел и нисколько не удивился, обнаружив, что не была та женщина и в половину столь хороша, пока не стала этой Катариной. Но и это, если верить собственной интуиции, всей правдой не было. Виктор догадывался — и это-то и занимало его больше всего — что и сразу после воплощения, она тоже была другой. Такой, как сейчас, судя по всему, сделал Катарину именно холодный и какой-то мертвенно-равнодушный, совершенно не отражающий того, что творилось в скрытой за семью печатями душе, взгляд Черта, которого Катарина вытащила в Мюнхене буквально из пекла, вынесла на себе из боя, спасла от смерти и плена, выходила, как могла и умела, и... — «Вот же невидаль какая!» — полюбила. Возможно ли такое? Говорят, любовь зла, и, глядя на этого худого, какого-то «темного», как будто и в правду постоянно пребывающего в густой тени мужика, в это легко можно было поверить. Особенно, если вам довелось не только видеть Черта, но и слышать его речь.

«Красавица и чудовище... М-да...»

— Доброе утро, — сказал Виктор, подходя к скамейке. — Надеюсь, не помешал?

— Доброе утро, сэр, — имея в виду Черта, Катарина заменила очень личное обращение «господин» и слишком официальное — «князь», на вполне нейтральное — «сэр». Вскакивать со скамейки и вытягиваться в струнку, Пятая Дженевры не стала тоже.

«Славная девушка...И умная».

А вот Черт не сказал ничего. По-видимому, он был прекрасно осведомлен о том, какое впечатление производит на окружающих его голос, и потому только молча кивнул и выжидательно посмотрел на Виктора.

— Не спится, — сказал Виктор, присаживаясь, на мокрую от давешнего дождя скамейку рядом с Чертом. — Выпить хотите?

— Хочу, — равнодушно, как какой-то гротескный механизм из американских фильмов ужасов, проскрежетал Черт и в упор посмотрел на Виктора. — Спрашивайте.

«Черт возьми! А в любви ты ей как объясняешься?»

— Ваши тайны, Черт, ваши тайны, — Виктор полез за пазуху и снова достал свою заветную фляжку. — Знаете, как у нас говорят? «Не хочешь, не говори». — Он, не торопясь, свинтил колпачок и передал фляжку Черту. — На самом деле, меня интересует только одна вещь. Вы знаете Рапозу Пратеаду?

— Знаю, — Черт принял фляжку и сразу же передал ее Катарине. — Мы были в Мюнхене вместе. Вы это хотели знать?

Так, вероятно, звучала бы «речь» фрезерного станка, обрабатывающего броневую сталь. Однако для Виктора сейчас важнее было содержание. Впрочем, чего-то в этом роде он и ожидал. В угадываемую его интуицией четверку Лиса, как ни странно, вписывалась легко и

просто. Это было ее место.

«Великолепная группа, — отметил он без удивления и радости. — Просто идеальная».

— Что с ней случилось, знаете? — спросил он вслух.

— Нет, — мотнул головой Черт, принимая от Катарины фляжку. — Она ударила, когда я был еще внутри, — точно выверенный «скупой» глоток. — А потом мне было уже ни до кого. Сами понимаете.

«Значит, это была она».

— Я был уже плохой, — секунду подумав, добавил Черт. — Не мог уже...

— Понимаю, — Черт оставил ему виски ровно на один глоток, но эта малость оказалась очень кстати.

«Тупик», — Виктор убрал фляжку в карман и встал.

— Спасибо. Не буду вам больше докучать своим присутствием.

— Это не все, — неожиданно проскрежетал Черт и тоже встал со скамейки. — Часа через два... Я был уже в сознании, — он быстро взглянул на Катарину, как бы объясняя, кому он этим обязан. — Пришел «откат». Я думаю, это была Рапоза. Ее «цвет».

— Полагаете, она жива? — на этот раз, Виктор не стал набивать трубку, «как все», а просто вытащил из воздуха новую, уже набитую и раскуренную, и тут же перехватил первую пробившуюся сквозь «железную стену» эмоцию Черта. Сагус был удивлен или, вернее, учитывая то, какой силы должно было быть чувство, чтобы пробить такой барьер, потрясен. Он просто не знал, что кто-то способен колдовать, не «светясь».

— Я ее мертвой не видел.

«Тоже ответ».

— А живой?

— В Городе она не появлялась, — пожал плечами Черт. — В «сети» вывешен «черный вымпел», но сигнал тревоги подала она сама.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил Виктор, предполагая, что все уже сказано, но ошибся.

— Ты тот Виктор Корф, который с «лобным синдромом»? — неожиданно спросил Черт.

«Значит, она знала и это. Сильна стрига!»

— Да.

— Мы шли к тебе, — сказал Черт и, достав пачку сигарет, тоже закурил. — Она нас вела.

— Понятно, — кивнул Виктор, чувствуя, как сжимается от тоски сердце. — Во Франкфурте тоже были вы?

— Да.

«Похоже, что ты ее недооценил, друг», — сказал он себе.

По всем тщательно собранным Виктором и его людьми данным, а их накопилось уже порядочно, во Франкфурте и Мюнхене действовала колдунья невероятной, просто запредельной силы. Даже делая поправку на не всегда достоверные источники информации, эта ведьма должна была быть едва ли не равной ему — «богу» — по силам.

«Дебора?»

— Спасибо, — в третий уже раз сказал Виктор.

— Не за что, — ответил Черт. — И вот еще что, Виктор, зовите меня Борисом. Меня папа так назвал.

Казалось бы ерунда. Что ему, в самом деле, до этих двоих? И почему именно о них он все время думает? Других дел, что ли, нет? Однако эта странная любовь «красавицы и чудовища» занимала его, чем дальше, тем больше. И, как можно было догадаться, совсем не случайно.

«Мужчины любят глазами», — Виктор терпеть не мог все эти прописные истины, но приходилось согласиться, что что-то в этой «народной мудрости» есть. Образ Лисы недаром едва ли не все время стоял перед его глазами, и избавляться от этой «напасти» он не собирался, хотя, разумеется, мог, если бы захотел.

Однако занимало его не чувство, которое должен был испытывать к Катарине Черт. С ним-то как раз все было понятно. Судя по всему, в реальной жизни Черт был совершенно лишен радости любви. В той или иной степени, об этом можно было судить по тому, как вел себя в Городе Бомарше. Короткое и, надо отметить, довольно поверхностное расследование, предпринятое Виктором, показало, что в Чистилище Черт был известен, как легкий и удобный любовник, склонный к долговременным романам «с лирикой», но никогда не обременявший партнершу своим присутствием дольше, чем хотела она сама. По такому поведению о человеке многое можно узнать, хотя, правды ради, никто из тех, с кем привелось говорить Виктору, и не подозревал, кто на самом деле скрывается под личиной мягкого, улыбчивого и крайне остроумного «француза». Все, как один, полагали, что в реальной жизни Бомарше, скорее всего, какой-нибудь несчастный калека, лишенный физической возможности любить и быть любимым. Впрочем, если подумать, не так уж они и ошибались. И если так все и обстояло, любовь Черта к Катарине была понятна и легко объяснима. Красивая женщина, к тому же боевой маг... Но если и этого недостаточно, то не трудно было представить, какое впечатление на этого сурового мужика должна была произвести почти материнская забота, с которой Катарина его выхаживала. Но вот сама Пятая Дженевры оставалась для Виктора полной загадкой. И именно она и ее чувство, больше всего его и занимали.

Жизнь в «пустоте» оказалась не лишена своих прелестей. Никто ее не ждал и не искал — «Совсем никто?» — и ей самой некуда было спешить, так как и планов особых у нее пока не было, кроме, разве что, встречи с Кайдановым. Но идти или нет на встречу, которой еще совсем недавно она сама и добивалась, Лиса пока не решила. Обстоятельства изменились, и с ними изменилась она сама. Оставался, правда, еще Георг, который с педантичной пунктуальностью, но без назойливости предлагал ей — при каждом практически посещении кофейни Гурга — встретиться с «племянником» старика Иакова, но тут был совсем другой расклад. Она не то, чтобы боялась этой встречи, хотя и страх со счетов сбрасывать не стоило, но просто не знала — растеряв неожиданно уверенность в правильности своих прежних действий — стоит ли это делать.

Прожив в Цюрихе почти неделю и дождавшись там одного только Алекса, приятно удивившего ее внезапно прорезавшейся способностью выживать любой ценой, Лиса обнаружила, что не только не распутала тот странно болезненный клубок, в который превратились ее чувства к Некто Никто, но, напротив, запуталась в них окончательно. И теперь, приехав в Берлин, она не могла даже с определенностью сказать, что же на самом деле лежит у нее на сердце, мешая по-настоящему наслаждаться великолепной и совершенно незнакомой ей «рассеянной» жизнью богатой и свободной от каких либо обязательств

женщины? Любовь ли это, пронесенная через двадцать пять лет подполья, или дурацкая блажь, разросшаяся до размеров мании? Честно говоря, вопрос был из тех, которые вообще не следует задавать, потому что, подвергнув сомнению — пусть один только раз — то, что всегда считалось неприкосновенным, ты неизбежно вступаешь на зыбкие земли неопределенности, где существуют только вопросы без ответов, тоска и горькая печаль. «Не поверяйте алгеброй гармонию! Не делайте глупости!» Но вопрос был задан и, прозвучав, потянул за собой, что не диво, массу других вопросов, и твердая почва окончательно ушла из-под ног, и все, чем жила Лиса все эти длинные годы и благодаря чему, возможно, только и выжила, оказалось совсем не тем, чем казалось еще вчера.

Если бы не это, нынешняя жизнь могла бы и вовсе обратиться в волшебную сказку про какую-нибудь Золушку или в чудный сон, приснившийся старой деве, утратившей уже последние шансы на счастье и лишившейся — в силу возраста и жизненного опыта — последних иллюзий. И дело было, разумеется, не в том, на какой машине ездила Лиса, в каких обедала ресторанах, или какие тряпки создавала сама себе, едва лишь какая-нибудь вещица, мелькнувшая в электронном или бумажном каталоге *Haute couture*, [64] привлекала ее капризное внимание. На нее снова смотрели мужчины. И, надо признать, это было невероятно приятно, тем более, что и мужики были отнюдь не рядовые. Во всяком случае, некоторые. Однако не получалось.

Прошлое, как ни тривиально это звучит, тянуло назад. Не отпускало, проклятое, не желало отпускать. И Лиса снова оказывалась там, откуда, собственно, и пришла в этот мир Дебора. А там — На войне, как на войне, не так ли? — голову молодой или не такой уж молодой, женщины занимает отнюдь не выбор прически или вечернего грима, а рутина жизни в подполье, где каждый прожитый день удача, и смерть всегда поджидает тебя не где-то далеко, а за первым попавшимся поворотом. И Лиса вдруг ловила себя на том, что снова и снова мусолит думанные передуманные мысли о Черте и Даме Пик, и о таинственном третьем, которому похожий на бегущий сквозь ночь факел Черт швырнул Пику, безвольную и неподвижную, как неодушевленный предмет; об Алексе, к которому на платформе цюрихского метро, Лиса даже не подошла, послав вместо себя какую-то путешествующую из ниоткуда в никуда соплюху с немытыми волосами и старой гитарой за спиной, передавшую оператору деньги и приказ двигать в Афины к Бегуну и ждать там дальнейших распоряжений; и о Бегуне, разумеется, о Твине и Злате, и о Махно с его дикими идеями, и о множестве других людей, большинство из которых она знала только по кличкам, а некоторых и живьем-то никогда не видела; и о «Тропе», на которой теперь не стало «маяка» с ником Нота, и об «Эстафете», в которой выпало одно из командных звеньев по кличке Соль; и о Наташе, ковыляющей на парализованных ногах по холодному и сырому Ленинграду; и о дочери Кайданова, как в старом советском фильме, разыскивающей отца, и о какой-то курве из московского управления КГБ, чующей магов аж за триста метров; и о тайнах архива мюнхенской безопасности, и о чертежах жуткой машины, созданной в Военно-Техническом Бюро... Того, о чем можно и, вероятно, нужно было думать и о чем, может быть, следовало беспокоиться, имелось столько, что легко было занять этим все до последней минуты нежданно случившиеся «Цюрихские каникулы». Но с этим Лиса в конце концов справилась, потому что все, что можно было сделать, уже было сделано, и все решения приняты и никаких возражений не вызывали. Но если в общем плане все так и обстояло, то к Некто это, увы, не относилось.

Некто Никто возвращался в ее мысли с упорством достойным лучшего применения. Нс

вот какое дело. Лиса не знала теперь, любит ли его по-прежнему, и если все-таки любит, то нужна ли ее любовь этому таинственному человеку, который всегда приходил, когда считал нужным, и уходил точно так же, никого не спросив. «По-английски». На этот раз, правда, он, судя по всему, изменил своему излюбленному модус операнди, устроив в Тель-Авиве такой «гвалт», что мама не горюй. Зачем?

«Не смог без шума? Или так и было задумано?»

Иди знай, что там случилось и почему! Иди...

6

В Берлин она все-таки приехала. Не то, чтобы окончательно решила, пойдет или не пойдет на встречу, но из надоевшего до чертиков Цюриха убралась и, если уж так, то почему бы, в самом деле, не в Берлин?

«Разлук так много на земле и разных судеб... И городов много и людей, но куда не кинь, всюду...» — Она проехала с ветерком по автобанам Западной Германии, никуда особенно не спеша и делая остановки там и тогда, когда и где «стих» находил. А находил он часто и в очень приятных местах, потому, вероятно, что не только трудные мысли «о главном», но и «муза красивой жизни» не оставляла Лису тоже. Так что до места добралась уже ближе к ночи, но это, как говорится, отнюдь не смертельно. Время ведь функция обстоятельств: когда спешишь, его никогда не хватает, а когда живешь не во времени, а в пространстве, то и того и другого полно.

Она устроилась в отеле, сходила в ресторан, поужинала там с аппетитом, насладившись между делом вежливым вниманием сразу двух патентованных красавцев — типичного арийца, одетого с артистической небрежностью, и смуглого атлета в безукоризненно консервативном костюме тройке темно-серого цвета — и одарив обоих царственной улыбкой, убыла в номер, где полчаса полоскалась в ванной, позволив себе немного коньяка — для релаксации и чуть-чуть сладких грез, проходящих в ведомости «незатейливых развлечений одинокой женщины» по статье «только для взрослых», и наконец с огромным удовольствием нашла себя в роскошной постели. Но в Город не пошла, неожиданно почувствовав избыточность этого привычного хода действий, а просто заснула, чтобы проснуться через семь часов сорок три минуты, ровно в восемь, и начать новый день.

7

Весь этот день, который вполне мог оказаться особым, но мог таковым и не стать, она гуляла по Берлину. Город Лисе решительно не понравился, но это не означало, что в нем невозможно было найти приятных мест. Она их и находила, обходясь, впрочем, без путеводителя и карты, а полагаясь на одну только интуицию, неизменно приводившую ее в этот день именно туда, куда следует, то есть туда, где Лисе было хорошо и легко и где естественным было занять голову какими-нибудь милыми пустяками, чем-нибудь необязательным, но приятным. Например, задуматься, о вечернем платье, которое Лиса надевала пока один лишь раз в жизни — во время охоты на Вальдхайма — и которое решила теперь себе сотворить.

Потом она оказалась в здании Нового Культурного Центра и довольно долго бродила по залам музея, рассматривая картины каких-то немецких авангардистов, в которых совершенно не разбиралась, но которыми сейчас неожиданно увлеклась, находя особую прелесть в этих нечетких тревожных линиях и неожиданных сочетаниях цветовых пятен. В конце концов, она даже снизошла до того, чтобы прочесть объяснения, вывешенные в каждом из залов выставки, и с огромным удивлением узнала, что уже два часа рассматривает

картины отнюдь не современных художников, а произведения давно умерших — и иногда очень плохо умерших — классиков, работавших в начале двадцатого века.

«Классики и... современники», — покачала она мысленно головой, обещая себе в обязательном порядке восполнить пробелы в образовании.

«А он?» — неожиданно задумалась Лиса, уже выходя из музея под мелкий дождик. — «Он в таких вещах разбирается?»

Скорее всего, ответ положительный. Что знал или чего не знал Некто, сказать было трудно, но старик Иаков знал, кажется, абсолютно все.

«Знает, — поправилась она, так как уже не сомневалась, что Некто и Иаков это один и тот же человек. — Знает...»

«Знал, знает... будет знать... — крошечные, совершенно невесомые капли дождя оседали на лице, приятно холодя кожу. — Да, несомненно!»

Решение, как это уже случалось, пришло сразу в готовом виде. Да, ей действительно необходимо пойти на встречу с Кайдановым, однако совсем не затем, зачем она думала раньше. Впрочем, то, ради чего ей следует там быть, представлялось пока несколько туманным, но одно Лиса знала уже совершенно определенно: все это как-то связано с Некто. И, несмотря на то, что непроясненность их отношений как будто предполагала сохранение дистанции, сейчас ей это не мешало. Напротив, именно поэтому — а как это, и с какой стати, стало вдруг совершенно неважно — она туда и пойдет.

8

Что есть любовь?

Это очень странно, когда взрослый, во всех смыслах поживший и успевший даже один раз умереть мужчина задается такими странными вопросами.

Что есть любовь?

Худшего занятия, чем пытаться ответить на этот хрестоматийно неразрешимый вопрос, трудно даже придумать, но, тем не менее, именно этим и была занята теперь голова Виктора.

— Что скажешь? — спросил он Ольгу, зашедшую к нему, чтобы «из одной только вежливости» поставить Августа в известность, что, хочет он того, или нет, они с Персивалем намерены сегодня в пять тридцать отобедать в ресторане «Кемпински». Столик заказан, Персиваль ждет в машине. И зашла она, в общем-то, «буквально на минуту», затем только, чтобы сообщить его светлости князю, где он их сможет найти, если они ему вдруг понадобятся. Но на эту наглую выходку Виктор даже реагировать не стал. Пусть их, героев, они по-другому не умеют. Спросил о другом.

— Что скажешь? — спросил он.

— О чем, князь? — темно-синее платье очень шло Ольге, и крупные голубые сапфиры в ушах и каплевидном кулоне, повисшем на тонкой золотой цепочке в глубоком узком декольте, тоже.

— О Катарине, разумеется, — Виктор раскурил трубку и посмотрел Ольге прямо в глаза. — И не называй меня, пожалуйста, князем, Оля. У меня есть имя.

— Она его любит, Виктор, если ты хотел спросить меня именно об этом, — Ольга улыбнулась и, подойдя к зеркалу, поправила завиток блестящих черных волос над виском.

— Я догадался, — желчно возразил Виктор, попыхивая трубкой. — Но за что?

— А за что вообще любят? — пожала она узкими, необычайно сексуальными, как стали теперь говорить, плечами.

— Ты права, — кивнул Виктор, тем более, что и сам знал, что задал дурацкий вопрос. — Ты задала правильный вопрос, а я — нет.

— Да, нет, Виктор, — Ольга возвратилась к столу и открыла крошечную лакированную сумочку. — Мы оба с тобой правы и неправы одновременно, — она достала пачку «Кемела» и щелчком выбила из нее сигарету. — Вчера вечером, на улице, ко мне подошел один симпатичный парень...

— Что тут странного? — Поднял бровь Виктор. — Выпьешь что-нибудь? Вино, коньяк, виски? Ты ему понравилась, только и всего.

— Да, — кивнула Ольга, от чего закачались тяжелые серьги в ушах. — Понравилась, разумеется. Иначе с чего бы ему хотеть со мной познакомиться?

Виктор с неодобрением посмотрел на вонючую сигаретку и мысленно покачал головой. Такая женщина должна курить что-нибудь более приемлемое, но вмешиваться в личную жизнь своих лейтенантов он себе запретил.

«Не дети, сами разберутся, что такое хорошо, а что такое плохо».

— Ты красивая, — сказал он нарочито равнодушным тоном. — И парень тривиально захотел тебя трахнуть.

— Бесспорно, — она даже не подумала возражать. — Но поскольку сразу реализовать свое желание он не мог, ему пришлось бы, позволь я ему это сделать, за мной ухаживать.

— Оставь ликбез для своих будущих детей, — усмехнулся Виктор. — А я уже взрослый мальчик и знаю, как это происходит. В конце концов, он убедил бы себя, что влюблен, любит... А остальное, как известно, функция воображения, темперамента и культурного опыта.

— Да, конечно, — улыбнулась Ольга, стряхивая с сигареты пепел. — Ты можешь налить мне свой замечательный виски. Мне это не помешает. И вот кстати вопрос. Скажи, разве я тебе не нравлюсь?

— А кому ты можешь не понравиться? — снова усмехнулся Виктор, разливая виски по стаканам. — Ноги, правда, немного тонковаты, но ты же знаешь, на вкус и цвет...

— Но ты меня не любишь и не хочешь. — Она не дала ему свернуть в сторону, продолжая гнуть свою, уже вполне понятную, линию. — И Катарину тоже, хотя у нее как раз и ноги полные и грудь больше моей. Ты любишь кого-то другого... За что?

— А хрен его знает, — честно признался Виктор, вновь припомнив свою первую встречу с Лисой. — Потому я тебя и спросил. Прозит!

— Прозит! — Ольга отсалютовала ему стаканом и отпила немного виски.

— Так за что же она любит Черта?

— Возможно, — осторожно ответила Ольга, возвращая стакан на стол. — Он произвел на нее сильное впечатление.

— Согласен, — кивнул Виктор. — Мужик он неординарный, во всех смыслах. Но не мазохистка же она!

— Нет, — Ольга загасила окурочек в пепельнице и снова посмотрела в глаза Виктору. — Во всяком случае, я этого за ней не замечала, но зато Катарина очень романтична. Когда он был без сознания, она заглянула в его записную книжку.

— И? — Подался вперед Виктор, ощущая отчаянную уверенность, что сейчас услышит ответ на свой вполне идиотский вопрос.

— Черт пишет очень красивые лирические стихи. Неожиданно, правда?

— Нехорошее какое-то чувство, — Рэйчел поправила перед зеркалом грим на веках и улыбнулась отражению Кайданова. — Прямо, как тогда.

— Как тогда не будет, — твердо ответил Герман и смягчил жесткость интонации ответной улыбкой.

«Как тогда не будет» — это он решил твердо. Что бы там ни случилось, Рэйчел он вытащит, или они умрут вместе, но брать с собой прикрытие он не будет. Они шли на встречу с Лисой и Виктором, а не на войну. И как бы он ни относился к Рапозе и Иакову, предательства он от них не ожидал и, соответственно, не хотел унижать — ни их, ни себя — недоверием. А там, будь, что будет, и, если Рэйчел опять «ухватила опасность за хвост», то так тому и быть. Ведь знать наверняка, что это за опасность и от кого исходит, они не могли, а у самого Кайданова, несмотря ни на что, на душе было ясно и даже неожиданно весело, и предчувствие удачи — неизвестно, правда, какой и в чем — бродило в крови.

«Предчувствие или знание?» — Но вот ответа на этот вопрос он не знал, зато ему хорошо было известно другое: он был влюблен, и он был счастлив.

10

Поставив машину на стоянке перед отелем, Лиса выключила мотор и совсем уже собралась киношным жестом «выставить наружу ножку», тем более что теперь ей уж точно было что и откуда выставлять. Но еще раньше, чем она успела это сделать, подчиняясь какому-то до конца неосознанному, но оттого не менее властному чувству, Лиса неожиданно для самой себя «шагнула в сторону». «Отойти в сторону» — так называла она теперь состояние распределенного сознания, когда оказывалась как бы в двух мирах сразу: физическом, где пребывало ее новое тело, неторопливо покидавшее сейчас дорогуший, как реактивный истребитель, Ламборджини, и ментальном, где всегда холодно и темно, но где Лиса чувствовала себя в полной безопасности. Получалось это у нее теперь, на шестой день экспериментов, не просто легко и непринужденно, но часто, как, например, сейчас еще и спонтанно, а то и произвольно. И причин такому положению вещей было несколько. Во-первых, как быстро выяснилось, расщепление сознания зверски выматывало только в начале, потому, вероятно, что Лиса не знала тогда, что и как делает. Однако, как только разобралась, все сразу же пошло, как по маслу, при том не только в смысле легкости, но и в смысле рациональности, если так можно выразиться.

А во-вторых, опыт великий учитель, особенно, когда других нет. И Лиса быстро осознала, что «живую», неразрывно связанную с эмоциональной сферой и интуицией часть своего сознания лучше всего прятать в «нигде и никогда». Там эта сумбурная и не вполне уравновешенная «личность» была в полной безопасности, потому что разглядеть ее было невозможно. Зато сама она оттуда все видела — пусть и не совсем так, как видели глаза Лисы, находившиеся в распоряжении второй половины сознания — и все чувствовала, через «платочек», разумеется, как детский поцелуй, но зато с той степенью незримой силы, которая превращала Лису в настоящую «хозяйку морскую». Зато в мире живых оставалась несколько суховатая, правильная, как брошюра по технике безопасности, и неробкая часть сознания, которую невозможно было заподозрить в отсутствии цельности, и которая не ошибалась и не пугалась, являясь к тому же технической пустотой для любого мага, хотя таковой на самом деле и не являлась.

В принципе, особой необходимости во всем этом декадентстве сейчас, вроде бы, не было. Никакой опасности Лиса не чувствовала и не предполагала, и уж, тем более, не предвидела. Дело, однако, заключалось в том, что при всем своем желании, Лиса просто не

успела еще в достаточной степени изучить «их нравы» и была, поэтому, вынуждена «считывать» всю необходимую ей информацию прямо «с листа», вынимая из памяти окружающих или «отгадывая» их ожидания относительно себя в режиме реального времени. Как, например, входят в такой вот ресторан такие, как она, женщины? Что сказать мэтру, встречающему гостью у самых дверей? Или ему вообще ничего не следует говорить? Как сесть за столик, и что выбрать в огромном и составленном на не совсем немецком языке меню? Вопросов было много, но и за ответами далеко идти необходимости не было. Официант ведь и сам знал, что к буйабес — «Буйабес? Ах вот что это такое! Рыбный суп, значит...» — Следует заказать белое вино, а в карте вин такая вот дамочка, как Дебора Варбург должна выбрать какой-нибудь рислинг. Скажем, из долины Рейнгау. Но урожай 1998 года был, по оценкам признанных знатоков, не слишком удачным, и, значит, заказывать следует полусухой Schwarzer Kater 1997 года, причем не лишь бы как, а в голубой бутылке, потому что иначе придется заказывать «шампанское» брют из Мозеля, но Лиса не была уверена, что ей это будет вкусно. Во всяком случае, когда лет десять назад на новый год пришлось пить крымский брют, ей это совсем не понравилось. Так что, на круг, выходило, что распределенное сознание являлось не только лекарством против страха, но и удобным инструментом, как для войны, так и для постижения этого чудесного нового мира.

Лиса сделала глоток заказанной ею «Черной кошки» и пришла к выводу, что если по поводу цены этого белого вина она ничего определенного сказать и не может, то пить его, во всяком случае, было не противно. Она сделала еще один глоток, мимолетно пожалев, что в немецких ресторанах запрещается курить, и в этот момент в зал вошли двое.

«Мне что, теперь во всех кабаках такие парочки будут встречаться?!» — Смуглого поджарого мужчину с неожиданно светлыми волосами и серыми глазами — «Турок? Хорват?» — Лиса видела вчера вечером в своей гостинице. Он даже одет был в тот же самый безукоризненный темно-серый костюм. Только вместо голубой сегодня на нем была черная рубашка, ну и галстук, разумеется, тоже был другой. А вот высокую изящную брюнетку с яростно синими глазами и какими-то «хищными», орлиными что ли, чертами несомненно неординарного лица, Лиса видела примерно неделю назад по дороге из Линца в Мюнхен, е закуской в рекреационной зоне большой бензозаправочной станции. Только одета она тогда была проще и запомнилась Лисе своим ненормальным для такой «тоненькой» девушки аппетитом.

«Волк и... беркут, пожалуй, — решила Лиса, рассматривая эту красивую пару. — Ну и в чем же тут сюрприз?»

В том, что парочка эта появилась здесь и сейчас неслучайно, Лиса не сомневалась, но в чем здесь «секрет», пока не знала. И потому сразу же мягко к ним «потянулась», «коснулась» обоих и немедленно отступила, почувствовав в этих молодых красивых людях скрытую, но в любое мгновение готовую вырваться наружу недюжинную боевую мощь.

Боевые маги? Сразу двое, и именно здесь, в этой гостинице и в этом ресторане, всего за полчаса до назначенной встречи? Это было странное открытие, которое, однако, не столько напугало Лису — пугаться ей, как она понимала, было нечего просто потому, что мало кто был способен ее теперь напугать — сколько удивило и даже, пожалуй, озадачило. Ясно было, что появились они в «Кемпински» не из-за нее, а из-за кого-то другого. Правда, оставалось неизвестно, кого они прикрывают или за кем охотятся. Кайданов? Или Герман здесь ни при чем, как и никому среди магов неизвестная Доминика Граф, и все дело в ком-то третьем, о котором она ничего не знает?

Возможно, последующие события развивались бы по несколько иному сценарию, хотя и вряд ли. Времени до встречи с Кайдановым оставалось еще более чем достаточно, и Лиса, в любом случае, обнаружила бы западню. Но мужчина — «Итальянец? Турок?» — скользнувший было по Лисе нейтральным, вполне равнодушным взглядом незнакомца и не заинтересованного в знакомстве человека, неожиданно вернул взгляд назад и, явным образом нарушая приличия, уставился на Лису с таким выражением, словно увидел, как минимум, королеву Викторию или, скажем, папу Римского. И дело тут было не в том, что он узнал в Лисе ту женщину, которой пару раз сдержанно улыбнулся накануне, во время ужина в совершенно другом ресторане. В этом случае он смотрел бы на Лису как-нибудь иначе. Он «узнал» в ней кого-то другого. Знать бы только кого?

Однако, если незнакомый маг был чем-то настолько поражен, что не смог скрыть своих чувств, то и Лиса отреагировала на его «бестактность» совершенно естественным для нее образом, даже не отдавая себе отчета в том, что делает и почему. Все получилось как-то само собой, практически машинально, как закрыть, например, глаза, если в них ударила струя воды или сноп яркого света. Странный взгляд незнакомца заставил Лису насторожиться и, значит, прибегнуть к единственно возможной для подсознания реакции — выбросить «невод», одновременно еще глубже прячась в своей никому недоступной крепости «Нигде и Никогда». И «улов» оказался не просто сказочно богат, он буквально перевернул с ног на голову тот мир, в котором она так уютно устроилась всего несколько минут назад.

Лиса окинула ресторанный зал «темным» — сквозь чёрную кисею — взглядом, и настороженность ее сменилась холодным гневом. Здесь везде были враги. В зале ресторана находились одиннадцать федералов[65] при исполнении и неслабый нюхач в придачу — потеющий от страха и напряжения лысенький и толстенький мужичок, который ничего, впрочем, пока не почувствовал.

«Засада?! — удивление Лисы победило даже вспыхнувший в душе и едва не выплеснувшийся наружу „огнем и кровью“ гнев. — Но на кого?»

Теоретически, ловить могли или ее, то есть, не Дебору Варбург, разумеется, а Доминику Граф, или Кайданова. Оставалось, правда, неясно, как они могли узнать о назначенной на шесть часов встрече, но всегда есть место случаю, как бы фантастичен, он ни казался на первый взгляд.

«Я что-то сказала на допросе?»

По впечатлениям самой Лисы, подтверждаемым кроме всего прочего электронным архивом контрразведки, она им ничего не сказала, но, возможно, она что-то упустила? Впрочем, с тем же успехом, предателем мог оказаться Кайданов, во что, впрочем, Лисе не верилось, да и верить не хотелось. Но тогда оставался третий и последний вариант. Они с Кайдановым совершенно случайно угодили в чужую мышеловку, потому что охотятся здесь за кем-то другим, за этими, например, боевыми магами, которые в этот как раз момент садились за зарезервированный ими столик.

«Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, — мрачно подумала Лиса, выбрасывая свою „сеть“ за пределы ресторана. — Посмотрим...».

Глава 13

Берлин: Момент истины (11 октября, 1999)

1

«Раз пошли на дело, выпить захотелось,

Мы зашли в шикарный ресторан...»

Вот и зашла, а здесь не «Мурка в кожаной тужурке», а комитет по встрече в полном составе и расстрельная команда в придачу. Ресторан, лобби и вся гостиница были битком набиты «людьми в штатском». Впрочем, служба этих мужчин и женщин, и в самом деле, «и опасна, и трудна», ну а сегодня — такой уж выпал им жребий — станет, вероятно, смертельно опасной, потому что, если так сложится, что Лисе придется вмешаться, живым не уйдет никто.

Она мимолетно отметила эту жестокую мысль, мелькнувшую в занятой совсем другими мыслями голове, но никак на нее не отреагировала. Лиса была уже на боевом взводе и никаких эмоций, кроме, разве что, гнева и холодной, как оружейная сталь, ярости, не испытывала. Это ведь война, а на войне как на войне. Здесь нет ни женщин, ни мужчин, а есть солдаты, свои и чужие. И чужих в плен не берут, потому что партизанам некуда девать своих пленных, и в лазаретах раненых не выхаживают, просто потому что и лазаретов тех нет, ни для своих, ни, тем более, для чужих. В такой войне бьют насмерть или умирают сами, но вот умирать Лиса сегодня совершенно не собиралась.

«Плавали, знаем!» — Она быстро «осмотрела» верхние этажи и крышу. — «Совсем с ума посходили!» — «Вернулась» в лобби, между делом отметив, возрастающее возбуждение этого странного то ли араба, то ли грека — «Интересно, что ему дамочка его скажет? Смотрит, как на Мону Лизу, сукин сын!» — и «вышла» на улицу.

«Ну ребята, — изумилась она, произведя беглый обзор ТВД.[66] — Или у вас паранойя или у меня!»

Такой концентрации сил вне «мест постоянной дислокации» она увидеть никак не ожидала. Ближайшие к гостинице дома были нафаршированы «служилым людом», как голубцы мясом и рисом. Кого здесь только не было! И штурмовые группы бундесвера и контрразведки, и снайперы, и отряды технической поддержки — Лиса «рассмотрела» пару установленных на крышах многоканальных генераторов «белого шума» и какую-то электронную хрень, наподобие той, с которой работала незабвенная Алла Борисовна Приходько — и группы огневого усиления, вооруженные пулеметами, автоматическими гранатометами с химическими и газовыми боеприпасами, и, что характерно, многозарядными арбалетами и чуть ли не минометами. Ну, а штаб всей этой вполне себе армии затаился — в прямом и переносном смысле слова, так как по всей территории соблюдался режим радиомолчания — в архитектурном бюро «Конструкта», на третьем этаже старого выкрашенного в зеленый цвет здания на углу.

Однако, судя по всему, никаких активных действий бээфвешники в данный момент предпринимать не собирались. Немцы сидели в своих щелях как мышки и чего-то ждали, но вот кто должен был крикнуть «Ату!», Лиса так и не поняла, хотя в том, что такой человек существует, сомневаться не приходилось. Наблюдатель, знающий объект в лицо, или нюхач, но кто-то просто обязан был быть. И, следовательно, если нюхач — это тот дурень, что сидит всего в трех столиках от нее, то, значит, предполагается, что «дичь» объявится в самом ресторане, а, если их все-таки двое... Если нюхачей двое, то второй, наверняка, отнюдь не рядовой колдун, раз уж даже Лиса его не нашла. Впрочем, это был лишь первый, бегло брошенный, взгляд, а до второго оставалось ждать еще целых двадцать минут, но об этом Лиса пока не догадывалась. Будущее все еще принадлежало самому себе, и раскрывать перед Лисой свои секреты не спешило.

Следующие двадцать минут прошли в томительном ожидании. Лиса внимательно наблюдала за развитием событий, но ничего интересного не происходило. Федералы изображали из себя неодушевленные предметы или претворялись ни о чем не подозревающими, небедными гражданами, со вкусом обедающими — за казенный счет — в дорогом, вполне себе аристократическом кабаке. Смуглый и светловолосый маг — «Босниец? Черкес?» — пил красное вино и, по-прежнему, бросал на Лису взгляды, становившиеся раз от разу все более и более «красноречивыми», хотя, казалось бы, куда уже больше? Однако его синеглазая спутница поведение своего кавалера совершенно игнорировала — «Впрочем, кто их, восточных людей, знает? Может быть, у них так принято, типа, „женщина, знай свое место?“» — ну, а Лиса, покончив с изумительно приготовленными антипасты по-сицилийски (попросту говоря, печеными на противне крошечными перцами, кабачками и прочими овощами, нафаршированными своей же собственной тушеной в вине со специями мякотью), благополучно перешла к «рыбному супчику», совершенно, впрочем, не напоминавшему, как подумалось Лисе, ни своей консистенцией, ни вкусом той ухи из рыбных остатков, которой во времена оны пробавлялись бретонские бедняки. Но это, кажется, судьба и всех прочих французских деликатесов. Во всяком случае с их луковым супом — Лиса читала об этом в газете «Неделя» — случилось в точности то же самое.

«А что теперь случится со мной?» — она «увидела», как на противоположной стороне улицы останавливается такси, и из него выходит невысокий и немолодой, если судить по обилию седины, человек в светло-сером плаще и начинает неторопливо и как-то по-особенному красиво набивать табаком трубку.

Машина отъехала, и, не дожидаясь, пока Лиса «зайдет» с другой стороны, мужчина обернулся.

Добрый день, сударыня, — в его «голосе» прозвучала одна лишь сухая вежливость, и серые глаза остались такими же спокойными и равнодушными, какими и были еще мгновение назад, когда их взгляды встретились впервые.

«Господи! Один к одному!» — мгновенное узнавание произвело на Лису такое впечатление, что она даже не задумалась, откуда он здесь взялся и почему именно теперь, когда до встречи с Кайдановым оставались считанные минуты, и сам Герман в сопровождении своей безумно красивой «тени» уже появился в створе улицы. Ей такой вопрос и в голову не пришел. Вероятно, потому что перед ней стоял не просто Некто во плоти, а именно тот самый Некто Никто, которого Лиса увидела семь дней назад в своем, как теперь выяснялось, вполне вещем сне.

Здравствуй. Ты, как всегда вовремя.

Она искала в его глазах хоть что-нибудь из того, что почудилось ей в голосе Августа тогда, в Замке, но не находила ничего.

Как ты меня узнала? — кажется, он даже не удивился.

Да, так как-то ... Зачем ты пришел?

И в самом деле, зачем?

Зачем?

Двадцать пять лет он уходил от нее в неизвестность, в смерть и забвение, в никуда, и вот теперь он вернулся, но ничего из того, чего можно было от этой встречи ожидать, не произошло. Ровным счетом ничего.

Ты позвала.

«Я позвала... На кого он похож?» — мысль была почти случайной, необязательной, всплывшей в сознании, быть может, от одной только растерянности. А похож Некто был на Алексея Александровича Каренина...

3

Виктор вышел из такси, постоял мгновение, доставая из кармана плаща кисет и трубку, потом медленно обернулся и посмотрел на здание гостиницы.

«За кем они пришли?» — Кандидатов было, как минимум, трое, но кто бы ни являлся сегодня мишенью, дела это в сущности не меняло, потому что...

Дебора сидела в ресторане, держала в руке бокал с вином и смотрела на Виктора. Как видно, стены не мешали ей точно так же, как и ему. Она была еще красивее, чем он себе тогда вообразил, но в главном Виктор все-таки не ошибся. Он узнал ее сразу и мгновенно оценил смертоносную силу, скрытую в этом восхитительном теле. Сейчас мощь ее была такова, что Лиса смогла бы, вероятно, обратить в руины весь этот город и убить всех живущих в нем людей. Однако и это Виктора почти не заинтересовало, потому что главным было не то, как она теперь выглядела, и даже не то, на что была способна, а то, как она на него посмотрела. В ее глазах не было души, вот что главное. Они были равнодушно внимательны, не более. И это уже не была Лиса, вот в чем дело.

Добрый день, сударыня, — поздоровался Виктор, чувствуя, как сжимается от тоски сердце.

«Где же та любовь, ради которой я вернулся?» — Но, похоже, он безнадежно опоздал.

Здравствуй.

«И это все?»

Впрочем, она была в своем праве. Это ведь он оставил ее тогда, в Свердловске, одну на привокзальной площади, и он, а не она, полжизни прятался черт знает где, имея на то свои, вполне идиотские, резоны.

Как ты меня узнала?

«А как узнал ее я?»

Дебора... — «Ее действительно так зовут?» — была совершенно непохожа на Лису. Разве что нечто в разрезе глаз и высоких скулах... Однако, возможно, это было всего лишь плодом его воображения. Той Лисы, которую он некогда встретил и полюбил, уже не существовало, и с этим он должен был смириться.

Да, как-то так... Зачем ты пришел?

И в самом деле, зачем? Ведь не мог не знать, что прошлое не возвращается, и случившееся однажды неповторимо уже хотя бы потому, что оба они изменились. Но тогда, к кому же он пришел и от любви к кому рождалась в его душе музыка?

Ты позвала.

4

— Тысяча извинений, госпожа...

Лиса не вздрогнула лишь потому, что та часть ее сознания, которая слышала этот голос, была неспособна удивляться и вообще находилась по отношению к окружающей действительности в позиции холодного отчуждения, дистанцируясь от нее, защищая границы своего личного пространства.

— Да? — Лиса подняла взгляд на смуглого мужчину, движение которого к ее столику, она, разумеется, «отследила», как отслеживала сейчас массу других совершающихся в «зоне ее интересов» событий, не сосредотачивая на них, Впрочем, внимания, до тех пор пока они

ее прямо не касались.

— Прошу прощения, мадам, — колдун перешел на французский, спрашивая ее интонацией, имеет ли смысл продолжать. Немецкого он, судя по всему, не знал, и первую фразу просто выучил наизусть. Лиса почему-то была уверена, что уж его-то спутница по-немецки говорит.

— С вашего позволения, мадмуазель, — холодно усмехнулась она. — Чем обязана?

— Мы не знакомы, — чувствовалось, что мужчина испытывает совершенно несвойственную ему неловкость, но он, кажется, даже не пытался этого скрыть. — Меня зовут Персиваль.

Показалось ей или он действительно пытался этим что-то сказать? А, между тем, Виктор Корф, все еще стоявший у кромки тротуара напротив гостиницы и раскуривший наконец свою чертову трубку, тоже «увидел» рыцаря Персиваля и явно удивился.

«Что здесь не так, Виктор Львович?»

— Чем обязана, господин рыцарь? — повторила она свой вопрос.

— Вы знакомы с князем Августом? — вместо ответа спросил колдун, и вопрос этот заставил ее заинтересоваться неожиданным собеседником по-настоящему.

— Август, — Лиса решительно вымарала эту часть разговора из идущей on-line записи и чуть приподняла бровь, как бы подчеркивая свое удивление. — Вы человек Августа?

— Да, — в его глазах отразилось совершенно очевидное облегчение. Но зато сам Август, все еще не сделавший ни единого шага вперед, нахмурился, словно испытывал по поводу этого диалога раздражение, скрывать которое не считал нужным.

— Как вы меня узнали? — возможно, она не очень ясно сформулировала свой вопрос, поскольку знакомы они с Персивалем (Вот же имечко!) не были и пути их никогда не пересекались, тем более что нынешнюю Дебору Варбург в лицо вообще не знал никто.

«А Некто? Как узнал меня он?»

— Как вы меня узнали? — Но вопрос оказался излишним, так как «внутреннее сознание» отреагировало на ситуацию так быстро, как только и могло в том напряжении, в котором находилось. И почти мгновенно — еще не отзвучал даже произнесенный вслух вопрос — ухватило единственную, случайно или намерено, оставленную Персивалем не защищенной «ниточку» и стремительным рывком, которого рыцарь даже не почувствовал, «вырвало» у него то, что его, собственно, и тревожило, заставив в конце концов подойти к незнакомой женщине.

«Господи! — но это было единственное, что Лиса способна была сказать или подумать, проваливаясь в чужое воспоминание. — Господи!»

* * *

Последний звук взлетел под своды собора и угас, но впечатление от только что отзвучавшей музыки было таково, что Персиваль не сразу очнулся от навеянных ею грез, в которых предстал перед ним образ женщины пронзительной красоты, сквозь которую, как солнце сквозь туман, проступал еще более достойный восхищения внутренний облик. Возможно ли, что Август «написал» музыкой портрет своей любви?

— Что скажешь? — голос князя вернул его к реальности и заботам дня.

— Она прекрасна, ведь так? — Не сказать этого вслух он просто не мог. — И вы ее любите.

— Не знаю, какая она сейчас, — голос Августа не дрогнул, но что-то в его интонации было настолько необычным, что Персиваль удивился еще раз. — Но ты прав, Персиваль, я ее

люблю.

— Я буду служить ей точно так же, как служу вам, — ну что еще мог он сказать своему князю в ответ на такое признание?

* * *

«Господи!» — но даже вполне насладиться этим неповторимым переживанием, не то чтобы осознать его и досконально изучить, ей не дали.

«Внимание!»

Это не было брошенное в настороженный эфир слово, и голоса наблюдателя Лиса, разумеется, не услышала. Она перехватила всего лишь условный сигнал, стремительную цепочку электрических импульсов, сорвавшихся с крошечной антенки маленького, как тюбик липстика, передатчика, зажатого в руке молодой рыжеволосой женщины, сидевшей за столиком кафе на противоположной стороне улицы, как раз метрах в пятнадцати-двадцати от того места, где все еще стоял попыхивающий изогнутой трубкой Некто Никто.

Внимание!

«Судьба, — Лиса встала из-за стола и молча кивнула неожиданно насторожившемуся Персивалю. — Судьба... Здесь и сейчас. Именно сейчас и именно здесь... И решение за мной».

Судя по тому, что Лиса почувствовала в момент, когда раздался сигнал тревоги, сегодня охотились не за ней. Но дело, как она тут же поняла, было не в том, кто и за кем здесь охотится, а в самой природе этой охоты. Впрочем, слово «поняла» не слишком точно отражало то, что произошло с Лисой на самом деле. Знание, которое приняло извне или создало на основе мгновенного впечатления ее сознание, не являлось точным и ясным, как правила грамматики или арифметики. Все в нем, в этом знании, было все еще не переработано мышлением и, следовательно, не вполне поддавалось осознанию, а потому было зыбко, неопределенно, неявно. Однако главное Лиса все-таки уловила сразу и приняла, как есть. Это мгновение и это место неожиданно перестали быть просто местом и временем, в которых нечто произошло или еще только должно было случиться. Они превратились в точку бифуркации, в мгновение жестокого слома всех причинно-следственных связей, составляющих основу жизни. И в центре этого катаклизма оказалась — и, по-видимому, не случайно — именно Лиса. Невоплощенные вероятности сгустились вокруг нее, готовые реализоваться в новую, неведомую их участникам цепь событий. Но ничего еще не было решено и...

«Судьба», — повторила Лиса про себя, как будто пробуя это слово на вкус, и одновременно осознавая, что все дальнейшее случится или не случится, только потому, что так решила она.

«Судьба», — она улыбнулась рыцарю Персивалю, поставила бокал с недопитым вином на стол, и одним невероятным, но таким на самом деле естественным для нее «движением» остановила время.

5

Сукин сын! — казалось, слова сами собой срывались с губ. — У тебя что, Виктор Корф, все в одну музыку уходит?

Как в свисток, Лиса, — неожиданно улыбнулся Виктор, которому, похоже, ее ярость пришлась по душе. — Как в проклятый свисток.

Сукин сын! — но уже совсем с другим выражением повторила она про себя, глядясь в его неожиданно ожившие глаза и видя там, как в двух серых зеркалах, свое сдвоенное

отражение, в котором образ Деборы Варбург самым причудливым образом сочетался с образом другой Деборы, той, что впервые увидела себя в зеркале, висящем в кофейне Гурга. — Сукин сын...

И ей вдруг захотелось проверить, так ли верно передал ее вещей сон вкус того несостоявшегося поцелуя, но объяснение еще не закончилось, и вешатся ему на шею только потому, что он соизволил наконец ей улыбнуться, она не желала. Впрочем, в физическом смысле это было и невозможно. Виктор все еще находился на улице, сделав один только шаг с тротуара на проезжую часть — прямо под колеса замершего в порыве движения серебристого Порше, а Лиса оставалась в ресторанном зале, успев «за это время» лишь обернуться лицом в его сторону. А вокруг них застыли в незавершенных движениях люди и машины. И голубь, вспорхнувший с карниза гостиницы и так и не долетевший даже до середины улицы, завис в окаменевшем воздухе в полуразмахе крыльев. И вино, которое официант начал было наливать в бокал тощей старухи с нерядовыми бриллиантами на иссохшей груди, никуда не пролилось, образовав искрящийся на свету, витой темно-рубиновый — «богемского стекла» — столбик. И даже электронные импульсы — «Внимание! Тревога!» — никуда не улетели, потому что и субатомные частицы тоже подвластны законам времени. Возможно, это происходило сейчас только здесь, в гостинице и на прилегающих к ней улицах, но, Лиса ничуть не удивилась бы, узнай, что вырвала из потока времени весь большой Берлин или погрузила в безвременье своего «личного мгновения» всю Германию, или даже весь мир. Но, так, или иначе, здесь и сейчас, свободой движения обладали только она и он. Одни они, да, еще, быть может, нейтрино — если Лиса правильно поняла ту давнюю статью в журнале «Знание-Сила» — вообще, кажется, избавленные от каких-либо физических обязательств. Впрочем, нет. Не успев насладиться возникшим у нее неожиданным и вполне сказочным образом, Лиса обнаружила, что они с Виктором не одиноки. Оказывается, и кроме них существовали люди, способные оспорить непреложные законы природы. Кайданов, остановленный ее безумной волшбой на полушаге, невероятным усилием воли, от которого, казалось, зазвенел даже остекленевший недвижимый воздух, взломал сковавшую его глыбу времени и, резко развернувшись, с совершенно уже звериным рычанием, обнял свою обратившуюся в «соляной столб» женщину.

«Вот это... любовь», — почти с завистью подумала Лиса и тут же, практически одновременно, ощутила отзвуки другой ожесточенной схватки. Это отчаянно боролась с внезапно упавшим на нее оцепенением рыжеволосая женщина в кафе за спиной Виктора.

«Вот это ненависть!»

Впрочем, и Кайданова, и эту женщину — «Вот и второй нюхач обнаружился!» — и, разумеется, нейтрино, «до времени» можно было предоставить самим себе. Во всяком случае, Лисе они были пока неинтересны. Сейчас ее занимали только собственные жизненные обстоятельства, судьба, и, ох, какие не простые отношения с так неожиданно вернувшимся из небытия Некто Никто. Только это, и ничего другого, потому что Лиса окончательно поняла, что не хочет больше оставаться измороженной жизнью ломовой клячей подполья. Быть Женщиной ей понравилось куда больше, чем «батяней комбатом», а коли так, то...

Зачем ты ушел? — спросила она.

Ну, действительно, зачем? Почему? Как мог он оставить ее одну и никогда — никогда! — не позволить приблизиться настолько, чтобы объяснить ему, как он не прав?

«Боже мой!» — все, что копилось, тлело или горело в ней четверть века подряд,

обрушилось сразу, вдруг, едва не заставив разрыдаться у всех на глазах.

В нормально жизни, для обычных людей, да даже и для той дивы, какой Лиса стала совсем недавно, это была подлинная трагедия. Двадцать пять лет любви сжигающей сердце и опаляющей душу, но не имеющей никакой реальной возможности вырваться наружу, воплотившись наконец в то, во что только и должна воплощаться такая любовь. В близость, нежность, страсть.

«Будь ты проклят, сукин сын!» — но это, как ни странно, относилось уже не к Виктору Корфу, которого, как выяснялось, Лиса не могла ненавидеть, а могла только любить, а к древнему философу Платону, чьим именем идиоты, вроде Абеяра окрестили «чистое, незамутненное зовом плоти чувство».

«Сука!»

Эту цитату из лекции Нины Васильевны Лукиной, читавшей им в университете курс «этики», Лиса запомнила случайно, но вот к месту вспомнилось. И цитата, и сама Лукина.

Между прочим, все это сказки. Абеяра был совсем не чужд... — Но Лиса на его слова никак не отреагировала.

Зачем ты ушел? — спросила она и сразу же поняла, что зря спросила, потому что ответ, каким бы он ни был, ничего уже изменить не мог.

Это трудно объяснить, — кажется, Виктор тоже понимал тщетность объяснений. — Одним словом не ответишь, а на многие у нас сейчас нет времени.

Он снова улыбнулся, и, странное дело, улыбка эта, возникшая на строгом и совсем, казалось бы, не приспособленном для выражения чувств лице, сказала Лисе больше, чем множество слов, объединенных синтаксисом и интонацией в длинные фразы. Она ведь и так была согласна, что, если и объясняться, то не здесь и не сейчас. Но у психики, тем более у женской психики, свои законы, зачастую имеющие мало общего с правилами формальной логики. К тому же, не успев еще снова стать женщиной, она, как ни пыталась от этого уйти, не прекратила ощущать себя руководителем подполья, у которого свои резоны и свои «темы дня». А потому, не получив ответ на свой первый вопрос, задала второй, очень похожий по форме, но уже совершенно иной по содержанию.

Почему ты ушел в Замок? — спросила Лиса.

Потому что у меня не было выбора, — а вот Виктор, по-видимому, предпочитал отвечать именно на те вопросы, которые она задавала вслух. — Вернее, выбор был. На «ту сторону» или в могилу, но ты же помнишь, «Никто не хотел умирать». Я тоже умирать не хотел. Однако и торчать все время в Городе, как ты понимаешь, было невозможно. Кто-нибудь обязательно вычислил бы.

Резонно, — согласилась Лиса и пошла к выходу на улицу, потому что и Виктор, произнося свою последнюю реплику, направлялся ей на встречу. Судя по всему, randevu, назначенному на шесть часов, предстояло все-таки состояться, потому что и Кайданов, совершил «на ее глазах» нечто, заставившее Лису на мгновение отвлечься даже от своих многосложных личных дел. Воздух вокруг Германа и его женщины затуманился, дрогнула земля под ногами, и что-то вроде ряби прошло по каменным стенам зданий, так что полопались, но не осыпались стеклянным дождем витрины магазинов и окна домов и машин, и вот Герман уже шел к месту встречи, неся на руках, как ребенка, свою «ожившую», но все еще не вполне пришедшую в себя красавицу.

«Что он творит?! А что творю я?»

— А почему ты уехал в Израиль? — А вот это был вопрос по существу, потому что, если

тебе так уж приспичило, то можешь, конечно, пестовать в себе, холить и лелеять женское начало, но от себя-то настоящей никуда не денешься, а разгадка непростых событий, случившихся в середине восьмидесятых, по ощущениям Лисы, была уже близка. — Почему в Израиль, ведь ты даже не еврей?

Нашла мое личное дело? — вполне искренне удивился Виктор.

Нет, — покачала она головой, выходя к нему на улицу. — Ты же все уничтожил. Ну почти все, — усмехнулась она, вспомнив, как «перетряхивала» питерские архивы. — Оказалось, что твоя детская медкарта все еще цела, и комсомольская учетная карточка на фабрике «Красный треугольник» тоже. И я их нашла.

А есть что-нибудь, чего ты не можешь? — картинно поднял бровь Виктор.

«А, в самом деле?» — но, приняв вопрос, как свой собственный, Лиса неожиданно и едва ли не с ужасом, обдавшем ее ледяным холодом, поняла, что ответа на него не знает. Раньше знала, а теперь — нет. И хуже того, она даже пределов своего нынешнего могущества не ощущала. Все, в чем она нуждалась, приходило к ней с естественностью дыхания, но разве человек знает, как дышит?

Не знаю, — ее вдруг охватила растерянность. — А ты?

Разве есть что-нибудь, чего не может «бог»? — Показалось ей, или радостно улыбающийся «господин Каренин» действительно поставил слово «бог» в кавычки?

— А ты разве бог? — спросила она вслух, все еще удерживая свою собственную улыбку по ту сторону губ.

— «Бог», — неожиданно серьезно ответил Виктор и испытующе посмотрел ей в глаза. — И ты «богиня»...

— Богиня?

«Он не шутит».

— «Богиня», — повторил Виктор и скосил глаз на подходившего к ним Кайданова. — Чем, собственно, твое могущество отличается от предполагаемых возможностей бога?

— Бог создал землю и небо, — попробовала возразить вконец растерявшаяся Лиса.

«Ну почему, он всегда поворачивает так, что я оказываюсь душой?!»

— Возможно, — совершенно спокойно согласился Виктор. — Хотя это пока не доказано. Однако ты уверена, что не смогла бы этого сделать? Ведь уничтожить-то их ты можешь, не так ли?

«Я?! Что?! Господи!» — Не спроси он об этом, Лисе такое и в голову бы ни пришло. Но он спросил...

— Бог создал человека... — соглашаться с очевидным отчего-то совершенно не хотелось, «душа не принимала», и Лиса сопротивлялась, как могла, отбиваясь от нежданно-негаданно свалившегося ей на голову ужаса. — И... всех тварей земных...

— Если создал... — Виктор задумчиво посмотрел куда-то ей за спину и неожиданно кивнул, по-видимому, отвечая своим, не произнесенным вслух мыслям. — Но воспроизвести этот опыт возможно и теперь, хотя и хлопотно. Думаю, ты, например, на это вполне способна.

— Ты в своем уме?!

— Вполне.

— Ты хочешь сказать...

— Добрый вечер, — сказал, подходя к ним Кайданов. — Могу я узнать, кто здесь балуется со временем?

Впрочем, задавая вопрос, смотрел он почему-то только на Лису, возможно, пытаясь понять, кто она такая, и что здесь делает.

— Здравствуй, Герман, — поздоровался Виктор. — А вас, простите, мы не представлены, как позволите величать?

— Рэйчел, — тихо сказала женщина, все еще остававшаяся на руках Кайданова. — Отпусти, пожалуйста — и, нежно поцеловав Германа в щеку, она покинула его руки и встала на тротуар. — Меня зовут Рэйчел, — без улыбки посмотрев сначала на Лису, а потом на Виктора, представилась она. — Добрый вечер.

— Виктор, очень приятно. А это Дебора Варбург, — сказал Виктор и скосил на Лису «хитрый» взгляд. — Я не ошибся, дорогая?

При слове «дорогая» Кайданов и Рэйчел одновременно повернули головы к Лисе, а сама она почувствовала, как холодок прошел по позвоночнику и одновременно сжало сердце.

«Дорогая... Сукин сын...»

— Я та «блонда» из Мюнхена, — сказала она вслух.

— А разве...

— Нет, Герман, — резко оборвала она Кайданова. — Лисы здесь пока нет. А меня зовут Деборой.

— Ну ладно, — не стал спорить Кайданов, который неожиданно оказался гораздо более покладистым, чем во все, сколько их ни было, прежние встречи. — Дебора, так Дебора. Это ты, Дебора, остановила время?

— Да, Герман, это сделала я, — сейчас Лиса вспомнила свой самый первый раз, на который когда-то давно намекнул старик Иаков. Тогда ее субъективное мгновение действительно «длилось» всего лишь несколько секунд «внутреннего времени», потребовавшихся Лисе, чтобы убежать от пьяного дядьки, зажавшего ее в темном переулке. А сейчас? Сколько еще времени способна она продержаться мир в оцепенении?

— Столько они не выдержат, — словно подслушав ее мысли, нейтральным тоном сказал Виктор. — Воля ваша, «богиня», но я бы их уже куда-нибудь отпустил.

В его голосе не слышалось даже тени чувства: ни сожаления, ни жалости, но зато присутствовала странная, однако, вполне понятная логика, и именно она подействовала на Лису, как нашатырь, враз отрезвив и вернув к реальности. Лиса взглянула на Виктора, а потом посмотрела вокруг и тотчас осознала, что он, как всегда, прав.

Мир «выцветал». Он терял краски и другие признаки жизни. Происходило это медленно, почти незаметно, но контраст между «прошлым» и «настоящим», если присмотреться, вспомнить и сравнить, был очевиден. Из вещей и людей, слишком долго находившихся вне течения времени, уходило что-то существенное, что обычно принято называть жизнью.

«Скверно... но поправимо!»

Как она это поняла? Откуда узнала? Бог весть, если он есть — «А он есть?» — но, едва заинтересовавшись тем, что теперь случится с миром, погруженным в безвременье, она сразу же узнала ответ.

— Еще одно дело, — сказала Лиса вслух. — И можно будет с этим кончать.

Она не стала объяснять, как именно собирается со всем этим «кончать» и что за дело такое у нее вдруг образовалось, но никто ее об этом и не спросил, ни Виктор, ни Герман.

«Богиня», — устало подумала Лиса и, отвернувшись от собеседников, пошла через улицу к маленькому кафе, где боролась с ее колдовством — и, судя по всему не безуспешно

— молодая симпатичная женщина со строгим лицом и безумным взглядом зеленовато-желтых глаз.

6

Нет, на шею она ему, разумеется, не бросилась. И все, вроде бы правильно. Не должна была после всего, что между ними случилось, вернее, не случилось. И не в их возрасте, вероятно, и не с их характерами и опытом, но, как выяснилось, подсознательно чего-то в этом роде он все-таки ожидал. Возможно, вероятно, скорее всего... Однако, если и так, то напрасно. И, хотя умом Виктор все это прекрасно понимал, случившееся несовпадение тайных ожиданий — по-настоящему тайных, потому что он и сам о них не ведал — с суровой реальностью, решительно выбило его из колеи, причем не фигурально, а на полном серьезе. Он вдруг растерялся и не знал теперь, что и как делать, что сказать, и вообще как себя вести.

Возможно, впервые ситуация оказалась недоступной ни его хваленому интеллекту, ни его «божественному» чутью. Ведь если все в прошлом, и от бывшей любви, о которой так недавно рассказывала князю Августу донья Рапоза, ничего не осталось, Лиса должна была вести себя как-то иначе. Она и говорила бы по-другому или не говорила бы вовсе. Однако, с другой стороны, новая Лиса была ему непонятна и заставляла — из страха разрушить даже то небольшое, что, возможно, между ними еще оставалось — держать дистанцию. Что он и делал, изо всех сил стараясь сохранить лицо. Непонятно только, перед кем? Перед собой или перед Лисой? Но, может быть, он был неправ?

«Пся крев!» — но Виктор просто не умел, хоть расстреляй, сделать то, что, возможно, и следовало теперь сделать.

Шагнуть к ней, обнять, поцеловать — он даже вспотел, представив Лису в своих объятиях — и что дальше? Бросить все, как есть, и, пробив «тоннель» утащить ее куда-нибудь в маленький горный отель, где их никто не знает и узнать не стремится. Унести, как пушкинский злобный карла Людмилу, и вывесить на двери — дня на два! — стикер с просьбой не тревожить? А она захочет? Да и нужна ли ей «африканская страсть» совершенно, в сущности, незнакомого мужчины, да еще так мало похожего на героев любовников, вроде Шона О'Коннари, как раз и способных на такую бурю по-определению? На всех этих джеймс бондах это ведь крупными буквами написано. От них подобного и ждут и, соответственно, прощают, и те, кого они тащат в постель, и те кто за этим наблюдает на экранах кинотеатров. А он? Как будет смотреться в этом амплуа он?

«Нет, — решил Виктор, представив себе, как бросает Дебору на спину прямо здесь, в эпицентре темпорального кризиса, и овладевает на глазах у очень удивленных его поведением Кайданова и красавицы-тени. — Не тот возраст, и характер не тот. Смешно будет и стыдно, и ничего более».

— Столько они не выдержат, — сказал он изо всех сил стараясь, что бы ничего такого Дебора в его голосе не услышала. — Воля ваша, «богиня», но я бы их уже куда-нибудь, да отпустил.

На самом деле ему не было до этих «всех» ровным счетом никакого дела. Во всяком случае, сейчас. И сказать Виктор хотел что-то совсем другое, но сказал то, что считал уместным, сказал и выжидательно посмотрел на Лису-Дебору, от желания поцеловать которую начинала банально кружиться голова.

«Как мальчишка, прости господи!»

Но вот странность, она ответила ему таким взглядом, что он чуть было, и в самом деле,

не потерял голову.

— Еще одно дело, — неожиданно сказала Лиса. — И можно будет с этим кончать.

Что она имела в виду? Вполне возможно, что не только то, что она сотворила с городом и миром, но и тот тупик, загнанным в который, он сейчас себя ощущал. Могло стать и так, но могло — иначе.

7

— Сидеть! — Лиса и сама не ожидала, что приказ получится таким, как если бы это и не слово было, а удар плетью. Но почти освободившаяся уже из оков времени тварь обдала Лису такой волной ненависти вперемежку с дикой, неконтролируемой магией, что приказ получился на славу. Что называется, от души.

— Рыпнешься, убью, — сказала Лиса, сядя напротив незнакомой рыжеволосой женщины. — Назовись! — Она не искала слов и не пыталась запугать. Просто на чужую ненависть у нее имелась своя собственная, которой можно было жечь танки, не хуже чем «коктейлем Молотова». — Ну! — сейчас Лиса была на таком градусе вспыхнувшего при соприкосновении с этой мразью гнева, что готова была наделать настоящие глупости, за которые потом наверняка стало бы стыдно. — Говори, сука, или я тебе мозги вскрою. Хочешь попробовать?

Это подействовало, но не потому, что женщина испугалась. Она не боялась, а ненавидела, что было более чем странно, потому что «ссучившиеся» обычно боятся. Боятся и предают, и снова боятся, но уже тех, кого предали.

— Убивай! — сказала, как выплюнула, женщина и без страха приняла взгляд Лисы.

— Убью, — Лиса не кривила душой. Участь нюхачки была решена, играй та в «кто кого переглядит» или нет. Но ее встревожил накал страстей и уже вполне очевидная — ощущаемая Лисой — мощь этой гребаной власовки. Такая сила и такая ненависть вещи редкие, и выбросить их «в мусор», было не по-хозяйски. — Убью, — повторила Лиса. — Но сначала поговорим. Не возражаешь?

— А если возражаю? — неожиданно женщина взяла себя в руки и заговорила совершенно другим тоном, спокойным, даже насмешливым.

«Та еще штучка... И где же такие вырастают?»

— Совсем неинтересно? — спросила Лиса и машинально сотворила себе стакан виски и черную сигарету.

И тут что-то произошло. Что-то в ее действиях заинтересовало незнакомку настолько, что она даже ненавидеть на мгновение перестала, охваченная совершенно неуместным здесь и сейчас чувством удивления и даже, пожалуй, изумления.

— Ты Рапоза?

Чего было больше в ее голосе, ужаса или все-таки изумления?

— Встречались? — Но, уже задавая свой вопрос, Лиса узнала даже больше, чем хотела спросить, привычно получив знание неизвестно откуда в готовом виде.

«Ох!» — Ей захотелось оглянуться, но такого Лиса себе позволить не могла. Тем более теперь.

— Я твою ауру запомнила, — казалось, силы неожиданно покинули собеседницу, и перед Лисой осталась опустошенная, сожженная внутренним черным огнем душа, глядевшая на Лису сквозь выцветшие вдруг, ко всему безразличные глаза. — И там, и здесь.

Последние слова и вовсе прозвучали, как затухающее эхо.

— Убей меня, Рапоза.

«Вот же! Мать перемать!»

— Я хочу знать, зачем? — Твердо ответила Лиса, чувствуя, как сжимается от боли еще минуту назад полное счастья сердце. — Зачем?

— Такие, как мы не должны жить.

«Вот даже как... Не должны... А что же нам делать, несчастным?»

— Ты «холодных» тоже чувствуешь? — Вопрос был не о главном, но главное Лиса уже поняла, и говорить о нем просто не могла.

— Не всех, — слова давались женщине с трудом. То, что с ней сейчас происходило, было похоже на обвальный уход. Она, и в самом деле, была уже далеко, и слова оттуда были едва слышны. — Не всегда...

«Она вела Кайданова от самого Мюнхена, но как это возможно?!»

— Как тебя зовут?

— Чара...

«Чара... Сволочи!» — Гнев вернулся к ней столь стремительно, что Лиса даже не заметила, как это случилось. И изумление исчезло, уступив место... Чему? Такого нечеловеческого чувства она просто никогда не испытывала. Кажется, даже в «гестаповской больничке» ее эмоции были на порядок слабее.

Стеклянный воздух вздрогнул и потек. Стены кафе занялись каким-то холодным «потусторонним» пламенем ненормального зеленовато-оранжевого цвета. Но Лиса этого даже не заметила, перестав быть человеком и превратившись в беспощадную богиню воздаяния. Она судила, и суд ее был краток и жесток.

«Умрите...» — она хотела сказать «все», и, скорее всего все так бы и случилось. «По слову ее». Однако именно в этот момент с ней произошло нечто неожиданное и совершенно невероятное. Ощущение было такое, словно чья-то властная рука закрыла Лисе «рот», не позволив додумать до конца последнюю страшную мысль, и гнев, мгновение назад полыхавший в ее сердце с силой солнца, превращающегося в сверхновую, упал к ногам Лисы, как прах от сгоревшей марли.

«Рука» исчезла так же внезапно, как появилась, но Лиса уже не могла произнести — ни вслух, ни про себя — только что возникший в ее душе приговор. Он был несправедлив, сколько бы справедливости ни было в том, чтобы отстоять — пусть и любой ценой — свое неотъемлемое право на жизнь.

«Несправедливо...» — Лиса посмотрела на безвольную «куклу», уже едва способную самостоятельно сидеть на стуле. Жизнь вместе с ненавистью стремительно покидали тело Чары.

«Несправедливо...» — Лиса перевела взгляд на все еще пребывающую в безвременье улицу и увидела ее совершенно другими глазами.

Перед ней предстала вдруг вполне сюрреалистическая картина ужасного чуда, совершенного ею одним лишь движением души, и Лиса окончательно и бесповоротно поняла, что имел в виду Виктор, когда назвал ее богиней.

«Богиня?» — она посмотрела на Виктора, скользнула взглядом по Рэйчел и Кайданову, стоящим, взявшись за руки, как дети, рядом с ним, и вновь вернулась взглядом к Виктору, но так, чтобы посмотреть ему в глаза.

Богиня? — спросила Лиса.

Да, — твердо ответил он.

А кто же, тогда, Он?

Он Бог.

Она не удивилась ответу. Бог. Почему бы и нет, даже если имя его совесть?

Не оборачиваясь, она погрузила Чару в сон и легко «перебросила» безвольное тело женщины в руки как раз выходявшему из гостиницы Персивалю.

Подержи! — Приказала она, ничуть не удивившись тому, что пока она была занята Виктор освободил из оков времени и своего рыцаря и его черноволосую спутницу. Персиваль, поймавший женщину на лету, тоже, казалось, ничуть не удивился, а Лиса одним коротким броском-желанием оказалась в штабе операции, где застыли рядом с приборами связи и компьютерами операционисты генерала Гюнтера Корвина.

— Здравствуйте, господин Корвин, — сказала она, возвращая времени свободу. — Ваша операция закончена.

— Что? — Опешил высокий худощавый мужчина, который никогда не носил генеральскую форму. — Кто вы такая?

— Я Кали.[67] — Усмехнулась Лиса. — Сворачивайте операцию, Гюнтер, или в этом городе не останется живых людей. Сколько вам нужно трупов, чтобы счесть операцию несостоявшейся?

— Кали? — Переспросил явно ошеломленный ее появлением и странными словами генерал Корвин.

— Ладно, — усмехнулась Лиса. — Пусть будет Немезида.[68] Так понятнее?

— Вы...?

— Неделю назад я ушла из мюнхенской контрразведки, — спокойно объяснила Лиса. — Но тогда я не воспользовалась и десятой долей своей силы. Верите?

Секунду он смотрел ей в глаза, но, видимо, ему этого вполне хватило.

— Извините, — сказал он через секунду. — Я все понял. Операция отменяется.

Глава 14

Асгард[69] (11–12 октября, 1999)

1

— Что это за место? — спросил Кайданов, с интересом оглядываясь по сторонам.

Место, действительно, было чудесное. Другого слова не подберешь. Живописная долина среди гор. Хвойный лес. Зеленые склоны с белыми проплешинами скальных выходов. Пустынная в этот час проселочная дорога, какие-то домики на противоположном склоне, и небольшой замок, но не из тех, что давно превратились в руины, или стоят напоминанием о славном варварском прошлом, а уютно перестроенный и превратившийся в симпатичный во всех отношениях большой сельский дом. И все это залито лучами заходящего солнца, явно осеннего, но все еще теплого.

— Что это за место? — спросил Кайданов и скосил взгляд на приведшего их сюда Виктора.

— А черт его знает, — беспечно пожал тот плечами. — Я, собственно, на «маяк» выходил. Где это мы?

Вопрос был адресован крепкому широкоплечему мужчине лет тридцати, льняному блондину с ясными голубыми глазами, но довольно простым и, пожалуй, даже грубым лицом.

— Арденны, — коротко объяснил мужчина и чуть склонил голову в приветствии. — Добро пожаловать, дамы и господа. Меня зовут Марий, и я сейчас же распоряжусь насчет обеда.

«Марий? — за последние десять минут, Герман услышал три очень необычных и как будто не связанных между собой имени, и теперь окончательно убедился, что при всей своей несхожести имена эти были неслучайны, а образовывали некую, объединенную внутренней логикой последовательность. — Персиваль, Дженевра, Марий... — И ряд этот наводил на очень странные мысли, интересные, но и пугающие одновременно. — Персиваль, Дженевра, Марий... Любопытно».

Он взглянул на Рэйчел и сделал это, в общем-то, без причины, повинувшись исключительно внутренней потребности, само существование которой было настолько для него необычно, что Кайданов, всякий раз удивлялся, едва лишь в очередной раз ее обнаруживал. Но и то сказать, чаще всего он этого даже не замечал, потому что потребность эта была всего лишь малой частью того нового, что внезапно вошло в его жизнь и властно переменяло не только ее саму, но и весь внутренний мир Германа. Одним словом, это новое, по-видимому, называлось любовь. Но, понимая это и принимая, Кайданов — вопреки своему опыту и стилю мышления — даже не пытался анализировать и уж тем более формулировать в словах то огромное чудо, которое так неожиданно и стремительно возникло в его сердце, душе, или что там есть внутри человека, кроме костей и мяса. Он просто интуитивно ощущал, что делать этого нельзя и не нужно, потому что есть вещи, которых не должно «поверять алгеброй».

Рэйчел была задумчива, что не странно. Всего несколько минут назад она стала свидетелем такого волхования, о возможности которого до сих пор не подозревал, кажется, ни один колдун. Вообще следствия этой во всех отношениях странной «Потсдамской конференции»[70] далеко выходили за рамки обычной жизни в подполье, даже если это и была жизнь рядом с «ангелом Страшного Суда». Впрочем, какие бы мысли не занимали ее сейчас, взгляд Кайданова она «уловила» и мгновенно вернула ему свой, окрашенный улыбкой, всю прелесть которой мог оценить лишь тот, кто знал, как знал Кайданов, что это такое, раскрывшаяся навстречу любви женщина-тень. И он тоже улыбнулся, чувствуя, как разливается в груди непривычное, все еще не ставшее для него естественным тепло.

Вообще за последнюю неделю, Кайданов открыл для себя и в себе так много новых вещей, что, кажется, и целой жизни для подобной трансформации мало. Однако и улыбался он теперь часто и с удовольствием, и было ему от этого удивительно хорошо, как только и может быть с человеком, внезапно обнаружившим, что улыбка это не только механическое действие, необходимое по «роли», а что-то, возникающее, прежде всего не на губах, а внутри, из этого вот тепла, разлившегося в груди, знавшей раньше лишь холодную пустоту.

— Славное место.

«Славное...» — лучше, вроде бы, и не скажешь, но дело было не в словах, а в голосе, их произнесших.

«Красивый голос, — произвольно отметил Кайданов. — И женщина красивая».

Он не удержался и бросил на Лису быстрый, едва ли не вороватый взгляд и снова, как и при первой встрече, испытал странное и опять-таки не вполне знакомое ему чувство растерянности. Кто она? Или, может быть, правильнее было бы спросить, что? Действительно ли это Лиса, и, если да, то, что в этой Деборе оставалось от той женщины, которую знал Кайданов? Не в последнюю очередь, растерянность Германа была вызвана тем, что он искренне опасался, что от Лисы в этой более чем странной особе осталось так мало, что малостью этой можно пренебречь.

Была ли она красива? Безусловно. Однако красота Деборы была такого рода, что вот,

вроде бы, и любишь ее — а куда ты денешься от притягательной и одновременно властной силы этой необычной красоты? — но одновременно и холодок по хребту пробегает, и волосы на загривке дыбом встают. И тварь начинает «скулить» в своем темном узилище, то ли от ужаса, то ли от звериного восторга, но только ощущение такое, что выпусти зверюгу на волю, так тут же и бросится бабе этой тапки лизать.

«Тьфу!» — Кайданов отвел взгляд от Деборы и уставился на выраставший перед ними фасад замка.

Однако даже случайный взгляд на Дебору даром не прошел. Выбросить ее из головы, оказалось непросто. Даже отвернувшись, Кайданов продолжал чувствовать ее равнодушную власть спиной, затылком, всем своим существом. Казалось, для этого достаточно одного ее присутствия близ границ его личного пространства. Огромная сила, но не в силе дело. Власть! Непомерная, невообразимая, такая, что чтобы противостоять ей, и самому надо быть сверхчеловеком.

«Или она уже и не человек вовсе?» — Мысль эта, как ни странно, не показалась ему ни дикой, ни невозможной. Вполне вероятно, что так все и обстояло, если не одна только Рэйчел, воздействовать на которую силой ли, «властью» было крайне трудно, но и он сам, твердо знавший, чем и в каком объеме волен распоряжаться, испытывал это проецируемое Деборой вовне давление.

«И это Лиса?»

Положим, она и сама этого как будто не скрывала. Во всяком случае, слова, произнесенные Деборой, при встрече в Берлине, по другому трактовать невозможно. Да если бы и не было тех слов! В тот краткий миг, когда она позволила Герману «увидеть», что и как делает, Кайданов безошибочно узнал ауру Лисы. Чего, спрашивается, еще надо? Но в том-то и дело, что раскрылась она лишь на одно краткое мгновение, а все остальное время была закрыта таким непроницаемым барьером, что «тень» любой силы — хотя бы и Рэйчел — казались по сравнению с ней абсолютно прозрачными. И вопрос о том, возможно ли такое в принципе, становился, тогда главным, и вызывал не столько восхищение, сколько настоящий ужас, потому что до сегодняшнего дня, Кайданов полагал, что колдовать, не «светясь», невозможно. Это была аксиома. Об исключениях из этого правила, он даже не слышал никогда. Однако сегодня вечером он встретил сразу двух магов, которые были невидимы словно «тени», но в отличие от «человека-невидимки», могли из своего нигде еще и волновать. И вот какая странность. Если от Некто Никто, которого теперь следовало, по видимому, называть Виктором, Кайданов ожидал настолько всего, что и эта способность не столько удивляла, сколько впечатляла, то Лиса-то такого и так демонстративно легко делать никогда не умела. Вот в чем дело.

Между тем, предводительствуемые немногословным Марием, участники Берлинской встречи достигли наконец замка, поднялись по пологим и широким каменным ступеням к высоким темным дверям и вошли в просторный холл.

— Барышню следует уложить в постель, — тихим, без какого-либо выражения голосом сказала Лиса.

«Или мне ее теперь и про себя надо называть Деборой?»

— Как прикажете, госпожа, — сразу же откликнулся Персиваль, и голос у него был такой, что, верно, не ограничился бы одними словами, а еще и поклонился. Но он держал на руках находившуюся в беспамятстве довольно крупную женщину, и сделать этого, разумеется, не мог.

«Тоже вопрос», — отметил Кайданов, скользнув взглядом по «рыцарю» и его ноше.

Дамочка, судя по всему, работала на контрразведку, так зачем же надо было тащить ее с собой? Предателей в плен не берут, это закон подполья. Но Лиса поступила по-своему. Почему?

— Спальни наверху, — коротко сообщил Марий и кивнул в сторону лестницы, двумя маршами поднимавшейся на второй этаж. — Кстати, обед будет не раньше, чем через полчаса. Если кто-то желает принять душ, переодеться, отдохнуть...

«Мило, — усмехнулся Кайданов. — Особенно про переодеться».

Действительно, переодеться — даже если бы у кого-нибудь из них и возникла такая вздорная идея — было бы теперь крайне затруднительно, ведь они перешли сюда — «Арденны? Франция?» — прямо из Берлина, и вещей с собой, соответственно, не захватили.

— А что, — задумчиво произнес Виктор и обвел всех присутствующих вопросительным взглядом. — По-моему, совсем не плохая идея. За полчаса и вздремнуть, можно успеть.

— Мне не надо, — все тем же ровным голосом ответила Лиса, и в ее руке возник толстостенный хрустальный стакан с каким-то ароматным пойлом, от запаха которого у Кайданова даже дух захватило.

Зачем ей понадобилось колдовать, если в доме, наверняка, полно всякой выпивки? Но, видимо, Лиса жила теперь исключительно по своим правилам.

«По своим», — ее колдовства Кайданов опять не увидел. Результат налицо, а процесс... Черт его знает, как она это делает!

— Кто-нибудь хочет выпить? — Лиса уже сделала первый глоток, обзавелась какой-то совершенно невообразимой черной с серебром сигаретой и вспомнила наконец о своих спутниках.

«Грас? — удивился Кайданов. — Она что теперь травку курит?»

— Спасибо, дорогая, — усмехнулся Виктор, обозначая легкий поклон в сторону Лисы. — Но *omnia mea tecum porto*, [71] — и он достал из внутреннего кармана пиджака серебряную фляжку.

— За этой дверью буфетная, — сухо сообщил Марий, указав подбородком на дверь слева от входа. — Там есть вино, кальвадос, коньяк... С вашего позволения, дамы и господа, я вас оставлю. Мне следует побеспокоиться об обеде. Прислать буфетчика?

— Не надо, сами разберемся, — Дженовра отделилась от группы и направилась к буфетной.

— А я, пожалуй, приму душ, — Рэйчел вопросительно посмотрела на Кайданова и снова улыбнулась. Она тоже теперь улыбалась часто и, по-видимому, не без удовольствия. — Пойдешь со мной, Герман, или здесь останешься?

2

«Почему я их всех не убила?»

Теоретически, все должно было произойти точно так же, как случилось во Франкфурте — короткое «умрите все!» — и гора трупов. Только на этот раз гора из черепов (почему-то в голову пришел именно верицагинский образ [72]) получилась бы куда внушительнее. Однако не сделала.

«Не совершила...» — впрочем, слово это ей решительно не понравилось, потому что и сейчас, когда страсти отгремели, схлынул гнев, она по-прежнему полагала, что была в своем праве. Убийство на войне не есть преступление. Это аксиома.

Впрочем, занимали Лису отнюдь не угрызения совести — тем более, задним числом, и

еще тем более по поводу несовершенного действия — волновал ее совершенно другой вопрос. Что это было? Кто или что остановил ее в последний момент, когда оставалось «проартикулировать» всего лишь одно короткое слово «все»? Бог?

«Но ведь, кажется, теперь я и сама богиня...»

Так-то оно так, и в словах Виктора имелась как будто своя сермяжная правда. Однако понимала Лиса и другое. Даже если предположить — впрочем, и предполагать не требовалось, потому что это-то как раз было очевидно — что ее мощь или мощь Виктора действительно сопоставимы с божественной, то речь все-таки шла совсем о других божествах, нежели грозный бог христиан, иудеев или магометан. Германские боги или греческие, римские... славянские. Где-то так. Но не Саваоф. Вот Саваоф, как представлялось сейчас Лисе, и в самом деле мог «закрыть рот» даже какой-нибудь Деметре или Немезиде. Он и никто другой. Однако полной уверенности в этом у нее все-таки не было.

«Может быть, совесть...? Или здравый смысл?»

— По-моему, совсем неплохая идея. За полчаса и вздремнуть, можно успеть, — голос Виктора прервал ее мысли, в третий раз остановив их там, где она и сама уже дважды останавливалась за последние четверть часа.

«Нет ответа... О чем это он? Ах, да...»

— Мне не надо, — никакой потребности спать или принимать в начале седьмого вечера душ, Лиса не испытывала. А переодеться она могла и здесь.

«Но не сейчас», — она сотворила себе стакан виски, но, сделав первый глоток, сообразила вдруг, что совершенно забыла про остальных.

«Богиня, твою мать!»

— Кто-нибудь хочет выпить? — спросила она, одновременно доставая из воздуха сигарету.

«Опять с анашой! — с этим определенно следовало завязывать, хотя грас и действовал на нее совсем не так, как на нормальных людей. — Что-нибудь попроще? Давыдофф?»

— Спасибо, дорогая, — Кайданова, судя по всему, ее поступки задевали, что называется, за живое, а вот Виктор был, совершенно непробиваем. — Но omnia mea mecum porto, — и он достал из внутреннего кармана пиджака серебряную фляжку.

«Omnia mea...? Ах, да, все свое... Оригинал!»

Она много раз представляла себе, как это может произойти. Много раз, но давно. Потом перестала. Заставила себя прекратить, забыть... Но иногда, впрочем, очень редко — обычно ночью, когда спала по-настоящему, а не уходила в Город — он приходил к ней во сне. Приходил, но всегда оставался нечетким, не прорисованным образом. Однако сама встреча... Господи, кто бы знал, сколько вариантов встречи с Некто Никто нарисовало Лисе ее отпущенное на свободу воображение! И это действительно было нечто. Подсознанию ведь не прикажешь, тем более ночью, во сне, когда оно вольно чудить, как заблагорассудится. Впрочем, случалось это нечасто и, хотя из колеи выбивало обычно не по-детски, но и ненадолго. День, два, и Лиса вновь обретала некоторую видимость душевного покоя.

А потом случилось чудо, и к ней пришел настоящий вещий сон — вот только Лиса тогда еще не догадывалась, что сон вещий — и она увидела новый вариант их встречи. Легче не стало. Стало тяжелее, потому что в том сне все было не так и нехорошо, хотя впервые Некто предстал перед ней, что называется, воплоти. Однако так плохо, как сейчас, когда неожиданно — а она вроде и ждать уже перестала — они встретились по-настоящему, так плохо ей давно не было.

Сначала, максимум полчаса назад, Лиса была поражена самим фактом появления Виктора. И ведь нельзя сказать, что встреча эта оказалась полной неожиданностью. В конце концов, она тогда уже знала, что Некто жив, как знала и то, кто на самом деле скрывается под этим странным псевдонимом. Впрочем, правды ради, следует признать, что знала она о нем до обидного мало. Виктор Корф великолепно скрывал свои тайны. Судя по архивам Советского Союза и Израиля, он все еще существовал тут и там — где-то, как живой человек, а где-то как покойник — но везде он был лишь именем без каких-либо существенных подробностей. Даже немногочисленные фотографии были такого качества, что сказать определенно, кто на них изображен, не смогла бы даже Лиса. И все-таки главное она знала: Виктор жив, и, значит, когда-то и где-то они встретятся. И вот он пришел, и они встретились. И даже больше: случай — «Ведь это был случай, не так ли?» — вновь даровал Лисе чудо прикосновения к его необычному дару. Что бы она об этом не думала, Музыка, которую услышала Лиса в воспоминаниях Персиваля, сказала ей больше, чем могли передать многие и многие слова. И все-таки, все-таки...

По внутреннему ощущению, это и не встреча была, а одно недоразумение. Встретились не встретившись, поговорили не объяснившись... И что теперь?

— Между прочим... — голос Виктора снова вернул ее к реальности, и Лиса неожиданно обнаружила, что так глубоко погрузилась в мысли «о главном», что совершенно перестала отслеживать ситуацию.

«Вот ведь...! Да, что же это происходит?! Я что, совсем ополоумела?»

Оказывается, все уже разошлось, и они с Виктором остались в холле одни. Так и стояли вдвоем посреди просторного зала. Вернее, это, кажется, она, Лиса, здесь остановилась со своим пойлом в одной руке и клятой декадентской сигареткой в другой — «Ничего не скажешь, хороша „богиня“!» — а Виктор, вероятно, не захотел оставлять ее одну и стоял теперь прямо перед ней, удерживая, впрочем, вежливую дистанцию, и смотрел...

«Как он смотрит! Господи, как он...»

— Между прочим, — он смотрел на нее так, что и слова, в общем-то, были не нужны, но...

«Привычка говорить у нас еще не атрофировалась».

— Если хочешь, — начал он по новой. — Возможно, это будет правильно...

«О чем это он?»

— Я подумал... — такого Виктора Лиса еще не видела и даже вообразить себе не могла. Все вроде бы было по-прежнему, но его глаза, и эти жалкие попытки что-то сказать...

«Поцелуй меня, Витя! Сейчас же прекрати нести ахиною и поцелуй!»

— Хочешь, — сказал он наконец каким-то совершенно жалким голосом.

«Что ты делаешь? — хотела спросить она. — Ты же „бог“, или я тебя неправильно поняла?»

— Хочешь, я снова стану Августом? Одна трансформация, и...

«Ты идиот, Виктор Корф! Ты...»

— Не надо, — ответила она с улыбкой. — Мне «Вронский» не нужен, Витя. Я люблю своего «Каренина».

Как ни странно, он ее понял. Впрочем, как она узнала в следующее мгновение, ничего удивительного в этом не было, а если и было, то совсем не то, о чем она подумала.

— Забавно, — усмехнулся Виктор, глаза которого, «говорили» совсем другие, гораздо более уместные в данной ситуации «слова». — Ты раскусила мою давнюю фантазию с

первого раза.

Настроение его очевидным образом изменилось, но взгляд от этого не стал менее «красноречивым».

— Он тебе так нравится? — искренне удивилась Лиса, одновременно поражаясь тому, что еще может чему-нибудь удивляться, когда он на нее так смотрит.

— Представь себе, — а что Виктор «говорил» Лисе на самом деле, она никому пересказывать не стала бы. — Когда я прочел, — кажется, это произошло в восьмом классе, — «Анну Каренину», Алексей Александрович был единственным героем романа, которому я по-настоящему сочувствовал. Урод, не правда ли?

— Не знаю, — ответила Лиса, но не на тот вопрос, который Виктор задал вслух, а на тот, который вслух произнесен не был. — Но я тебе изменять не стану.

«Я тебя слишком долго ждала, Витя, но ты это все тоже, кажется, проходил».

— И тебе не дам, — закончила она твердо, подходя к нему вплотную и кладя руки на плечи. — И не надейся.

3

На обед они конечно не пошли. Какой, к черту, обед! Они и завтрак нечувствительно пропустили и следующий обед... Время вообще потеряло для них всякий смысл. «Что есть время?» Не было больше времени, и мира окружающего не существовало, и людей его населяющих... Ничего. Как они вообще — мимоходом — не разрушили этот мир, один большой вопрос. Во всяком случае, Лиса определенно помнила, что в какой-то момент — вот только когда? — с треском вылетели стекла из окон, лопнуло зеркало, и огонь охватил стены той спальни, в которой они — Когда? Как? — оказались, и, кажется, даже постель под ними занялась... Но Виктор что-то такое сделал со всем этим безобразием — или это она сама машинально вмешалась? — и огонь угас, и стекла... Лиса была уверена, что со стеклами точно что-то произошло, потому что позже она выбивала их еще как минимум трижды. И еще, кажется, устроила ураган в Южной Атлантике. И, может быть, что-то еще... Лиса попыталась вспомнить, что именно, но ничего определенного в своей опустевшей памяти не обнаружила.

— Витя, — спросила она, наверняка зная, что он не спит. — Как ты думаешь, мы ничего...?

— Ничего, — коротко ответил он, обнимая и прижимая ее к себе.

«Ох, так бы и лежала, так бы...»

— Ты не можешь этого знать, — возразила она вслух, впрочем, не оборачиваясь, чтобы его рука не покинула...

«Ох...»

— Могу, — слышалась ли ей интонация раскаяния в его голосе? — Я... Ну, в общем, я немного следил за тем, чтобы мы не наделали бед.

«Мужчина... мужчины... Они все такие. Во всяком случае, некоторые...»

— Значит? — спросила она, имея в виду последствия их «африканской страсти».

— Ну извини, — ответил он, по всей видимости, имея в виду совсем не то, о чем она спросила. — Я, видимо, вообще не способен утратить контроль над ситуацией, но...

— Глупости! — сказала она и чуть-чуть пошевелила бедрами, показывая, что совсем не сердится.

А за что ей было сердиться? За то, что он такой? Да она на него теперь и вовсе сердиться не могла.

— А что было-то? — спросила она и тут же прыснула, как девчонка, вспомнив старей-престарый анекдот.

«Мадам, после всего, что между нами было...»

— Да, ничего страшного, — успокоил ее Виктор, и в голосе его отчетливо прозвучало облегчение. — Сгорело несколько подстанций в пригородах Парижа и в Люксембурге, но это сушая ерунда. Шторм в Средиземном море, землетрясение в Иране... Впрочем, всего три балла по шкале Рихтера, да еще в Москве выпал снег. Остальное я снивирировал... и стекла тоже вставил.

Теперь он, кажется, улыбался, и его рука...

«Не останавливайся...»

— Ты чудо, — она действительно считала, что он чудо. — А...?

— Могло быть и хуже, — усмехнулся он и его губы на мгновение коснулись ее плеча. — Особенно в Португалии и в Питере, ну а с электричеством...

— Ох! — сказала она, вспомнив вдруг о «соседях», и даже похолодела вся.

— «Откат»! — она высвободилась из его объятий и села в постели, обернувшись к нему лицом.

— Не было «отката», — он не стал садиться, только перевернулся на спину и смотрел теперь на нее, откровенно любуясь и совершенно отказываясь волноваться. Глаза его сияли.

«Не было?»

— Что совсем? Но...

— Вероятно, теперь ты не «засветишься» даже случайно, — боже, как он на нее смотрел.

— Не смотри на меня так, — неискренно попросила она. — Я голая, — и сама заржала, как полная дура, но Виктор был совершенно невозмутим.

— Ты голая уже тридцать пять часов подряд, — уточнил он вслух.

— И откуда только силы берутся, — поддела она, имея в виду «каренинский» облик Виктора.

— Накопилось, — улыбнулся он. — Сделать тебе что-нибудь выпить, или пойдем позавтракаем?

4

Как ни странно, разговор начала Рэйчел. Но и без того, эта женщина-«тень» не на шутку интриговала Виктора, хотя сама этого, по-видимому, даже не замечала. По всем признакам, как колдунья, она была слабее Кайданова, уступая в этом смысле и Дженевре, и Персивалю, и Марию, но дело в том, что кое-что из того, на что она была способна, определенно находилось на уровне Шестой или даже Седьмой Ступени. И, судя по его собственным ощущениям, для нее это был не предел. Своей истинной силы женщина Германа еще не знала.

«Случай? — спрашивал он себя. — Возможно. Но с другой стороны...»

С другой стороны, Виктор полагал, что другую женщину Кайданов и не полюбил бы, и такая сага, как Рэйчел, с другим не пошла. Подобное — пусть и с противоположными знаками — тянется к подобному. Закон природы.

«Впрочем, законы природы мы нарушаем самим фактом своего существования».

— Я так понимаю, — сказала Рэйчел, когда нанятые Марием слуги убрали со стола и подали кофе. — Это ведь что-то большее, чем случайная встреча. Что-то случилось, ведь так? Но что?

«Еще и великолепная интуиция... И мозги, дай бог каждому!»

Задавая свой вопрос, женщина смотрела на Виктора, безошибочно выбрав из всех своих новых знакомых именно того, кто мог ответить на ее вопрос прямо сейчас.

«Или хотя бы попробовать ответить».

На самом деле, им всем пора было объясниться. Просто пока было некогда.

«Любовь, — без тени усмешки подумал он. — Но, кажется, время пришло».

— Вероятно, вы правы, Рэйчел, — сказал Виктор и, достав трубку, начал, было ее набивать табаком, но понял вдруг всю неуместность этого занятия, и трубку, до поры, отложил в сторону. — Я тоже думаю, что встреча наша была predetermined, и я даже догадываюсь кем, — он сделал колоссальное усилие, чтобы не посмотреть сейчас на свою Лису, но, похоже, она и так все поняла. — И следствия этого события, как круги на воде, коснутся не только нас, но и всех остальных.

— Ты хочешь сказать, — вступила в разговор Лиса. — Что не пройди я тогда к тебе в Замок...

— Все возможно, — у Виктора неожиданно появилась одна крайне интересная идея. Это было похоже на мгновенное озарение, но в присутствии Лисы его мозги были способны, кажется, и не на такое.

— Давайте посмотрим, — предложил он, еще раз полюбовавшись на свое «озарение», но теперь уже как бы со стороны. Идея ему определенно понравилась. — Хотите кое-что узнать о роли личности в истории?

— Да, — сказал Кайданов, с видимым интересом посмотрев на Виктора.

— А это возможно? — улыбнулась Рэйчел, даже не пытавшаяся казаться серьезной.

— Ничего невозможного нет, — усмехнулся в ответ Виктор, но отвечал он не Рэйчел, и не Кайданову, а Лисе, которая вслух ничего не спросила, но именно такой вопрос он видел сейчас в ее глазах. — Кое-кому я это когда-то уже объяснял. Там, где действует магия, не существует непреложных законов природы. Ведь так?

— Так, — неожиданно улыбнулся Кайданов, переходя, на русский. — Валяйте, Виктор, выкладывайте свой туз!

«Н-да...» — надо сказать Кайданов его тревожил не меньше, чем Рэйчел. Судя по тому, что видел и чувствовал Виктор, любовь кроила и перекраивала Германа настолько решительно и бесповоротно, что страшно становилось, потому что приходилось учитывать и истинную природу этого очень непростого колдуна, о которой кроме Виктора за этим столом никто, кажется, не подозревал. Впрочем, возможно, об этом догадывалась Рэйчел — ее тонкую интуицию со счетов сбрасывать не стоило — и в этом, возможно, и заключалось спасение Кайданова.

— А ты, что скажешь... Дебора? — теперь Виктор открыто смотрел на Лису, стараясь при этом сохранять полную непроницаемость. Ее силу всегда следовало принимать в расчет, а после прошедшей ночи, длившейся без малого двое суток, тем более.

— Не знаю, — без улыбки ответила она. — Я не уверена, что хочу это знать. Но ладно, если общество настаивает...

«Ладно, — мысленно повторил он за ней. — Пускай... Она сама-то понимает, что смотрит теперь на нас сверху вниз?»

— Ну что ж, — сказал он вслух. — Коли все согласны...

На этот раз «Хрустальный шар» дался ему не то, чтобы совсем без труда, но как-то обыденно просто, а ведь это, как ни крути, была Девятая Ступень, но, кажется,

«воскрешение» и любовь не прошли для него бесследно. И для него тоже.

Над столешницей возникла прозрачная, наполненная искристым голубоватым сиянием сфера. Она повисла над центром круглого стола, за которым все они сидели, и начала медленно вращаться вокруг своей вертикальной оси, одновременно увеличиваясь в размерах, так чтобы каждый из присутствующих смог дотянуться до ее призрачной поверхности.

— Теперь, — сказал Виктор, поднимая руки. — Каждый из нас должен возложить ладони на этот шар, так чтобы касаться его поверхности всеми пальцами.

— А дотянемся? — С интересом спросил Кайданов.

— Дотянемся, — с усмешкой на губах успокоил его Виктор. — Шар всегда будет таким, каким требуется, чтобы все могли достать. Положите руки и думайте о своей жизни. О чем угодно, но вопрос о том, что случилось в Берлине два дня назад иметь в виду надо обязательно.

С этими словами он возложил руки на шар и закрыл глаза. В следующее мгновение он почувствовал, что и все остальные последовали его примеру, но почти одновременно с этим приход знания вытеснил все прочие впечатления, и Виктор растворился в потоке света.

5

— Вот и все, — сказал он, открывая глаза и отрывая руки от потускневшей, утратившей свою волшебную силу сферы. Как и всегда после волхования с «хрустальным шаром» ему было тяжело и мутно, но на этот раз еще и тоскливо, хотя, нельзя сказать, что ничего из того, что открыл им шар, не было известно заранее.

— Значит, — медленно сказала Лиса, наблюдая за тем, как растворяется в воздухе волшебный шар. — Если бы я не пришла тогда к тебе в Замок...

«То погибла бы двадцать третьего сентября в Рязани...»

— Мы трое были бы уже мертвы, — закончил за нее Кайданов.

— И все было бы кончено, — Виктор встал из-за стола и пошел к сервировочному столику, заставленному разнообразными бутылками. — Коньяк, как мне кажется, пьют все?

— Значит, я решила за всех, — Лиса тоже встала со своего места и пошла в противоположную сторону, к высокому, выходящему в осенний сад окну.

Виктор задержал взгляд на ее отражении в зеркале и мысленно покачал головой, когда в ее руке возникла зажженная сигарета. На этот раз самая обычная.

— Ты ничего не решала, — сказала ей в спину Рэйчел. — Ты просто делала то, что считала правильным.

— Правильным, — как замирающее, отзвучавшее эхо, повторила за ней Лиса. — Правильным...

«Она...» — Виктор не успел додумать эту мысль, когда внезапно у ног медленно идущей Лисы воздух «потек» и заструился, и почти сразу, без перехода, возникли и побежали по паркету слабо светящиеся завихрения, похожие на пыльные смерчки, вспухающие под порывами ветра на сухом проселке. Вот только воздух в комнате остался неподвижным, и никакой магии Виктор не ощущал. Впрочем, уже в следующее мгновение, когда разрозненные невразумительные движения чего-то там — Ну не воздуха же, в самом деле! — слились и образовали стремительный, голубоватый с фиолетовым отливом смерч, поднявшийся от ног Лисы, и заключивший ее тело в подобие бешено вращающегося кокона, он все-таки поймал где-то на границе своих чувств слабый отголосок какого-то неведомого ему колдовства...

6

Порыв ветра ударил ей в лицо, но это не было обычным движением воздуха. Ветер судьбы пах мятой и медом, и еще горечью степной полыни. Лиса сделала еще один шаг, чувствуя, как токи времени пронизывают ее тело, как прошлое и будущее входят в нее, растворяясь в ней, растворяя ее в себе...

* * *

«Нет, — решила Лиса, обдумав еще раз свою вполне идиотскую идею. — Ничего из этого не выйдет. Как там пелось? „Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и не герой?“».

И в самом деле, глупо и по-детски наивно было строить будущее подполья на зыбкой почве безумной надежды, что кто-то там — «А есть ли он вообще, этот кто-то?» — кто знает и может больше других, возьмет на себя тот груз ответственности, который тащили на себе Лиса и немногие другие, имевшие дерзость сопротивляться уготованной им судьбе.

«Бессмысленно, — поняла она сейчас. — В Замок никого еще не пропустили, так почему же должны впустить меня?»

Эта была горькая правда, и удивляться можно было лишь тому, что Лиса при всей своей хваленой трезвости, поддалась — пусть и на время — жалкому искушению решить все проблемы одним махом и...

«И чужими руками», — безжалостно закончила она начатую мысль.

«Это от отчаяния, — призналась она себе, и это признание породило волну жестокого гнева. — Ну так пусти себе пулю в лоб, сука! И не мешай людям работать...»

В Город она в тот раз все-таки пошла, но оставалась недолго, всего несколько часов объективного времени, а потом дела и обстоятельства надолго задержали ее на «этой стороне», и с Твином она так и не встретилась. И в Рязань двадцать третьего сентября приехала, не зная, что уже раскрыта и объявлена во всесоюзный розыск. Однако дело было не только в том, что она не успела еще увидеть свое лицо по Центральному телевидению. И не в том, что трансляции новостей в вагоне не предусматривалось. В тот день ей фатально отказало чутье, или, может быть, голова была занята другим... Ее опознал милиционер на городском рынке, а дальше... Просто ее вдруг оставила удача. Что бы она ни делала, все было не так, не вовремя или вообще никак. А вот загонщики, как ни странно, действовали на редкость разумно и слаженно. Вот и говори после этого про провинциальные нравы. Впрочем, никакого «после» для Лисы уже не случилось. Все началось и закончилось вечером двадцать третьего сентября в Рязани. Она дралась отчаянно и продержалась гораздо дольше, чем можно было предположить, но почему-то так и не решилась остановить время. И время ушло...

Двадцать третьего сентября 1999 года в городе Рязани органами правопорядка пресечена...

Что тут скажешь? Не надо было ехать в Рязань? И верно, не надо было, но судьбе не прикажешь. Но, может быть, судьбу можно перехитрить?

* * *

— У русских появился кто-то очень сильный в Москве, — сказал Наблюдатель и приложился к стакану, хотя, как показалось Лисе, пить он в этот момент совершенно не хотел. — Говорят, — ковбой оторвался от стакана и неожиданно глянул на Лису равнодушным взглядом смертельно уставшего человека. — Говорят, он чувствует эманацию метров за двести-триста. Бродит по городу и вычисляет.

— Много провалов? — спросила Лиса, уже понявшая главное. Как бы давно они не

были знакомы, на самом деле, Наблюдателя она не знала.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Знал бы, сказал.

— А у тебя, выходит, есть знакомые в Москве? — Лиса увидела, как мимо двери харчевни медленно прошел Твин, и, зачерпнув ложкой суп, снова посмотрела на Наблюдателя.

— Некорректный вопрос, — усмехнулся тот. — Без комментариев.

— Ну без, так без. — Суп, как всегда, был вкусный и обжигающе горячий. — А про Иакова ничего не слышно?

— Говорят, он умер, — Наблюдатель залпом допил виски и встал. Показалось ей или нет, что именно этот вопрос заставил его вдруг заспешить? — Он ведь старый был, вот и умер. Извини, но мне надо идти.

— Какие извинения, Наблюдатель, — улыбнулась заинтригованная увиденным Лиса. — Ты же знаешь, я тебя люблю и всегда рада видеть.

Наблюдатель ушел, а Лиса посидела еще, смакуя свой кофе, и не столько обдумывая то, что он ей сказал, сколько пытаясь догадаться, о чем умолчал.

Через неделю после этого, второго октября, она вместе с Чертом, Пикой и группами Юрика и Кочерги, предприняла отчаянно рискованную попытку поймать московского нюхача на живца. Дурное дело не хитрое, начать да кончить, вот только и начинать, если честно, не следовало. Ей вообще не нужно было лезть в это дерьмо. Можно было бросить информацию ребятам из русской боевки, и, кто знает, может быть, им повезло бы больше. Однако сделанного не воротишь, а нюхачка оказалась намного сильнее, чем сказал Наблюдатель, который, скорее всего, всей правды не знал. Какие, к черту, триста метров! Она учуяла совершенно «холодного» Черта метров с двухсот, а когда началась резня, «вела» их через всю Москву. А Москва, известное дело, столица нашей родины, и припасено в ней на всякий — в том числе, и такой вот — случай много чего такого, от чего легко случаются преждевременные похороны. Гон был безумный, но страшнее всего было то, что не было никакого шанса оторваться. Это Лиса поняла довольно скоро, но и сдаваться было не с руки. Женевские конвенции на таких, как она, не распространялись.

В конце концов, ее блокировали в тоннелях метро, где-то — она уже просто не успевала ориентироваться — в районе между Краснопресненской и Беговой, и единственное что ей оставалось, это обрушить свод, но вот о том, чтобы остановить время, Лиса в тот момент даже не подумала...

Второго октября 1999 года, в Москве, сотрудниками Комитета Государственной Безопасности СССР...

* * *

— Две пули в грудь, — Санта говорила с трудом, как будто ей не хватало воздуха или было очень больно. — Нога сломана. Вокруг бой.

— Где? — быстро спросила Лиса, судорожно соображая, кто еще у нее есть в Аргентине.

— Байрес, центр.

«Господи!» — но помочь Санте Лиса уже не могла.

— Сколько вас? — спросила она, понимая, впрочем, всю глупость своего вопроса.

— Трое, но не уйдет никто. Все горит!

— Господи, Санта! — Лиса не знала, что сказать. Там в далеком Буэнос-Айресе умирали люди, и она ничем не могла им помочь. Ничем.

— Все, — тихо сказала Санта. — Еще максимум пять минут, и все. Живая я им не дам. Муж с детьми в Европе. У девочки явные способности... Запоминай...

Она растаяла прямо в руках Лисы, едва успев назвать адрес и телефон, была, и нет...

Санту сдал ее собственный муж. Впрочем, его можно было понять, он полагал, что спасает ребенка. Понять можно всех, а простить? Лиса нашла Алехандро де Кункейро на севере Италии в крошечном пансионе на берегу озера Гарда. Он был напуган, но, вероятно, правильнее, сказать — разрушен. О смерти Валерии Алехандро уже знал, и прежняя любовь, смешавшись с остатками чести и достоинства португальского дворянина, съела этого красивого статного мужчину всего за несколько дней, как какая-нибудь смертоносная эбола. [73] И даже, если бы Лиса не учуяла засаду, устроенную агентами СИЗМИ [74] и боевиками из «Тоскании» [75], одного вида этого бывшего человека было достаточно, чтобы заподозрить неладное. Но и карабинеры дали маху, они просто не подозревали на что способна разыскиваемая русскими Алиса Четверикова, и, кроме того, не знали, что за спиной Лисы и Пики движется некто по имени Черт. Масштабы бойни, которую они там устроили, могли быть и больше, но Сермионе не Москва, там и разрушать было, считай, нечего. Так что они ушли, разумеется, и девочку Санты с собой прихватили, и все было бы просто замечательно, если бы не один «идейный» гисовец, [76] чудом уцелевший в первой схватке и успевший вызвать вертолеты...

Двадцать седьмого сентября, Сермионе, Италия...

«Куда ни кинь, всюду клин...»

Стало трудно дышать, как будто что-то тяжелое давило на грудь, но лабиринт не отпуская, предлагая все новые и новые вероятности прошлого.

Амстердам, десятого октября... Тула, третьего... Свердловск, шестого... Ленинград...

— Как ты уцелела? — спросила Лиса.

— Случайно, — пожала плечами Ната. — Мальчик один на себе вынес. Мы двое всего и выжили...

Они сидели в темноватом подвале распивочной и пили дерьмовый молдавский коньяк.

— Ната, — совсем тихо сказала Лиса. — Я могу попробовать...

— Даже и не знаю, — Наташа смерила ее оценивающим взглядом и залпом допила коньяк. — А зачем?

— Чтобы снова быть в деле, — твердо сказала Лиса и увидела, как что-то дрогнуло в усталых глазах подруги.

— Пойдем! — предложила она.

— Пойдем, — согласилась Наташа...

Ленинград, седьмого октября 1999 года...

Это было похоже на фильм ужасов. Бежишь по бесконечным коридорам совершенно пустого здания, спускаешься или поднимаешься по бесчисленным лестницам, пробуешь одну за другой попадающиеся на пути двери, дергаешь за ручки, но двери или заперты, или никуда не ведут. Тупик, смерть, конец пути...

Москва, двадцать девятого сентября, Мадрид, седьмого октября, Антверпен, одиннадцатого октября...

— Помню, — кивнула Лиса. — Через полгода.

— Найдешь меня, — улыбнулся Махно и уже собрался уходить, но Лиса его задержала.

— А почему ты не уходишь в Цитадель? — спросила она.

— А ты почему? — вопросом на вопрос ответил он.

— Я с боевкой завязала еще десять лет назад.

— И молодец, — серьезно кивнул Махно. — У тебя есть дело, у меня есть дело, зачем нам эти глупости?

— Но ты ведь регулярно...

— Они должны знать, — жестко сказал Махно. — Я электростанции не атакую, и военные базы тоже. Но они должны знать, что за кровь платят кровью.

— Возможно, ты прав, — задумчиво кивнула Лиса. — Кого ты наметил?

— Толкунова.

— Почему не Голикова или Рудя? — спросила она, удивившись совпадению, ведь и Твин обратил ее внимание именно на этого — нового — члена Политбюро.

— Понравился он мне, — ухмыльнулся Махно, явно уходя от ответа, и зашагал прочь...

Горький, пятого октября, Астрахань, десятого октября, Цюрих, шестого октября, Москва, седьмого апреля 2000 года...

— Люди смертны, — пожал широкими плечами Август. — Бессмертны только боги. Кто из известных людей оставил этот мир?

— Трудно сказать, — теперь пожала плечами Лиса. — Я ведь не знаю, кто вам знаком.

— Нерон? — спросил Август, сделав вид, что не заметил ее дешевой уловки.

— Насколько я знаю, — сказала Лиса. — Нерон был убит в 1993 году в Квебеке.

— Агасфер? — по-видимому, земные даты были известны Августу не хуже, чем ей, как, впрочем, и географические названия.

— Вероятно, умер. Он не приходит уже лет пять, или шесть.

— Конфуций? Аарон? Калигула?

«Его задело, поняла она. — Он их действительно знал».

— Конфуций не приходит уже лет десять, — сказала она. — Но о его судьбе ничего определенного неизвестно. Говорят, он сменил личину. Это возможно?

— Иногда, — коротко ответил Август, но объяснять ничего не стал.

«И бог с тобой», — решила Лиса.

— Аарона убили в восемьдесят девятом, — сказала она.

— Аарона? — удивленно поднял брови Август. — Кто?

— Израильтяне, кто же еще, — горько усмехнулась Лиса, вспоминая так и оставшегося для нее безымянным Аарона. — В декабре восемьдесят девятого, в Тель-Авиве.

— Город отстроили? — Август снова был совершенно спокоен.

— Говорят он не сопротивлялся, — сказала Лиса. — Никто не знает, что там произошло на самом деле, но он убит. Калигула тоже убит. Американцы вычислили его базу в Бразилии, и уложили туда семь крылатых ракет. Он как раз был в Городе, когда это случилось и продержался достаточно, чтобы успеть обо всем рассказать.

— Печально, — но по виду Августа трудно было понять, насколько опечалили его эти известия. — А что с Иаковом?

— Вероятно, умер, — тихо ответила Лиса, для которой Иаков был не просто знакомым человеком.

— Значит, никого из Первых не осталось?

«Никого... Никого? Но Иаков, оказывается, жив... Нерон, Аарон, Калигула... Иаков... А что случилось с Агасфером и Конфуцием?»

Тель-Авив, двадцать девятого сентября, Квебек, восьмого октября, Берлин, одиннадцатого...

«Ищу я выход из ворот,
— Но нет его, есть только вход,
И то — не тот...»

Вероятности ветвились, порождая все новые и новые возможности, оборачивавшиеся тупиком, смертью, поражением. Двадцать пять лет она шла через минные поля и болотные топи и всегда оставалась цела, но не на этот раз. Что-то случилось или с мирозданием, которое не желало больше ее терпеть, или с ней самой.

«Я потеряла удачу? Или выполнила все, что было записано в книге судеб?»

Ярославль, двадцать четвертого сентября, Кострома, двадцать девятое, Киев, третьего...

— Привет, — сказала Лиса, подходя.

— Здравствуйте, донна Рапоза, — девочка явно обрадовалась встрече и, зная правила, сразу же приступила к делу. — Извините, пожалуйста, но вы здесь всех ведь знаете, а я...

— Без предисловий, — Лиса помнила, что Черт дал ей всего два часа, а дел было много. — Чем я тебе могу помочь?

— Я ищу одного человека.

— Кого? — спросила она, на всякий случай, улыбнувшись, чтобы ободрить явно стеснявшуюся своей дерзости Читту.

— Фарадея, — тихо сказала девочка, которая, вероятно, знала, какой услышит ответ...

Гродно, Будиевицы, Приштина, Неаполь...

«Нет, — поняла, она вдруг. — Дело не в том, что я исполнила все, что было написано на роду. Дело в другом, в том, чего я не сделала...»

Париж, Эдинбург, Алма-Ата...

— Август, — она ожидала, что он как-нибудь, но отреагирует на то, как она к нему сейчас обратилась, однако Август только усмехнулся. На самом деле, поняла она вдруг, ему было все равно. — Август, мы в тупике. В сущности, — она замолчала, собираясь с силами, потому что одно дело знать и совсем другое — сказать об этом вслух. — Еще немного, и можно будет считать геноцид свершившимся фактом.

— А может, оно и к лучшему? — тихо ответил Август. — Знаете, как говорят? Нет человека, нет проблемы.

— И вам никого не жаль?

— А людей, какими и мы когда-то были, вам не жаль? И ведь среди них наши с вами родные и близкие.

— Я знаю эту теорию, — покачала она головой. — Но разве нет другого пути?

— О чем вы, донна Рапоза? — холодно улыбнулся Август. — Вы что на самом деле верите в мирное сосуществование волков и ягнят?

— Почему бы и нет? — она знала, что говорит глупости, но, если их не говорить, придется сказать себе, «иди, и застрелись!»

— Потому что против нас действует фактор численности и времени, — ровным голосом объяснил Август. — При нашей численности нам просто не хватит времени, чтобы убедить самих себя и людей, что мы можем сосуществовать. Что происходит на Земле? Есть какие-то изменения в модус операнди? Или все по-прежнему?

— Все по-прежнему, — вынуждена была признаться Лиса. — Нас нет и никогда не было...

Бухарест, Новосибирск, Хельсинки...

— Значит, я решила за всех, — повторила Лиса, по-прежнему глядя в окно, или куда она там, на самом деле, смотрела. Вид из окна открывался самый живописный, но Виктор подозревал — и не без повода, хотя читать ее мысли, когда она этого не хотела, не мог — что дело не в пасторальном пейзаже, как бы ни был он хорош.

— Но в результате, тенденция, сложившаяся к концу восьмидесятых сломана, — Виктор подхватил бутылку коньяка, секунду смотрел на хрустальные бокалы, которых им требовалось ровно семь, и в конце концов просто отослал все это на стол. — Ты помнишь, с чем ты пришла ко мне в Замок?

— Да, — Лиса обернулась и посмотрела ему в глаза. — И я ни о чем не жалею.

— Я тоже, — усмехнулся Кайданов, которого должны были убить десять дней назад в Мюнхене.

— И я, — сказала Рэйчел и тоже встала.

Но раньше нее к Лисе подошла, молчавшая все это время, Дженевра.

— Зато теперь другим тоже есть к кому обратиться, — сказала она, подойдя к Лисе вплотную. — Если бы я не знала, что тебе это неприятно, я преклонила бы колени и назвала тебя госпожой. Веришь?

— Верю, — Лиса неожиданно обняла Дженевру и прижала ее к себе. — Но ты никогда не будешь стоять передо мной на коленях, договорились?

«Весьма драматично...» — Виктор вернулся к столу и стал разливать коньяк.

— Ты был одним из Первых, не так ли? — неожиданно спросила Лиса, не отводя взгляда.

«Ну что ж, она... все они имеют право знать».

Однако и возвращаться в свое прошлое не слишком хотелось. Хотелось начать жизнь с чистого листа. Но такого чуда, на самом деле, никогда не случилось и, по-видимому, никогда не будет. Даже чудесам положен предел.

— Да, — ответил он Лисе, хотя говорил не только для нее, но все-таки, прежде всего для нее. — Да, я шестой-неизвестный...

* * *

Он родился 11 мая 1945 года, и своим рождением обязан был осколку немецкой мины, которым за десять месяцев до этого, был ранен в ногу командир стрелкового батальона майор Лев Андреевич Корф. Пролежав чуть больше месяца в госпитале, гвардии майор получил то ли две, то ли три недели отпуска и провел их со своей молодой женой в Казани. Вот, собственно, и вся история. Но дело, разумеется, не в этом, а в том, что Виктору очень повезло с родителями. Еще больше ему повезло с дедами и бабушками. Они дали ему так много всего, что запасов этих хватало до сих пор. Однако чему бы они его ни научили, а научили они его, кажется, всему, чему только возможно, и какое бы материальное благополучие ни обеспечили — хотя и это немало, особенно в послевоенные голодные годы — главное, что благодаря своей семье Виктор с рождения был не только русским (в старом, дореволюционном значении этого слова), но и «гражданином мира», что для советского человека было почти недостижимо. Однако так все, на самом деле, и было, и это обстоятельство тоже многое решило его в дальнейшей судьбе.

«Космополит, твою мать!»

Но с такой путаной биографией, как у него, кем же и должен был стать Виктор, как не русским космополитом? Ведь даже когда там, в Берлине, Лиса сказала ему что он не еврей, она ошибалась, разумеется, потому что и евреем он был тоже. Только времени рассказать ей

все это и объяснить, тогда не было, но это дело, как говорится, десятое, да и поправимое, тем более что вопрос, кто есть кто, для Лисы актуальным не был. И если Виктор все-таки хотел ей кое-что об этом рассказать, то совсем не о том, кто и от кого родился, и кем, соответственно, должен или может считаться, русским, евреем или немцем. Совсем о другом он хотел с ней говорить. О том, например, как человек становится тенью, и почему Виктор Корф в конце концов стал Некто Никто.

Вообще-то, Корфы были обрусевшими немцами, причем обрусевшими настолько, что даже немецкий язык, который для Виктора был, почитай, родным, пришел к нему не от них, а от второго деда, маминого отца, Исаея Александровича Штерна, учившегося до революции в Базеле, и в совершенстве овладевшего там, в Швейцарии, и немецким, и французским языками. А у Корфов от того дальнего немецкого предка, который еще при императрице Елизавете приехал в Россию из Гессена, остались только фамилия и некоторые жизненные принципы, любовь к порядку, например, доходившая у Льва Андреевича, Витиного отца, до вполне немецкого педантизма. Ну, а Август И-Что-то-Там-Еще Корф, как много позже выяснил Виктор, и сам по себе был фигурой крайне любопытной. Был он, судя по всему, талантливым авантюристом, наподобие барона Мюнхгаузена, с которым, к слову, служил в одни и те же годы и даже по службе пересекался. Однако в отличие от барона, Август Корф, во-первых, дворянином стал только на новой родине, которую — и это, во-вторых — так никогда и не покинул, и даже принял, в конце концов (когда женился на дочери своего полкового командира), православие.

Впрочем, все это дела давно минувших дней и по нынешним временам вполне себе преданья старины глубокой. События более близкого времени были не менее интригующими и драматичными. Андрей Иванович Корф — выпускник петербургского политехникума — стал инженером в те же примерно годы, что и Иван Телегин,[77] и на Первую Мировую войну ушел, как и тот, прапорщиком. Однако закончил он Великую Войну уже штабс-капитаном, но пошел не к белым, а к красным, между прочим, точно так же, как и герой Толстого. Впрочем, причину для этого Андрей Иванович имел самую основательную. С 1917 года он состоял в партии социалистов-революционеров, членом которой и оставался до самого официального ее роспуска в 1918. А в 1919, будучи в то время уже командиром полка, он — пусть и не долго — служил в той самой дивизии, комиссаром которой являлся Исайя Штерн, но породнились они много позже, когда ни один из них в РККА уже не служил. Дело в том, что после гражданской, Андрей Иванович вернулся к своей инженерной профессии, а позже — соответственно, в конце 20-х и начале 30-х — защитил одну за другой две диссертации и стал профессором. Может быть, поэтому и уцелел, хотя в 37-ом и 39-ом его дважды исключали из партии, в которую он когда-то все-таки вступил, но, бог миловал, оба раза Корфа восстанавливали, выпив, однако, известную порцию крови, но зато не расстреляли и даже не посадили. А вот Исайя Александрович во время большого террора сел, хотя в то время тоже был уже профессором. Но и ему, почитай, повезло немеренно, потому что осенью 1941 его неожиданно выпустили, как и некоторых других физиков-химиков — а он как раз химиком и был — и направили в промышленность боеприпасов, к вышедшему несколько раньше Борису Львовичу Ванникову, который Штерна, собственно, из лагеря и вытащил. Такая вот история. А дети Штерна и Корфа познакомились и поженились уже во время войны в Казани, где оба деда тогда жили и работали. Ну, а потом случился тот немецкий осколок, и началась уже собственная история Виктора Корфа.

Дар открылся у Виктора в шестьдесят первом. Ему и семнадцати еще не было. Вероятно,

он стал тогда самым молодым колдуном в СССР, но об этом, впрочем, ни тогда, ни после, никто так и не узнал. А вот сам Виктор пережил в то время настоящую драму, хотя касалась она, как ни странно, не причины, то есть, самого этого таинственного дара, а следствий из него проистекающих. Дар был, в общем-то, принят, как данность, как начавшие незадолго до этого пробиваться над верхней губой и на подбородке волосы, или вдруг пробудившийся интерес к особам противоположного пола. Не то, чтобы случившееся с ним чудо не удивило Виктора. Еще как удивило. И взволновало, естественно. Однако не испугало. Витя был очень умным юношей, к тому же начитанным. Читал он, между прочим, и Беляева с Уэллсом, и Конан Дойла с Жюлем Верном, поэтому и удивление его было вызвано не столько самим обретением невероятных способностей, сколько тем, что магия самим фактом своего существования противоречила тем самым непреложным законам природы, изучению которых он предполагал посвятить свою жизнь. Три профессора естественных наук в одной семье что-то да значат. Но интерес и испуг, разные вещи. И недоумение не всегда порождает страх.

А испугался Виктор совсем другого. Он испугался инакости. И страх этот пересилил даже вспыхнувший в нем было восторг от неожиданно обрушившегося на него могущества. Однако, на самом деле, как довольно быстро понял Виктор, всемогущим он не был. Он стал колдуном, а не богом. Но, не став богом, он, тем не менее, перестал быть и человеком. Неожиданный и непрощенный дар превратил его не в высшее существо, каким он на мгновение — пусть даже это мгновение растянулось на дни и недели — себя почувствовал, а в изгоя. Да, воображение у Виктора было развито ничуть не хуже, чем у его сверстников. Возможно, и, скорее всего, даже лучше. Но в том-то и дело, что развитое воображение и своеобразный личный опыт, который, учитывая его «нежный» возраст, являлся, по большому счету, всего лишь пережитым и прочувствованным сердцем и душой опытом членов его семьи, позволили ему увидеть ситуацию *as is*. [78] Он знал, понимал, чувствовал, что это значит, быть немцем в стране, ведущей тотальную — отечественную! — войну с Германией, или евреем среди людей, охваченных психозом ксенофобии, или врагом народа там, где народ в едином строю... или колдуном среди обычных людей. И неважно, что пресса захлебывалась восторгами по поводу доктора Калюжного или заслуженного артиста Арамяна. Когда-нибудь должно было наступить отрезвление, и тогда...

Оглядываясь назад, Виктор ясно видел, что дал тогда слабину, «отпраздновав труса» на все сто процентов. И причины своего поведения понимал и не собирался себя извинять или оправдывать — хотя и был тогда, в сущности, ребенком — но теперь, когда прошли годы, и жизнь подтвердила его опасения, понимал Виктор и то, что слабость эта тогда его и спасла. Ведь он сразу и бесповоротно — едва только ощутил в себе силу колдуна — решил, что никому и ни при каких обстоятельствах об этом не расскажет, и тщательно следил, чтобы не выдать своей тайны случайным поступком. А затем, в 1965 он и вовсе исчез, «уговорив» родителей, что поступает правильно, уезжая работать в Сибирь. В Сибирь он, разумеется, не поехал, но и домой уже никогда не вернулся.

* * *

— Что произошло в восемьдесят девятом? — Спросила Лиса после секундного молчания.

— В восемьдесят девятом? — Переспросил Виктор, разливая коньяк. — Ничего особенно интересного в восемьдесят девятом не произошло. Это конец истории, а не начало, — сказал он, стараясь подавить, разливающуюся в душе тоску. — Идеалисты ушли,

скептики остались. Но, по большому счету, никто не получил того, чего хотел.

— А чего вы хотели? — Спросила Рэйчел.

— Агасфер и Конфуций живы? — Одновременно с ней поинтересовалась Лиса.

— Чего мы хотели? — Переспросил Виктор. — И невинность соблудости, и капитал приобрести, вот чего мы хотели! — С неожиданной даже для самого себя злостью сказал он. — И вот трое мертвы, и трое живы.

— Живы они, куда денутся. — Ответил он наконец на вопрос Лисы. — Только давайте, отложим этот разговор на вечер. Вернее, на ночь. Сходим в город, а потом поговорим. Лады?

8

Тишина.

«Господи, какая тишина!»

Лиса стояла под деревьями и смотрела на долину. Минуту назад по грунтовке внизу проехала машина. Проехала — надо было напрячь слух, чтобы разобрать сходящий на нет звук работающего мотора — и исчезла по ту сторону горы, оставив за собой поднявшийся пыль, но быстро опавший шлейф пыли. И все. Как ни бывало. Долина, горы, темная зелень деревьев и светлая — трав, дымок над домиком на противоположном склоне, и огромное безмолвное небо ранней осени.

«Тишина... покой...»

Она стояла у низкой ограды, сложенной из обломков дикого камня, слушала едва различимый шепот листьев над головой, смотрела на открывающийся перед ней просторный и уютный мир и пыталась понять, чего больше сейчас в ее сердце, счастья или тоски? На самом деле, так хорошо, как сейчас, ей не было никогда в жизни. Тишина, покой и сладкое послевкусие шторма, отгремевшего всего несколько часов назад и способного — она знала это наверняка — вернуться теперь в любое мгновение, когда и где случится им с Виктором этого захотеть. Она была счастлива в этот день и в этот час, она...

«Я счастлива!» — сказала себе Лиса, ощущая это счастье здесь и сейчас каждой частичкой своего тела и своей души, наполненной до краев обретшей наконец свободу и воплощение любовью, своей и его. Разделенной.

Ей было так хорошо... и так плохо. Потому что так тяжело, как сейчас, ей тоже никогда еще не было. Это надо было пройти через все, через гнилой ад подполья и гестаповскую больничку, испытать сухую и горькую, как бесплотные солончаки, тоску, рождаемую беспомощностью и бессилием изменить приговор судьбы; изведать горечь потерь и поражений; узнать отчаяние и страх, ненависть, застилающую глаза кровавым туманом, и ужас перед собственным не ведающим жалости гневом; прочувствовать, что такое беда и одиночество, чтобы теперь — после всего! — получив невероятную силу и едва ли не божественные власть и могущество, понять, как тяжела, на самом деле, эта ноша, и какой беспощадный выбор предложила ей судьба.

«Да, тяжела ты шапка Мономаха...» — Но иронии не получилось. Потому, вероятно, что Владимир был всего лишь князем Киевским, а она... Если быть совершенно откровенной, то Лиса была теперь согласна с тем, что как бы в шутку сказал ей в Берлине Виктор. Она стала богиней. Кали, Немезида, Макошь[79]... В любом случае, быть богом лучше, чем выродком. Однако проблема заключалась именно в этом. Быть тварью она умела, но никто, ни она сама, ни Виктор, ни тот, кто, судя по всему, и был настоящим вседержителем, и кого Лиса по-прежнему считала своим Богом, не мог — не знал? — или не желал объяснить ей, что и как она теперь должна делать. Как жить, кем быть, куда идти?

И интуиция молчала, и логика была бессильна. А сердце...

«Господи, — спросила она в отчаянии, обращая глаза к высокому небу. — Зачем?»

Зачем напустил ты зверей судного дня на тварей своих, если не исполнились еще установленные сроки? Но если и так, если все уже решено, если решил и судил, зачем же ты создал нас из плоти и крови и зачем вложил в нас человеческие души? Что делать, если и мы тоже твари твои, чувствуем, как люди, любим и скорбим? Зачем обрек ты нас на муки и смерть, зачем судил нас стать жертвой, а потом остановил занесенный для последнего удара меч? Не для того ли, чтобы, пережив все, что выпало нам пережить, злее рвали мы овец твоих, и обливались кровью наши сердца? Ведь и мы твари твои, Господи! Людьями родились мы, людьями умирали бессчетно в муках и страхе, людьями, Господи, а не волками ...

— Дебора!

Она очнулась от своих тяжелых мыслей и только теперь заметила, что уже не одна. Рэйчел подошла совсем близко и остановилась буквально в нескольких шагах, сохраняя дистанцию и предоставляя, таким образом самой Лисе решить, вступать ли в разговор или продолжать оставаться одной. Однако Лиса и сама не знала, чего ей хочется больше. Желала ли она, чтобы подруга Германа ушла, или лучше, чтобы осталась?

— Тебе больно? — неожиданно спросила Рэйчел.

— Больно? — переспросила Лиса и ощутила вдруг страстное желание разделить с кем-то, но только не с Виктором, свою темную боль. — Больно...

«Как она узнала? Или у меня на морде все написано?!»

— Как ты узнала, Рэйчел? — Это был лишний вопрос, и Лиса поняла это в тот же момент, как слова сорвались с губ.

— Я чувствую. — Ответ был прост, но за этими простыми словами, произнесенными обычным будничным тоном, скрывалась пропасть, о которой Лисе не хотелось даже думать. Жестокий дар, страшная ноша...

«Как она с этим живет? Но ведь живет!»

— Его ты тоже чувствуешь? — спросила она вслух.

— Да, — грустно улыбнулась Рэйчел, «сбрасывая» окутывающую ее «тень». — Я чувствую всех. Только некоторые должны находиться совсем рядом, как ты сейчас, а другие... — Женщина не стала скрывать от Лисы своих чувств. — Его я чувствую по-другому...

— Ты знаешь? — спросила Лиса, понимая, что с этой женщиной иначе нельзя. Или прямо, откровенно, или никак.

— Что с того? — У Рэйчел оказалась обаятельная и располагающая улыбка, и поразительная выдержка. — Чем «тень» лучше оборотня, Дебора? И ведь он ни разу не выпустил зверя.

— Один раз выпустил. — Если Рэйчел готова была разделить с Кайдановым любовь, она должна была знать правду.

— Ты точно знаешь? — Рэйчел не испугалась и не расстроилась, она просто спросила.

— Теперь, да. — Много из того, что она знала теперь, являлось всего лишь переосмыслением того, что было известно ей и раньше, но другое... Лиса не представляла, откуда берется ее знание. Возможно, Вернадский был прав не только в философском смысле, но и в практическом. Что если Ноосфера[80] такая же реальность, как магнитные поля и сила гравитации?

— В Минске семь лет назад.

— Это ничего не меняет, — покачала головой Рэйчел. — Для меня, ничего.

«А для меня?» — спросила себя Лиса, но и спрашивать, по сути, было не за чем.

— Меня зовут Лиса, — сказала она и неожиданно для самой себя улыбнулась. — Я Алиса Четверикова, но друзья зовут меня Лисой.

— Спасибо, Лиса, — взгляд Рэйчел на мгновение стал серьезным. — А меня друзья... — Она споткнулась об это слово, но фразу все-таки закончила. — А меня друзья зовут Роша.

— Ты понимаешь, что случилось? — На самом деле это был тот главный вопрос, которым она и хотела с кем-нибудь поделиться. Вышло с Рэйчел, и может быть, неспроста.

— Думаю, что понимаю, — ответила женщина, ничуть не удивившись вопросу, и, по-видимому, совершенно правильно его оценив. — Теперь все зависит от вас.

— От нас? — Удивилась Лиса. — От кого это от нас?

— От вас с Виктором, — спокойным, даже каким-то рассудительным тоном объяснила Рэйчел. — Никто из нас не владеет такой мощью, как вы.

— Ты себя недооцениваешь, — усмехнулась Лиса, одновременно пытаясь найти более весомое опровержение словам подруги Германа.

«Роша, — поправила она себя мысленно. — Она Роша, Рэйчел, Рахиль, а не довесок к Кайданову».

— Я себя оцениваю вполне здраво, — покачала головой Рэйчел. — Я представляю на что способна, но во мне нет и половины той силы, что есть в тебе. Даже Герман до тебя не дотягивает, а ведь он все-таки смог там, в Берлине... — Она помолчала секунду, как будто собираясь с мыслями. — Ты знаешь, как я тебя вижу? Это не аура, не обычное «свечение»... Я думаю, этого никто больше не видит. Виктор похож на столб бушующего пламени. Подругому мне не объяснить. А ты... Если честно, мне даже страшно представить, как вы удерживаете в себе такую мощь.

«Уникальный дар... И она говорит о моей силе?»

— Ерунда, — отмахнулась Лиса. — Решать нам всем, — она усмехнулась неожиданно пришедшей ей в голову мысли. — Судьба не зря свела нас всех вместе...

«Толкин какой-то... Судьба, понимаешь... Судьба? Или я?»

— Ты будешь не худшей богиней, чем я или Дженевра, — сказала она, в который уже раз безуспешно пытаясь принять это слово — «богиня» — со всем, что оно с собой несло.

— Может быть...

— Так и есть!

— Возможно... — Рэйчел не была напугана, она размышляла.

— Кто эта женщина? — Внезапно сменила она тему разговора.

«Как она...?» — Но, похоже, Лиса и сама еще не осознала, насколько была права, размышляя об уникальном даре Рэйчел.

— Ты поняла? — прямо спросила Лиса. — Ты знаешь?

— Нет, — покачала головой женщина. — Чувствовать и знать, разные вещи.

— А он?

— Он полон недоумения, — улыбнулась Рэйчел.

Трудно сказать, в чем тут было дело. В улыбке, в выражении глаз, в словах, или интонации... Или все вместе сошлось вдруг здесь и сейчас, и настроение Лисы, и ее мысли, и неожиданный визит Рэйчел, но только она вдруг почувствовала страшную усталость и поняла, что женщина пришла к ней не случайно. Возможно — и даже, скорее всего —

Рэйчел была сейчас единственным человеком в этом странном «Асгарде», с которым Лиса могла разделить свои боль и страх.

— Как думаешь, Роша, — спросила она, разрушая дистанцию и подходя к Рэйчел практически вплотную, так что глаза смотрели в глаза, а тела чувствовали тепло друг друга. — Мы сможем стать настоящими пастырями для овец и волков его?

«Как патетично...» — Но мысль мелькнула и исчезла, сметенная чувством. И неважно вдруг стало, патетично или мелодраматично, потому что по внутреннему ощущению все было правильно.

— Мы сможем стать настоящими пастырями для овец и волков его? — Спросила она.

— *Es ist noch kein Meister vom Himmel gefallen*, — ответила Рэйчел, обнимая ее за плечи. — Не боги горшки обжигают, — добавила она с чудовищным южно русским акцентом. — Или где?

Глава 15

Наследники по прямой (13 октября, 1999)

1

На душе было пасмурно. И вроде бы без причины. На самом деле радоваться надо было, ликовать. Потому что все, о чем он и не мечтал даже, давно и твердо положив себе за правило, не путать жестокую реальность жизни с детскими фантазиями, способными тешить только слабых духом, все это неожиданно — как в сказке — обернулось самой настоящей правдой. Он встретил Рэйчел, и плевать, что знакомы они были уже несколько лет, настоящую Рэйчел он встретил всего лишь несколько дней назад. Встретил, увидел и узнал, наконец, что такое любовь. Настоящая, захватывающая тебя всего, какой ты есть, любовь. И тупик, в котором можно было лишь дать последний кровавый бой, чувствуя за спиной глухую стену безысходности, внезапно обратился в дорогу, уводящую в бесконечную даль. Все это было правдой дня сегодняшнего, неоспоримым фактом, великолепной, ни с чем не сравнимой данностью, но тогда почему же ему было теперь так мутно?

Кайданов докурил сигарету и, отшвырнув окурок — сразу же исчезнувший во внезапной вспышке темного пламени, так и не долетев до пола — поднялся из кресла. В этом кресле он прибывал уже часа два, то ли размышляя — и размышляя, разумеется, тоже — о всяких разных актуальных и малоактуальных вещах, то ли грезя наяву, то ли вообще, находясь в состоянии некой прострации, настолько ему не свойственной и незнакомой, что впору было удивиться и даже испугаться. Но ни того, ни другого не произошло. Не удивился и не испугался, просто очнулся и встал из кресла, обнаружив, что находится в биллиардной. Один. Где были остальные, он не знал, но его это, по большому счету, и не интересовало. Кайданов давно и однозначно был человеком самодостаточным, и, если сейчас его интересовало, чем занят кто-нибудь еще, то этим кем-то, разумеется, была одна лишь Рэйчел. Вот на ее поиски он и отправился.

Тем не менее, найти ее оказалось совсем не просто. Зато остальные как будто задались целью показать себя Герману, причем не просто показать, а еще и что-то о себе «рассказать». Парсевалия он обнаружил на садовой скамейке перед домом. Этот красивый уверенный в себе человек, больше похожий на араба или чеченца, чем на английского рыцаря, рассеянно просматривал какую-то толстую книгу, на поверку оказавшуюся — Кайданову пришлось чуть-чуть поколдовать, чтобы ее рассмотреть — монографией по психологии толпы.

«Нестандартный выбор», — отметил Герман и пошел прочь, потому что Персиваль на

контакт явным образом идти не желал. Он не только «не обратил внимания» на появление вблизи его личного пространства другого человека, но и магию Кайданова игнорировал, хотя не заметить на таком расстоянии вряд ли мог. Впрочем, и Герману «рыцарь» был без надобности, так что «посмотрев» на него несколько секунд, Кайданов пожал мысленно плечами и вернулся в дом.

На первом этаже никого, кроме слуг, не оказалось, но сквозь окно веранды он увидел Мария, с монотонностью машины швырявшего дротики в мишень на заднем дворе. Никакой волшбы он при этом не творил, но попадал все время в цель. Занятие было странное, во всяком случае, на взгляд Кайданова, и для такого человека, каким он успел представить себе Мария, мало подходящее. Однако это было личное дело того, кто это делал, а не его, Германа, и, понаблюдав немного за точными, размеренными, но очень быстрыми движениями «римлянина», Кайданов пошел дальше.

Вспышка волшбы ударила откуда-то сверху, когда он был уже на втором марше лестницы.

«Третья дверь справа», — отметил он машинально, не останавливаясь, и не прибавив шагу. Магия была легкая, как дуновение весеннего ветерка, и такая же неопасная.

Кайданов вошел в широкий отделанный деревянными панелями — «Бук? Орех?» — коридор и из любопытства заглянул в комнату, благо дверь была оставлена открытой. Там стояли Виктор, Дебора-Лиса и красивая, но, как успел уже убедиться Кайданов, крайне опасная синеглазая сага. Она была очень сильна, но главное, пожалуй, заключалось в другом. Ее сумрачный взгляд отважного до безумия и одновременно хладнокровного и жестокого хищника вполне, по мнению Германа, отражал характер Дженеvры и суть ее совершенно средневековых убеждений.

Колдовала, судя по ощущениям, именно она, так как ни магии Виктора, ни волшбы Деборы Кайданов за последние два дня ни разу так и не засек. Иногда мелькало что-то невнятное, как взгляд в спину или тень среди деревьев, но всегда проходило по краю сознания, не даваясь его магическому восприятию. Так что, и сейчас он, не задумываясь, отнес волшбу на счет Дженеvры, тем более что она как раз протягивала Лисе — «Или мне ее теперь всю жизнь Деборой кликать?» — ожерелье из прозрачных светло-желтых, почти золотых самоцветов.

— Как полагаете, леди Дебора?

— Миленько, — ответила та едва ли ни воркующим голосом, настолько не подходящим к ее новому царственному облику, что Кайданов даже поморщился, как от кислоты. — И работа славная. Ты умничка, Дженни, но топазы тебе не пойдут. Я думаю, лучше всего был бы александрит хорошей огранки. Знаешь, восьмиугольная такая, «изумрудная». Или «королевские» сапфиры... Как думаешь? Но тогда и огранка должна быть бриллиантовая.

— 57 граней? — Уточнила Дженеvра.

— Да, — улыбнулась Лиса. — Именно. И рундист[81] приличный...

— Так?

Снова полыхнуло, но уже чуть сильнее, чем в первый раз, и Кайданова обдало порывом живи. Не шквал, и даже не сильный ветер. Так, дуновение. Но зато приятное, а не корежащее.

«Совсем спятили... — покачал он мысленно головой и повернул в другую сторону. — От всемогущества крышу снесло».

Рэйчел он не чувствовал и найти ее, поэтому, мог только обычным человеческим способом. Методом проб и ошибок. А в данном случае, его более прогрессивной модификацией — методом исключения. Если Рэйчел не было в саду и во дворе, как не нашлось и на первом этаже, то уж, верно, она находится на втором.

Кайданов сделал несколько шагов вдоль коридора, зацепился взглядом на дешевую акварель в застекленной раме, изображающую знакомый — из окон гостиной открывающийся — пейзаж, и уперся взглядом в дверь за которой спала, или, во всяком случае, должна была спать давешняя нюхачка. Особого интереса она у него не вызывала, тем более теперь, а недоумение по поводу ее присутствия и мимолетное раздражение этим фактом, мелькнувшее было вчера, уже, если и не исчезли — он таких вещей не забывал — то уж точно перестали его тревожить. Тем не менее, оказавшись сейчас перед дверью в ее спальню, Кайданов неожиданно для самого себя захотел на нее посмотреть. Просто посмотреть. А зачем, этого он и сам не знал, и об этом даже не задумался. Просто возникло желание, а дел могущих это чувство ослабить или стереть вовсе, под рукой не оказалось, потому что и Рэйчел-то он искал скорее от нечего делать, чем с какой-нибудь ясной целью. И, не задумываясь, зачем он это делает, и удобно ли так поступать, Герман потянул дверь за бронзовую ручку, и через мгновение увидел просторную комнату, массивную кровать у правой стены, на которой лежала укрытая до подбородка одеялом нюхачка, и Рэйчел, сидящую в кресле в изголовье кровати.

Вот присутствие здесь и сейчас Рэйчел, которую он, вроде бы, как раз и искал, на самом деле, Кайданова и удивило.

— Я, собственно... — сказал Кайданов и тут же пожалел о том, что и как сказал. Получилось жалко, с извиняющейся интонацией, как будто сделал что-то нехорошее или даже неприличное и на этом попался.

«Пся крев!»

— Проходил... — добавил он, но получилось еще хуже.

— Ты знаешь, что это твоя дочь? — спросила Рэйчел, поднимая глаза.

— Моя... Кто?!

— Значит, не знаешь. — Голос звучал ровно, но взгляд... Рэйчел не закрывалась, не пряталась в «тень», старалась вести себя с ним, как обычный человек. Жена...

«Жена? Дочь?! Чья...»

— Чего я не знаю? — спросил Кайданов, входя наконец в комнату, и машинально закрывая за собой дверь. Сейчас он сообразил, для чего здесь Рэйчел и что она делала за мгновение до того, как открылась дверь. Следы живи еще ощущались в «наэлектризованном», насыщенном тонкой магией воздухе.

«Она что...?»

— Я уже все сказала, — неожиданно улыбнулась Рэйчел, и Герман привычно уже «поплыл», инстинктивно реагируя на эту ее улыбку, но разума все-таки не потерял и контроля над собой и ситуацией не утратил. И сразу же, как только после слов женщины у него начало складываться осознание случившегося, отметил то, на что не обратил внимания в первый момент. Из-за растерянности, вероятно, из-за внезапности обрушившейся на него новости.

Где-то в темной глубине души заворочался заточенный там уже долгие семь лет зверь. И не сейчас, когда Рэйчел сформулировала жестокую правду игры случая, а едва ли не с первых же шагов Кайданова по коридору второго этажа. Тварь почувствовала запах крови.

Родной крови!

— Мне зарыдать? — Спросил он сухо, беря себя в руки, что, на самом деле, означало, еще сильнее сжать стальные тески воли, привыкшей держать вечный ужас.

— У тебя не получится, — грустно улыбнулась Рэйчел и тяжело вздохнула. — Не сейчас, не сразу, но, может быть...

Она не договорила.

«Когда-нибудь, — мысленно закончил за нее Кайданов. — Или никогда. Дочь? Ребенок? Эта взрослая женщина? Нюхачка?»

Честно говоря, никакой радости это известие ему не принесло. Оно и понятно, не с чего тут радоваться. Да и потрясения он не испытал тоже. Скорее, раздражение, злость...

— Она нюхачка, — сказал он и вспомнил вдруг старый советский фильм. «Майор Вихрь», кажется.

«Что-то такое», — он напряг память и вспомнил наконец ту сцену из старого черно-белого фильма о героях разведчиках.

Старый немецкий журналист в военной форме разговаривает с молодым эсэсовским офицером и рассказывает тому, что на самом деле он не сирота, воспитанный партией, как считал сам, а сын расстрелянного фашистами немецкого коммуниста.

«Н-да, оборот!»

— Она несчастная девочка, — покачав головой, возразила Рэйчел. — Сирота при живом отце.

— Я не знал, что у меня есть ребенок.

«Или не хотел знать... Ну и что? Ей, всяко разное, должно быть за двадцать...»

— Ты ничего не испытываешь?

Хороший вопрос.

«А если сказать ей правду?»

— Ну почему же, — таким же ровным голосом, каким говорила и сама Рэйчел, ответил Кайданов. — Испытываю. Злость и раздражение.

— Извини, — сказал он через мгновение и, не объясняя, что имел в виду, резко повернулся и вышел из спальни.

2

Казалось, до ночи так далеко, что все от безделья просто с ума посходят, но вышло, беспокоилась зря. Ничего страшного не произошло, и ожидание оказалось не в тягость. И то сказать, каждому, верно, нашлось о чем подумать. Да и между собой поговорить — не в Чистилище, а вживую — редкая удача. Тем более, одни и не знакомы были вовсе, а другие столько лет не виделись, что и двух дней мало, чтобы и в себе самих и в своих отношениях разобраться. А вопросы... Что ж, те вопросы, на которые обещал ответить Виктор, могли и обождать. Столько лет ждала, большую часть времени, не зная даже про их существование, что теперь могла и не торопиться. Некуда было торопиться, да, и положила руку на сердце, возможно, не за чем. Правда могла оказаться — и, как чувствовала Лиса, скорее всего, окажется — такой, что лучше и не знать. Но взялся за гуж, как говорится...

«Посмотрим». — Лиса вошла в гостиную и через силу улыбнулась присутствующим.

Что с ней происходит, она так до конца и не поняла. Однако то, что она очень сильно изменилась не только внешне, но и внутренне, и продолжала меняться даже сейчас — знать бы еще в каком направлении — Лиса вполне осознавала. Отдавала себе, так сказать, в этом полный отчет, но и только. Ни страха, ни переживаний по этому поводу она не испытывала.

Разве что раздражение иногда, как вот сейчас, например, когда в очередной раз заметила, как легко и без видимой причины меняется у нее теперь настроение. Но даже это мимолетное раздражение, и то возникло не столько из-за самой смены настроения, сколько из-за того, что, принимая во внимание, присутствие в гостиной других людей приходилось делать над собой пусть и легкое, но усилие.

— Добрый вечер! — Сказала Лиса, с улыбкой обводя взглядом просторную комнату.

Все были в сборе и ждали, по-видимому, только ее. Свет не включали. Для разнообразия, вероятно, или для торжественности, сидели при свечах. Получилось красиво и даже несколько таинственно, хотя какая уж тут таинственность при их-то способностях?

— Я опоздала...

— Не страшно, — ответно улыбнулся Виктор. — Мы никуда не спешим, но раз все уже в сборе, тогда вопрос по существу. Как пойдём в Город, вместе или каждый сам по себе?

— А разве можно вместе? — спросил Кайданов, наливая себе коньяк.

— Можно, — усмехнулся Виктор. — Но трудно. Однако есть такие умельцы...

Виктор фразу не закончил, но Лиса неожиданно поняла, что, не завершив ее вслух, он, тем не менее, додумал ее про себя, но не для себя, а для нее.

«Ты и Дженевра, — сказал он ей, к ней, Лисе, и, обращаясь, хотя на нее сейчас даже не смотрел. — И аз грешный».

И подмигнул.

«И что это значит?» — Но мысль уже стремительно неслась вперед, сопоставляя, анализируя, доставая из кладовых памяти и подбрасывая в топку мышления любые, пусть и самые мелкие, неважные на первый взгляд, факты и фактики, когда бы и где Лиса их ни обнаружила.

— Если мы пойдём туда во плоти, — сказала она осторожно, еще не полностью уверенная, что догадка, мелькнувшая мгновение назад, верна, и уж тем, более не зная наверняка, как воплотить ее в реальность, если все так, как вдруг примерещилось, и обстоит. — Если мы пойдём туда во плоти, то и о телах заботиться не придется.

— Именно это я в виду и имел, — довольно ухмыльнулся Виктор, что при суховатом строе его лица выглядело несколько зловеще. — Но тогда, дамы и господа, или придется показывать «городу и миру» свой истинный облик, или надевать личину уже на месте. Выбор за вами.

На самом деле, как понимала Лиса, вопрос был обращен к троице — к ней, Герману и Рэйчел — потому что Дженевра и Персиваль все равно сделают так, как решит Виктор.

— По мне так и неважно, — сказала она, продолжая свою игру и ощущая, как начинает улучшаться настроение. Могу такой, как есть, а могу и личину набросить.

Вот в этом последнем, в том, что сможет сходу «перевоплотиться», она была уверена, хотя и не знала, откуда эта уверенность у нее вдруг взялась и на чем основана.

— А как туда попасть? — С вполне очевидным интересом спросила Рэйчел. Еще бы! Столько лет ходить в Город через «сон», рискуя брошенными на произвол судьбы костями, чтобы однажды узнать, что никакой необходимости во всех этих сложных телодвижениях не было.

— То есть, двое согласны, — резюмировал Виктор. — А вы, Герман, что скажете?

— Это что-то вроде портала? — Вопросом на вопрос ответил Кайданов.

«А ведь он уже был у Чары», — решила Лиса, видя состояние Германа. Кайданов был задумчив, несколько раздражен и, пожалуй, мрачен больше обычного. К слову, с Чарой надо

было что-то решать, не держать же ее во сне до второго пришествия. Однако Лиса предпочла бы не ввязываться в это дело без крайней необходимости. Быть миссионером ей никак не улыбалось, и самым правильным она полагала оставить дочь на попечение отца. Вот только как там все сложится, ей пока было не «видно». Рэйчел была готова, но одной Рэйчел для такой саги, как Чара, могло не хватить. Да и не мать она ей, а подруга отца. Так что, в любом случае, без Кайданова ничего не выйдет.

«Вот же, жизнь подлая...»

— Да, Герман, это нечто вроде портала, — объяснил между тем Виктор. — Хотя и много сложнее. Дженевра, радость моя, — повернул он голову к женщине, не принимающей, по своему обыкновению, участия в разговоре, а лишь при нем присутствовавшей. — Откроешь нам проход к Гургу?

— Очень «громко» получится, — ровным, почти без модуляций, голосом ответила Дженевра, одновременно поднимаясь на ноги. — Легче по радио объявить.

Несмотря на смысл слов, получилось как-то уж очень равнодушно. Простая констатация факта, и ничего от себя.

— Это оставь мне, — отмахнулся Виктор. — Я тебя «плащиком» прикрою, никто и не заметит.

— Все готовы? — Судя по всему, Дженевру вопрос секретности совершенно не беспокоил.

— Приступайте, — предложил Кайданов, вставая и предлагая Рэйчел руку.

— Как скажете, — неожиданно очень по-русски и с «русской» же интонацией сказала Дженевра, и Лиса сразу же переключилась на нее. Ей было крайне интересно «увидеть», что и как будет делать женщина-воин, выглядевшая в земном своем воплощении, изысканно — почти болезненно — тонкой и легкой, как какая-нибудь фея цветов. Впрочем, заблуждаться на этот счет не следовало. Сама Лиса тоже на Ирину Пресс[82] никак не тянула, а прс Дженевру она твердо знала, что и без всякой магии та может дать фору многим бойцам-мужчинам. Ну, а если заглянуть ей в глаза...

Между тем, Дженевра отошла на несколько шагов от стола — по-видимому, для ее волшбы требовалось свободное пространство. Встала, чуть расставив длинные, как у подиумной модели, и такие же стройные ноги, подняла перед собой согнутые в локтях руки с узкими ладонями и тонкими длинными пальцами, обращенными вверх, откинула голову назад, и, закрыв глаза тихо и, как будто жалобно, запела.

— Кайса чаера са... — Чтобы разобрать слова, Лисе пришлось до предела напрягать слух. Но вот, что странно. Хотя языка этого она определенно не только не знала, но и вообще слышала его, скорее всего, в первый раз в жизни, звуки эти чужими Лисе не казались. Напротив, ощущение было такое, что надо только напрячься посильнее, сосредоточиться, и тогда сразу же начнешь их понимать. Однако значения не приходили, как она ни старалась, и магии, как ни странно, не было никакой. Зато была тревога, какое-то смутное чувство опасности, внезапно разлившееся в воздухе гостиной, и тихий голос, заставляющий сжиматься сердце.

«Господи, да что же это такое? Что она делает?!»

Но не успела Лиса додумать эту мысль до конца, как голос Дженевры резко опустился, мгновенно превратившись в утробное бормотание, больше напоминающее грозное урчание хищного зверя, чем человеческую речь.

— Гохр хнах хше го...

«Царица небесная!»

Казалось, волны «отката» идут сразу со всех сторон, не сильные, не опасные, не выворачивающие тело и душу на изнанку, но все-таки болезненные, неприятные. Волшба проявилась внезапно, однако и исчезла почти сразу, как если бы кто-то накинуд на вспыхнувшую словно факел в ночи колдунью огромный, непроницаемый для «волшебного глаза» плащ. Впрочем, «плащ» Виктора полностью непроницаемым для Лисы не был. И она все равно увидела все, что хотела и могла увидеть, и услышала все «слова», чтобы запомнить их навсегда. Что это такое, Лиса, разумеется, не знала, хотя и надеялась узнать в самое ближайшее время, потому что Виктор вряд ли станет делать из этого секрет. Однако само существование такой странной волшбы, Лису насторожило, хотя вопросы и размышления пришлось отложить на потом. Потому что буквально в двух шагах от Дженевры воздух уже «потек», медленно — как во сне или при замедленной съемке — открывая широкий и высокий арочный проем, за которым виднелся, как всегда, погруженный в полумрак зал хорошо знакомой им всем кофейни Гурга.

— Прошу вас, дамы и господа! — Сказал, подходя к проему с той стороны, совершенно не удивленный их приходом Георг и сделал приглашающий жест рукой.

3

Как ни странно, но оттого, что она впервые появилась в Городе, так сказать, во плоти, ни кофе Георга, ни его коньяк в качестве не потеряли. Это было более чем странно, но, с другой стороны, поднимало настроение. Оказаться внутри «мультфильма» или «картины маслом», чего она в тайне опасалась, Лисе никак не хотелось. Но этого и не случилось, все осталось таким, каким было всегда. В сводчатом зале стоял привычный полумрак, и запахи были знакомыми, вот, разве что на этот раз здесь оказалось несколько жарковато. «Лето в Крыму». Что-то в этом роде. Однако с этим неудобством Лиса справилась на раз, «повесив» над стойкой бара и входной дверью два мощных кондиционера, и сразу же стало лучше.

— Мы кого-то ждем? — Спросил Кайданов, пододвигая Рэйчел табурет.

«Естественно», — отстраненно подумала Лиса, смакуя мгновенно поданный ей Георгом коньяк, и «прислушиваясь» к шагам гостей. Один из них шел сверху, спускаясь от Места Иакова, другой — поднимался от Торжища, но подойти к дверям они должны были одновременно.

— Непременно, — улыбнулся Виктор. — Да вот, собственно, и они. Здравствуйте, господа!

«Как интересно!» — Лиса с видимым спокойствием встретила взгляд вошедшего в помещение Монгола и, продолжая демонстрировать «божественное равнодушие», так же просто разорвала установившийся было контакт и посмотрела на идущего следом Наблюдателя.

— Входите, господа, — очевидно Виктор не боялся показать, кто теперь здесь хозяин. — Присаживайтесь. Кофе, коньяк?

— Доброй ночи! — Усмехнулся Наблюдатель, наверняка, неспроста, обозначив время суток. — Кофе, разумеется. И виски. Без соды и льда.

«Шотландец хренов», — мысленно улыбнулась довольная собой Лиса, видевшая, как проступают сквозь поддавшуюся ее силе личину черты реального человека.

— Доброго времени суток, — откровенно улыбнулся подначке Наблюдателя Монгол. — Коньяк. Спасибо. Кофе не надо.

Держались оба великолепно, но и то сказать, они не знали, что кое-кто тут видит их в

буквальном смысле насквозь.

— Здравствуйте, Джек! — Рэйчел смотрела на Монгола с откровенным любопытством.

— Без имен! — Монгол вздрогнул и отреагировал так, как привык реагировать на подобные вещи любой обитатель Города.

«Джек? Ах, вот оно что!» — Сейчас она наконец узнала и его и вынуждена была еще раз мысленно покачать головой, поражаясь причудливым сюжетам, на которые так гораздо жизнь.

— Брось, Монгол, — Виктор остался совершенно невозмутим. — Здесь все способно видеть сквозь личину. Так что конспирации твоей пришел конец. Но можешь ничего не опасаться. Подслушать наш разговор не сможет никто. Не правда ли, леди Дебора?

— Правда, — кивнула Лиса и «заперла» лестницу с обоих направлений, не мудрствуя лукаво, просто «поставив» чуть ниже и чуть выше кофейни высокие кирпичные стены, отменить которые было бы совсем не просто даже Виктору.

— Мы знакомы? — Монгол смотрел на нее в упор и, по-видимому, пытался пробиться через несуществующую личину. Естественно, ничего у него не вышло, но то, что видит перед собой человека из плоти и крови, сообразить он еще не успел.

— Это не личина, — великодушно объяснила Лиса и отхлебнула из чашки немного обжигающе горячего и одуряюще вкусного кофе.

— Но мы знакомы, — сказала она, возвращая чашку на стол. — Вы знаете мою прошлую личину.

— Вот как, — а это уже был Наблюдатель.

— Вот так, Иннокентий Павлович.

Любопытно, что оба «гостя» заинтересовались именно Лисой.

— Не узнаю, — покачал головой Монгол, усаживаясь за стол прямо напротив нее. И означать это должно было по многолетней традиции Города просьбу, если не представиться, то хотя бы объяснить «непонятку». В конце концов, это не Монгол пригласил ее, поговорить, а она его. Сама или через Виктора, не суть важно.

— Я Рапоза Пратеада, — без особой жалости к конспиративной традиции представилась Лиса.

— Вот как! — Теперь на свободное место рядом с Монголом сел и Наблюдатель, и получилось, что эти двое ведут разговор с ней, а все прочие — и Виктор среди них — действительно прочие. «И другие официальные лица», так сказать.

Четыре квадратных стола, сдвинутые вместе, образовали один большой. Не круглый, но никто ведь старшинством считаться и не собирался. Зато всем хватило места, и друг друга видели.

— Повторяетесь, Иннокентий Павлович, — улыбнулась Лиса. — А время-то уже пошло.

— Покушение? — Почти безразлично поинтересовался Толкунов, принимая от Георга стакан с виски.

— Непременно.

— Зачем? — Глаза спокойные, внимательные, но страха в них нет. Интерес есть, а вот страх...

— Потому что вы должны знать, что за кровь платят кровью. — Почти дословно повторила Лиса слова Махно.

— Почему именно я?

— Вы понравились одному человеку...

— Мы вроде на ты были.

— Хорошо, — не стала спорить Лиса. — Ты понравился одному человеку.

— Польщен.

— Донья Рапоза, — Монгол решил, что вопрос исчерпан и можно переходить к следующему. — Или это обращение уже неактуально?

— Зовите меня Деборой.

— Дебора... Что ж, как скажете. — Монгол закурил предложенную ему Виктором сигарету. — Это вы были третьего дня в Берлине?

— Да.

— Что вы там сделали? Я почему спрашиваю...

— Я знаю, почему вы спрашиваете, — снова усмехнулась Лиса. — У вас полетел эталон точного времени?

— Да, — кивнул Монгол. — И у нас, и много еще у кого.

— У нас тоже, — подтвердил Наблюдатель, и вот теперь в его глазах действительно мелькнул страх.

— Я остановила время, — Лиса с интересом ждала их реакции и, естественно, дождалась.

— Время? — Недоверчиво переспросил Монгол.

— Да, Джек, — вступил в разговор Виктор. — И если бы вовремя не отпустила, в Германии живых просто не осталось бы.

— Значит, вот почему... Это ведь ваше подлинное лицо?

Ну что ж, в том, что Монгол умный мужик, она никогда и не сомневалась.

— На данный момент.

— В Мюнхене тоже была ты? — Спросил Наблюдатель.

— Я.

— А что с Чарой? Ты ее...?

— Чара больше не ваша, — отрезала Лиса, показав, что может вести разговор и иначе.

— К стати о Чаре, — неожиданно нарушил молчание Кайданов. — Чья это была разработка?

— А что? — судя по всему, облик Кайданова ничего Наблюдателю не говорил. А зря.

— Имена, — холодно предложил Герман, и от его голоса стало холоднее, чем от двух работающих на полную мощность кондиционеров.

— Зачем вам, если она все равно...

— Я спросил.

— Представиться не хотите? — Наблюдатель уже справился со своей секундной слабостью, ну, а Конфуций («Конфуций», — окончательно решила Лиса) был все-таки один из шести Первых. Бывших первых, но тем не менее.

— Уриель.

— Устроишь резню в Москве? — Поднял бровь Наблюдатель, пытаясь казаться ироничным и, разумеется, хладнокровным.

— Устрою. — Кайданов не угрожал, он просто сообщал о своих намерениях.

— А я помогу, — неожиданно поддержала его Рэйчел.

— И я, — без улыбки добавила Лиса.

— Ты не должен был этого допустить, — жестко сказал Виктор. — Использовать дочь Ольги... Я тоже помогу. Впрочем, если тебе и твоим друзьям по Политбюро жалко восемь

миллионов москвичей, вы повесите виновных сами.

— На Красной площади, — месть бывает сладкой, неожиданно поняла Лиса. — Перед Мавзолеем.

Сейчас перед ее глазами стояло черное чрево метротунеля, в котором ей довелось умереть... Могло довестись.

— Вы все тут с ума посходили? — Спокойно поинтересовался Наблюдатель.

— Думай, что хочешь, — покачал головой Виктор. — Но правила игры уже три дня, как поменялись.

— Объяснись! — Потребовал Монгол.

— Все очень просто. — Виктор допил коньяк и кивнул Георгу, прося повторить. — Я один сейчас сильнее всех нас шестерых, какими мы были тогда. И он, — кивок на Кайданова. — И она, — жест в сторону Дженевры.

— А Алиса Дмитриевна?

— А Дебора может такое, что не дай вам бог узнать.

— Кому это нам? — Наблюдатель сотворил сигаретку и сразу же затянулся. Выглядел он спокойным, но, похоже, только выглядел.

— Людям, — Виктор тоже закурил, но не сигарету, а трубку, которая возникла вдруг в его руке.

— Я такой же маг, как и ты, — возразил Наблюдатель.

— Но ты играешь за людей.

— У тебя, между прочим, тоже была семья... или есть.

— Есть.

— И ты...?

— Видишь ли, Кеша, какое дело, — Виктор благодарно кивнул Георгу, взял в руку бокал и с демонстративным удовольствием втянул носом воздух, наполненный ароматом коньяка. — Я тебе уже сказал, только ты не понял. Или не захотел понять... Правила изменились. Теперь все будет по другому.

— Как? — а это уже снова был Монгол.

«Проснулся, мать твою!»

— А как в древнегреческих мифах.

— Ты, что себя богом объявишь? — удивился Наблюдатель.

— Не я, — усмехнулся Виктор. — А ты. Объяснишь советскому народу, что Маркс и Ленин ошибались, бог есть, и он не один, и злить их, я имею в виду богов, не стоит, хотя и райкомы в церкви переделывать пока не требуется.

— Сука!

— Ну-ну...

— Ты понимаешь, что это вызовет кризис такой силы, что психиатрических больниц на всех не хватит? — Монгол даже из-за стола встал.

— Между прочим, — А вот Лиса вставать и не подумала, как сидела в «вольной позе», так и продолжала сидеть. — На Эллипсе[83] тоже ведь придется ставить виселицы...

— Да, хрен с ними с виселицами! — Заорал вдруг Наблюдатель, вскакивая с табурета, так что теперь они с Монголом стояли перед остальными, как обвиняемые перед трибуналом, но сами этого, пожалуй, еще не поняли. — Ну повесим... Расстреляем... В Москве реке... В Потомаке утопим! Ты о последствиях подумала? Вы все о чем сейчас думаете? О мести? Тогда, вперед, с песнями! Ты знаешь, что будет?

— А что будет? — Лиса назло этим двоим достала из воздуха черную сигарету и над столом поплыл сладкий дурман граса.

— У одних будет культурный шок, — Монгол взял себя в руки и старался говорить рассудительно, спокойно, но давалось ему это с трудом. — Другие не смиряются...

— А мне какое дело? — Лиса уже догадывалась, почему Виктор не ответил на ее вопрос, а привел их сюда, на эту, им же самим и организованную встречу.

— А кровь? — Спросил Монгол. — Крови, значит, ты теперь не боишься? Может и человеческие жертвоприношения примешь?

— А чем я хуже Астарты или Шеол?[84] — В душе поднялась темная волна гнева, но говорила Лиса не для того, чтобы выплеснуть его на Монгола и Наблюдателя. Свою цель она уже знала.

— Значит, вот так? — растерялся Монгол и, в поисках хоть какой-нибудь поддержки, повернулся к Виктору. — Вы что уже все решили?

— Не все...

— А что, мне идея нравится, — вдруг сказала Рэйчел. — Лет двадцать террора, и будут, как овечки. Что скажешь, дорогой?

Самое забавное — хотя ничего забавного на самом деле в этом не было — что сначала Лиса и сама повелась, поверив «высокомерному» голосу Рэйчел, и только затем сообразила, насколько Кайданову повезло с выбором.

«Она мне подыгрывает... Но как!»

— А ты как хотел? — Спросила она в наступившей тишине.

— Хотел... — Монгол казался совершенно опустошенным. Наблюдатель выглядел не лучше.

— Бах сказал мне как-то, — Лиса затянулась и продолжила говорить, едва выдохнула дым. — Он сказал, что у него есть два однозначных доказательства существования бога...

— Знаю, — кивнул Наблюдатель. — Знаю я его теорию.

— Но не разделяешь, — кивнула Лиса. — Почему?

— Потому что знает, что второе доказательство от лукавого, — спокойно объяснил Виктор.

— Рассказывайте! — Потребовал Кайданов.

— Ты им...?

— Нас трое, Джек, — пожал плечами Виктор. — И у каждого своя правда, как и «Воротах Росемон».[85]

— Своя... — То ли согласился, то ли просто повторил за Виктором Наблюдатель.

— Ладно, расскажу, — кивнул Монгол и снова сел за стол. — В конце шестидесятых стало очевидно, что эйфория от появления нового феномена проходит. Сначала ведь, как с новой игрушкой... А потом... Магов становилось все больше, а люди разные. И люди и маги. Кто-то где-то... У нас, в Бостоне, был такой... Эльфом звали... Не самый страшный, Барон Суббота в Сан-Франциско куда, как страшнее, был. Вообще людоед, но про него никто так и не узнал. Я его сам убил, когда выяснилось. А Эльф в криминальную хронику попал. И ведь ничего выдающегося! На иных уродах из людей было много больше крови, но он был маг. Я сидел в зале суда, когда присяжные выносили вердикт. Видел их лица, глаза, «слышал», о чем они думают. Потом увидел демонстрацию у здания суда. Чужие. Враги. И страх, очень много страха... И, как назло... Впрочем, закономерно. Правительства тоже понемногу стали интересоваться. Спецслужбы, мафия...

— И вы испугались, — кивнула Лиса.

— Еще как, — согласился Виктор. — Я первый.

Лисе очень не понравилась интонация с которой он это сказал, а еще больше тот мрак, который она ощутила за его словами. А еще она поняла, что признание стоило ему огромного усилия.

«Из-за меня?»

— Дело не в страхе, — покачал головой Наблюдатель. — А в видении перспективы. В перспективе была резня. Война всех против всех, по сравнению с которой наша Гражданская, как игра в песочнице. Калигула сделал прикидочный расчет. Выходило, что кризис наступит в начале восьмидесятых, а острая стадия войны продолжится максимум три-четыре недели, ну и еще лет десять партизанской войны одиночек. И все. Магов не станет. Найдут способ проверять новорожденных... Но и человечество должно было в этом случае потерять от четверти до трети численности, причем в наиболее развитых странах пропорционально больше. Оно и понятно, где-нибудь в СССР или Франции есть, что взрывать. Химзаводы, атомные станции, плотины, арсеналы... А в Китае или Африке... В общем, понятно.

— Аарон предложил говорить с правительствами, — тихо сказал Монгол.

— Ерунда! — Покачала головой Лиса. — Ничего бы не вышло.

— Это я ему и сказал, — сейчас голос Виктора опять звучал ровно.

— Идея принадлежала мне, — Монгол опять встал из-за стола и пошел вдоль стены.

«Ну прямо товарищ Сталин...»

— Я рассуждал так, если о нас перестанут говорить, то никакой массовой охоты не получится, ведь абсолютное большинство людей о нашем существовании даже не подозревает. Правительства тоже еще до идеи тотальной войны не дозрели. Значит, лет десять-пятнадцать форы. И потом тоже... Поскольку говорить на эту тему нельзя, то и официальной войны не устроить. А спецслужбам всяко-разно одним не справиться. Еще лет двадцать-тридцать, а может быть и пятьдесят. Маги выживут. У нас же дети стали рождаться... Естественный отбор опять же... Выживут сильнейшие. Накопим опыт, поймем свои возможности, возникнет подполье... К нам привыкнут, смирятся с нашим существованием. Еще пятьдесят лет и...

— И вы смогли это сделать? — Лиса не верила своим ушам. Она что-то уже ухватила, разумеется, и чувствовала, что тайна окажется полна грязи и крови, но такое!

— Смогли, — кисло усмехнулся Виктор. — Если не считать моего возвращения, самое сильное колдовство со времен Моисея, я думаю. Вшестером волховали... Откат был такой, что все четыре мага, на свою беду оказавшиеся тогда на Тасмании, умерли на месте. Вот только...

— Ничего из этого не вышло, — договорила за него Лиса. — Я имею в виду ничего хорошего.

— И да, и нет, — не согласился с ней Монгол. — Мы же выжили.

— Вы выжили, — согласилась Лиса.

— Подполья толкового создать не удалось, — развел руками Наблюдатель. — А правительства оказались умнее, чем можно было ожидать. В восьмидесятые они еще поигрались в ручных магов, а потом...

— А потом договорились и начали войну на уничтожение. — Лиса отчетливо помнила, что в бокале должен еще оставаться коньяк, но его там не оказалось, и, не желая ждать, пока

Георг принесет ей другой, она просто создала себе точно такой же, но полный.

— Мы не учли научно-техническую составляющую, — признался Монгол. — Люди удивительно изобретательные существа.

— А к концу восьмидесятых...

— Я ушел раньше, — внес коррективу Виктор.

— Стыдно стало? — Ну почему, почему она не могла на него сердиться? Любить могла, а сердиться — нет.

— Немного, — кивнул Виктор. — Но не за это, а за то, что решил сыграть в политику.

— Ты был посредником между Аароном и СССР?

— Да, но потом понял, что с дьяволом нельзя играть в покер.

— Собирался вернуться?

— Собирался, но...

— Стал Августом и передумал.

— Это отдельный разговор, — с каким-то не совсем понятным Лисе чувством («Отвращение?» — спросила себя Лиса) — отрезал Виктор.

— Ну отдельный, так отдельный, — не стала спорить она. — Получается, что трое заплатили по счетам, один ушел, а двое...

— Аарон, Калигула, Нерон... — Как ни странно, это был Наблюдатель, и в его голосе звучала неприкрытая тоска.

— Они хотели, как лучше, — сказал Монгол, возвращаясь к столу. — Мы все тогда хотели, как лучше. Но они трое были, как бы это сказать...?

— Идеалистами, — повторила Лиса брошенное Виктором определение. — А вы значит, оказались реалистами?

— Выходит, что так, — пожал плечами Монгол. Называть его Агасфером не хотелось.

— И решили податься во власть, — понимающе кивнула Лиса. — А там свободы еще меньше, чем внизу. Западня.

— Западня, — согласился Наблюдатель.

— Ну ничего, — решительно заявила Лиса. — Мы это подкорректируем. Виктор вернулся. И ареопаг[86] в сборе. Всех построим! И ваших, и наших. Всех!

4

«Не говори, гоп, девушка...»

И в самом деле, быть богом оказалось совсем не так замечательно, как могло показаться в начале. Стать злым богом не получится. Это Лиса поняла сразу. И совесть не отменишь — «Но, может быть, со временем?» — и Он не даст. Не позволил в Берлине, не позволит и впредь. Но быть добрым богом оказывалось еще труднее. Ведь колдуй, не колдуй, а такого волхвования, чтобы сделать, как Им обещано — что-то было у Него про волков и ягнят — ей не по силам. И никому не по силам, ни каждому в отдельности, ни всем вместе. И значит, предстоял долгий, тяжелый труд. Дорога, конца которой Лисе было сейчас не рассмотреть, так далеко она простиралась в будущее. И если сердце не разорвется на этом пути, то уж душа, наверняка, превратится в шлак. И, как знать, не станет ли когда-нибудь добрая богиня Лиса суровой и безжалостной Чед?

«Чед?» — Мысль споткнулась об это странное слово, и сердце неожиданно пустилось в бег. Это было странно, и от этой странности сразу же стало тревожно и неудобно.

«Чед, — повторила она мысленно. — Чед...»

Слово было не знакомо, но, в то же время, ощущение было такое, словно принадлежало

оно какому-то языку, на котором Лиса говорила когда-то, давным-давно, может быть, в раннем детстве, а потом забыла. И если бы она не знала точно, что такого в ее судьбе не было и быть не могло, поверила бы чувству. Но разум такое принимать отказывался. И все же... Откуда-то Лиса твердо знала, что «Чед» — это имя, и что с именем этим хорошо сочетаются прилагательные «жестокий», «безжалостный», «отважный»...

«Бред какой-то...» — Но это не было безумием. Это было что-то другое. Знать бы, что! Но подумать над всем этим и многим другим не удалось.

— Вот так обстоят дела со вторым доказательством Баха. — голос Виктора вернул Лису к реальности, и она поняла, что разговор, ради которого они пришли в Город, еще не закончен.

— Только не говори, что у тебя есть опровержение и для первого, — Лиса сказала это почти автоматически, даже не задумавшись над смыслом своих слов. Но подсознание иногда бывает мудрее разума...

— Когда я ушел, — Виктор сделал вид, что не услышал ее реплики, и Лиса подумала, что лучше бы уж он сказал прямо, «Да, есть». Но он начал рассказывать, и ей вдруг стало страшно.

— Когда я ушел, — сказал Виктор. — Я начал экспериментировать с переходом. Не помню уже, чего я хотел тогда достичь, но потом мне пришел на ум Замок. Идея показалась соблазнительной, ведь Замок не Город, там никто не будет задавать вопросов. Как ни странно, «короткая дорога» обнаружилась гораздо быстрее, чем я думал. Я имею в виду, не через Чистилище, а прямо. И даже без выворачивания при этом черного неба в светлое. Похоже, мне удалось это сделать первому. И, как я теперь понимаю, не случайно. Таковы свойства моего Дара и сила, об истинных размерах которой я, если честно, в тот момент даже не подозревал. Однако, оказалось, что потенциально я сильнее Нерона, или тебя, Агасфер... Сильнее всех вас. Только раскрыться не успел. Возможно, просто не дорос. Но, когда я оказался в Замке, это стало очевидно, хотя уже и неактуально.

— Что ты имеешь в виду? — Монгол выглядел встревоженным. Впрочем, по ощущениям Лисы, сходные чувства испытывали сейчас и все остальные, не исключая, разумеется, и ее саму.

— Замок оказался интересным местом, — ответ Виктора, вернее, интонация с которой он произнес эти простые слова, заставили Лису напрячься.

— Ты что-то нашел? — спросила она, преодолевая внезапно охватившую ее робость.

— Я много чего там нашел, — кивнул Виктор, уничтожая потухшую трубку и извлекая из воздуха другую, дымящуюся. — Вы ведь знаете, в Городе ничего, кроме домов нет. А в Замке оказалась мебель... Старая, пыльная... Картины, ковры... — Он задумался на мгновение, как будто вспоминал, каким увидел Замок тогда, пятнадцать лет назад. — И книга. Дневник моего предшественника... Угадайте, — вдруг хитро улыбнулся Виктор. — Как она выглядела и на каком языке была написана?

— Не томи, — хмуро попросил Монгол.

— Да уж... — Лиса сделала себе еще одну сигарету, и, поскольку голова была занята другим, опять вышла эта декадентская дрянь с анашой.

— Ладно, — усмехнулся Виктор. — Не буду интриговать. Книга по виду вполне средневеково-европейская, но листы из папируса, а текст на арамейском со вставками на древнеегипетском — на самом деле, как я потом узнал, это был среднеегипетский язык — и, разумеется, иероглифами, и на аккадском или ассиро-вавилонском, клинописью.

— Ни хрена себе! — Кайданов, от волнения, вероятно, забыл, даже, что теперь он вроде бы немец.

— Тот человек прожил очень долгую жизнь, — Виктор реплику Германа проигнорировал точно так же, как до этого слова Лисы. Но Лиса на него не обиделась, не обиделся и Кайданов. Не до того было.

— Когда я смог прочесть его записки, а это, как вы понимаете, случилось не сразу, многие вещи предстали совсем в другом свете.

— Кто это был? — спросила Лиса. — Кто-то из пророков?

— Не знаю, — развел руками Виктор. — Он о себе почти ничего не написал. Я даже не понял, был ли он современником исхода из Египта, но думаю, что, скорее всего, нет. Полагаю, он жил много позже, хотя и в тех же самых местах... Впрочем, неважно. Важно другое. Он пришел в Чистилище, когда там ничего не было, ни Города, ни Замка. Пришел, как пришли сегодня мы. Во плоти. Поселился в пустыне и жил там очень долго, исследуя природу своего дара и границы силы. Собственно, об этом он и писал. Остальное только между прочим.

— Тогда откуда же взялся Город? — Наблюдатель не был удивлен, он был потрясен.

— Город возник позже, — объяснил Виктор. — Об этом он, к сожалению, тоже почти ничего не написал. Но суть событий понятна. Пришли маги, их было мало, потом больше. Возник Город, позже появились Замки.

— Замки? — Лиса обратила внимание на множественное число. Впрочем, судя по реакции остальных участников «собраний», не она одна.

— Замки, — подтвердил Виктор. — Я помню, из Города виден только один. Но с башен моего замка видны еще два. Впрочем, вероятно, их много больше. Когда я добрался до второго, то увидел еще один, которого не мог видеть прежде...

— Кто были эти маги? — требовательно спросил Наблюдатель. — Когда? Он написал про них что-нибудь существенное?

— Когда, не понятно, — покачал головой Виктор. — Это странно, но они его практически не заинтересовали, хотя он с ними, по-видимому, общался. Слишком разные. Я думаю, в этом дело. Он был уже скорее бог, чем человек, а они... Мне кажется, они напоминали нас... Случайные получатели благодати... И когда не ясно. Возможно, наше раннее средневековье. Пятый век, шестой... А кто они были... Люди и, судя по их зданиям, жившие уже в позднем средневековье, но это были не наши люди, хотя и похожи на нас.

— Что значит, не наши? — спросил Кайданов.

— Ну если у нас, допустим, пятый век, а у них пятнадцатый...

— Твою мать, — сказал Наблюдатель. — Другая планета? Иная реальность?

— Не знаю, — покачал головой Виктор. — Но долго они не продержались. В конце концов, Город опустел, опустели и замки. И тот маг снова остался один. Последняя запись невразумительна. То ли он умер, то ли ушел и не вернулся. Но куда ушел, если, конечно, ушел, я не знаю.

— Но книга осталась, — напомнила Лиса.

— Да, — согласился Виктор. — Книга дорогого стоила. Она сократила мне дорогу к изучению очень многих вещей.

— Например? — Лиса вдруг вспомнила, одну из реплик Виктора, брошенную им, когда они в первый раз встретились в Берлине. — Он мог создавать...?

Но вот произнести вслух это последнее слово оказалось почти невозможно. Впрочем,

Виктор ее понял и так.

— Да, — сказал он. — И тогда я создал...

— Меня, — сказала Дженовра.

— Да, ты была первой, — кивнул Виктор с таким выражением, как если бы соглашался, что это он помыл посуду или приготовил обед.

«Бог? Он бог?!»

— Потом был Марий...

— Тело, — неожиданно сообразила Лиса. — Ты создал тела, образы... А души? Души ты тоже...?

— Умница! — Грустно усмехнулся Виктор. — Ты все-таки очень умная, Лиса. Что есть, то есть. Не отнимешь. В самую точку попала! Иногда удавалось создать личность, иногда — нет. Слуги, работники... Почти люди, но... А вот соратников, настоящих людей, если вы понимаете, о чем я говорю, создать удавалось крайне редко. И каждый раз ощущение было такое, что и не я вовсе их создаю, и даже не создаю, на самом-то деле, а только... Как сказать? Оживляю? Возвращаю? Воплощаю? Не знаю. Но подсказка была, и грех было ею не воспользоваться. Не задуматься о том, что это может означать. И их характеры, и... Лиса ты слышала, как колдовала Дженовра?

— Да, — сказала она. — Слова...

— Поняла?

— Нет, но...

— Знакомая речь, хоть и чужая, — кивнул Виктор.

— Да, — призналась Лиса и вдруг спросила. — Кто такая Чед?

— Чед? — Переспросил Персиваль. — Чед гха шаяад?

— Безумная? — откуда это взялось Лиса не знала. Просто вдруг возникло и сорвалось с языка.

— По значению верно, — согласился Персиваль. — По смыслу нет. Но я не знаю, как сказать.

— Бесстрашная, — тихо сказала Дженовра. — Так и было.

— Что?! — Не выдержала Лиса. — Что было? Что?!

5

Кайданов даже вздрогнул. До сих пор Лиса-Дебора говорила спокойно, пожалуй, даже равнодушно. А тут, как взорвалась. Но и ему, если честно, было сейчас так не хорошо, что вздрогнуть-то он вздрогнул, но на Лису даже внимания не обратил. Смотрел на Виктора и Дженовру, переводя взгляд с одного на другую и обратно, ждал продолжения и пытался понять, о чем они говорят, и почему так болит сердце?

— Ты спросила о первом доказательстве Баха, — сказал Виктор, как-то странно глядя при этом на Лису.

«О чем он, ради всех святых?» — удивился Кайданов, возвращаясь к действительности. Рассказ Виктора и этих Первых расстроил его не на шутку, заставив снова пережить самые тяжелые минуты своей жизни, но продолжение разговора отдавало полным сумасшествием, бредом, ужасом, дурным сном.

— Мне казалось, что старик Иаков верит в бога, — Лиса тоже выглядела расстроенной, едва ли не разбитой, и это было странно, даже пугающе, после холодного равнодушия Деборы, к которому Герман не то, что бы успел уже привыкнуть, но как-то притерпелся.

— А мне не нужны доказательства, — покачал головой Виктор. — *Credo quia absurdum.*

[87] Я верю, потому что верю. Но если тебе, Лиса, нужно что-то большее, чем ощущение правильности веры в отсутствии доказательств и обрядовости... — он смотрел на нее, но у Германа было такое ощущение, что говорит Виктор и с ним тоже, а, может быть, как раз именно с ним, или только с ним. — Впрочем, если хочешь... Все, что нужно, ты, скорее всего, можешь найти в самой себе. Прислушайся, и услышишь. Когда становишься богом, Его присутствие ощущается, как... Не знаю, как это объяснить. Он здесь, хотя физически... Впрочем, а должен ли Он иметь физическое воплощение? Но Он есть, ты просто еще не успела...

«Что за бред! Они что, всерьез? — Менее всего Кайданов был готов сейчас к богословскому спору. — Богоискатели, хреновы!»

— А как же быть с первым доказательством?

— А если случай? — усмехнулся Виктор, и вот эта усмешка, вернее, не сама она, а то, какое чувство почудилось за ней Кайданову, оказалась последней каплей. Что-то сдвинулось в голове, и он вдруг почувствовал настоятельную потребность узнать правду, от которой только что готов был бежать сломя голову, как последний трус. Но Уриель не был трусом. Его можно было счесть подонком или сумасшедшим, но вот бояться он не умел.

«Или все-таки умел? Страх ведь разный бывает...»

— А что на самом деле? — спросил он вслух.

— На самом деле... — Повторил за ним Виктор, но к Герману так и не обернулся, по-прежнему глядел на Лису и с ней одной как будто только и вел разговор, совершенно позабыв о присутствующих в кофейне Гурга Наблюдателе и Монголе, и о них с Рэйчел, и о Дженебре с Персивалем. — На самом деле...

Виктор явно колебался.

— Что ж, — сказал он после долгой паузы и вдруг повернулся к Кайданову. — Жизнь, Герман, сложная штука. — Судя по всему, Виктор уже взял себя в руки и говорил теперь в обычной своей ироничной манере. — Это трюизм,[88] разумеется, но, ты уж извини за то, что напоминаю о банальных истинах. За каждым простым вопросом прячется другой, такой, на который двумя словами не ответишь. Ты действительно хочешь знать?

— Хочу, — кивнул Кайданов.

«Я хочу?!»

— А если ответ тебе не понравится?

— Значит, так тому и быть, — ответила за Кайданова Лиса. — Если знаешь, скажи. А если не хочешь, то тебе не следовало и начинать.

— Персиваль, — вместо ответа Виктор повернулся к своему лейтенанту. — Ты... ты останешься на хозяйстве вместе с Георгом.

Показалось ему, или Виктор действительно на ходу изменил намерение и сказал Персивалю совсем не то, что предполагал сказать первоначально? Разумеется, Кайданов уже знал, что «читать» Виктора, если тот этого не хочет, не может никто. Ни он, ни Рэйчел... Разве что, Лиса... Впрочем, сейчас он почему-то был уверен, что все понял правильно. Виктор хотел попросить Персиваля о чем-то таком, что тому делать было неприятно, трудно, или не с руки, но в последний момент перерешил. Другой вопрос, зачем же начинал, если заранее знал, что делать этого не надо?

«Забыл? Растерялся? Думает о другом?»

— Дженебра, — между тем, продолжил Виктор. — Ты могла бы...?

«Интонация...» — Кайданову решительно не понравилась интонация, с которой

обращался к своим людям Виктор. Он...

«Он перед ними извиняется?»

— Хотите показать им Исток? — спросила, поднимаясь со стула, Дженевра. Голос ее звучал ровно, но женщина очевидным образом была неспокойна. Она даже побледнела, чего Кайданов от этой беспощадной охотницы ожидал менее всего.

— Считаешь, не надо? — Виктор взял со стола бокал и одним глотком выпил оставшийся в нем коньяк.

— Наверное, вы правы, — кивнула Дженевра. — Они должны знать.

«Да, что же это такое?! О чем они?»

— Так страшно? — спросила Лиса, явно машинально доставая из воздуха очередную свою бредовую сигарету.

— Поймешь, когда увидишь, — пожала плечами Дженевра. — Другой вопрос, захочешь ли придти туда снова? Я согласна.

— Персиваль? — Спросил Виктор.

— Я остаюсь на хозяйстве, — холодно улыбнулся в ответ Персиваль, но глаза...

«Глаза не лгут, — отметил Кайданов. — Поэтому я ношу очки».

— Спасибо.

— Не за что.

— Есть за что, — Виктор оглядел зал кофейни и остановил взгляд на широком простенке между двумя окнами. — Как считаешь, Дженевра?

— Минуту! — Ответила женщина и медленно подошла к простенку. Она ничего не стала делать, а просто стояла почти вплотную к стене и молчала. Минуту, две, три...

Молчали и все остальные. Вероятно, у каждого имелась на то своя веская причина, но Герман молчал, потому что просто не знал, что сказать. Не то, чтобы у него не было вопросов, но все они казались ему неуместными сейчас. И комментировать было нечего, потому что, на самом деле, ровным счетом ничего не происходило. Или, вернее, происходило, но вот говорить об этом явно не следовало. Герман даже Рэйчел ничего не сказал, только взглянул коротко в глаза и улыбнулся, хотя простое это движение неожиданно потребовало от него такого большого усилия, как если бы прыгал через пропасть.

«Вот ведь...»

— Да, — внезапно сказала Дженевра, отступая на шаг назад. — Пожалуй... Откроете сами или...?

— Или, — сразу же откликнулся, подходя, к Дженевре Виктор. — Ты же знаешь, в этом деле лучшие ты и Марий. А мы с Парсевалем будем держать края.

— Тогда, пошли, — коротко бросила Дженевра и в тот же момент «вспыхнула». Ее аура оказалась сейчас настолько яркой, что буквально ослепила Кайданова, но если он чему в жизни и научился, так это терпеть боль.

А между тем на белой оштукатуренной стене внезапно и совершенно бесшумно возникла вертикальная огненная линия.

Кто-то вскрикнул — «Кто?» — но, по-видимому, не от неожиданности, а от боли. Ведь никому из них еще не приходилось находиться так близко от работающего в полную силу мага, обладающего даром невероятной мощи. И ведь «работала» уже не одна только Дженевра. Всего в двух метрах от нее загорелся уже мощный «факел» Персиваля, а в следующее мгновение воздух вокруг них сгустился и затрепетал, и Кайданов понял, что в дело вступил Виктор. Впрочем, Герман чувствовал лишь отголоски его волшбы. Виктор

колдовал так, что если бы Кайданов не знал об этом заранее, так бы и не понял.

«Но ведь мы в Городе!» — Однако это была последняя и не самая важная мысль. Потому что в следующее мгновение прямо в стене открылся круглый проход, за которым Кайданов увидел золотую — во всяком случае, так ему показалось — дорогу, больше похожую, впрочем, на узкий слабо светящийся мост без перил, уходящий в неведомую, вот уж, во истину, туманную даль.

— За мной! — Резко скомандовала Дженовра и шагнула вперед.

«Таким голосом на копыта ведут...» — Мысль была настолько быстрой, а новые впечатления настолько яркими, что занятый ими Кайданов даже не подумал, откуда она вдруг взялась, и почему вместо вполне реальных пулеметов, подумал он именно о копытах, уже лет триста, как совершенно неактуальных для его мира.

— Я последний, — так же коротко, но совершенно с другой интонацией бросил Виктор.

— Я иду, — и Лиса шагнула вслед за Дженоврой.

«Ну кто бы сомневался», — Кайданов взял Рэйчел за руку и они пошли за вошедшим в портал сразу за Лисой Монголом. За ними, судя по дыханию, шел Наблюдатель, а замыкал группу, разумеется, Виктор.

Едва ступив на «мост», Герман понял, что идти по нему можно только по одному. Золотая лента, разматывавшаяся в неверную скрытую туманом даль, для прогулок под руку была, пожалуй, узковата. Поэтому он сразу пропустил Рэйчел вперед, и в следующее мгновение осознал наконец то, что уже пару секунд сообщали ему все его органы чувств, считая, разумеется, и те, для которых умники из Бюро Документации так и не удосужились подобрать приемлемых названий. Полотно дороги — или это все-таки был мост? — было нематериально. Во всяком случае, ощущение было такое, что идешь по чуть пружинящей под ногами, тонкой, как шелк, или, вернее, как водяная пленка, и такой же полупрозрачной ленте, словно сотканной из золотистых лучей света. А внизу, под ногами, и наверху, над головой, колышутся пологие волны тумана, окрашенные в палевые с нежным жемчужным сиянием цвета, скрывающие от глаз две угадываемые одной лишь душой бесконечности, между которыми и протянулась их «золотая» тропа. И все. Ни тепла, ни холода, ни дуновения ветра, ни звука. Впрочем, нет. На пределе слышимости — не ушами, а скорее, сердцем — угадывался какой-то легкий, едва различимый звон, как от мириад серебряных колокольчиков, раскачивавшихся в невообразимой дали.

Шли молча и осторожно, хотя, судя по всему, если идти так, как они, цепочкой, один за другим, то никакой опасности дорога не представляла. Не бревно мокрое и не натянутый над площадью канат.

«Метра, пожалуй, полтора...»

Однако ощущение бездонной пропасти под ногами к самонадеянности и бравате не располагало. К оптимизму, впрочем, тоже. Однако заботило теперь Кайданова другое. «Мост» казался бесконечным, и, следовательно, был, как минимум, очень длинным. А значит, и идти по нему им предстояло долго. А насколько хватит сил и выдержки у Рэйчел, Герман не знал.

— Это недолго, — как будто угадав его мысли, сказал откуда-то сзади Виктор. — Это только видимость. Скоро придем.

Слова были ободряющими, но вот интонация...

«Чего он боится? Или это все-таки не страх, а что-то другое?»

Кайданов отвлекся на мгновение, занятый мыслями о том, что же такое их ждет там,

впереди, что все, кто здесь уже побывал, испытывают по отношению этого нечто, если и не страх, то какие-то другие, но явно негативные чувства; отвлекся и пропустил момент, когда дымка рассеялась, или просто исчезла, и перед глазами открылась странная картина, ментально превратившаяся поселившуюся в сердце тревогу, в ноющую, как не зажившая рана, тоску. Зрелище, и в самом деле, было тоскливое. Сверху низкое холодное небо без солнца и звезд, внизу голые серые скалы, и огромное черное пятно с крошечным мазком зелени посередине. А мост теперь походил на сегмент исполинской дуги, плавно, с очень малым углом склонения опускавшейся с километровой, надо полагать, высоты к тому самому пятнышку зелени, за который сразу же цеплялся взгляд на фоне унылой серости скал и устрашающей черноты похожего на чернильную кляксу пятна.

Что из себя представляет эта странная бугристая чернота внизу, Кайданов рассмотреть не успел. С пространством и временем здесь творились настоящие чудеса, а видимые размеры и расстояния на поверку оказывались сплошной иллюзией. Вот вроде бы, только что шел по незаметно выгибающейся тропе над невразумительным, но отчего-то неприятным этой своей чернотой пространством к далекому островку зелени, а в следующее мгновение уже сходишь по довольно крутому, но не скользкому под подошвами туфель узкому полупрозрачному пандусу на вершину невысокого сплошь заросшего зеленой травой холма. Такие вот метаморфозы. Но не в этом дело.

Холм был совершенно пуст, однако Кайданов его и не рассматривал. Последние шаги по золотой тропе он сделал, не отрывая глаз от того, чем обернулось вблизи черное пространство «пятна», со всех сторон окружавшее зеленый остров. Воздух был абсолютно прозрачен, как в ясный зимний день, а высоты здесь было максимум метров пятнадцать, так что глаза Кайданова, для которых и ночная тьма могла обернуться, пожелай он того, питерской белой ночью, различали все до мельчайших деталей на многие десятки метров вокруг. И зрелище это было не то, чтобы страшное — Герман был ведь не из слабонервных — но до ужаса мрачное, только усилившее и без того затопившую его душу тоску. Перед ним — на сколько хватало глаз — раскинулось поле давным-давно отгремевшей битвы. Кто здесь воевал и с кем, знать было не дано. Одно было очевидно: здесь сражались и умирали люди. Во всяком случае, похожи они были именно на людей, однако сказать что-то более определенное не представлялось возможным. На черной, как бы сожженной и запекшейся от невероятного жара земле застыли в разнообразных позах, в которых настигла их общая судьба, тысячи и тысячи превратившихся в черные изваяния фигур. Но Кайданов «видел», знал — почувствовал это сразу же, с первого взгляда, и принял без рассуждений и вопросов — что это не скульптуры, выточенные из черного, как антрацит, камня, а именно мертвые люди. И еще одну вещь он понял, едва осознав, что, на самом деле, видят его глаза. Грандиозное сражение это произошло очень давно. Не сто лет назад, и даже не тысячу... Очень давно. И было оно последним для всех, кто сошелся в смертельной схватке на этом, таком же мертвом теперь, как и они сами, поле. Победителей не было, если не считать таковой смерть, которая и подарила вечности и правых, если таковые здесь были, и виноватых. Вечность, вот о чем говорили это место, и это поле, и черные эти фигуры. И магия... Магия, убившая их всех и сохранившая их такими, какими они встретили свой последний миг.

Рассматривать разбросанные по полю фигуры можно было до бесконечности, но Кайданова вернуло к действительности движение. Не то, чтобы он окончательно освободился от впечатления, сразу и властно захватившего душу и практически мгновенно

превратившегося в настроение и состояние. Он все еще пребывал как бы внутри тяжелого сна, но когда Дженевра двинулась вниз по склону, он это увидел и ощутил необходимость следовать за ней. Впрочем, состояние Кайданова было гораздо более сложным, чем можно ожидать от переживаемого наяву кошмарного сна. Как бы то ни было, он сохранил некоторую свободу воли, и поэтому, вероятно, не пошел бездумно, как баран какой-нибудь, за женщиной-воином, а шагнул сначала к Рэйчел, взял ее за руку, и уже затем, оба они молча пошли за синеглазой валькирией туда, куда она держала свой путь.

Они медленно спустились с холма и пошли между превратившимися в черный камень телами. Впрочем «антрацитом» стала не только живая плоть. Одежда, оружие, кольчуги и шлемы, древки копий и знамен, и сами эти наконечники и знамена, все было теперь черным и вечным, отдаленно напоминая какой-то грандиозный, созданный большой фантазией скульптора и архитектора военный мемориал. Однако и эта мысль всего лишь прошла по краю сознания и исчезла, поглощенная мощным, ни на что не похожим впечатлением, которое производило открывшееся перед ними поле брани. Смерть, вечность, тишина...

Тишину нарушила Дженевра.

— Это я, — сказала она, останавливаясь. — Тогда меня звали Шаед Ши.

«Не знающая страха...» — Кайданов увидел распростертую на черной земле фигуру и сразу же понял, что все так и есть. Это была Дженевра, хотя даже понять, что это женщина, а не мужчина, можно было только по оставшемуся открытым лицу с тонкими изящными чертами и распахнутыми в вечность черными глазами.

Женщина лежала, упав навзничь, держа в раскинутых в стороны руках что-то наподобие короткой алебарды и круглый щит. Тело ее было скрыто под окаменевшими складками короткого черного плаща, но ноги и руки, закованные в кольчатую броню были хорошо видны. И еще, разумеется, лицо... Шаед Ши улыбалась.

— Славная смерть, — неожиданно для самого себя сказал Кайданов и склонил голову в память о бесстрашной женщине, которая много тысячелетий назад с улыбкой на губах встретила смерть, уже поймав перед этим своим когда-то живым и, наверняка, красивым телом два колющих удара листовидных копий в грудь, рубящий — мечом в левое бедро, и стрелу, обломок которой, по-прежнему, торчал из ее правого плеча.

— Идите, — сказала Дженевра каким-то неживым голосом. — Идите дальше. А я побуду с ней.

Она так и сказала, и в ту же самую секунду Кайданов почувствовал, что, действительно, должен идти. Это не был зов или что-то в этом роде, позвавшее его вдруг в глубину поля мертвых. Это было похоже на то, как если бы кто-то обвязал его сердце тонкой, но не поддающейся разрыву нитью, а потом тихонько потянул... Куда?

«К себе...» — И Герман пошел, отметив, однако, краем сознания, что Рэйчел по-прежнему идет рядом, хотя ее руку он больше в своей не держал.

Он не смог бы сказать, сколько времени брели они вдвоем среди хаоса, образованного черными фигурами, среди которых попадались, как он теперь видел, не только люди, но и животные. Кони, псы, волки и тигры... и даже одна огромная птица, показавшаяся Кайданову похожей на горного орла. А потом он увидел себя и сразу же понял, что это он и есть, хотя внешне на этого человека не был похож ни нынешний Герман, ни тот, каким родила его земная мать.

Мужчина стоял, широко расставив ноги и высоко вознес над головой длинный двуручный меч. Грудь его была похожа на шкуру дикобраза, так много стрел пробили

длинную — до колен — кольчугу, но на лице не было и следа муки, вызванной болью, а только слепая ярость дерущегося не на жизнь, а на смерть бойца. Так и умер. Стоя. Вознеся свой тяжелый меч в последнем замахе.

Кайданов без интереса взглянул на тех, против кого сражался в свой последний миг Дег Ях Шанно, и посмотрел на женщину, к которой подошла Рэйчел. Женщина эта, по-видимому, сражалась, стоя спиной к спине с Дегом, но в тот момент, когда к ним пришла смерть, она уже сидела на земле, опираясь спиной о правую ногу мужа. Она обессилела от ран, но была еще жива и в последнем усилии — а то, что оно последнее, и сомневаться не приходилось — поднимала навстречу врагам свое короткое копьё.

«Шир, сладкая моя Шир...»

И в этот момент к нему пришло понимание.

Впрочем, не совсем так, или совсем не так. Сначала пришло чувство.

«Нет!» — почувствовал Кайданов и только тогда понял, что никогда не любил и не будет любить Шир Сес Шаар. Ее любил другой. Но Дег мертв, и возлюбленная его Шир тоже. Давно. Долго. Так долго, что седая древность Земли кажется по сравнению с этой бездной времен близким «вчера». А он, Герман Кайданов, любит и всегда будет любить Рэйчел Белброу — «Белброу... Белобров?» — и...

«Да, — понял он, когда вслед за чувством пришло понимание. — Так все и есть».

И он выпрямился и окинул взглядом это ужасное место. И у него получилось, потому что не мог же он, на самом деле, стоя посреди всех этих лежащих, сидящих и стоящих фигур, увидеть все поле разом, да еще и так, что, видел его как бы со всех сторон, различая при этом любую даже самую мелкую деталь. Не мог, но смог. Увидел, и значит, у него действительно получилось. И вот тогда понимание стало наконец знанием.

Не важно, что бойцы, кем бы ни были они в жизни и в смерти, сражались примитивным оружием средневековья. На самом деле, и сейчас, на пороге двадцать первого века, произвести на Земле такую сталь не смогла бы ни одна страна. И никакие высокие технологии не помогут, потому что люди умеют лить отличную сталь, но то, чем сражались эти бойцы, когда бы и где они ни жили, обычной сталью не было. Физика и химия были здесь ни при чем, потому что эту «сталь» не плавил, а создавал. И раньше и теперь, все, что находилось на этом поле, было пронизано токами бессмертной волшбы, над которой не властно даже время.

Все эти люди были магами, вот в чем дело. Не в их жизни и смерти, а в том, что являлось сутью этой жизни и оказалось в конце концов причиной гибели.

«Магия...»

Никто, вероятно, не сможет уже объяснить, что произошло на этом смертном поле на самом деле. Однако Кайданов понял главное. Здесь случилось страшное и грозное чудо, всю огромность которого отказывалась принять даже его не вполне человеческая душа. В сущности, могло случиться и так, что само это бескомпромиссное сражение воплотилось тогда в волхование невероятной мощи, сразившее и тех, кто его породил, но сохранившее их для вечности. А дальше... Как ни странно, картина дальнейших событий сложилась у Германа сразу, и он принял ее без колебаний, даже сознавая, что, вполне возможно, все было не так, а по-другому. Но ему не нужны были подробности, он знал главное.

Миры — и неважно, планеты ли это, летящие вокруг звезд, удаленных друг от друга на тысячи или миллионы световых лет, или иные реальности, физической природы которых он не мог себе даже представить — миры эти не изолированы и отдельны. Они встречаются

когда-то и где-то, случайно или нет, соприкасаются, проникая один в другой, что, возможно, случается крайне редко и с разной степенью взаимопроникновения. Но когда это все-таки происходит, тогда-то в мир и приходит магия. Потому что Исток не мертв, и души павших на этом скорбном поле волшебников не исчезли без следа. Они прорываются в новый мир и «ищут» тех, кто готов принять этот тяжкий и великий дар, даже если сами люди этого не желают и не подозревают о том, что такое возможно. Не душу, а только часть ее, но и этого достаточно, потому что тот Кайданов, который впервые ощутил в себе необычную силу в далеком уже 1971 году, и тот, каким он был до этого, два совершенно разных человека. Конечно, в нем самом, как и в Рэйчел или Лисе, оставалось слишком много человеческого. И этим все они отличались от Дженеvры и Персиваля, и от других «людей» Виктора, которые, даже став настоящими людьми, несли в себе гораздо больше черт породивших их сущностей, чем можно было найти в Монголе, Наблюдателе или, скажем, в Зигфриде. Однако и это неважно. Важно другое. Убьют их — его, Виктора, Лису и Рэйчел — убьют всех прочих магов, как убивали и убивают их, по-видимому, не только сейчас, на Земле, и, возможно, не только на Земле, ничего это не изменит. Никуда магия не денется. Она все равно вернется. Когда-нибудь, где-нибудь, но вернется и, тогда, начнется новый виток бесконечной войны.

«Лиса права», — решил он и сразу же увидел ее, застывшую над телом упавшей лицом вниз женщины. Воительница не носила брони, и волосы ее были не прикрыты. И сражалась она не мечом. В вытянутой вперед в последнем порыве руке был зажат колдовской посох, такой же, как и у рвавшегося к ней сквозь ад последнего сражения мужчины, рядом с которым застыл сейчас Виктор.

Ты права, — сказал Герман, и Лиса сразу же повернула к нему голову и посмотрела прямо в глаза.

Ты понял?

Да, это единственная возможность.

Противостояние следует прекратить, — согласно кивнул Виктор. — И ведь у нас уже есть дети, которые никак не связаны с Истоком.

Делай, что должно, — Рэйчел подошла к Кайданову и он обнял ее за плечи.

Но будет так, как захотим этого мы, — неожиданно улыбнулась им Лиса и, оставив великую Чед своей посмертной судьбе, пошла к уже идущему ей навстречу Виктору.

Декабрь, 2007 — Январь, 2009.

Примечания

1

В отличие от обычной бутылки бутылка Клейна не имеет края, а ее поверхность нельзя разделить на внутреннюю и наружную. Та поверхность, которая кажется наружной, непрерывно переходит в ту, которая кажется внутренней, как переходят друг в друга две, на первый взгляд различные, «стороны» листа Мебиуса. Бутылку построил в 1882 году немецкий математик Феликс Клейн. Обычная бутылка имеет наружную и внутреннюю стороны. Лист (или лента) Мебиуса пример односторонней топологической поверхности, с одним краем.

2

Хаггард (Haggard) Генри Райдер, английский писатель и публицист. Хозяйка Блосхольма — один из исторических романов Хаггарда.

3

Магендовид — щит Давида (идиш), шестиконечная звезда. Часто появлялась на старых католических храмах, например, в Италии.

4

Райт, Г (1971). Свидетель колдовства; Хэнзел Ч. (1970). Парапсихология; Sudre, R (1962). Parapsychology; Pratt J. G. (1964), The parapsychology: an insider's view.

5

Академик В. М. Бехтерев среди прочего исследовал в начале 20-х годов XX века и экстрасенсорное восприятие.

6

Зинченко В. П., Леонтьев А. Н. и другие (1973). Парапсихология: фикция и реальность Вопросы Философии, 9.

7

В 1940 году С. Я. Турлыгин опубликовал результаты своих опытов, проводимых в Лаборатории биофизики Академии наук СССР, руководимой академиком П. П. Лазаревым В 1965-68 годах, в отделе бионики Института автоматики и телеметрии Сибирского отделения АН СССР руководимом доктором технических наук В. П. Перовым (г Новосибирск) была выполнена обширная программа телепатических исследований на человека и животных.

8

Нинель Калугина из Ленинграда прославилась демонстрацией эффектов телекинеза. В 1969 году на Ленфильме был снят о ней научно-документальный фильм. Роза Кулешова была известна в семидесятые годы, как феномен, наделенный эффектом т. н. кожного зрения.

9

Академик А.Р. Лурия — видный советский психолог, соавтор статьи в Вопросах Философии.

10

Первые — великие маги 60-х-80-х годов двадцатого века. Предположительно их было от пяти до семи человек. Определенно, Первыми были Нерон, Агасфер, Конфуций, Аарон Калигула, предположительно — Старик Иаков.

11

Модус операнди — способ действий (лат.).

12

Уриэль — один из двух карающих ангелов Страшного Суда, наделенных властью судить и карать.

13

Лимонадный Джо — чехословацкий кинофильм (1964). Музыкальная пародийная комедия-вестерн. Экранизация произведения, автор которого — Иржи Брдечка.

14

Кататония (от греческого katatonos — натянутый), психическое расстройство с преобладанием двигательных нарушений (ступор и возбуждение). Кома (коматозное состояние) — остро развивающееся тяжелое патологическое состояние, характеризующееся прогрессирующим угнетением функций ЦНС с утратой сознания, нарушением реакции на внешние раздражители, нарастающими расстройствами дыхания, кровообращения и других функций жизнеобеспечения организма.

15

Стомпинг кик — удар ногой сверху вниз. Один из приемов боевого искусства «Крав мага» (контактный бой). Крав-мага была создана Ими Сдэ-Ором (Лихтенфельдом), который разработал эту систему в период его военной карьеры в качестве шеф-инструктора по рукопашному бою сил самообороны Израиля.

16

Оператор — маг способный работать (оперировать) в электронных сетях.

17

Имеются в виду плотины Кебан в Турции и Табка в Сирии.

18

На самом деле Л.И. Брежнев (1907–1982), как известно, умер в 1982 году.

19

Осип Эмильевич Мандельштам (1891, — 1938,) — русский поэт.

20

На авиабазе Энгельс дислоцированы 121-й гвардейский Севастопольский и 184-й гвардейский Краснознамённый Ордена Ленина Полтавско-Берлинский тяжёлые бомбардировочные авиационные полки, имеющие на вооружении стратегические бомбардировщики Ту-160 и Ту-95МС соответственно.

21

ЦИИД — центр информации и документации.

22

Вы говорите по-немецки? / Да, немного. / Ну ты, Махно, зверь, а не человек. / Минуту.

23

Чего это он?

24

Писать побежал.

25

В/ч — военная часть.

26

ГСВГ — Группа Советских Войск в Германии, штаб которой находился в г. Вюнсдорфе, в сорока километрах от Берлина.

27

Курт Вальдхайм (Австрия) — Генеральный Секретарь ООН (1972–1981 годы).

28

И вперед с песнями.

29

ВКА — Федеральное ведомство криминальной полиции ФРГ (Бундескриминальамт) НДП — Национально-демократическая партия. БФВ — Федеральное бюро защиты конституции (Bundesamt für Verfassungsschutz или VfV), федеральная контрразведка ФРГ. ЛФБ — Государственное бюро защиты конституции (Landesamt für Verfassungsschutz) — контрразведка федеральной земли.

30

Время по Гринвичу определяется, как UTC+0 (UTC — универсальное координированное время), а в Германии оно, соответственно, исчисляется, как UTC+1.

31

Эсхатология — система взглядов и представлений о «конце света».

32

Modus operandi — способ действия (лат.).

33

Без комментариев (англ.)

34

Лорелея — имя одной из Дев Рейна, которые прекрасным пением заманивали мореплавателей на скалы, как сирены в древнегреческой мифологии.

35

Внутри здания Рейн-Майнского Аэропорта (Rhein-Main-Flughafen) во Франкфурте-на Майне проходит монорельсовая дорога «Skyline», связывающая второй и первый терминалы.

36

В данном случае, имеется в виду междугородняя автострада. Автобаны А3 и А5 проходят в непосредственной близости от Франкфуртского аэропорта.

37

Эс-бан — от немецкого S-Bahn (сокращение от Stadtschnellbahn — городская скоростная железная дорога или от Stadtbahn — городская железная дорога). S-Bahn связывает аэропорт с железнодорожным вокзалом Франкфурта.

38

Нюхач — маг, работающий на правительство и «вынюхивающий» «горячих» («светящихся»), т. е., работающих — колдующих магов.

39

Сагус (Sagus, лат.) — колдун.

40

Откат — вторичный эффект волхования, воздействующий на магов, оказавшихся в зоне действия чужого колдовства. Откат имеет чрезвычайно разнообразный разный характер в зависимости от индивидуальных особенностей мага, на которого воздействует. Сила отката зависит от силы волхования. Радиус действия зависит от типа и силы колдовства.

41

Pro7, RTL — частные телеканалы немецкого телевидения; ARD — первый канал немецкого телевидения ZDF — второй канал немецкого телевидения.

42

Хевра Кадиша — израильская похоронная компания. По еврейскому закону умершего положено хоронить в тот же день, но до захода солнца.

43

Досы (дос) — презрительная кличка религиозных евреев, принятая в Израиле и США среди секулярных евреев.

44

Ноблес облидж — положение обязывает. С французского: La noblesse oblige. Буквально: Дворянство обязывает (noblesse — дворянство, от фр. noble — благородный). В русском языке выражение укоренилось в измененном виде: «Дворянство» («благородство») было заменено на «положение».

45

Вита — жизнь (лат.).

46

Модус вивенди (способ существования, лат.) — 1) временное соглашение между сторонами; 2) фактическое состояние отношений, признаваемое заинтересованными сторонами.

47

Фрейя, Фреа («госпожа») — в скандинавской мифологии богиня плодородия, любви и красоты

48

Maybach — автомобиль, производившийся фирмой Карла Майбаха, прекратившей выпуск автомашин в 1941 году. В 1961 права на Maybach приобрела компания Daimler Benz, которая в конце 1990-х возродила забытую марку.

49

Гвалт — сленг восточно-европейского подполья, слово образовано от русского «гвалт» (шум, крик) и еврейского (идиш) «гевалт» (тревога! Караул! Пожар!).

50

Модус проседенти (лат.) — образ действий, порядок выполнения каких-либо обязательств.

51

Шараф или хамсин (араб., ивр.) — жаркий ветер пустыни, несущий с собой жару и песок.

52

Стрига (Striga, лат.) — колдунья, ведьма.

53

Сага (Saga, лат.) — ведьма, колдунья.

54

Моше Пьяде (1890–1957) — деятель югославского партизанского движения, генерал-майор, один из ближайших соратников Иосипа Броз Тито, после Второй мировой войны — государственный деятель Сербии и Югославии.

55

Мост Аленби — контрольно-пропускной пункт на иордано-израильской границе.

56

Шин Бет — организация, известная также как Служба общей безопасности или Шабак по первым буквам, Ш и Б, слов «служба безопасности», отвечает за ведение контрразведывательной деятельности и обеспечение внутренней безопасности в Израиле.

57

Гуш Дан — дословно надел Дана (одного из двенадцати колен, т. е., племен Израилевых), в настоящее время название административного района, вплотную примыкающего к Тель-Авиву и образующему вместе с ним и рядом других административных единиц т. н. большой Тель-Авив.

58

ЦАХАЛ — армия обороны Израиля.

59

Псагот — подразделение 5114 (батальон Псагот), одно из подразделений электронной борьбы.

60

Тель Нофе — база ВВС Израиля.

61

Неаполь и Брюссель — в Брюсселе находится штаб-квартира НАТО, в Неаполе расположен штаб 6-го флота ВМС США.

62

Кирия — место расположения израильского генштаба.

63

Мегидо — древний город на севере Израиля, где должна состояться описанная в Библии последняя битва между добром и злом. От названия города произведено слово «Армагеддон».

64

Haute couture — «От кутюр», высокая мода.

65

Федералы — сотрудники Федерального бюро защиты конституции (Bundesamt für Verfassungsschutz или BfV), федеральной контрразведкой ФРГ.

66

ТВД — театр военных действий.

67

Богиня Кали — в индийской мифологии, богиня времени, разрушения и трансформации.

68

Немезида — в древнегреческой мифологии, крылатая богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм.

69

Асгард (Asgard) — в германской мифологии небесная крепость асов, молодого и сильного поколения семейства богов.

70

Потсдамская конференция состоялась в Потсдаме во дворце Цецилиенхоф с 17 июля по 2 августа 1945 г. с участием руководства трёх крупнейших держав антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне с целью определить дальнейшие шаги по послевоенному устройству Европы.

71

Omnia mea mecum porto — все свое, ношу с собой (лат.).

72

Имеется в виду картина В. Верещагина «Апофеоз войны», находящаяся в Государственном Русском Музее Петербурга.

73

Геморрагическая лихорадка Эбола — острая вирусная высококонтагиозная болезнь, вызываемая вирусом Эбола. Редкое, но очень опасное заболевание — летальность в 50–90 % клинических случаев. Смерть обычно наступает на второй неделе болезни.

74

СИЗМИ (SIZMI) — Итальянская военная контрразведка.

75

«Тоскания» — десантный батальон в составе Корпуса Карабинеров Италии (Arma dei Carabinieri). Корпус карабинеров — полицейское военизированное формирование.

76

Гисовец — сотрудник GIS (Gruppo d'Intervento Speciale) — специальной группы вмешательства, существующей в составе корпуса карабинеров.

77

Иван Телегин — герой романа Алексея Толстого «Хождение по мукам».

78

As is — как есть (англ.)

79

Макошь — в славянской мифологии богиня Судьбы (соотносится с Мойрами в древнегреческой мифологии и Норнами и Григг — прядильщицами судьбы в германской мифологии), богиня плодородия, Мать Урожаев.

80

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — выдающийся русский учёный XX века естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель; один из представителей русского космизма. С именем Вернадского и связано в первую очередь появление ноосферного учения. Понятие Ноосфера было введено в начале XX в. Э. Леруа, который трактовал ее как «мыслящую» оболочку, формирующуюся человеческим сознанием

81

Рундист — диаметр бриллианта или другого ограненного драгоценного камня.

82

Ирина Пресс (1939–2004) — знаменитая советская спортсменка (пятиборье).

83

Эллипс — эллипсовидный газон перед Белым домом между Е стрит и проспектом Конституции.

84

Богини финикийского пантеона.

85

Рассказ японского писателя Акутагавы Рюноске (1915), в котором одно и то же событие описывается по-разному несколькими персонажами.

86

Ареопаг (греч. «холм Ареса») — совет в Древних Афинах, названный так по холму Ареса, на котором проходили его заседания.

87

Credo quia absurdum — Верую, ибо абсурдно (лат.).

88

Трюизм — общеизвестная, избитая истина, банальность. Трюизмом считают нечто, что не может подвергаться сомнению и настолько очевидно, что упоминается лишь как напоминание, либо как риторическое или литературное высказывание.